

ФИЛИАЛ ФГБУ «ЦНИИП МИНСТРОЯ РОССИИ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И
ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

На правах рукописи



Баева Ольга Владимировна

**НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ И СЕЛА ДОНСКИХ АРМЯН В
КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ И
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

2.1.11 – Теория и история архитектуры, реставрация и
реконструкция историко-архитектурного наследия (искусствоведение)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора искусствоведения

Том 1

Научный консультант
доктор искусствоведения,
академик РААСН
Казарян Армен Юрьевич

Москва – 2023

Оглавление

Том 1

Введение	5
Глава 1. Предыстория армян Нижнего Дона и традиция их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени...	32
1.1. Исторические события как основа формирования ценностных ориентаций народа	32
1.2. Архитектура и градостроительство Ани. Образ великого города и самосознание донских армян	41
1.3. Архитектурно-градостроительная практика армян в Крыму	50
Глава 2. Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты	71
2.1. Иностранцы колонисты и переселенцы на территории Российской империи	71
2.2. Принципы расселения и градостроительная организация поселений переселенцев на территории Российской империи	78
2.3. Особенности архитектуры светских и культовых зданий иноверцев и инославных	92
2.4. Армянские церкви на территории Российской империи: путь к возрождению национального стиля	111
Глава 3. Новая социокультурная среда и экономико-правовые основы жизни армянской общины на Дону	133
3.1. Организация управления Нахичеванским (Армянским) округом...	133
3.2. Социально-экономические основы интеграции донских армян в цивилизационное пространство России	136
3.3. Изменения в укладе жизни горожан в эпоху капиталистических процессов в Российской империи	143
3.4. Сельские поселения как основа сохранения традиционных устоев донских армян	150
Глава 4. Планировочная структура и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона	160
4.1. Система поселений Нахичеванского округа и сведения о генеральных планах Нахичевани-на-Дону	160

4.2. Вопрос об авторстве градостроительного плана Нахичевани-на-Дону	165
4.3. Особенности планировочной структуры Нахичевани-на-Дону и градостроительное развитие города в конце XVIII — середине XIX в... ..	171
4.4. Градостроительное развитие Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX — начале XX в.	183
4.5. Площади, парки, кладбища Нахичевани-на-Дону и их градостроительное значение	190
4.6. Планировочная структура донских армянских сел	202
Глава 5. Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII – середина XIX в.	
Взаимодействие образцовых проектов и традиций.....	210
5.1. Архитектура городских храмов конца XVIII – первых десятилетий XIX в.: вопросы композиции и стиля	210
5.2. Церковь монастыря Сурб Хач и сельские храмы донских армян середины XIX в.	222
5.3. Архитектура жилых и общественных зданий Нахичевани-на-Дону в конце XVIII – первой половине XIX в.	233
5.4. Жилые и общественные постройки в армянских селах Нижнего Дона	250
Глава 6. Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.	261
6.1. Становление гражданского общества и капиталистическое развитие второй половины XIX в. как факторы динамики архитектурной среды Нахичевани-на-Дону	261
6.2. Композиционно-стилистические особенности гражданских зданий Нахичевани-на-Дону периодов эклектики и модерна	268
6.3. Творчество нахичеванских архитекторов	292
6.4. Церковная архитектура. Смена стилевых ориентиров	310
Глава 7. Итоги развития архитектуры армянской общины Нижнего Дона и судьба наследия.....	319
7.1. Архитектура донских армян в контексте русско-армянского культурного диалога	319
7.2. Судьба и перспективы сохранения архитектурного наследия донских армян	328
Заключение	336

Список сокращений	347
Список литературы	348

Том 2.

Приложение А. Предыстория армян Нижнего Дона и традиция их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени.....	3
Приложение Б. Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты.....	10
Приложение В. Планировочная структура и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона.....	17
Приложение Г. Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII – середина XIX в. Взаимодействие образцовых проектов и традиций.....	32
Приложение Д. Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.....	51

Введение

Постановка проблемы. В 1779 г. армяне, переселенные с территории Крымского полуострова в пределы Российской империи, основали на Нижнем Дону город Нахичеван (Новый Нахичеван, с 1838 г. Нахичевань-на-Дону, с 1928 г. входит в состав Ростова-на-Дону) и пять окрестных сел Султан-Салы, Большие Салы, Крым (Топти), Чалтырь и Несветай, которые административно были объединены в Нахичеванский (Армянский) округ. На этих территориях на основе крымско-армянской общности сформировалась субэтническая группа, известная сегодня как донские армяне. Они сохраняют культурные особенности, говорят на особом диалекте западноармянского языка, который сложился под влиянием соседних народов, в первую очередь тюркских¹. Переняв некоторые обычаи и ритуалы сначала тюркских народов, затем русских, донские армяне не утратили своей этнической идентичности и религии.

На примере поселений Нахичеванского округа исследуется архитектура российских армян в Новое время с выявлением ее динамики от классицизма и образцовых проектов к поискам периода эклектики и попыткам возрождения национального «стиля».

Чтобы выявить специфику архитектуры Нахичеванского округа, необходимо рассмотреть ее в контексте русского зодчества, архитектуры народов и регионов Российской империи, и прежде всего в сравнении с архитектурой неправославных народов Российской империи — их колоний и отдельных поселений и в рамках архитектурно-градостроительного процесса в Екатеринославском наместничестве, а также раскрыть вопросы, связанные с обращением к формам закавказской средневековой архитектуры в эпоху историзма не только в среде самих армян, но и в русском храмовом зодчестве.

¹ Дагддян А. Грамматика новонахичеванского (крымского) диалекта армянского языка в сравнении с восточно-армянскими и западноармянскими языками. Б.г. URL: http://chaltlib.ru/pdf/knigi/grammatika_novonakhichevanskogo_dialekta.pdf

Нахичеванский округ был выбран для данного исследования потому, что это было самое крупное место компактного расселения российских армян, представленное городской и сельской культурой. На протяжении всего исследуемого периода села сохраняли моноэтничность. Во второй половине XIX в. в город начался приток неармянского населения, но армяне по-прежнему составляли большинство, из их числа формировалась городская администрация.

Для «стиля», зародившегося в XIX в. в России и основанного на обращении к формам армянского и грузинского средневекового зодчества, в научной литературе отсутствует общепризнанное название. Современники второй половины XIX — начала XX в. называли его по-разному: грузинским, армянским, армяно-грузинским, армяно-византийским. В настоящем исследовании, помимо названия «армяно-византийский стиль»², он также обозначается как «армянский стиль». Автор отдает себе отчет в том, что термины условны, поскольку «стиль» был основан на изображениях средневековых армянских и грузинских храмов и развивался в соответствии с идеями направлений русской архитектуры. Решение использовать эти термины основано на том факте, что «стиль» стал национальным именно для армян. Грузинские храмы вплоть до последних предреволюционных лет в этих формах не возводились.

Актуальность темы исследования. Этноконфессиональное многообразие Российской империи нашло отражение в архитектуре, которая сегодня является частью истории зодчества России и достоянием тех народов, при непосредственном участии которых эти объекты создавались. Архитектура донских армян стала творческой составляющей процесса освоения южных территорий Российской империи и представляет интерес в

² Термин «армяно-византийский стиль» используют исследователи, которые касались в своих трудах данного явления. См.: Кишкинова Е. М. "Византийское возрождение" в архитектуре России, середина XIX — начало XX века. — СПб: Искусство СПб, 2007; Печенкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 16. — С. 231–343.

контексте истории русской архитектурно-градостроительной практики второй половины XVIII — начала XX в.

Более двух веков сохранялись целостность планировочной структуры и большинство зданий, построенных в Нахичевани-на-Дону в Новое время, что является свидетельством рациональных принципов планирования и функционального удобства города.

Архитектурное наследие армянской колонии, в целом сформировавшееся под влиянием российских нормативно-правовых установок и практики, все же является неотъемлемой частью архитектуры армянского народа и позволяет выявить особенности культуры и адаптивных механизмов его субэтнической группы — донских армян. Слияние традиций зодчества крымских армян с архитектурой Российской империи отразило этнические особенности организации пространства и социально-экономические условия жизни колонистов, их интеграцию в общероссийское культурное поле. Итогом стало формирование уникальных городского и сельских поселений — материального воплощения процесса активного усвоения русской культуры и вместе с тем транслятора субкультурной картины мира армян. Именно в их культовом зодчестве мы видим и одно из редких для армян обращений к русско-византийскому «стилю», и одни из первых на территории европейской России построек в «армянском стиле».

Хочется обратить внимание и на тот факт, что архитектурное своеобразие армянских поселений Нижнего Дона утрачивается. Ускоренное развитие региона, превращение Ростова-на-Дону в крупный мегаполис, отказ от соблюдения принципов преемственности в застройке привели и приводят к утрате объектов архитектурного наследия, потере духа исторического города. Решение архитектурно-градостроительных задач в пределах старых кварталов должно опираться на принципы гармоничного сочетания новой и исторической застроек, для чего необходимо изучать и научно обосновывать историко-архитектурную ценность наследия армянской колонии Нижнего Дона.

Степень разработанности темы. Для проведения большого фундаментального исследования необходимо было проанализировать широкий спектр работ, которые раскрывают отдельные стороны проблемы, выдвинутой в настоящем исследовании. Всю совокупность публикаций, так или иначе затрагивающих интересующие нас вопросы, можно разделить на несколько больших групп.

К *первой группе* относятся публикации, посвященные истории градостроительства и архитектуры Российской империи в Новое время. Историография этих вопросов имеет глубокие и прочные основы, закладывавшиеся на протяжении длительного времени. Накопленный опыт изучения русской архитектуры Нового времени послужил основой для всестороннего и полного понимания поставленной нами проблемы. В сфере наших интересов оказывались прежде всего те фундаментальные труды, в которых определяются основополагающие принципы архитектурного процесса и его особенности, затрагиваются дискуссионные вопросы теории и терминологии истории архитектуры. Важнейшими историографическими источниками стали труды, в которых раскрываются:

– вопросы истории градостроительства в работах И. А. Бондаренко³; А. В. Бунина и Т. Ф. Саваренской⁴; М. Б. Михайловой⁵; учебники «История градостроительного искусства» под редакцией Т. Ф. Саваренской⁶ и коллектива авторов Т. Ф. Саваренской, Д. О. Швидковского, Ф. А. Петрова⁷;

³ Бондаренко И. А. Древнерусское градостроительство: Традиции и идеалы. — Москва: URSS, 2017.

⁴ Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Т.1. — Москва: Стройиздат, 1979; Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Т.2. — Москва: Стройиздат, 1979.

⁵ Михайлова М. Б. Государственная власть и архитектурно-градостроительное творчество на юге России периода классицизма // Архитектура в истории русской культуры. Власть и творчество. — Вып. № 4. / под ред. И. А. Бондаренко. — Москва: Эра, 1999. — С. 107–112; Михайлова М. Б. Особенности градостроительного развития юга России (конец XVIII первая половина XIX в.) // Архитектурное наследие. — 1979. — № 27. — С. 49–57.

⁶ История градостроительного искусства: рабовладельческий и феодальный периоды. Под ред. Т. Ф. Саваренской. — Москва: Стройиздат, 1984.

⁷ Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. — Москва: Архитектура-С, 2004.

коллективные многотомные издания «Русское градостроительное искусство» под редакцией Н. Ф. Гуляницкого⁸, «Градостроительство России середины XIX — начала XX века» под редакцией Е. И. Кириченко⁹;

– общие вопросы стилей и направлений в архитектуре в монографиях и статьях Е. А. Борисовой и Т. П. Каждан¹⁰, Н.А. Евсиной¹¹, работах А. В. Иконникова¹², Б. М. Кирикова¹³, Е. И. Кириченко¹⁴, Ю. Г. Клименко¹⁵, В. Г. Лисовского¹⁶, М. В. Нащокиной¹⁷, Д. О. Швидковского¹⁸;

– принципы использования образцовых проектов и формирование

⁸ Гуляницкий Н.Ф. Петербург и другие новые российские города XVIII первой половины XIX в. — Москва: Стройиздат, 1995; Москва и сложившиеся русские города XVIII — первой половины XIX веков / под общ. ред. Гуляницкого. — Москва: Стройиздат, 1998.

⁹ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1–3. Москва: Прогресс-Традиция, 2001–2010.

¹⁰ Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX — начала XX вв. — Москва: Наука, 1971.

¹¹ Евсина Н.А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII начала XIX века. — Москва: Наука, 1985.; Евсина Н.А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II. Барокко. Классицизм. Неоготика. — Москва: Наука, 1994.

¹² Иконников А. В. Историзм в архитектуре. — Москва: Стройиздат, 1997 и др.

¹³ Кириков Б. М. «Русский стиль» в архитектуре XIX в. // История и культура славянских стран / под ред. В. В. Мавродина. Ленинград, 1972. — С. 73–84; Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. — Санкт-Петербург: Коло, 2008.

¹⁴ Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов / Е. И. Кириченко. — Москва: Искусство, 1982. и др.

¹⁵ Клименко Ю. Г. Образ регулярной площади в архитектуре московского классицизма: между проектом и реальностью // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2020. — № 10. — С. 293–305; Клименко Ю. Г. Французский классицизм в творчестве М. Ф. Казакова. Реконструкция этапов проектирования здания Московского университета // Архитектурное наследие. — 2016. — № 65. — С. 149–163; Клименко Ю. Г. Архитектурное наследие первого проектного генплана Москвы 1775 года // Градостроительство. — 2022. — № 1–2 (77–78). — С. 75–78 и др.

¹⁶ Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII — начала XX века. Поиски национального стиля. Москва: Белый город, 2009; Лисовский В. Г. Стиль модерн в архитектуре. — Москва: Белый город, 2016.

¹⁷ Нащокина М. В. Архитектурное многостилье в русской архитектуре конца XIX – начала XX века как национальный феномен // Хан-Магомедовские чтения: Фундаментальные проблемы теории и истории архитектуры, Москва, 29–30 января 2014 года / сост. и отв. ред. И. А. Бондаренко. НИИТИАГ. — Москва: Коло, 2017. — С. 150–154; Нащокина М. В. Античное наследие в русской архитектуре николаевского времени. Его изучение и творческая интерпретация. — Москва: Прогресс-Традиция, 2011; Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. Москва: Улей, 2007.

¹⁸ Швидковский Д. О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой. — Москва: Архитектура-С, 2016; Швидковский Д. О. Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций России в эпоху Просвещения. — Москва: Улей, 2008; Швидковский Д. О. Чарлз Камерон при дворе Екатерины II. — Москва: Улей, 2010 и др.

архитектурного облика российских городов в периоды классицизма и эклектики в монографиях Е. Белецкой, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубовой, И. Эрн¹⁹ и С. С. Ожегова²⁰;

– проблемы изучения и сохранения исторического наследия в публикациях И. А. Бондаренко²¹, М. В. Нащокиной, М.С. Штиглиц²², А. С. Щенкова²³; исторического наследия в среде современных городов в работах О. В. Орельской²⁴ и др.;

¹⁹ Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. — Москва: Госстройиздат, 1960.

²⁰ Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. — Москва: Стройиздат, 1984.

²¹ Бондаренко И. А. Архитектурное единство городской среды: созвучия и диссонансы // АCADEMIA. Архитектура и строительство. — 2014. — № 3. — С. 23–37; Бондаренко И. А. О реабилитации историко-культурных ценностей на территориях новостроек // Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред., сост. И. А. Бондаренко. — Санкт-Петербург: Коло, 2019. — С. 33–45; Бондаренко И. А. Охрана архитектурно-археологического наследия и перспективы развития мегаполисов // Academia. Архитектура и строительство. — 2011. — № 1. — С. 10–11.

²² Вайтенс А. Г., Штиглиц М.С. Промышленное наследие Санкт-Петербурга XIX - начала XX веков как объекты архитектурного туризма // Градостроительство и архитектура. — 2022. — Т. 12, № 1(46). — С. 154–162; Штиглиц М. С. Историко-культурный аспект рефункционализации промышленных территорий Санкт-Петербурга // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 году : Сборник научных трудов Российской академии архитектуры и строительных наук. Том 1. — Москва: Издательство АСВ, 2018. — С. 264–273.

²³ Щенков А.С. Структура русских исторических городов и система градостроительных ориентиров.: автореф. дис. ... канд. архитект.: 18.00.01. — Москва, 1980; Щенков А., Антонова Н. Архитектурное наследие и идентичность русских городов // Проект Байкал. — 2020. — Т. 17, № 65. — С. 27–31; Щенков А. С. Малый русский город. Типология застройки // Архитектура и современные информационные технологии. — 2017. — № 1(38). — С. 281–290; Щенков А. С. Архитектура храмов 1830–1910-х годов // Архитектура русского православного храма. — Москва: Издательство "Памятники исторической мысли", 2013. — С. 271–326.

²⁴ Орельская О. В. Мотивы русского и неорусского стилей в архитектуре Нижнего Новгорода XIX–XXI веков // Academia. Архитектура и строительство. — 2023. — № 2. — С. 55–65; Орельская О. В. Архитектура театральных зданий в Нижнем Новгороде // Вестник Приволжского территориального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук: Сборник научных трудов / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Вып. 23. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2020. — С. 86–97.

– вопросы средневековой архитектуры армян, в том числе зодчества Анийского царства, особенностей их архитектуры в Крыму в работах Н. Я. Марра²⁵, О. Х. Халпахчьяна²⁶, А. Ю. Казаряна²⁷, Т.Э. Саргсян²⁸ и др.;

– проблемы истории византийского «стиля» в России в публикациях Е. М. Кишкиновой²⁹, И. Е. Печенкина³⁰, Ю. Р. Савельева³¹. О русских храмах в Крыму, построенных в формах закавказской архитектуры (церковь Преображения Господня и Св. Нины в имении Харакс) писали Н. Калинин, А. Кадиевич, М. Земляниченко³²; М. В. Нащокина³³ и др. Кроме того, отметим работы, которые помогают понять историю изучения искусства

²⁵ Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. — Ленинград–Москва, 1934.

²⁶ Халпахчьян О. Х. Архитектура крымских армян / научн. ред. Т. Саргсян. — Симферополь, 2019 и др.

²⁷ Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции, в 4-х томах. — Москва: Локус Станди, 2012–2013. — Т. 1–4; Казарян А. Ю. Армянская архитектура Крыма в XIII–XV веках. К вопросу о границах между национальными/конфессиональными традициями на полуострове // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. — Вып. 9 / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — МГУ имени М. В. Ломоносова / Санкт-Петербург: НП-Принт, 2019. — С. 326–338; Казарян А. Ю. Стилистическое развитие армянской архитектуры в Крыму на примере порталов XIII–XV веков // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2018. — Вып. 11. — 2018. — С. 125–139. Kazaryan A.Y. The type of domed hall in the architecture of Ani and the surrounding area, X-XI centuries. On the problems of the development of medieval architecture // Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — Paris: Atlantis Press, 2018. — P. 363 – 366 и др.

²⁸ Саргсян Т. Из истории Армянской церкви в Крыму: по памятным записям XIV–XV вв. // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 18 (1). — С. 15–32 и др.

²⁹ Кишкинова Е. М. «Византийское возрождение» в архитектуре России. Середина XIX — начало XX века. — Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2006.

³⁰ Печенкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 16. — С. 231–343.

³¹ Савельев Ю. Р. "Византийский стиль" в архитектуре России (вторая половина XIX — начало XX века): альбом. — Санкт-Петербург: Лики России - Проект-2003, 2005; Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ: вторая половина XIX — начало XX века. — Москва: Совпадение, 2008.

³² Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2020.

³³ Нащокина М. В. Влияние местных культур и строительных традиций на архитектуру крымских усадеб конца XVIII — начала XX века // Художественная культура. — 2020. — № 1(32). — С. 143–158.

Кавказа и историографию вопроса. Об изучении христианских памятников Кавказа писали А. Ю. Казарян, Л. Г. Хрушкова и др.;

– вопросы восприятия города, взаимосвязи картины мира, национального самосознания и архитектуры в работах Ю. М. Лотмана³⁴, И. А. Стекловой³⁵, В. Н. Топорова³⁶.

Учитывая все дискуссионные точки зрения, высказывавшиеся по ключевым вопросам периодизации и терминологии истории архитектуры Нового времени, мы выбирали те из них, которые, по нашему мнению, наиболее функциональны как инструментарий для решения задач, поставленных в диссертации. В рамках нашей темы первоочередное значение имеет определение терминологии того этапа архитектуры, который начинается после периода классицизма. Двумя ключевыми понятиями, характеризующими этот период, являются эклектика и историзм. Они могут пониматься как синонимы³⁷.

Ко второй группе относятся работы, посвященные истории и вопросам архитектуры национально-религиозных общин Российской империи. Повышенный интерес исследователей в постсоветское время к проблеме национальных отношений в империи привел к появлению публикаций, в которых раскрываются вопросы религиозной политики, правового

³⁴ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллин: «Александра», 1992. — С. 121–128.

³⁵ Стеклова И. А. Архитектура Санкт-Петербурга в художественной картине мира (по произведениям А. С. Пушкина): специальность 17.00.09 «Теория и история искусства». Дис... доктора искусствоведения. — Саратов, 2016; Стеклова И. А. Вертикали и горизонталь в картинах мира // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2015. — № 6(101). — С. 417–422.

³⁶ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003.

³⁷ Например, В. Г. Лисовский в работе, посвященной русскому стилю, пишет, что термины «историзм» и «эклектика» употребляются как равнозначные и обозначают период в истории архитектуры с 1830-х по 1890-е гг., когда из разных исторических стилей выбирались мотивы и приемы, позволяющие архитекторам реализовать определенную художественную или идеологическую программу (Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII — начала XX века. Поиски национального стиля. — М.: Белый город, 2009. — С. 5–6).

положения и социально-экономического развития иноверческих и инославных общин³⁸.

История жилой архитектуры в колониях и общинах иноверцев и инославных до настоящего времени мало привлекала внимание исследователей, что связано с определенными сложностями ее изучения. К таким немногочисленным работам относятся исследования архитектуры немецких колоний С. О. Терехина³⁹.

Архитектура культовых построек иноверцев и инославных на территории России в Новое время, напротив, изучена достаточно хорошо⁴⁰.

В коллективном труде «Градостроительство России середины XIX — начала XX в.» рассматриваются вопросы государственной политики в области православного, инославного и иноверческого храмостроения. Отмечается, что практика строительства культовых сооружений в различных регионах России отличалась разнообразием и имела свои особенности, однако государственная политика в области инославного и иноверческого строительства церквей была схожа с политикой в отношении православного храмостроительства. Вместе с тем, авторы, останавливающие свое внимание на стилевых особенностях архитектуры костелов, кирх, синагог, мечетей и

³⁸ Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис... канд. юр. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2006; Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом: XVIII — начало XX вв.: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. — Саратов, 2005; Вартамян В. Г. Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России. Последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. — Ростов-на-Дону, 1999.

³⁹ Терехин С. О. Поселения российских немцев: Архитектурная традиция и ее развитие: дис. ... доктора архитект.: 18.00.01. — Москва, 2000; Терехин С. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. — Саратов: «Кадр», 1999.

⁴⁰ Ющук Л. А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792–1917): дис. ... канд. архитект.: 18.00.01. — Новосибирск, 2001; Шапиро Г. Е. Архитектура синагог Области войска Донского и Кавказского края второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. — Нижний Новгород, 2019 и др.

дацанов и их территориальных отличиях⁴¹ не освещают истории армянского и грузинского храмостроительства эпохи историзма.

Отсутствие работы, посвященной комплексному изучению храмов донских армян, затрудняет выявление тенденций в архитектуре эпохи становления национальных стилей, и малоизученным остаётся целый пласт истории зодчества Российской империи.

Третью группу исследований составляют работы, в которых в той или иной степени освещается история Нахичевани и окрестных армянских сел.

Первые работы по истории донской колонии армян появились еще до революции. К их числу относятся труды Е. Шахазиза, которые были переведены с армянского и опубликованы под названием «Новый Нахичеван и новонахичеванцы»⁴². По своему характеру работа занимает промежуточное положение между этнографическими описаниями и историческими трудами. Опираясь на различные источники, свидетельства современников и собственные наблюдения, автор описывает процесс переселения армян из Крыма на Дон, правовое положение колонистов на территории Российской империи, особенности их культуры и быта. В разделе «Церкви Нового Нахичевана» даны некоторые сведения о датах строительства церквей, о капитальных ремонтах и перестройках.

В послевоенные годы изданы работы российских и армянских историков и краеведов, в которых представлены исследования, освещающие историю переселения армян на Дон, экономическое и социальное развитие армянской колонии⁴³.

⁴¹ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы / под ред. Е. И. Кириченко и др. — Москва: Прогресс-Традиция, 2001–2010.

⁴² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы / пер. Ш. М. Шагиняна. — Ростов-на-Дону, 1999.

⁴³ Айрапетян В. П. Из истории поселений армян на Северном Кавказе и их торгово-промышленная деятельность // Вестник архивов Армении. — 1976. — № 1 (32). — С. 167–176; Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989.

На рубеже XX–XXI в. значительно увеличивается количество трудов, освещающих различные проблемы истории донских армян⁴⁴. Истории донских армян посвящен ряд публикаций С. С. Казарова. Автор уделяет внимание таким вопросам, как особенности менталитета крымских (донских) армян, социальный облик нахичеванского купечества⁴⁵, формирование интеллигенции Нахичевани-на-Дону⁴⁶, особенности и значение самоуправления донских армян⁴⁷. В совместной монографии В. Г. Вартапяна и С. С. Казарова проанализированы аспекты истории Армянской Апостольской церкви на Дону⁴⁸. С опорой на значительный комплекс архивных источников и новейшие результаты исследований приводятся сведения о количестве построенных армянских храмов и монастырей.

Вопросы, связанные с историей армянской культуры на территории России в XIX в., рассматриваются в исследовании А. А. Минасяна. Интересен вывод автора о том, что «культура армянских переселенцев... в кратчайшие сроки впитала новые для них российские культурные формы», и армянская диаспора стала своеобразным проводником российского влияния в южном регионе⁴⁹. При этом автор отмечает, что все культурные заимствования, прочно вошедшие в повседневность армян, не затронули глубинных основ их культуры.

⁴⁴ Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья: последняя четверть XVIII в. – 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Армавир, 2000; Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Ростов-на-Дону, 2007.

⁴⁵ Казаров С. С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). — Ростов-на-Дону: «Аркол», б.г.

⁴⁶ Казаров С. С. Проблемы формирования интеллигенции Нахичевани-на-Дону // Проблемы высшей школы и гуманизации образования. Сб. научных трудов. — Вып. 16. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 66–70.

⁴⁷ Казаров С. С. Общественное самоуправление Нахичевани-на-Дону в конце XIX – нач. XX веков // Местное самоуправление на Юге России и республиках Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 65–67.

⁴⁸ Вартапян В. Г., Казаров С. С. Армянская Апостольская Церковь на Дону. — Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008.

⁴⁹ Минасян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Тольятти, 2016. С. 25.

В четвертую группу вошли исследования, в которых раскрываются вопросы, связанные непосредственно с историей градостроительства и архитектуры донских армян.

Одним из первых таких исследований можно считать статью М. Б. Краснянского, посвященную истории градостроительства Ростова и Нахичевани-на-Дону⁵⁰.

В советский период были опубликованы исследования по истории архитектуры и градостроительства региона. В 1984 г. вышла монография В. И. Тимофеенко о градостроительной истории Северного Причерноморья второй половины XVIII в. Планировочной структуре Нахичевани-на-Дону уделено мало внимания, но интерес представляют показанные в исследовании принципы и особенности создания градостроительной структуры южных городов Российской империи⁵¹.

Монографическое исследование архитектуры и градостроительства армянских поселений Нижнего Дона было проведено только О. Х. Халпахчяном, в ограниченном виде и с минимальным обращением к контексту архитектурного явления. В 1980-е гг. вышел ряд его статей в журнале «Архитектурное наследство»⁵², материал которых затем вошел в монографическое издание «Архитектура Нахичевани-на-Дону»⁵³. Многолетние исследования и глубокие познания автора в области армянского зодчества и архитектурного наследия армянских колоний на

⁵⁰ Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. — Т. 1. — Ростов-на-Дону, 1912. — С. 29–56.

⁵¹ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. — Киев: Наукова думка, 1984.

⁵² Халпахчян О. Х. Жилые дома армян на Дону // Архитектурное наследство. — 1985. — № 33. — С. 122–139; Халпахчян О. Х. культовые сооружения новонахичеванских армян // Архитектурное наследство. — 1985. — № 33. — С. 107–121; Халпахчян О. Х. Общественные сооружения новонахичеванских армян // Архитектурное наследство. — 1988. — № 35. — С. 121–135; Халпахчян О. Х. Планировка и благоустройство Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство. — 1985. — № 34. — С. 122–139.

⁵³ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. — Ереван: Айастан, 1988.

территории Восточной Европы⁵⁴ легли в основу его работы. Ученый зафиксировал некоторые объекты в фотографиях и чертежах, ввел в научный оборот архивные материалы. В его трудах представлен анализ планировки Нахичевани и селений, показаны архитектурно-художественные особенности функционально разнообразных зданий и сооружений, описаны строительные приемы. Автор указал на особенности формирования архитектурно-градостроительного облика Нахичевани-на-Дону в результате строительства по единому плану в рамках сложившейся на юге России и уже применявшейся в соседних городах градостроительной традиции. Этим он объясняет неизбежную «русификацию» форм, и подчеркивает, что господствовавшие в империи архитектурные стили и направления находили быстрый отклик в Нахичевани. Однако, отмечая данные тенденции, автор стремится анализировать постройки донских армян в контексте традиций армянской средневековой архитектуры, что порой приводит его к необоснованным заключениям, которые отмечены в соответствующих разделах диссертации. О. Х. Халпахчян не учитывает того факта, что в XVIII — середине XIX в. средневековая традиция армян переживала кризис, а возрождение новой армянской архитектуры следует связывать с влиянием европейского зодчества и в этом процессе архитектура Нахичевани-на-Дону сыграла важную роль. Вместе с тем работы О. Х. Халпахчяна заложили основы для дальнейшего исследования истории градостроительства и архитектуры армян Нижнего Дона.

Накопленные в советский период знания позволили провести ряд исследований, в которые архитектурно-градостроительная история Нахичевани-на-Дону вошла как составная часть донской или

⁵⁴ Халпахчян О. Х. Конструкция и форма в армянской архитектуре IV–XIV вв. // Архитектурное творчество и строительная техника. — Москва: Гос. изд. по строительству, архит. и строит. материалам, 1960. — С. 187–222; Халпахчян О. Х. Культовые постройки крымских армян // Архитектурное наследство. — 1992. № 39. — С. 32–45; Халпахчян О. Х. Организация строительного дела в средневековой Армении // Историко-филологический журнал. — 1967. — № 2–3. — С. 205–220; Халпахчян О. Х. Строительные традиции народных мастеров Армении // Архитектурное наследство. — 1953. — № 3. — С. 36–78.

южнороссийской. Такой подход оказался весьма плодотворным, позволил выявить особенности архитектурно-градостроительного развития южных городов России в целом.

Монография Г. В. Есаулова и В. А. Черницыной, освещающая историю архитектуры Ростова-на-Дону и Нахичевани, как его части, дает представление о тенденциях архитектурно-градостроительного процесса в городах, содержит сведения о памятниках архитектуры, биографиях ростовских зодчих⁵⁵.

Диссертации А. М. Ивановой-Ильичевой⁵⁶, И. В. Поцешковской⁵⁷, посвященные городам Нижнего Дона, восполнили пробел в комплексном подходе к изучению их архитектуры и градостроительного развития. И. В. Поцешковская выявила общие черты формирования архитектурно-градостроительной среды городов Нижнего Дона и особенности этого процесса, обусловленные их функциональной спецификой. А. М. Иванова-Ильичева показала, что рационалистические тенденции проникают в архитектуру городов Нижнего Дона и Приазовья во второй половине XIX в. — начале XX в., и Нахичевань-на-Дону в этом не отличалась от соседних городов. Автор замечает, что становление эстетики архитектуры рационализма в городах Нижнего Дона и Приазовья происходит в рамках единого европейского процесса 1830-х–1910-х гг., а особенности формирования архитектурной типологии региональных построек зависели от функциональной специализации городов. Признавая, что торговая направленность Нахичевани ставит ее в один ряд с Ростовом-на-Дону и Таганрогом, исследователь отмечает сохранение некоторых национальных

⁵⁵ Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. — Ростов-на-Дону, 2002.

⁵⁶ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков: на примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркаска: диссер. ... канд. архит: 18.00.01. — Москва, 2000.

⁵⁷ Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII — первой половине XIX веков: дис. ... канд. архит : 18.00.01. — Москва, 2005.

особенностей, не противоречивших распространению общеевропейских тенденций.

Необходимо также отметить фундаментальные работы обобщающего характера, ставшие своеобразным подведением итогов изучения истории градостроительства и архитектуры Дона и Юга России. В диссертационном исследовании Г. В. Есаулова⁵⁸ показана историческая динамика архитектурных форм. Автор отметил, что взаимовлияние культур в регионе стало основой складывания региональной системы расселения, а истоки своеобразия региональной архитектуры уходят корнями в особенности ландшафтно-климатических и природных условий, этнопсихологии населения и его мировоззрения. Основные этапы развития архитектуры Юга России от древности до современности рассмотрены в его же монографии⁵⁹. Автор на конкретном фактическом материале показал, что архитектура юга, формировавшаяся как часть общеархитектурного процесса, имеет специфические региональные особенности. В работе использовано значительное количество архивных материалов и натурных исследований, которые позволяют составить представление о постройках и различных типах поселений, процессах освоения пространства и эволюции форм архитектуры и градостроительства в южном регионе.

Указанные исследования заложили научные основы для изучения сложных и узконаправленных проблем истории градостроительства и архитектуры как города Нахичевань-на-Дону, так и сельских поселений донских армян. Первые такие исследования еще несли черты обобщающих работ — это публикации, освещающие историю архитектуры города, его отдельных улиц и площадей⁶⁰. Их авторы сделали достоянием широкого

⁵⁸ Есаулов Г. В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал: дис. ... докт.archit.: 18.00.01. — Москва, 2004.

⁵⁹ Есаулов Г. В. Архитектура Юга России: от истории к современности. — Москва: Архитектура-С, 2016.

⁶⁰ Волошинова Л. Ф. Бульварная площадь. — Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2001.

круга читателей архивные материалы, факты биографии нахичеванских архитекторов⁶¹.

Одним из первых опытов постановки узконаправленной проблемы может считаться статья А. Ю. Казаряна об особенностях архитектуры и истории строительства новонахичеванской церкви Сурб Карапет. Автору удалось обнаружить ее прототипы, которыми стали средневековые грузинская (основной объем) и армянская (купольная глава) церкви, известные архитектору этого храма по альбому чертежей Д.И. Гримма⁶².

Эти и некоторые другие публикации⁶³ обозначили смену исследовательских приоритетов и положили начало процессу изучения архитектурно-градостроительной истории армянской колонии как своеобразного феномена, сформировавшегося под влиянием армянской и русской традиций на пространстве южнороссийского культурного ареала.

Результаты некоторых исследований, накопленный учеными фактический материал, а также промежуточные итоги исследований автора диссертационной работы, проводившихся в последние годы, обнаружение им новых архивных документов позволяют выдвинут комплекс новых задач и провести научный анализ градостроительных решений и особенностей архитектуры поселений донских армян с учетом исторических и мировоззренческих аспектов жизни армянской колонии, общероссийских

⁶¹ Волошинова Л. Ф. Первый архитектор Нахичевани // Донской временник. — 2004. — Вып. 13. — С. 28–30; Петухова Н. Я. Арутюн Христофорович Закиев — архитектор Нахичевани // Нахичевань.ru. Информационно-аналитический портал о жизни донских армян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nahichevan.ru>; Багаева Е. Николай Никитич Дурбах – городской архитектор Нахичевани-на-Дону // Донской временник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.donvrem.dspl.ru>.

⁶² Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследие: Памяти О. Х. Халпахчьяна. — Москва: КРАСАНД, 2011. — С.165–191.

⁶³ Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. № 1(16). — С. 199–216; Казарян А. Ю. Хачкары в храмах донских армян: наследие крымской традиции // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 2(17). — С. 209–232; Казарян А. Ю. Перспективы изучения архитектуры храмов донских армян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы IV Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 года. — Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. — С. 152–158.

тенденций в архитектуре и принципов развития иноверческой и инославной архитектурно-градостроительной практики и политики, проводимой в Российской империи.

Целью диссертационного исследования является раскрытие особенностей архитектуры и градостроительства армянских поселений Нижнего Дона в контексте российской архитектурно-градостроительной практики Нового времени, выявление динамики церковного зодчества армян и поиска ими и мастерами эпохи национального «стиля».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- на основе натурных обследований, историографических и источниковедческих исследований сформировать необходимую фактографическую базу исследования;

- проследить предысторию донских армян и выявить характерные черты их архитектуры в эпоху средневековья и начале Нового времени;

- рассмотреть архитектуру армян Российской империи в контексте архитектуры неправославных народов, проживавших на территории страны, и показать архитектурно-градостроительную политику и практику в вопросах устройства колоний переселенцев;

- проанализировать социально-экономические и политические условия жизни армянской колонии Нижнего Дона;

- исследовать планировочную структуру и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и донских армянских сел;

- изучить гражданскую архитектуру поселений донских армян, выявить ее особенности;

- изучить творчество нахичеванских архитекторов;

- исследовать церковное зодчество армян Нижнего Дона, уточнить периодизацию его строительства и раскрыть особенности каждого периода.

Объект исследования — градостроительство и архитектура Нахичевани-на-Дону и сел донских армян как часть истории русского зодчества.

Предмет исследования — процесс сложения, историческая динамика и особенности архитектуры и градостроительства в армянских поселениях Нижнего Дона от классицизма до попыток утверждения национального «стиля».

Территориальные и хронологические границы исследования. Для армян были отведены земли (более 20000 дес.) в степях Нижнего Подонья. На юге они начинались от реки Дон и простирались на северо-запад. На берегу реки был заложен г. Нахичеван (Нахичевань-на-Дону), граничивший на западе с крепостью св. Дмитрия Ростовского, на востоке — со станицей Аксайской. К северо-западу от Нахичевана были основаны армянские села.

Сегодня эти территории сосредоточены в границах Ростовской области. Сельские поселения армян входят в состав Мясниковского района Ростовской области. Бывший город Нахичевань-на-Дону с 1928 г. по настоящее время является частью Пролетарского района Ростова-на-Дону, выросшего на месте крепости св. Дмитрия Ростовского и ее форштадтов.

Задачи, поставленные в исследовании, диктуют необходимость выхода за обозначенные территориальные границы. В некоторых разделах диссертации анализируются процессы, протекавшие на территории Анийского царства, Крымского полуострова, на южных окраинах страны и в Российской империи в целом.

Основные хронологические границы исследования охватывают период с 1779 г. — времени основания армянских поселений Нижнего Дона, — по 1917 г., когда эти территории и население оказались вовлечены в социально-политические и культурные процессы, связанные с изменением государственного устройства России. К этому времени сама община ослабела, лишилась своих институтов, национальных учреждений и элементов автономии, вскоре город утратил самостоятельность.

Источники. Работа основана на различных опубликованных и неопубликованных источниках и натурных исследованиях, которые можно разделить на несколько групп.

К *первой группе* относятся законодательные акты Российской империи, регулирующие как социально-экономические и культурно-политические аспекты жизни армянской колонии Дона, так и архитектурно-градостроительные процессы в стране в целом. Это императорские указы и законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), в том числе Книга чертежей и рисунков (планы городов), образцовые и нормальные проекты светских и культовых зданий, некоторые из которых также публиковались в ПСЗРИ или выходили отдельными изданиями, Устав строительный, Уставы духовных дел иностранных исповеданий и другие, приведенные в списке источников и литературы.

Вторая группа источников представлена статистическими материалами. Сюда относятся статистические описания Екатеринославской губернии, сведения о количестве иностранных колоний, данные переписи населения и т. д.

Третью группу источников составили делопроизводственные, графические и фотоматериалы, большинство из которых хранится в фондах центральных и региональных архивов.

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) были изучены фонды Канцелярии МВД (Ф. 1282. Оп. 2), Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф. 821), Департамента искусственных дел ГУПСиПЗ (Ф. 218), Хозяйственного департамента МВД (Ф. 1287. Оп. 29, 39), Техничко-строительного комитета МВД (1293), Департамента государственного хозяйства МВД (Ф. 1285. Оп. 8), Комитета Министров (Ф. 1263. Оп. 1), Канцелярии Генерал-прокурора Сената (Ф. 1374), Планового архива Министерства земледелия (Ф. 380), Департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 1286), «Карты, планы и чертежи Петербургского

сенатского архива (коллекция)» (Ф. 1399), «Строительные планы и фотографии Синода» (Ф. 835), Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы (Ф. 310).

В Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ) — фонд Управления главного командира Черноморского флота и портов Черного моря (Ф. 243. Оп.1) и фонд Планов и чертежей (Ф. 3-Л. Оп.25).

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) — фонды «Военно-учетный архив» (Ф. 846) и «Военно-исторические карты, планы и схемы» (Ф. 386. Оп. 1).

В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) — фонды Нахичеванской городской управы (Ф.91), Таганрогского строительного комитета (Ф. 581).

Документы, содержащие сведения о Нахичеванском округе хранятся в Национальном архиве Армении. Были изучены фонды Духовного правления (Ф 54), Ново-Нахичеванского магистрата (Ф. 139) и некоторые другие.

В Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева источники по архитектуре Нахичевани-на-Дону имеются в отделе уникальных фотографий.

Некоторые документы опубликованы: в 2000-е гг. были изданы энциклопедии «Армянские церкви Российской империи (1717–1917)» и «Армянские церкви Новой Нахичевани: Исторический путь»⁶⁴. Они содержат информацию о религиозных учреждениях армян в России, историю строительства церквей, духовных учебных заведений и т.д., что помогает уточнить датировки. Также здесь опубликованы некоторые чертежи из архивных фондов. К сожалению, проекты церквей не отложились в архиве Армении, но есть некоторые чертежи зданий церковных учебных заведений.

⁶⁴ Армянские церкви Российской империи (1717–1917). Ереван: Тигран Мец, 2009; Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь. Ростов-на-Дону, 2011.

К опубликованным источникам этой группы относятся альбомы Г. Гагарина, Д. Гримма, К. Тона и архитектурные проекты, опубликованные на страницах журнала «Зодчий», в Архитектурной энциклопедии Г. Барановского и другие.

Четвертую группу источников составляют документы личного происхождения — дневники, воспоминания, записки путешественников. Они позволяют составить представление об облике города и сел армянской колонии Дона, о восприятии застройки армянских поселений сторонними наблюдателями. В настоящем исследовании были использованы выдержки из записок академика Палласа, Безбородко и других путешественников, посетивших Нахичевань-на-Дону. Эти заметки собраны и опубликованы С. Г. Сватиковым⁶⁵. В работе использовались мемуары И. Келле-Шагинова⁶⁶, М. С. Сарьяна⁶⁷ и др.

Пятую группу источников составляют материалы натурного обследования. Сюда вошли фотографии и обмеры зданий. Выражаю благодарность коллегам кафедры истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета, предоставившим материалы натуральных обследований для моей работы, а также студентам направления «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия», оказывавшим помощь в этой работе. Необходимые для раскрытия темы диссертации фотографии и чертежи приведены в приложении.

⁶⁵ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в. // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Том. 1. Ростов-на-Дону, 1912. С. 82–95.

⁶⁶ Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015.

⁶⁷ Сарьян М. С. Из моей жизни. М.: Изобразит. искусство, 1990.

Методология и методы исследования. В основу исследования положен системный подход⁶⁸. Архитектура армян Нижнего Дона и архитектура Российской империи в изучаемый период, будучи взаимосвязанными, образуют систему (или полисистему), в которой архитектура империи является исходной для формирования архитектуры российских армян в Новое время. Таким образом, цель настоящего исследования достигается путем анализа зависимости деятельности по созданию архитектуры донских армян от принципов и установок, господствовавших в русской архитектуре.

Основными теоретическими методами, применяемыми для всестороннего изучения предмета, являлись:

- историко-генетический метод, позволивший выявить истоки, пути и периоды динамики архитектуры армян Нижнего Дона, раскрыть причинно-следственные связи утверждения тех или иных стилевых форм и сохранения элементов традиционной архитектуры;

- контекстуальный анализ проводился с целью изучения исторической ситуации и культурных условий, в которых зарождалась и развивалась изучаемая архитектура армян Нижнего Дона. Иными словами, важным направлением исследования стало выявление историко-культурной ситуации изучаемого периода, определившей появление конкретных архитектурных образов и форм, а также историко-архитектурный анализ особенностей среды поселений армян, в которой изучаемые объекты формировались;

- формально-стилистический и сравнительно-аналитический методы применялись для выявления общероссийских черт и отличительных особенностей архитектуры армян Нижнего Дона.

⁶⁸ Системный подход, положенный в основу исследования основан на методике С. Ю. Штейна (Штейн С. Системный подход в искусствоведении // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2018. — №2 (12)), которую, как представляется, удачно применил в своем исследовании Е. И. Кононенко (Кононенко Е. И. Архитектура “большой османской мечети”: истоки, формирование, эволюция. Дис... доктора искусствоведения: 17.00.04. — Москва, 2020).

На эмпирической стадии исследовательского процесса применялись методы, позволившие сформировать фактографическую основу работы: выявление графических источников, фотоматериалов в фондах архивов и музеев, фотофиксация, обмеры архитектурных объектов.

Научная новизна. Диссертация является первым опытом комплексного исследования архитектуры армян Нижнего Дона в историко-культурном контексте эпохи, в связи с возникновением и развитием определенных стилевых предпочтений — на фоне архитектуры русского классицизма и образцовых проектов, периодов эклектики и модерна с их вниманием к национальным «стилям». Архитектура армян Нижнего Дона рассматривается не только в качестве самостоятельного феномена, а в более широком контексте истории архитектуры различных этноконфессиональных групп и как результат развития зодчества Российской империи Нового времени.

В исследовании рассмотрены важные вопросы роли русской архитектуры в становлении облика армянского города Нахичевань-на-Дону и окрестных армянских сел, сложившихся не только под влиянием нормативных установок империи, а во многом благодаря желанию самих армян, в том числе — деятельности архитекторов — выходцев из донской армянской среды.

В научный оборот введены новые архивные документы и результаты натурных исследований.

Впервые проведен сравнительный анализ архитектурно-градостроительного развития Нахичевани-на-Дону с поселениями колонистов юга и юга-востока страны, а также в связи с административным механизмом и практикой городского строительства в границах Екатеринославского наместничества.

Впервые раскрыто влияние образцовых проектов 1824 г. и 1838 г. на храмовое зодчество донских армян, исследована проблема поиска армянского национального «стиля» в эпоху историзма и показана

значительная роль, которую сыграли отечественные исследователи и практики архитектуры, в том числе выявлен вклад преподавателей и выпускников Императорской Академии художеств и Института гражданских инженеров в разработку и утверждение «армянского стиля» (в терминологии тех лет — «армяно-византийского стиля») в церковном зодчестве. Раскрыты этапы его становления в Российской империи и показаны методы и подходы, положенные в основу каждого из них.

Положения, выносимые на защиту:

- выявленные принципы и периоды истории архитектуры донских поселений армян в контексте русской архитектуры XVIII — начала XX в., и их соответствие общей схеме развития архитектуры колонистов юга и юго-востока Российской империи, а также архитектурно-градостроительным процессам в Екатеринославском наместничестве;

- особенности архитектурно-градостроительного развития Нахичевани-Дону, донских армянских сел и монастыря Сурб Хач;

- специфические черты жилых построек донских армян, проявлявшиеся в периоды классицизма, эклектики и модерна;

- периодизация и специфика культового зодчества донских армян и этапы становления «армяно-византийского стиля» в Российской империи;

- раскрытые в исследовании особенности творческой деятельности нахичеванских архитекторов и их вклад в формирование архитектурного облика города.

Теоретическая значимость работы. Исследование вносит существенный вклад в теоретическое осмысление планировки и архитектурной среды «образцового города» Российской империи, сути сложения архитектуры в поселениях этноконфессиональных групп переселенцев, особенностей развития архитектурных стилей в русской провинции на протяжении конца XVIII — начала XX в. Исследование архитектуры армян Нижнего Дона также восполняет пробел в истории архитектуры введением в научный оборот обмеров, фотофиксации зданий,

новых архивных материалов, уточнением отдельных фактов и явлений.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть положены в основу реконструкции и реставрации памятников архитектуры. Диссертация имеет значение ввиду возросшей необходимости развития исследований по малым историческим городам и поиска путей сохранения их архитектурно-градостроительного наследия и культурной идентичности.

Выводы и материалы диссертации могут стать основой лекционных курсов по истории архитектуры. Некоторые положения уже изложены в лекционном курсе дисциплины «История архитектуры Юга России» и авторского курса «Художественная культура Донского края», прочитанных студентам Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Исследование основано на привлечении широкого круга исторических источников, в том числе графических материалов, и натурных обследованиях объектов, на многоаспектном искусствоведческом и архитектурном анализе, с опорой на исторические и теоретические работы российских и зарубежных исследователей.

Развитию отдельных аспектов диссертации способствовало участие автора в качестве руководителя и исполнителя в разработке научных тем по ежегодным планам фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России, по международному гранту Российского фонда фундаментальных исследований (Российского центра научной информации) № 20-512-05006/21 «Искусство центров армянской диаспоры: Храмы Нахичевана и донских армянских сел конца XVIII — начала XX века. Архитектурные идеи и образы», 2021–2023 гг., по гранту Российского научного фонда № 22–18–00354 «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.», 2022–2023 гг.

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях Ученого совета НИИТИАГ, на заседаниях кафедры истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета, сектора искусства Нового и Новейшего времени Государственного института искусствознания, НОЦ теории и истории архитектуры НИУ МГСУ.

Основные положения диссертации апробированы в докладах и сообщениях на конференциях, опубликованы в рецензируемых монографиях, статьях в ведущих научных журналах, рекомендуемых ВАК, в научных журналах, индексируемых в базах данных РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Доклады на конференциях: «Проблемы археологии Восточной Европы». Ростов-на-Дону, ноябрь 2016; V Международной научно-творческой конференции «Искусство и наука третьего тысячелетия». Симферополь, ноябрь 2016; Международной научной конференции «Армянская диаспора и армяно-российские отношения: история и современность». Москва, сентябрь 2016; Международной научной конференции «300 лет Российской и Ново-Нахичеванской епархии ААЦ. Исторический путь и современность». Москва, сентябрь 2017; Международных конференциях «Актуальные проблемы теории и истории искусства» Санкт-Петербург — Москва, октябрь 2014, октябрь 2015, октябрь 2018, октябрь 2020, октябрь 2022 г.; Международных научных конференциях: «Армяне Юга России: история, культура, общее будущее». Ростов-на-Дону, сентябрь 2015, октябрь 2020; Международных научных конференциях «Искусствознание: наука, опыт, просвещение». Москва, ноябрь 2017, октябрь 2018, октябрь 2019, сентябрь 2021 г.; Международных научно-практических конференциях «Архитектура и искусство: от теории к практике». Ростов-на-Дону, апрель 2018, сентябрь 2019, апрель 2020, ноябрь 2021, ноябрь 2022; Международных научных конференциях «Архитектура: наследие, традиции и новации». Москва, февраль 2019, февраль 2020, февраль 2021, февраль 2022; Международных научно-практических конференциях «Сохранение историко-культурного

наследия как результативное средство межгосударственного диалога». Ереван, октябрь 2021, октябрь 2023; ежегодных конференциях «Архитектурное наследство». Москва, ноябрь 2018, ноябрь 2019, декабрь 2021 г.; «Вопросы всеобщей истории архитектуры», Москва, май 2017, июнь 2019, май 2020, май 2021, май 2022; Международной научно-практической конференции "Особенности развития региональной архитектуры". Брест, февраль 2023; Международной научно-практической конференции «Архитектура во времени и пространстве-2023». Минск, апрель 2023; Международной научно-практической конференции «Будущее строительной отрасли», Москва, сентябрь 2023.

Структура работы. Диссертация состоит из двух томов. Первый том состоит из оглавления, введения, семи глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и содержит 384 страницы основного печатного текста, список используемой литературы включает 371 наименование законодательных актов, архивных материалов, работ отечественных и зарубежных авторов. Второй том состоит из оглавления, 5 приложений и содержит 63 страницы, 173 рисунка, 16 таблиц.

Глава 1. Предыстория армян Нижнего Дона и традиции их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени

1.1. Исторические события как основа формирования ценностных ориентаций народа

История Армении уходит в глубокую древность восточных цивилизаций, что отразилось на культуре армян последних двух тысячелетий, развивавшейся в рамках новой мировой религии. Можно говорить, что ключевыми историческими событиями для формирования картины мира народа являются принятие христианства и геополитическое положение армянской цивилизации между Востоком и Западом. Тесные контакты с иранским и тюркским мирами, и Римской империей/Византией привели к тому, что армяне усваивали язык, обычаи и хозяйственные занятия других народов, некоторые особенности их культуры, что способствовало налаживанию торговых связей с Востоком и Западом.

История армян в силу исторических обстоятельств утраты независимости их собственной страны, насильственных и добровольных переселений, дальнейшего расселения по странам Европы, Азии и Африки насчитывает десятки свидетельств об основании ими новых городов или градоформирующих кварталов. Часть их быстро превращалась в ведущие центры торговли и ремесел, науки и искусства. Достаточно напомнить о таких городах, как Герла (Арменополис/Армениерштадт, Gherla (Armenopolis/Armenierstadt)), Станислав (Станиславов, Ивано-Франковск), Каменец-Подольский (Kamieniec Podolski), Львов (Львив, Lwów (Lemberg, Lwiv)), Григориополь (Grigoriopol), чтобы представить масштаб и степень интеграции армян в культуру и политику разных государств Европы в Средние века и Новое время.

Примечательно, что часть армянского населения этих городов составляли выходцы из Крыма, в котором на протяжении многих веков

развивалась влиятельная община. Из этого источника распространялись основы национальной культуры, примером чему служит архитектура армянской церкви во Львове (1356–1363)⁶⁹.

Исследователи называют разные даты появления армян в Крыму. Склоняемся к мнению о том, что армяне селились на полуострове в течение многих веков, но одно из самых массовых переселений приходится на XIII в., поскольку во второй половине этого столетия отмечается наличие значительной армянской общины в Крыму. Четы-Минеи — армянский источник XVII в. сообщает, что после монгольского нашествия (XIII в.) большое количество народа, выходцы из Ани, переселились в Ак-Сарай на Волге, а оттуда в 1299 г. — в Кафу⁷⁰.

Одной из таких больших групп, считавших себя потомками анийцев, были армяне, основавшие Нахичеван и окрестные села на территории Нижнего Дона. Уже на донской земле завершилось формирование субэтнической группы, известной сегодня как донские армяне. Эта более или менее однородная крымско-армянская группа, сохранявшая устойчивые культурные традиции на протяжении веков. Они говорят на особом диалекте армянского, сложившемся под влиянием соседних народов, прежде всего тюркских. Они переняли некоторые обычаи и обряды этих народов, покррой одежды и др.⁷¹, не утратив при этом этнического самосознания.

Исследователями замечено, что практически все армянские субэтнические группы различных регионов в разные периоды своей истории

⁶⁹ Chrzyszczewski J. Kościoły Ormian Polskich. Katalog zabytków ormiańskich. — Т. I. — Warszawa, 2001; об архитектуре церкви см.: Казарян А. Ю. Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Международная научная конференция. Минск, 9–11 октября 2012 г. / сост., отв. ред. И. Н. Скворцова. — Минск: «Арт Дизайн», 2013. — С. 116–126.

⁷⁰ Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян // ЗОО. 867. VI. — С. 552; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры. — Москва-Ленинград: Наука, 1964; Манучарян Ш. Г. Возникновение армянских поселений на полуострове // Сквозь века: народы Крыма. — Вып.1. / под ред. Н. Николаенко. Симферополь: Академия гуманитарных наук, 1995. — С. 128–141.

⁷¹ Малхасян А. Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. — Ростов-на-Дону, 2010. — С. 16.

демонстрируют схожие защитные механизмы, позволяющие преодолевать угрозу утраты этнической составляющей. Так, еще барон Гакстгаузен в первой половине XIX в. указывал, что у армян существует исторически выработавшаяся сильная внутренняя национальная связь. Народ, разбросанный по «трем частям земли», нигде не утратил своей национальной составляющей, нигде не слился с народами, среди которых проходила его жизнь⁷².

Механизм сохранения культурной идентичности субэтнических групп армян срабатывал под влиянием различных факторов извне. Состояние «культурного покоя» периодически сменялись состоянием сопротивления, характеризующегося стремлением «возродить свое». Давление, оказываемое на них, становится источником энергии, и они с удвоенной силой обращаются к национальной культуре⁷³, базирующейся на особых способах хранения и трансляции коллективного опыта, среди которых важное место занимают письменность, религия, образование и искусство. В периоды обострения угрозы национальной идентичности, культурной независимости искусство, как и религия, способны брать на себя функции сохранения социокультурной общности, национального самосознания через желание «возродить свое»⁷⁴.

Легко приспосабливаясь к жизни в чужих странах, принимая основные условия адаптации в новой среде, армяне активно включались в экономическое и культурное пространство других народов. Так, в Крыму они участвовали в торговле с народами, как востока, так и запада, усвоив их язык и некоторые привычки. Однако важно отметить, что автономия культурная

⁷² Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова о результатах командировки в места, населенные армянами для изучения бытовых особенностей армян григорианской церкви и состояния армянской церковных школ (1909). РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281. Л. 5.

⁷³ Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. — Москва: Академический Проект: Гаудеамус, 2004.

⁷⁴ Мельчакова Ю. С. Испанская национальная картина мира: взаимодействие искусства и религии: автореф. дис. ... канд. культуролог.: 24.00.01. — Екатеринбург, 2007.

была для них важна не в меньшей степени, чем автономия экономическая, которой они часто добивались.

История их культуры в Новое время свидетельствует, что происходило слияние светского и духовного начал. Армянская Апостольская церковь в условиях утраты государственности стала связующим звеном. «Им удалось национализировать христианскую религию, вместе с тем превратив ее в институт сохранения народа в условиях отсутствия государственности»⁷⁵. Обладавшая высоким политическим авторитетом, Армянская Апостольская церковь сохраняла изолированность и обособленность от других восточно-христианских церквей, что в значительной мере препятствовало ассимиляции народа. С. В. Лурье по этому поводу замечает, что именно благодаря такой самоизоляции армяне раньше других этносов выделили себя именно как народ, отчетливо противопоставляя «армяне — не армяне»⁷⁶.

Стоит признать, что Армянская Апостольская церковь играла важную роль во всех сферах жизни. Она служила как бы символом объединения, была «единственным отличительным, понятным для народного чувства, знаменем общности». Приведем одно интересное наблюдение, сделанное чиновником особых поручений А. В. Петровым в начале XX в.: «Школы конфессиональные по названию являются в сущности учебными заведениями общеобразовательными, не исключая... семинарий... на самом деле сосредоточены в заведовании светских представителей нации... главную роль играют Попечительства из выборных светских лиц...». Но существует и обратная связь, когда светские учебные заведения находятся под непосредственным контролем и влиянием духовенства⁷⁷. Пример этот иллюстрирует мироустройство армян как таковое — своеобразное

⁷⁵ Орлов С. С. Заимствование ценностей в культуре черкесо-гаев // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая–2 июня 2012. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.

⁷⁶ Лурье С. В. Историческая этнология... С. 234.

⁷⁷ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281. Л. 23.

сращивание светского и духовного начала, характеризует их общественную структуру.

Под эгидой церкви существовали различные светские попечительские общества, епархиальные советы и комиссии, заменявшее государство. Но отмечаются и обратные процессы влияние светского общества на церковные институты. Чиновник особых поручений Петров писал, что «духовные лица находятся в... зависимости от мирян. Приходские священники выбираются прихожанами, равно как и епархиальные начальники... Выборы приходского духовенства не являются новшеством для армянской церкви России»⁷⁸.

Фактор роли церкви, как важнейшего института, объединявшего отдельные общины и разбросанные по миру колонии армян в условиях многовекового отсутствия государственной власти, учитывался в Средние века и в Новое время как самими армянами, так и теми, кто взаимодействовал с ними. Российские власти, решив склонить их к переселению из Крыма в Россию, выделяют значительные суммы денег на подарки для духовных лиц, дабы те склонили паству к переселению. Оказавшись в трудном положении, поселенцы, которым долгое время не выделяли обещанных в России земель, «обращают свои взоры» к архиепископу Иосифу Аргутинскому — представителю армянской церкви в России. После удачного решения вопроса о предоставлении земли архиепископ Иосиф готовится «отправиться в путь к переселенцам, позаботиться об основании их города, о его строительстве и управлении...»⁷⁹. Не вызывает сомнения, что такая апелляция к церкви и церковным иерархам проистекала из отсутствия какой-либо серьезной альтернативы, но, с другой стороны, это еще сильнее укореняло в сознании народа важность церковного института.

Самопознание народа неотделимо от исторической памяти и национальной истории, поэтому они неизбежно должны были занять место в

⁷⁸ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281. Л. 23–27.

⁷⁹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 43.

картине мира Нового времени. О том, что донские армяне хранили память о своем прошлом и древние святыни можно судить по многим известным нам фактам⁸⁰. Здесь скажем, что помимо книг, они вывезли из Крыма большое количество хачкаров, которые были вмонтированы в стены церквей, положены под их фундаменты. Описывая храмы Нахичевани Е. Шахазиз, скрупулезно перечисляет все хачкары и надписи на них, уточняя, что они вывезены из Крыма. О некоторых, особо почитаемых камнях, он пишет, что по «преданию» они вывезены еще из Ани. Также рассказывает о существовавшей некогда деревянной двери церкви, которая была привезена из Ани в Крым, а оттуда уже в Нахичевань⁸¹. Как сообщает Г. Патканян: «несколько быков везли надгробный камень мученика Парона Луйса, который в свое время был вывезен из церкви столичного города Ани, и камень Провосветителя, поскольку литургию в его честь служили на этом камне, под которым и был похоронен Парон Луйс»⁸².

Память о великой армянской государственности в полной мере нашла отражение в мировоззрении донских армян и, прежде всего, городских жителей. Чиновник особых поручений Петров в начале XX в. записал, что в армянских школах особое внимание уделяется армянскому языку и армянской истории, «употребляются в качестве учебного пособия карты древней Армении» и имеются «копии картины, изображающей тоскующую по своему прошлому Армению»⁸³.

⁸⁰ Отчетливо это проявляется уже во второй четверти XIX в. В 1848 г. католикос Нерсес Аштаракецци по запросу жителей получил разрешение именовать село Армавиром в память о столице Айрататского царства. В 1849 г. от армян селения Касаева Яма поступило прошение «назвать местечком Эдессия — в память древнего столичного города Эдессы, где царствовал некогда мудрый армянский царь Авгарь» (Армянский музей Москвы и культуры наций. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/10/30/-4edessia>).

⁸¹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 35–87.

⁸² Казаров С. С. Проблема сохранения культурно-исторического наследия крымских армян на рубеже XIX–XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2019. — Т. 46. — № 1. — С. 75–79.

⁸³ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281. Л. 5.

Немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что сами донские армяне считали себя потомками анийцев и хранителями древней культуры. Е. Шахазиз в своей записке с обоснованием открытия музея в Нахичевани-на-Дону писал: «Если же вспомнить, что переселившиеся в Нахичевань с Таврического полуострова армяне — не исконные жители Крыма, а потомки армян-пришельцев из г. Ани и его окрестностей, то можно сказать, с некоторою долей уверенности, что многие из имеющихся в нашем городе древностей восходят... ко времени процветания Ани в царствование в Армении династии Багратидов в X–XI вв.»⁸⁴.

Не случайно, что обращение к прошлому и великой армянской государственности в явном виде складывается в Новое время уже как часть национальной идеи. Ее становление по времени соответствует поиску таковой российской имперской властью, что, в свою очередь, является частью общеевропейских тенденций.

Знаменитая формула С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность», принятая в 1830-е гг. как своеобразное знамя русской государственности, не могла остаться незамеченной в среде интеллигенции других народов, населявших Россию. Армянская национальная идея стала своеобразным ответом русской, с той разницей, что первая рождалась только из общественного сознания народа и представителей церкви, а вторая поддерживалась государством.

Армяне же, строго говоря, никогда не демонстрировали крайней степени религиозности⁸⁵. Им всегда хорошо удавалось сочетать религиозные требования с рациональным подходом к жизни, и церковные институты, выступавшие у них консолидирующим началом, органично встраивались в социум, плотно смыкаясь со светской структурой общества. Но церковная архитектура, выработавшая свой язык и узнаваемые формы стала знаковым выражением национальной идеи.

⁸⁴ Цит. по: Казаров С. С. Проблема сохранения культурно-исторического наследия крымских армян на рубеже XIX–XX веков... С. 77.

⁸⁵ Орлов С. С. Заимствование ценностей в культуре черкесогаев... С. 260.

Провозглашение православия одним из ключевых условий существования российской государственности должно было еще теснее сплотить армян вокруг своей веры и церкви как ее символа и перевести до того отчасти интуитивное понимание в сферу вполне осознанного выбора образованных представителей народа. Отсюда логично утверждать, что если триада С. С. Уварова имела практический выход в архитектуре, прежде всего, церковной⁸⁶ и совпала с поисками национальных форм храмового зодчества, то и армянская идея привела к воплощению таковых. Именно первичностью духовных идей и вторичностью заимствования материальной реальности объясняется появление на Донской земле города с обликом российским, но вместе с тем города армянского, способствовавшего сохранению этнического сознания и трансляции вовне национальных ценностей.

Для самосохранения армянам необходимо было адаптироваться к местным условиям, что приводило к обмену ценностями с другими народами, на территориях которых они оказывались. Как в Ани, так и в Крыму некоторые восточные обычаи и устои проникли в армянскую культуру и архитектуру. Однако, многие ценности, шедшие в разрез с национальными ценностями и угрожавшие существованию этноса, не принимались и растворялись в защитном поясе культуры.

Еще одним важным фактором сохранения этнической самоидентификации армян была их семейственность. Барон Гакстгаузен записал, что ему не известен народ, «в котором семейные узы были бы ближе и теснее связаны, чем у армян. Пока живы главы семейства, отец или мать, все члены его живут неразлучно, без раздела имущества в безусловной покорности к старшему... нередко живут три поколения, 4 или 5 женатых сыновей»⁸⁷. Отсюда проистекают некоторые устойчивые черты архитектуры армян, выражавшиеся в стремлении организовать внутреннее пространство

⁸⁶ Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России... С. 89.

⁸⁷ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281. Л. 9.

жилища так, чтобы иметь возможность собрать одновременно значительное количество родственников.

Мощный поток культурной информации, поступающей к армянам от носителей других культур, обусловил некоторую вариативность их искусства. Диалог культур в эпоху Нового времени проходил на основе вовлеченности армян в орбиту истории разных империй, на армянской земле и в разных их колониях можно выявить различные варианты данного диалога.

К моменту основания колонии на Нижнем Дону (1779) интеграция армян в европейскую среду достигла кульминации, и внешние формы проявления их культуры стали походить на формы австро-венгерской, польской, русской архитектуры, живописи и скульптуры, а также бытовой моды того времени. Не много известно об искусстве армян Крыма в XVIII в., но, исходя из развития армянской архитектуры в Османской империи и в Иране, можно констатировать, что при переходе от средневекового уклада к отношениям Нового времени и при отсутствии подпитки, собственно, из Армении, искусство диаспоры разобщалось и все активнее ориентировалось на художественные вкусы и образы народов, на территории которых оно развивалось. Другим фактором, служившим включению национальной архитектуры в рамки доминирующей культуры, следует считать нормативно-правовую базу тех государств, в которых селились армяне. Особенной регламентации были подвержены градостроительство и архитектура Российской империи.

Аспектом, определившим архитектурный облик Европы в эпоху Нового времени, является становление национального самосознания всех народов ее населявших. Проблемы религиозной и этнической самоидентификации были тесно взаимосвязаны в этот период, и попытки их решения нашли свое материальное выражение в архитектуре. Эти процессы затронули представителей всех религиозно-этнических сообществ, однако протекали с разной степенью интенсивности и их хронологические границы несколько отличались, также могли отличаться и знаковые формы самой

архитектуры представителей одного и того же этноса, проживавших на территории разных государств.

В сфере интересов настоящего исследования лежит диалог с русской культурой Нового времени, который с нашей точки зрения стал наиболее продуктивным для диаспоры. Как его итог можно отметить, что именно в России армянская архитектура делает первые шаги в направлении поисков национального «стиля».

Дом и пространство двора, села или города, как правило, тесным образом связаны с картиной мира и отражают ее изменения. Архитектура — специфическая форма выражения идеалов и ценностей, отражающая их трансформации во времени, связанная с культурной памятью и историей. С другой стороны, можно констатировать и наличие обратного процесса. Информация, которую несет архитектура, организованное с ее помощью пространство выступают источниками формирования картины мира.

1.2. Архитектура и градостроительство Ани. Образ великого города и самосознание донских армян

Анийское царство было основано Ашотом I Багратуни во второй половине IX в., спустя почти пять веков после падения Великой Армении, и стало новым расцветом армянской государственности, о чем свидетельствует официальное название страны Багратидов — «Великая Армения»⁸⁸.

Это государство переживало периоды расцвета и упадка, связанные с завоеваниями. Первый период яркого развития продолжался от провозглашения Ани столицей в 961 г. до завоевания сельджуками в 1064 г. Как показали археологические раскопки, после разгрома отдельные кварталы Ани долго не восстанавливались, разрушенные постройки заносило землей. Второй расцвет столицы, когда были построены известные сегодня жилища

⁸⁸ Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. // Византийский Временник. — 1979. — Т. 40 (65). — С. 89.

богатых анийцев и значительная часть рядовых жилищ, был прерван завоеванием монголов, последующих захватчиков, землетрясениями и экономическим кризисом. После этого Ани уже не смог восстановить своего бывшего величия, хотя еще длительное время жизнь здесь продолжалась, но данные раскопок свидетельствуют об обнищании в XIV–XV вв.⁸⁹. Очевидно, в эти периоды завоеваний и разрушений происходили массовые переселения анийцев в том числе на территорию Крымского полуострова.

Уже к началу Нового времени средневековый город Ани стоял в руинах, которые русские путешественники стали открывать для себя и описывать с конца XVIII в.⁹⁰ Их восхищало величие заброшенной столицы: высокие крепостные стены, руины храмов свидетельствовали о том, что когда-то это был большой богатый благоустроенный и густонаселенный город с прекрасными каменными постройками. С конца XIX в. на городище работали археологические экспедиции под руководством Н. Я. Марра, труды участников которой публиковались и были широко известны. Сам город был превращен в музей, издавались путеводители для туристов.

Это открытие Ани совпало по времени со становлением национального самосознания народов Российской империи, повышением внимания к своей истории, и нахичеванские армяне проявляли особый интерес к городу. Как отмечалось, они считали себя потомками выходцев из этой средневековой столицы. В этой мысли их укрепляли свидетельства рукописей, вывезенных ими из Крыма.

Многие факты свидетельствуют о том, что в самосознании донских армян была зафиксирована связь с этой средневековой столицей. Интересен случай, записанный Н.Я. Марром в своем дневнике. Один армянин рассказал ему о том, что недавно в Ани приезжал житель Новой Нахичевани, отыскал по какой-то сохранившейся рукописи могилу предка, «плакал много и

⁸⁹ Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. — Москва-Ленинград, 1934. — С. 34–43.

⁹⁰ Казарян А. Русские путешественники об архитектурном наследии Ани // Проект Байкал. — 2023. — Т. 20. — № 75. — С. 153–160.

заказал обедню за упокой. Основание этой фабулы — продолжает Н.Я. Марр — ... лежит в том факте, что к числу выселенцев из Ани относят и армян Новой Нахичевани»⁹¹.

Таким образом, можно говорить о разновременном влиянии анийской архитектуры на культуру донских армян. Во-первых, это влияние распространилось через выходцев из Ани, переселившихся в Крым. Во-вторых, повторное влияние этой архитектуры однозначно имело место в эпоху Нового времени с открытием городища для исследователей и путешественников, публикацию зарисовок и обмерных чертежей. Известно, что среди посещавших столицу были нахичеванцы.

Ани расположен на мысе, и его территория по форме напоминает вытянутый с юго-запада на северо-восток искривленный треугольник (рис. 1, рис. 2). Две его стороны образованы крутыми ущельями, а самая широкая северо-восточная защищена мощными крепостными стенами (рис. 3).

Основные этапы развития города хорошо известны. Он вырос у подножия замка-крепости, построенного на естественной возвышенности не позже V в. В крепости помимо дворца, который занимал ее часть и подвергался переделкам вплоть до XIII в.⁹², были возведены самые первые из известных в городе церкви и баня. В 964 г. были построены Ашотовы стены, защищавшие узкий участок земли у подножия крепости. Так появился, собственно, сам город, который в литературе называют Старый город. В 989 г. на значительном удалении от Ашотовых (более 700 м) были возведены Смбатовы стены. Эта значительная по площади территория получила название Новый или Внешний город. Вместе Старый и Новый город в литературе часто именуется шахристан (шахастан) (его площадь более 80 га), а дворец с крепость — Цитаделью, Вышгородом или Мичнабердом (Миджнаберд) (3 га), за которым на полуострове Кыз Кале — самой южной

⁹¹ Марр Н. Я. Дневник. Рукопись. С. 167

⁹² Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища... С. 107.

точке Ани — находилась крепость, получившая название Девичьей (Ахчка Берд).

Помимо этой огороженной крепостными стенами территории Ани имел многочисленные пригороды. В них хозяйственно-торговая деятельность была не менее насыщена. Важное производство и торговля были сосредоточены за стенами города. Жилые, производственные, культовые постройки находились не только на равнине за стенами города, но и были устроены в многочисленных пещерах, окружавших город.

Ани, защищенный крепостными стенами, относится к типу городов, получивших распространение в горных районах Кавказа. Они основывались на плато или мысу и имели вытянутую конфигурацию плана из-за наличия естественных природных барьеров. О.Х. Халпахьян указывал, что в таких городах Армении цитадель всегда прочно укрепляли, располагали на возвышенности с внешней стороны «шахастана» и никогда в его центре, в отличие от стран Востока или Средней Азии. Это делало цитадель последним оплотом защитников города⁹³.

Город свободной планировки с кварталами различных форм и размеров, ветвистым строением основных улиц, с четко выявленной главной улицей — так может быть охарактеризована планировка Ани. От крепостных ворот шли улицы, связывающие различные части города. Доминантами были монументальные сооружения, которые по своему назначению делились на гражданские и религиозные. Церкви часто располагались в структуре плотной городской застройки, в отдельных случаях лишаясь даже небольшой площади.

Большое количество церквей в городе и относительно равномерное их распределение по его территории позволяет нам акцентировать не только их значение как архитектурных и духовных доминант, но обратить внимание на их общественную функцию. Они являлись центром общественного

⁹³ Халпахьян О. Х. Гражданское зодчество Армении. — Москва: Издательство литературы по строительству, 1971. — С. 23.

притяжения для селитебной зоны. Из дарственных надписей следует, что в собственности церковей находилось различное недвижимое имущество и хозяйственно-производственные постройки. Многочисленные маслобойни, сеть покрывающие всю территорию города, зачастую располагались в непосредственной близости к церквям, очевидно на земле, им принадлежавшей. Площади перед храмами и гавиты были важным общественным элементом города, предназначавшимся для собраний горожан. Известно также, что при церквях имелись книжные собрания, рукописи дарили вновь построенным храмам⁹⁴.

Основными научно-образовательными центрами города были монастыри, выступавшие не только крупными собственниками и участниками экономической жизни, но и являвшиеся основными производителями духовных благ. Монастыри находились на восточных окраинах города и в Нижней крепости. При них находились скриптории, в которых изготовлялись книги, уже с XI в. предназначавшиеся для продажи, что свидетельствует о наличии высокого спроса на них среди городского населения. Состоятельные горожане покупали рукописи для себя или для передачи в дар храмам и монастырям⁹⁵.

Известные нам сегодня здания, доминирующие на территории Нового города и определившие его образ и пространственно-планировочную организацию, построены в разные периоды истории. Однако анализ их расположения и пространственной связи не оставляет сомнений, что они объединены единым градостроительным замыслом⁹⁶.

Доминантами, посредством которых формировался образ Ани, были Собор (рис. 4), церкви Гагика (св. Григория Просветителя), Апостолов, Спасителя (рис. 5–7), стены Смбата — укрепления, возведенные вдоль

⁹⁴ Матевосян К. А. Центр письменности города Ани (конец X – начало 15 в). Автореферат дис... канд.ист.наук: 07.00.02. — Ереван, 1989. С. 4.

⁹⁵ Матевосян К. А. Центр письменности города Ани (конец X – начало 15 в). Автореферат дис... канд.ист.наук... С. 5.

⁹⁶ Подробно см.: Баева О. Ани: градостроительная идея Нового города и ее преемственность // Проект Байкал. — 2023. — № 20(76). — С. 184–189.

северной границы города, которая не имела естественной защиты. О крепостных стенах и символической роли храмов написал А. Ю. Казарян⁹⁷. Интересным представляется наблюдение автора о чертах сходства Ани и Константинополя. Он отмечает близость между стенами Смбата и Феодосия, особенности архитектуры церквей Григория Просветителя, Апостолов и Спасителя, а также символическое значение, которым строители Ани наделяли эти храмы. Очевидно, была идея, которая преследовала идеологические цели по созданию образа столицы, выражающего единение светской и религиозной власти, сосредоточенных в этом городе. Таким образом, город создавался по предварительно разработанному замыслу, и должен был выражать величие новой столицы Багратидов. Структура большого города складывалась из отношения между церквями и чтимыми в них святыми, из расположения церквей по отношению к стенам, т.е. представления средневекового человека о городе опиралось «на символы и отношения в системе символов»⁹⁸.

В Анийском царстве распространение получили разные типы, в основном купольных, церквей: тетраконхи, шести- и восьмиконхи, купольные залы и единожды воплощенный тип четырехстолпного крестовокупольного храма. Наряду с церквями с прямоугольной основой внешних стен (кафедральный собор, церковь Апостолов, большинство приходских и монастырских церквей) распространение получили купольные ротонды с внутренней структурой в виде первых трех типов (Сурб Саргис в Хцконке (1024) и Сурб Пркич (Спасителя) в Ани (1035) и круглая церковь в Мармашене, Гагикашен, Пастушья церковь). Эта типология еще в эпоху Багратидов была дополнена уникальными монастырскими сооружениями, и именно в монастырях Ани и окрестностей города в эпоху Закаридов

⁹⁷ Kazaryan A. The City of Ani Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient // *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout. Architectura Medii Aevi.* – 2020. – Vol. 14. – P. 241–252.

⁹⁸ Иконников А. В. *Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве.* — Москва: КомКнига, 2006. — С. 201.

получили развитие разнообразного типа жаматуны или гавиты, залы-реликварии, усыпальницы⁹⁹.

Основным достижением анийских зодчих стало не развитие типологии, которая разнообразно была представлена в армянской архитектуре VII в., а в совершенствовании стиля как результата поисков новых образов христианского храма. В русле этих поисков по-новому интерпретировались композиции храмов VII в., а также обращались к формам порталов, окон и принципам разработки ордерных форм греко-римской античности. «Каждое обращение к древним пластам зодчества вносило новую струю в развитие монументального зодчества, стимулировало соединение форм, воспринятых от двух или трёх разных построек, синтезирование национальной традиции с греко-римской античной, а также с тенденциями, отражающими достижения архитектуры мусульманского Востока»¹⁰⁰.

Таким образом в основе нового расцвета армянской архитектуры лежал принцип обращения к чтимым образцам, их творческое переосмысление зодчими и апелляция к этим святыням новой власти, поскольку заказчиками монументальных сооружений были царь и представители влиятельных княжеских родов.

Основа городской застройки, составляющей его ткань, была представлена жилищами горожан разного достатка и производственно-

⁹⁹ Kazaryan A. The Theme of a Domed Rotunda in Ani School of Armenian Architecture during the Bagratids' Era: Interpretation of the Classical Image // DISEGNARECON. — 2020 — Vol 13. — No 25: “Traveling from the Orient to the West and return. Cities, Architecture and Restoration. Writings in memory of Paolo Cuneo,” Editors Simonetta Ciranna and Paolo Girardelli. URL: <http://disegnarecon.univaq.it>; Казарян А. Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2017 — Вып. 8. — С. 87–116.

¹⁰⁰ Казарян А. Ю. Ретроспектива как творческий метод зодчих Армянского царства Багратидов // Academia. Архитектура и строительство. — 2022. — № 4. — С. 22–30; Казарян А. Ю. Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века // Даниловские чтения. Античность — Средневековье — Ренессанс: Сборник статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 151–169.

торговыми постройками¹⁰¹ (рис. 8–9). Это были комплексы жилых ячеек, плотно примыкавшие друг к другу, делившиеся на отдельные жилые элементы. Очевидно, что функциональная типология анийских построек была шире, чем нам известно сегодня. Справедливо предположить и ее историческую динамику.

Главная улица, пролегавшая через центр города, была раскопана Н. Я. Марром и сегодня открыта для изучения, раскопаны и некоторые кварталы, примыкающие к ней. Наиболее изучен квартал с жилыми постройками в Старом городе. Раскрытые и сохранившиеся на уровне нескольких рядов кладки дома, обмерены во время экспедиций Марра. Жилые помещения располагались вокруг небольшой церкви, тесно примыкая к ней. Значительная плотность застройки не позволяла иметь сообщение с улицей всем домам, на нее выходило несколько дверей, дававших выход через узкий проход целому ряду помещений¹⁰². Дома имели от 3 до 6 комнат. Марр предполагал, что лестницы, встроенные в стены домов со стороны улицы, в одних случаях вели на плоскую крышу, а в других позволяли пройти на 2-ой этаж¹⁰³.

Перекрытия между этажами были выполнены из дерева, что является характерным для дворцов и простых жилых домов. Важным атрибутом практически каждого помещения был расположенный рядом с камином тандыр, представляющий собой глиняный кувшин, встроенный в землю. В каждой комнате присутствовали патуһаны¹⁰⁴ — ниши, по краям украшенные резьбой, в то время как остальные стены оставались без декоративных элементов.

Дома на территории у Ашотовых стен позволяют нам составить представление о жилищах менее состоятельного населения города. Здесь

¹⁰¹ Подробно см.: Баева О. В., Казарян А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2022. — Т. 12. — С. 123–134.

¹⁰² Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища... С. 106.

¹⁰³ Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища... С. 107.

¹⁰⁴ Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища... С. 107.

раскопан ряд сооружений, имевших узкие уличные фасады, и вытянутых вглубь квартала. Строились они с использованием тех же строительных приемов, что и дома, описанные выше¹⁰⁵. У них «лицевая сторона служила скорее прикрытием и защитой, чем приветливо открытым фасадом»¹⁰⁶. В данном квартале дома обычно имели два или три помещения, как правило, без подвалов. Рядом с мечетью Мануче, руины жилых зданий этого квартала имели небольшие террасы, выходившие на улицу и занимавших ее половину¹⁰⁷.

На территории Нового города находились самые богатые дома, которые имели художественную отделку дверей и ворот, крытые подвалы с выходом на улицу.

Социальная топография города на всем протяжении его истории менялась, но насколько можно судить, не сложилось четкого районирования территории по социальному признаку. Дома состоятельных и именитых горожан занимали отдельные кварталы, но в соседних с ними кварталах могли размещаться жилища бедных анийцев. Из имеющихся данных можем заключить также, что не было четкого деления кварталов по религиозному признаку. Исследованные археологами постройки свидетельствуют о проживании бок о бок мусульман и христиан, представлявших разные этнические группы¹⁰⁸.

Н.Я. Марр писал, что летописцы обвиняли жителей Ани в стремлении к роскоши, они стремились перещеголять друг друга в роскоши домов, любили зрелища, увлекались играми и плясками. Понимая всю сложность интерпретации подобных сообщений, все же очевидно, что Ани в определенные периоды своей истории являлся большим богатым городом, в

¹⁰⁵ Подробно о жилище см.: Баева О. В., Казарян А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2022. — Т. 12. — С. 123–134.

¹⁰⁶ Баева О. В., Казарян А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований... С. 77.

¹⁰⁷ Орбели И. Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки. — СПб., 1911. — С. 40.

¹⁰⁸ Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища... С. 65–67.

котором были доступны различные развлечения в зависимости от интересов и состоятельности. Возможно, какие-то увеселительные мероприятия проходили на улицах и площадях города, какие-то выносились за его стены.

Выходцы из такой культурной среды существенно пополнили армянские поселения Крыма. Искусство армян в Крыму в эпоху Высокого Средневековья отражало влияние различных школ и направлений, отсылающих к традициям областей коренной и киликийской Армении¹⁰⁹. Но, безусловно, справедливо замечание армянского историка рубежа XIX–XX в., Е. Шахазиза, написавшего, что «большое переселение» из Ани своим «однообразным элементом..., своим анийским укладом, формой жизни и разговорным наречием... сыграло большую роль, придав армянской колонии Крыма те характерные свойства и черты, по которым мы узнаем армян Крыма и переселившихся из Крыма в различные стороны»¹¹⁰.

1.3. Архитектурно-градостроительная практика армян в Крыму

В Крыму армяне преимущественно селились в наиболее экономически развитых частях полуострова, где издавна сосредоточилось земледельческое население и велась торговля (рис. 10–11). Эта часть Таврики называлась в средневековых источниках «Приморской Арменией» (“*Armenia maritima*”)¹¹¹. Кварталы и мелкие поселки армян были практически по всему восточному побережью, они проживали на территориях Крымского ханства, генуэзских торговых факторий, княжества Феодоро. Это были как прибрежные города, так и селения, не имевшие выхода к морю. Наиболее крупные кварталы армяне основали в Сурхате (совр. Старый Крым) (рис. 12), Кафе (совр. Феодосия) (рис. 13), Судгее (совр. Судак), Топлы (совр. Тополевка) и

¹⁰⁹ Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.). — Ереван: АН Арм. ССР, 1978.

¹¹⁰ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 19.

¹¹¹ Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян... С. 552; *Chronicon Aegidii li Muisis, abbatis Sancti Martini Tornacensis, ed. par Jacobus Goethalis Vercruysse.* — Courtrai: Blanchet, 1824. — P. 24.

некоторых др. Большая часть переселенцев обосновывалась в городах, продолжая заниматься традиционными видами деятельности — ремеслом, строительством, торговлей.

Первые постройки армян в Крыму, известные нам сегодня, относятся к IX–X вв. — это руины бани, обнаруженной в Херсонесе¹¹². Основная же масса построек, дошедших до наших дней в том или ином виде, датируется XIII–XVII вв. К этому периоду следует отнести и появление поселений с планировкой, созданной самими армянами, т. к. до указанного времени малочисленные переселенческие группы, вероятно, селились в существующих населенных пунктах со сложившейся планировочной структурой.

В эпоху средневековья на территории Крыма не существовало поселений с регулярной застройкой, а планировка городов, ведущих свою историю от античности, искажалась. На структуру средневековых поселений оказывали влияние многие факторы, важнейшими среди которых были такие, как рельеф, торговые пути, водоемы, этнический состав жителей и т. п. Имеются многочисленные сведения, что в Кафе, Бахчисарае и др. городах кварталы формировались по этническому или религиозному принципу¹¹³.

Исследовавший эволюцию крымской усадьбы А. А. Сафонов выделил планировочные схемы, наиболее распространенные в средневековом Крыму:

¹¹² Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. — 1956. — № 8. — С. 165–178.

¹¹³ Я. Фират, исследовавший делопроизводственные документы кадия Бахчисарая XVII в., отмечает, что во многих мусульманских кварталах города проживали и представители других религий. Сами кварталы различались, прежде всего, своим расположением в структуре города: близостью к пятничной мечети региона и ханскому дворцу, и, следовательно, выделялись кварталы домохозяев с высоким и низким социально-экономическим статусом. Автор написал о существовании в городе отдельных кварталов греков, армян, цыган, черкесов и др., отметив, что случаев проживания мусульман в немусульманских кварталах зафиксировано не было. Интересен приведенный им факт продажи дочерью Абдуллаха Делляле Бенефше своих домов в армянском квартале Бахчисарая армянину Гирогазу. Исследователь предположил, что это связано с обращением Бенефше в ислам и желанием переселиться в мусульманский квартал (Фират Я. Типология бахчисарайских осель та кварталів (1650–1675 pp.) // Україна в Центрально-Східній Європі. — Вып. 18. / под ред. В. Смоля. — Киев, 2018. — С. 183–200).

ячеистая, компактная и разбросанная¹¹⁴. Этим схемам соответствовали определенные типы жилища (табл. 1).

Ячеистая схема была распространена в горных поселениях. Их описал Ж. Ромм, посетивший в 1786 г. Алушту: «Дома в Алуште расположены амфитеатром по склону горы. Крыши каждого дома представляют собой горизонтальную террасу из утрамбованной земли, насыпанной на потолок, сделанный из коротких и плоских деревянных брусьев. Дымовая труба проходит сквозь террасу, и отверстие ее обделано камнями, образующими круглый футляр...»¹¹⁵. Подобным же образом расположены дома и в Малом Ламбате — сообщает Ж. Ромм. В них нет окон, и свет проникает в эти «берлоги только сквозь очень большую трубу, и через квадратные дыры, проделанные в террасе, служащей крышей»¹¹⁶.

Традиции возведения домов с плоской земляной крышей сохранялись на территории исторической Армении еще в начале XX в. Можно заключить, что типологически жилища с плоской кровлей, распространенные в Крыму и Армении, были близки: обычно это прямоугольное в плане строение с плоской земляной кровлей, позже с балконом вдоль всего дома. Возводимые на склоне дома задней стеной врезались в скалу. «В конструкции дома такого типа — пишут исследователи традиционного жилища армян — несущими... являются стены, на которые кладут балки... грубой отделки, поверх которых поперечно укладываются плотными рядами тонкие, прямые жерди или доски, а сверху все это постилалось камышом и соломой и засыпалось довольно толстым слоем... глины...»¹¹⁷.

В Крыму такой тип жилища получил преимущественное распространение на южном берегу. К началу XX в. — моменту их описания

¹¹⁴ Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму: дис. ... доктора архит.: 18.00.02. — Симферополь, 1999. — С. 114–166.

¹¹⁵ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с рукописи, вступ. статья и прим. К. И. Раткевич. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1941.

¹¹⁶ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г... С. 34.

¹¹⁷ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. — С. 160.

этнографами, многие из них уже имели окна, хотя еще сохранялись и освещавшиеся через крышу. Улицы в таких селениях отсутствовали, от дома к дому можно было пройти либо по крышам, либо через небольшие лесенки, соединяющую постройки разных уровней. Комнаты располагались компактно. Дома имели галереи¹¹⁸.

Компактная схема, пишет А. А. Сафонов, формировалась в поселениях, границы которых очерчивались естественными преградами¹¹⁹. В целом соглашаясь с автором, хотелось бы добавить, что планировочные схемы данного типа возникали и там, где появлялись искусственные преграды — городские крепостные стены. Примерами, иллюстрирующими данное утверждение, служат армянский квартал Айоц Берда в Кафе, сам город Кафа и др. Возведение оборонительных стен неизбежно приводило со временем к тесноте внутри них. Плотность застройки в укрепленных городах могла достигать до 70–80% площади усадьбы¹²⁰.

Общинное мировоззрение, характерное для народов, находящихся на традиционной стадии развития, у армян имело свои специфические черты. Они объединялись в замкнутые азговые кровнородственные группы, занимавшие отдельные кварталы. Мелкие поселения крымских армян, как правило, не делились на кварталы, что могло означать проживание там одной азговой группы. В более крупных поселениях, например, на территории города Кафа кварталы имели различные размеры, тупиковые улочки, облегчавшие сообщение членов одной семьи.

Разбросанная схема планировки характерна для населенных пунктов, существовавших на плоскогорьях. Они состояли из групп хуторов и усадеб, между которыми оставались большие пространства. Постройки перемежались с обрабатываемой землей. Турецкий путешественник

¹¹⁸ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы. — М., 1925.

¹¹⁹ Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму... С. 115.

¹²⁰ Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян // Архитектурное наследие. — 1996. — № 41 — С. 60–75.

Э. Челеби отмечает, что ему встречались села, в которых приходилось долго идти от одного дома до другого¹²¹. Усадебный дом в этих поселениях стоял в центре двора, глухой стеной выходя в сторону улицы.

План г. Старый Крым, выполненный И. Лютовым в конце XVIII в.¹²², предоставляет хорошую возможность для выявления особенностей традиционной застройки городов в Крыму. Кварталы имели произвольную геометрическую форму, определяемую сетью мелких улиц и дорог, обеспечивавших связи с другими городами и селениями, а также горами, служившими укрытием в случае опасности. План сформировался естественным путем под влиянием торговой функции. В XVII в. Э. Челеби писал, что здесь «дома стоят редко, и соседям приходится идти от одного дома к другому»¹²³.

Таким образом, крымские населенные пункты имели разные планировочные структуры, которым соответствовали определенные типы жилищ.

На территории Крымского полуострова не сохранилось средневековых жилищ, а имеющиеся археологические данные не позволяют выявить их различия по этническому принципу¹²⁴. Представляется вероятным, что на полуострове не существовало таких отличий, а были только территориальные. Преобладание в той или иной местности определенного типа построек было обусловлено, в первую очередь, ландшафтными условиями, наличием строительных материалов и традициями жителей данной территории. Как замечает А. Л. Якобсон, постройки средневекового

¹²¹ Челеби Э. Книга путешествий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimeantatars.com/>.

¹²² Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян... С. 60–75.

¹²³ Челеби Э. Книга путешествий...

¹²⁴ Подробно об этом см.: Баева О. В. Жилища Крыма в эпохи Средневековья и Нового времени. К проблеме традиций и культурных влияний // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2019. — № 12. — С. 161–180.

Крыма: «пронизаны в сущности единством стиля вне зависимости от этнической принадлежности памятника...»¹²⁵.

Данное положение косвенно подтверждают и письменные источники, представленные заметками путешественников. Э. Челяби в XVII в. написал о домах в Старом Крыму: «с верхним и нижнем этажами, каменной кладки и крытые черепицей». Жителей Крыма, по его сведениям, всего пятьсот: мусульмане, армяне, иудеи и греки. Следовательно, городские дома не имели явных этнических различий. Это предположение подтверждает и анализ сообщений других путешественников. Академик Паллас описал дома Евпатории: «все оное строение из дикого камня, земляного кирпича на глине под черепицею»¹²⁶.

Однако мы все же находим одно упоминание у Э. Челеби, описавшего дома села Топлы, как похожие на дома Эрзурумской страны: «построены из сосновых бревен, с куполами из сосновых бревен, подобных крыльям ласточки»¹²⁷. Возможно, в данном случае речь идет о типе жилища, распространенном на территории Армении, известном в литературе под названием глхатун. Особенность этого типа жилища — характерное перекрытие в виде усеченной квадратной или восьмигранной пирамиды с отверстием в центре кровли. Однако каких-либо других данных по этому вопросу не имеется, и если считать запись Челеби соответствующей действительности, то село Топлы являлось редким исключением из общей строительной практики средневекового Крыма¹²⁸. Это могло быть связано с

¹²⁵ Яacobсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры ... С. 147.

¹²⁶ Прохоров Д.А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. — Вып. 7. Севастополь — Тюмень — Нижневартовск, 2015. — С. 239.

¹²⁷ Челеби Э. Книга путешествий...

¹²⁸ Т. Саргсян по этому поводу заметила, если Э. Челеби привлекли дома этого селения, значит они были нечасто встречающимся явлением в Крыму. Что не совсем так, поскольку он описывает дома всех селений, в которых побывал (Саргсян Т. Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://armstudies.asj-oa.am/86/1/84.pdf>).

тем, что все население здесь было армянским и переселившись на территорию, опустевшую с античных времен, люди строили дома привычным для себя способом.

В большинстве городских поселений жилая ячейка, как правило, являлась труднодоступной, дорога к единственному входу пролегла через узкий проход. Лавки и ремесленные мастерские имели большую степень доступности. Зачастую мастерские и лавки находились за пределами жилища, как, например, в Бахчисарае. Черта характерна для всех народов, населявших Крым — их усадьбы были закрытыми, недоступными для посторонних. Открытость улице и обращенность в город, характерная для мастерских и магазинов, и скрытость от посторонних глаз жилых домов.

Жилища, характерные для поселений горной местности (ячеистой системы поселения), в общих чертах были охарактеризованы выше. В городах, находившихся в предгорной местности, преобладали другие типы домов. В большинстве из них нижний этаж возводился из камня, верхний — из дерева или глины с деревянным каркасом. На первом этаже устраивались кладовые, и он мог быть заглублен. Во дворе находились хозяйственные постройки и летние кухни. Габаритные размеры двора — от 3 до 10 м¹²⁹. Соседняя усадьба отделялась глухой стеной, весь участок ограждался каменным забором.

В юго-западном и южном Крыму в зонах предгорной лесостепи, горных лесов и лугов распространение получили дома, весьма близкие по своим объемно-планировочным решениям, но различные по технологии строительства. Этнический состав населения этих мест был разный. Однако исследователи считают, что эти территории оказались под влиянием культуры Малой Азии и меньше Византии как таковой¹³⁰. Значительный вклад в строительство вносили переселявшиеся сюда армяне и греки. Причем местные греки, по мнению исследователей, «тяготели не столько к Византии,

¹²⁹ Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму... С. 120.

¹³⁰ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 40.

сколькo к Каппадокии и Пафлагонии», из Малой Азии направлялся и основной поток населения в период иконоборчества¹³¹. Торговля средневекового Херсона была налажена с малоазийскими провинциями Византии¹³². Татары, со временем расселявшиеся здесь, находились, в том числе, под влиянием сельджуков. Итальянские торговые фактории, расположенные на побережье, стали источником распространения фортификационной строительной культуры и отчасти архитектуры жилищ знати, но в долгосрочной перспективе не повлияли на народное жилище.

В городах княжества Феодоро строили одноэтажные или двухэтажные дома, подобные тем, что строили в Херсонесе в XII–XIII в. Такую постройку описал А. Л. Якобсон на примере усадебного дома Херсонеса. Автор приводит реконструкцию его облика¹³³. Нижний этаж складывали из камня на глиняном растворе, сверху на него помещали деревянный каркас, заполнявшийся саманом. Под частью дома устраивали подвал. В горной местности первый этаж часто уходил в скалу, и подвальные помещения отсутствовали. На верхний нависающий¹³⁴ этаж вела лестница, примыкавшая к галерее.

К XIX в. в Бахчисарае также распространяется тип дома с выступающими стенами второго этажа. Ф. Домбровский в 1848 г. писал, что в Бахчисарае частных каменных домов имеется 686, деревянных 1530. «Все, или почти все, дома, — уточняет автор, — показанные в числе каменных, суть так-сказать, полукаменные, т.е. нижний этаж... построен из камня-известняка, а верхний из плетня, обмазанного глиной»¹³⁵. Более подробное описание оставил нам Б. А. Куфтин, изучавший татарские дома в первой

¹³¹ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 14.

¹³² Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С. 59.

¹³³ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С. 85.

¹³⁴ Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму... С. 114.

¹³⁵ Домбровский Ф. Историко-статистический очерк Багчесерай // Новороссийский календарь на 1849 год. — Одесса, 1848. — С. 380–397.

трети XX в.: «Нижний этаж делается из камня, при чем задняя каменная стена..., выходящая на улицу, выкладывается значительной до 1 метра толщины и продолжается в верхнем этаже дома. Обычно второй этаж складывается из воздушного кирпича — „калыба“, на каркасе из узких деревянных планок. Часто верхний этаж не соответствует нижнему по величине и форме и выдается над ним широким навесом или выступающими углами... Выступающая часть верхнего этажа — „теремэ“ — поддерживается деревянными гнутыми подпорками, которые нижними концами упираются в стену первого этажа. Со стороны двора верхний этаж также выступает над нижним, причем выступающая часть представляет собою галерею...»¹³⁶.

Подобные постройки существовали на территориях современных Турции, Армении, Грузии и др. Куфтин считал, что такой «византийский тип» дома распространился у татарского населения через турецкое влияние и указывал на его изначально малоазийские истоки. Это мнение подтверждает замечание М. Броневского, посетившего Крым в XVI в.: «Салачик — поселение с хорошими домами, построенными турецкими жителями»¹³⁷. Вместе с тем археологические данные свидетельствуют о существовании подобного типа построек в районе Херсона в XII–XIII в.¹³⁸. Следовательно, эти дома могли возводиться под влиянием некогда сложившейся традиции с наложением на нее заимствований из Османской империи, что особенно наглядно проявлялось в интерьере городских и отчасти сельских домов.

Схожим способом строили дома «с нависающими балконами». Это жилища с нижним каменным этажом или высоким цоколем и со вторым этажом, представлявшим собой деревянный каркас, заполняемый саманными кирпичами или каменный с горизонтальной прокладкой дубовых досок (лежней). Для этих домов характерно наличие выступающей за основной

¹³⁶ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 13.

¹³⁷ Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. — Т. VI. — Одесса, 1867. — С. 45.

¹³⁸ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С.313.

объем дома галереи или веранды на деревянных подпорках, примыкавших к стене продольного фасада (см. табл. 1: дом в селе Плотинное, общий вид армянского монастыря). На второй этаж вела наружная лестница, выходящая к галерее. Иногда на поперечном фасаде дополнительно устраивали свисающий частично закрытый досками балкон. Совмещение каменного низа и верхнего деревянного каркаса — распространенный прием строительства у многих народов. Как отмечалось выше, он был давно известен и в Крыму. Дома на сырцово-кирпичном цоколе со стенами на деревянном каркасе или фахверковыми были известны в городах Золотой орды¹³⁹.

В селах предгорной и горной местности строили «плаховые» дома. Они складывались из плоских досок, которые ставились ребром друг на друга и скреплялись на углах накрест¹⁴⁰, как правило, «в обло». Дома перекрывались двухскатной или четырехскатной крышей. Несколько таких построек сохранилось до наших дней¹⁴¹. Вдоль протяженного дворового фасада первого или второго этажа устраивалась галерея-веранда, к которой примыкала наружная лестница, ведущая на второй этаж. Галерея, как правило, выполнялась из другого материала¹⁴².

В плане все описанные выше жилища были прямоугольными, первоначально одно-двухкамерными. Размеры двух помещений могли быть как примерно одинаковыми, так и незначительно отличаться. Подобные планировки, например, сохранились еще в конце XIX – начале XX в. на территории Армении. Даже при появлении дополнительных комнат основа дома из двух – трех линейно расположенных помещений в большинстве

¹³⁹ Надьрова Х. Г. Градостроительная культура Волго-Камья X — середины XVI вв.: концепция формирования и исторического развития: дис ... доктора архитект.: 05.23.20. — Нижний Новгород, 2014. — С. 242.

¹⁴⁰ Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. — Т. II: Бахчисарайский район / под ред. Р. С. Хакимова. — Симферополь, 2016. — С. 120.

¹⁴¹ Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. — Т. II: Бахчисарайский район... С. 121.

¹⁴² Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 17.

случаев сохраняется¹⁴³. Вместе с тем планировочные структуры домов в этот период демонстрируют тенденцию к усложнению, но в большинстве находим основу из двух равных помещений¹⁴⁴.

Значительным отличием крымских домов можно считать практически обязательное наличие галереи (открытых сеней) или навесного балкона, располагавшихся на продольном или поперечном фасаде. Этот архитектурный элемент хорошо известен в строительстве многих стран и народов. В Средней Азии его называют айван, и выделяют два типа. Айван-лоджия располагалась между двумя комнатами, и связывалась с ними дверными проемами. Айван-галерея ставится перед фасадом здания¹⁴⁵. Э. Д. Зиливинская отмечает, что на территории Золотой Орды преимущественное распространение получил айван-лоджия. Исследователь указывает, что такая айванная планировка пришла из Средней Азии¹⁴⁶.

На территории Крыма безусловное преобладание получает другой тип — айван-галерея или открытые сени. Подобные галерейные дома были распространены в Малой Азии, на Северном Кавказе и многих других территориях. В Армении и Грузии большинство крестьянских домов были галерейными. Происхождение айвана-галереи в корне отличается от лоджии. Если последняя формируется путем пристройки дополнительных однокамерных домов и служит их связующим элементом, то появление галереи можно объяснить иным функциональным назначением. Здесь наблюдаем и особую конструкцию кровли, значительно выступающей за стены дома, что предопределяет ее опору на специальные деревянные столбы. Крышей этого помещения служат продолжение скатов кровли,

¹⁴³ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования... Приложения.; Гаспарян М. А. Архитектура жилых домов Еревана XIX — начала XX вв.: дис ... канд. архитектуры: 18.00.01. — Москва, 1983. Приложения.

¹⁴⁴ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... Приложения.

¹⁴⁵ Воронина В. Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Е. Е. Неразник, А. Н. Жилина. — Москва: «Наука», 1983. — С. 121–134.

¹⁴⁶ Зиливинская Э. Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой орды по данным археологии: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06. — Москва, 2012. — С. 404.

образуемых либо стропильными ногами, либо кобылками из более тонких жердей. При этом дом и галерея находятся под одной крышей, покрываемой черепицей. В двухэтажных домах галереи могли устраивать на двух этажах или только на втором.

Такие галереи или открытые сени со временем преобразуются в закрытые или остекленную веранду, зачастую уже отдельно пристраиваемую к фасаду, и перекрываются более низкой наклонной кровлей. По такому же принципу часто делались «прирубы» в русских избах. Эволюцию такой галереи можно наблюдать в крымском жилище, что можно объяснить желанием увеличить площадь дома. Стремление к увеличению площади проявлялось и в устройстве выступающего второго этажа, с опорой его свисающей части на кронштейны или колонны.

Еще одна особенность крымских домов — использование плетневых технологий. Плетневые дома на каменном фундаменте строили в сельских поселениях юго-западного и восточного Крыма еще в IX в.¹⁴⁷ В Новое время многие городские и сельские дома имели одну плетневую стену, обмазанную глиной. В ней устраивали вход и большинство оконных проемов. Плетневые дома получили распространение и в степных районах полуострова.

В степном и предгорном Крыму существовали и постройки из саманного кирпича. Первоначально они были однокомнатными с сенями и помещением для скота, которое было продолжением жилой части удлиненного дома и находилось под одной с ней крышей¹⁴⁸. Якобсон, основываясь на археологических данных, сообщает, что сельские жилища в Крыму, как правило, возводилось из саманных кирпичей и состояло из двух-трех помещений, одно из которых было хозяйственным.

Отапливались дома куполообразной печью (рис. 14), описанной Б. А. Куфтиным: «В спальне у стены, отделяющей ее от кухни, устраивается

¹⁴⁷ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С. 45.

¹⁴⁸ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 20.

куполообразная печь, служащая для обогрева этой комнаты и для выпечки хлеба. Ее отверстия — устье и дымоход — выходят в кухню в стенку очага»¹⁴⁹. На южном берегу Крыма такие печи, по свидетельству того же автора, часто устраивались вне дома, иногда они примыкали снаружи к стене с очагом или стояли отдельно во дворе. У татар она называлась фурун. Автор указывает на ее римские аналоги и достаточно широкое распространение. Под разными названиями она известна в Иране, некоторых регионах Украины, России и др. Примечательно, что такая печь была известна в Передней Азии, в том числе у грузин она называлась «пурни»¹⁵⁰.

Сельские поселения, как правило, не обносились стенами, их обитатели в случае военной опасности прятались в близлежащих лесах или горах. На их планировку в большей мере оказывал влияние рельеф местности. Маленькие селения разбивались на кварталы или районы только в том случае, когда по их территории протекали речки или пролегали ущелья. Дворы имели зеленые насаждения и различные подсобные помещения.

Таким образом, на территории Крыма сложилось несколько типов жилых построек, которые имели незначительные этнические различия, проявлявшиеся, как правило, на уровне планировочных решений, определявшихся религиозными нормами. Традиции этих жилищ представляли различные наслоения, пришедшие из культур народов, проживавших на этих территориях в разные исторические периоды, и были тесно связаны с зодчеством как античным, так и варварского мира, демонстрировали значительное влияние архитектуры Передней Азии, прежде всего Малой Азии. К концу изучаемого периода городские поселения полуострова имели облик весьма схожий с городами Османской империи.

Монументальная архитектура крымских армян нам известна по храмам, обладающим разнообразной типологией и яркой образностью, и несколькими

¹⁴⁹ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 23.

¹⁵⁰ Пантюхов В. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. — Тифлис, 1896. — С. 91.

родникам — довольно большим, инженерно непростым и торжественно оформленным сооружениям, которые входили в ансамбли монастырей (Сурб Хач) или располагались на городских улицах (Кафа).

Храмы (табл. 2), строившиеся в границах поселений, имели различное положение в их структуре, зависевшее от разных факторов: моноэтничности поселения, его территориального развития со временем, количества культовых построек в селении, ландшафта и д.т. Относительно монастырей известно два варианта их расположения: на окраине селений или в удалении от них.

Почитаемый в Средние века и Новое время, большой и богатый монастырский комплекс Сурб Хач расположен в нескольких километрах от г. Старый Крым, на склоне горы в лесистой местности. Его строительство начинается в XIV в. как резиденции архиепископа армян «григорианского вероисповедания» Золотой орды, а позже Крымского ханства¹⁵¹. Сегодня комплекс имеет хорошую сохранность, а проводившиеся реставрационные работы дали материал для изучения его планировочной структуры (рис. 15–16).

Постройки комплекса размещены в середине принадлежащей ему обширной территории, площадь которой в 1795 г. составляла 2288 десятин¹⁵². В состав комплекса входили церковь с гавитом, трапезная, сторожевая башня (колокольня), кельи и здание гостиницы, построенной в начале XX в.¹⁵³. Эти постройки примыкали друг к другу, образуя внутренние дворики.

С южной стороны комплекса была устроена площадка для размещения гужевого транспорта. С западной стороны от него, на склонах оврага, по принципу террас были разбиты сад и огороды, от них к комплексу вела высокая лестница, которая, как и два фонтана, расположенных в этой западной части территории, были построены в XVIII–XIX вв.

¹⁵¹ Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян / научн. ред. Т. Саргсян. — Симферополь, 2019. — С. 309.

¹⁵² Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян... С. 89.

¹⁵³ Общий вид армянского монастыря Сурб Хач. Крым. ИИМК РАН. Фотография. 1886 г.

Согласно реконструкции монастырского комплекса, выполненной М. В. Петросяном и Ю. С. Ворониным¹⁵⁴, лестница имела несколько пролетов и выходила к проему монастырской стены, оформленному высокой аркой на пилонах.

Считается, что средневековые культовые сооружения армян в Крыму построены до установления господства турок (1475), т. к. строить христианские церкви они запрещали¹⁵⁵, но, получив разрешение властей, можно было восстанавливать и ремонтировать уже имевшиеся. Тем не менее, порой восстановление могло оборачиваться в новое строительство на месте обветшавшей церкви. Кроме того, некоторые постройки относятся учеными именно к османскому периоду, например, — церковь Спасителя у нынешнего села Богатое (бывш. Бахчи-Эли), но относительно точной датировки ее строительства высказываются различные мнения.

Для средневековых построек в Крыму характерны те же строительные технологии, которые традиционно использовались армянами. Камни, выложенные в два параллельных ряда, с забутовкой между ними. Несущие части сооружений — фундаменты, цоколи и стены выкладывались в большинстве случаев из грубо сколотого камня на известковом растворе, что было продиктовано дефицитом в Крыму строительного материала хорошего качества. Углы зданий, обрамления и перекрытия проемов, сводчатые перекрытия сооружались из чисто отесанных камней. Кровля, как правило, была черепичная, реже из каменных плит¹⁵⁶. В целом и за редкими исключениями такая технология строительства монументальных сооружений, развивавшаяся и в фортификационном зодчестве генуэзской

¹⁵⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян... С. 305.

¹⁵⁵ Саргсян Т. Э. Армянское архитектурное наследие в Крыму и проблемы его сохранения // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы II международной научной конференции, 26–28 мая 2015. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 210–214.

¹⁵⁶ Халпахчян О.Х. Культовые постройки крымских армян // Архитектурное наследство. — 1992. — № 39. — С. 32–45.

эпохи, полностью соответствовала нормам провинциальной архитектуры в средневековой Армении¹⁵⁷.

В Крыму распространение получили следующие типы армянских церквей:

- 1) сводчатые залы с одной или тремя апсидами, покрытые двухскатной кровлей;
- 2) крестово-купольные, именуемые купольным залом (тип купольного зала);
- 3) скальные постройки упрощенного вида.

Многие храмы, вне зависимости от их архитектурного типа, предварялись большими залами-гавитами или жаматунами.

Культовые постройки первого типа являются самыми многочисленными в Крыму. Большинство их, такие как церкви Георгия в Старом Крыму (XIII – XIV вв.), Ильи в селе Коз (X-XIII в.), Иоанна Богослова (XIV в.) в Кафе (Феодосии), Саркиса (XIV в.) и Параскевы Пятницы (1702 г.) в Топлы и др., являются продольно, по оси «запад-восток», спланированными прямоугольными сводчатыми залами с апсидой на восточной стороне. Однако существует еще одна группа сводчатых зальных церквей, с более широким наосом, завершенным на востоке тремя апсидами: широкой центральной и малыми боковыми. К ним относятся церкви Св. Саркиса в Феодосии и церковь монастыря Св. Стефана близ монастыря Сурб Хач. Своды большинства зальных церквей усилены подпружными арками. Их количество могло варьироваться от двух до четырех.

Сохранившиеся купольные храмы можно считать купольными залами, которые своей основной идеей совмещения крестовокупольной структуры с пилонами, соединенными с продольными стенами, восходят к исходному варианту такого типа, созданному во второй половине VII в. в Армении

¹⁵⁷ О начальном этапе ее развития см.: Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции, в 4-х т. — Т. 4. — Москва: Локус Станди, 2012–2013.

(собор в Аруче, церковь в Птгни и др.)¹⁵⁸. Наиболее упрощенную версию купольного зала встречаем в церкви Св. Иоанна Крестителя в Кафе (район Карантин) (1348 г. либо более ранняя¹⁵⁹). Как и в большинстве однотипных построек в Армении XII–XIV вв., она имеет только два западных пилона, а с восточной стороны им соответствуют широкие заплечики апсиды. В церкви Св. Знамения (Ншан) монастыря Сурб Хач (1358) пространство гораздо более развитое, а в паре подкупольных пилонов устроены нишки-апсиды. При перестройке (возможно, 1408 г.) церкви Св. Георгия в Кафе методом введения в его широкий зал двух пар пилонов и устройства купола над ними, был создан интерьер, походивший на структуру пространства самых ранних купольных залов, но гораздо более приземистый.

Особняком от отмеченной типологии крымских храмов стоит церковь Архангелов в Кафе (1408), композиция которой сочетает формы и достоинства купольных залов, местных трехапсидных церквей и западноевропейских различных построек с трансептом.

Шахазиз пишет, что в Крыму: «все строения – монастыри, церкви, часовни, купели родников были в армянском стиле, со вкусом украшены чеканными прочными деревянными дверьми, многие из которых вместе с другими церковными украшениями и посудой переселенцы привезли из Армении»¹⁶⁰. Зодчие, к чьим заслугам могут быть отнесены памятники армянской культовой архитектуры в Крыму, неизвестны. Возможно,

¹⁵⁸ О купольных залах, в частности, см.: Казарян, А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции, в 4-х т. — Т. 3. — Москва: Локус Станди, 2012–2013.

¹⁵⁹ Опирающаяся на неизвестный источник традиционная датировка А. Л. Якобсона и О. Х. Халпахчьяна оспорена: Казарян А. Ю., Лошкарёва Е. А. Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования // Археология средневекового храма. Международная конференция, посвященная 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича, 25–29 сентября 2017. — Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2017. — С. 31–34.

¹⁶⁰ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 24.

строительные работы, как и в Армении¹⁶¹, выполнялись подрядным способом артелями вольнонаемных мастеров. Источники сообщают о некоторых заказчиках строительства храмов (Архангелов в Кафе, Сурб Хач).

Любопытна эволюция отдельных архитектурных форм в связи с конструктивными и стилистическими заимствованиями из западноевропейской архитектуры, с одной стороны, и мусульманской — золотоордынской и позже раннеосманской, с другой. Отдельные мысли по этому вопросу высказывали А. Л. Якобсон, О. Х. Халпахчян, Е. А. Айбабина¹⁶², Т. Э. Саргсян. Очевидно, что особая форма порталов с киотами и аркой на кронштейнах, стрельчатых арок, крестовых сводов с гуртами могли появиться только в качестве заимствований из арсенала романских и готических зодчих. Частое применение сталактитовых конх в нишах, устройство ниш в боковых стенках входных порталов, скорее всего, появились под воздействием мусульманских образцов.

Наиболее показательна в этом смысле церковь архангелов Михаила и Гавриила (1408) в Феодосии, являвшаяся кафедральным собором армянского епископа. Вокруг нее завязалась полемика. Существует предположение, что церковь могла принадлежать армянам-католикам, но прямых аналогов среди католических церквей не существует. А. Л. Якобсон высказывает мнение о том, что архитектура этой и некоторых других армянских церквей, построенных на полуострове в XIV–XV вв., испытала европейское влияние: церковь Михаила и Гавриила «построена в очень упрощенной форме католических церквей Западной Европы и находит себе близкие аналогии в архитектуре Италии ... Наружным массам здания придана форма латинского

¹⁶¹ Исследований организации строительного дела в средневековой Армении мало. Среди них: Казарян А. Ю. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. — Москва: ЛЕНАНД, 2012; Халпахчян О. Х. Организация строительного дела в средневековой Армении // Историко-филологический журнал. — 1967. — № 2–3. — С. 205–220; Հարարեան, Մ. Հայաստանում ու իջնադարում շինարարական գործի կազմակերպումը (Асратян М. Организация строительного дела в Армении позднего средневековья) // Հայկազգան հայագիտական հանդես (Айказеан арменоведческий журнал). — Бейрут, 1997. — 234–245 с.

¹⁶² Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. — Симферополь: Сонат, 2001.

креста с куполом (на световом барабане) в средокрестии»¹⁶³. Такие черты европейской архитектуры, как большой крестовый свод с широкими гуртами, имеет и церковь св. Ильи около села Богатое. Автор объясняет такое влияние успехами римской церкви в приобщении армян к католицизму. Переход в другую веру влиял на архитектурные предпочтения заказчиков. Именно поэтому, считает Якобсон, существуют отличия в храмовой архитектуре крымских армян XIV и XV в.

О. Х. Халпахчян считает неубедительным утверждение А. Л. Якобсона о том, что армянские церкви Крыма, в частности, архангелов Гавриила и Михаила и Св. Ильи, возведены под влиянием западноевропейского зодчества. Архитектурное отличие церкви архангелов Гавриила и Михаила от форм национального зодчества автор объясняет синтезом национальных традиций Армении с крымскими, обусловившим художественную уникальность сооружения. Церковь объединила особенности композиций трехапсидных крымских сооружений и купольных залов Армении. Архитектурные особенности церкви Св. Ильи, по мнению О. Х. Халпахчяна, также являются достижением армянского зодчества. Отнесение ее на счет западного влияния лишь из-за наличия крестового свода на гуртах, характера некоторых рельефов безосновательно, считает автор. Эти детали незначительны и не нарушают общего национального характера памятника¹⁶⁴. Такую позицию активно поддерживает Т. Э. Саргсян¹⁶⁵.

Таким образом, в основе культового зодчества крымских армян лежали традиции, привезенные их мастерами из Армении. Общение с другими народами на полуострове обогащало строительный опыт и способствовало выработке крымской традиции, свидетельством чему служит появление

¹⁶³ Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С. 115.

¹⁶⁴ Халпахчян О. Х. Культовые постройки крымских армян // Архитектурное наследие. — 1992. — № 39. — С. 32–45.

¹⁶⁵ Саргсян Т. Из истории Армянской церкви в Крыму: по памятным записям XIV–XV вв. // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 18 (1). — С. 15–32.

архитектурных приемов и элементов художественного оформления, которые, по мнению исследователей, не имеют аналогов ни в Армении, ни в Европе и являются находками местных мастеров. Соседство представителей различных этносов и торговая деятельность способствовали систематическим культурным контактам, запускавшим механизмы аккультурации. Этническая пестрота, характерная для всех городов Крыма обуславливала взаимовлияние культур.

ВЫВОДЫ

- Церковь стала объединяющим началом для армян. В период отсутствия государства она была связующим звеном для общин диаспоры и коренной Армении, способствовала становлению и выделению армянского мира из окружения других народов, развитию культурных контактов внутри этого мира и поддержанию национальной идентичности.

- Частью национальной идеи армян стала история народа и, прежде всего, понимание великого прошлого Армении. В среде донских армян эти идеи подкреплялись тем, что они считали себя наследниками и хранителями исторических артефактов Анийского царства.

- Анийская культура оказала значительное влияние на последующие эпохи, которое не ограничивалось средневековьем. С новой силой оно проявилось в XIX в., когда началось изучение истории и культуры западноармянских земель, появилась возможность посещать Ани.

- Ани был одним из самых больших и благоустроенных городов средневековой Армении. Но в целом имел подобную другим пространственную организацию. Это живописная планировка с доминирующими купольными храмами, дворцами, крепостными стенами и протяженным торговым центром.

- Отмечена высокая плотность почти сплошной застройки кварталов Ани прилежащими друг к другу каменными жилищами, которые ориентировались в сторону узких улиц глухими фасадами. Дома компактной

планировки имели несколько комнат. Несколько жилых ячеек группировались вокруг внутриквартальных двориков. На плоскую кровлю вели каменные лестницы, вмонтированные в наружные стены.

- Основным достижением арийских зодчих стало не развитие типологии храмовой архитектуры, а совершенствование стиля как результата поисков новых образов христианского храма. В русле этих поисков по-новому интерпретировались композиции храмов VII в., когда соединялись формы двух или трёх разных построек, а также обращались к формам порталов, окон и принципам разработки ордерных форм греко-римской античности. В основе нового расцвета армянской архитектуры лежало обращение к чтимым образцам, их творческое переосмысление зодчими и апелляция к этим святыням новой власти, поскольку заказчиками монументальных сооружений были царь и представители влиятельных княжеских родов.

- Строительная культура армян в Крыму опиралась на традиции, распространённые на их исторической родине, и поддерживалась народными мастерами-строителями.

- Типы жилищ полуострова, с теми или иными отличиями были распространены на значительных территориях византийского, а затем османского влияния. «Дома с плоской крышей», галереи и балконы на консолях были известны в Крыму и Армении.

- Культовое зодчество армян в Крыму в полной мере сохранило узнаваемые черты национальной архитектуры и ее строительные приемы. Вместе с тем можно наблюдать и эволюцию отдельных архитектурных форм в связи с конструктивными и стилистическими заимствованиями из западноевропейской архитектуры, с одной стороны, и мусульманской — золотоордынской и позже раннеосманской, с другой.

Глава 2. Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты

2.1. Иностранцы колонисты и переселенцы на территории Российской империи

Территории, на которых зарождалось и развивалось русское государство, населяли представители разных этнических групп. С ходом истории их количество увеличивалось, и можно говорить о двух основных путях формирования полиэтничности страны. Во-первых, присоединение новых территорий, на которых проживали представители других народностей и, во-вторых, переселение в пределы Российского государства отдельных этнических общин. Эти процессы наиболее заметно начинают проявляться со второй половины XVI в., а в эпоху Нового времени их масштаб и значение в политике государства многократно усиливаются.

В XVI в. в Москве появляется значительное количество иностранцев. В 1652 г. их переселяют в Новую Немецкую слободу, ставшую при Петре I «новым политическим и идеологическим центром», повлиявшим на градостроительное развитие Москвы¹⁶⁶. Петр I, заинтересованный в привлечении иностранцев на государственную службу, официально провозгласил в 1702 г. свободу для всех «с нашей церковью несогласных христианских сект»¹⁶⁷.

Массовое переселение иностранцев в пределы Российской империи началось в период правления Екатерины II. Она издала ряд манифестов в первой половине 1760-х гг., гарантировавших переселенцам различные

¹⁶⁶ Гуляницкий Н.Ф. Петербург и другие новые российские города XVIII первой половины XIX в. — Москва: Стройиздат, 1995. — С. 19.

¹⁶⁷ Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII — начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2010. — №4. — С. 247.

льготы, наделение землей и свободу вероисповедания. Заботясь о заселении «наивыгоднейших... к обитанию рода человеческого полезнейших мест» Российской империи «до сего еще праздно остающихся»¹⁶⁸ в большом количестве, императрица выделяла земли для основания поселений иностранцев. Пожелавшие переселиться получали статус колонистов и селились компактными группами на отведенных для них территориях. До 1780-х гг. поток колонистов был направлен в Саратовскую, Воронежскую, Черниговскую, Петербургскую и некоторые другие губернии, затем в южные земли, в Новороссийский край. Здесь основали свои поселения шведы, немцы, болгары, греки, сербы, армяне.

Помимо колонистов, переселявшихся группами, на территорию Российской империи приезжали и отдельные семьи. Они обустроивались в различных поселениях, постепенно образуя целые улицы или районы — болгар, сербов, греков, армян, немцев. Колониальное управление на них не распространялось, но они так же имели право свободно исповедовать свою религию и открывать приходы. В этот период неправославные приходы появились в крупных российских городах — Ярославле, Туле, Архангельске, Новгороде, Пскове, Астрахани и др.¹⁶⁹.

Тесные контакты представителей разных этнических групп способствовали культурному обмену, приводили к смешанным бракам и интеграции в экономическую и хозяйственную жизнь регионов России. С другой стороны, представители неправославных конфессий сохраняли тесные связи со своими единоверцами как личные, так и религиозные¹⁷⁰. Кроме того, некоторые из них имели довольно влиятельные общины в

¹⁶⁸ Манифест от 22 июля 1763 «О дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. XVI. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 313–316.

¹⁶⁹ Ющук Л.А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792–1917): дис. ... канд. архитект.: 18.00.01. — Новосибирск, 2001.

¹⁷⁰ Ющук Л.А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792–1917)... С. 89.

Петербурге. Немцы, армяне, грузины состояли на русской службе, и занимали высокие ступени в чиновничьей и предпринимательской иерархии.

Во второй половине XVIII в. этноконфессиональная структура населения Российской империи была весьма сложной. Иноверческое и инославное население, православные греки, грузины, сербы и др. имели различный статус и управление, зависящее от многих факторов, в том числе — проживали ли они на присоединенных к России территориях или образовывали общины за пределами исторического проживания своего этноса. Народы, проживавшие компактно на территориях, отходивших к России с XVI в., имели административное управление, отличное от колониального.

Рассматриваемая в диссертации армянская община Нижнего Дона оказалась в роли переселенцев, миссией которой станет освоение необжитых степных пространств. Сообщество армян, обосновавшихся в 1779 г. на Дону, было далеко не первой армянской общиной на территории Российской империи. Еще в годы расцвета Древней Руси армяне компактно селились в Киеве. Армянские кварталы формировались в поволжских городах Золотой Орды, впоследствии вошедших в состав России, и играли важную роль в торговых связях с Востоком. Община армян в Астрахани занимала ключевые позиции как в хозяйственной жизни города, так и в международной торговле России на протяжении XVII–XVIII вв. В российских столицах к середине XVII в. сформировались армянские общины со своей торгово-промышленной аристократией. Наконец, укоренение на Дону армян-переселенцев из Крыма сопровождалось примерно одновременным, происходящим в эпоху Екатерины Великой, завоеванием значительных территорий на юго-западе: на черноморском побережье, в Крыму и в Бессарабии, где армянские общины, как и десятки разных и давно проживавших там народов, оказались вовлечены в хозяйственно-правовое и культурное поле новой для них империи.

Таким образом армяне оказались в многонациональной империи, власти которой наряду с активной переселенческой политикой должны были озаботиться вопросами правового регулирования религиозного, политического и экономического положения своих подданных различных вероисповеданий. Градация населения не только по сословиям, но и по принципу конфессиональной принадлежности, сохранялась вплоть до революции 1917 г. При чем национальность человека имела меньшее значение, чем его вероисповедание. Если светское управление различными народами зависело от территории их проживания и статуса, который они получали в империи, то в религиозном плане их положение определялось принадлежностью к одной из групп: иноверцы, инославные и православные. Подданные империи армяне автоматически попадали в разряд не титульного христианского населения или, по терминологии тех лет, инославных, наряду с католиками и протестантами. Их статус был отличным от православных христиан, но весьма привилегированным.

Самыми близкими по вероисповеданию и самыми многочисленными первоначально были болгарские колонии. Они находились в основном в южных районах империи, ими были основаны компактные поселения в Бессарабии в конце XVIII — первой половине XIX в. Выходцы из Сербии и некоторых других балканских стран в XVIII в. образовали военно-административную единицу, получившую название Новая Сербия, поселенцы которой в 1752 г. основали новое поселение на Северском Донце — Славяносербию.

После 1763 г. начинается массовое переселение немцев в Российскую империю. О масштабах их переселения можно судить по тому, что только в 1764–1773 гг. в Саратовском уезде Астраханской губернии ими было основано 106 колоний и одна слобода в Саратове¹⁷¹. Они селились округами, в которые могло входить до 1000 семейств.

¹⁷¹ Geschichte der Wolgadeutschen. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wolgadeutsche.net/history/tab1_mutterkolonien.htm.

Согласно статистическим данным конца XIX в. колонии иностранцев были в шести губерниях Российской империи. Количество поселенцев в них и распределение по уездам приведены в таблице¹⁷².

Таблица 1.

Распределение колоний иностранцев по губерниям Российской империи

Губерния	Кол-во уездов	Число домохозяйств	Число поселян
Санкт-Петербургская	1	44	452
Саратовская	4	16634	134732
Самарская	2	26880	174898
Херсонская	2	845	4847
Таврическая	5	10948	67142
Екатеринославская	2	13236	80179

В 1857 г. был издан «Устав о колониях иностранцев в империи», обобщивший все основные положения об организации управления колониями и правовом статусе поселенцев. Согласно документу, все иностранные поселенцы управлялись Министерством государственных имуществ, а на местном уровне органы управления ими были различными. Поселенцы южного края находились в ведении Попечительного комитета об иностранных поселенцах, для каждой колонии назначались смотрители, надзирающие за соблюдением законом и порядком. В колониях учреждались окружные и сельские приказы, возглавляемые выборными лицами¹⁷³.

В 1871 г. были изданы особые правила для колонистов, отменившие многие привилегии. «Высочайше утвержденные правила об устройстве

¹⁷² Благовещенский Н. А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. — Т. 1: Крестьянское хозяйство. — Москва: Типолиитография Высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893.

¹⁷³ Устав о колониях иностранцев в империи // СЗРИ. — Т. XII. — Ч. II. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857.

поселян-собственников (бывших колонистов)»¹⁷⁴ отменяли особое управление колониями и приравнивали селян к русским крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости. Бывшие колонисты теперь подчинялись ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений и причислялись к сельским обывателям. Колонистские округа преобразовывались в волости, а общественное сельское и волостное управление, волостной суд поселян устраивались на основании «Общего положения о крестьянах» с некоторыми дополнениями. В документе особо подчеркивалось, что «приговоры Сельских и Волостных Сходов, а равно Волостных Судов, составляются и все делопроизводство в общественном управлении ведется на Русском языке». Таким образом, иностранные колонии лишались своего особого статуса и управления, но сохраняли все земельные и имущественные владения.

До начала XIX в. централизованной и упорядоченной системы управления религиозными делами иноверцев и инославных не сложилось. Они были сосредоточены в различных органах. В 1810 г. Александр I создал Главное управление делами не греко-российских исповеданий, а в 1817 г. иноверческие и инославные церкви были переданы в ведение Министерства духовных дел и народного просвещения и Департамента духовных дел иностранных исповеданий¹⁷⁵, который в 1832 г. вошел в состав МВД¹⁷⁶. Департаментом в 1836 г. был составлен «Устав исповеданий иноверческих и православного»¹⁷⁷. В 1857 г. были изданы Уставы духовных дел иностранных исповеданий: «О управлении духовных дел Христиан Римско-

¹⁷⁴ Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования, 1652–1917 / ред. совет В. В. Ауман и др.; сост.: В. Ф. Дизельдорф. — Москва: Междунар. фонд "Демократия": Материк, 2006. — С. 511.

¹⁷⁵ Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юр. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2006. — С. 9.

¹⁷⁶ Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII — начало XX вв.) ... С. 247.

¹⁷⁷ Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII — начало XX вв.) ... С. 247.

Католического исповедания», «О управлении духовных дел Христиан Протестантского исповедания», «О управлении духовных дел Христиан Армяно-Грегорианского исповедания», «О управлении духовных дел Евреев», «О управлении духовных дел Магометан», «О управлении духовных дел Ламаитов и язычников».

Согласно Уставу духовных дел христиан армяно-григорианского исповедания главное управление церковью и высший надзор за духовенством принадлежал Эчмиадзинскому Патриарху, избираемому всем гайканским народом армяно-григорианского исповедания и назначаемому императором России¹⁷⁸.

До начала XX в. в законодательстве оговаривались лишь необходимые нормы устройства церковной организации армян, другим правовым вопросам уделяется мало внимания. В этом смысле они отличаются, с одной стороны от других инославных конфессий Российской империи, а с другой стороны, от колоний православных. Законодательные акты, касающиеся первых, встречаются чаще и отличаются большим вниманием к различным деталям и сторонам жизни поселян. Православным же переселенцам законодательство уделяет еще меньше внимания, поскольку в религиозном смысле они входили в структуру Синода, и на них распространялись все нормы православного исповедания.

Заселявшие новороссийский край в XVIII в. греки получили те же права самоуправления, что и армяне. В 1779 г. крымские греки были поселены в Мариупольском греческом уезде, главным городом которого стал Мариуполь. Им была дарована Грамота, гарантировавшая поселение на отдельной от других народов территории и позволявшая иметь самоуправление, они освобождались от воинской повинности и уплаты налогов на 10 лет, предоставлялась и своеобразная духовная автономия, но

¹⁷⁸ О управлении духовных дел Христиан Армяно-Грегорианского исповедания. — СЗРИ. — Т. 11. — Ч. 1. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857. — С. 278–288.

их Готфийско-Кефайская епархия подчинялась непосредственно Святейшему Синоду.

Исследователи отмечают, что в период империи вероисповедальная политика Российского государства хоть и носила противоречивый характер, но «общий вектор развития этой политики... составила тенденция к расширению веротерпимости»¹⁷⁹. Это должно было отразиться и на архитектурно-градостроительной практике, которая также контролировалась государством и в определенной мере являлась материальным выражением политических идей российской власти.

2.2. Принципы расселения и градостроительная организация поселений переселенцев на территории Российской империи

Помимо старых городов Российской империи, в которых проживали иноверцы и инославные (Москва, Астрахань, Санкт-Петербург и др.), для переселенцев во второй половине XVIII в. создавали новые города и села.

Некоторые поселения неправославных уже в XVII в. имели упорядоченную структуру и этим отличались от русских городов с их еще средневековой живописностью¹⁸⁰. Требования к организации городской среды, предъявляемые российской властью со второй половины XVIII в., должны были неодинаково восприниматься представителями разных

¹⁷⁹ Гаврилов А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: сущность, принципы, эволюция: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. — Москва: 2010.

¹⁸⁰ См., например, описание архитектурно-пространственной организации Немецкой слободы и ее влияние на градостроительство Москвы (Москва и сложившиеся русские города XVIII — первой половины XIX веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. — Москва: Стройиздат, 1998).

этносов. Но строгий контроль со стороны государства и целесообразность¹⁸¹ регулярного города способствовали достаточно быстрому его принятию.

Со второй половины XVIII в. для поселений колонистов сразу создавали градостроительные планы и проводили поквартальную разбивку территории¹⁸². Отечественные проектировщики ориентировались на тезис французских теоретиков о соединении единства и разнообразия¹⁸³. А. Писарев среди правил архитектуры выбранных «из разных сочинителей по сей части» указывает, что к разнообразию относятся различия нравов, обычаев и окрестности города, а единообразие составляют его правильность и простота¹⁸⁴.

Особенно эффективно такой подход был реализован на южных территориях империи, которые присоединялись к России в XVIII в. (табл. 3). Именно сюда, как было сказано выше, направлялся основной поток переселенцев с последней четверти XVIII в. Эти малозаселенные территории представляли уникальную возможность закладывать регулярные города. Преимущественно эти территории, объединенные в Екатеринославские наместничество, будут рассмотрены в данном разделе, т. к. представляют первостепенный интерес с точки зрения нашей темы.

¹⁸¹ А. С. Шумилкин отметил, что регулярность гарантировала надлежащий вид и «красивость», целесообразность и полезное использование городской территории. Упорядочивание городской структуры упрощало ориентацию в городе и определяло единый замысел передвижения. Так рационализировалось не только использование пространства, но и времени (Шумилкин А. С. Эволюция архитектурно-планировочной структуры Нижнего Новгорода конца XVIII — начала XX веков: дис. ... канд. архитек.: 05.23.20. — Нижний Новгород, 2010. — С. 9).

¹⁸² Екатерина II проводит масштабную градостроительную реформу, согласно которой каждый город должен иметь план, утвержденный монархом. Согласно новым нормам, старые города подлежат перепланировке на принципах регулярности, а новые сразу застраиваются по плану. Это было закреплено законом. См.: О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов по каждой губернии особо. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — № 11.883.

¹⁸³ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы / под ред. Е.И. Кириченко и др. — Москва: Прогресс-Традиция, 2001-2010. — С. 56.

¹⁸⁴ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С.58.

Включение новых территории юга в состав государства требовало решения двух задач: обеспечение их обороны и создание условий для экономического развития края. На первых порах приоритетным стало решение первой задачи. Создавались военизированные поселения. Так, болгары, сербы и др. образовали область, получившую название Новая Сербия, центром которой некоторое время был военный город — шанец Новомиргород¹⁸⁵. Существовавшее здесь до этого поселение было реорганизовано на принципах регулярности¹⁸⁶. Для небольшого городка Новоархангельска, также входившего в территорию Новой Сербии, плана так и не было создано, однако расположение его неправильной геометрической формы кварталов и улиц в целом соответствовали господствовавшим в XVIII в. принципам градостроительства¹⁸⁷. Иррегулярное Новосербское селение Беча, после переименования в Александрию и придания ему статуса уездного города Екатеринославского наместничества, в 1784 г. получило план¹⁸⁸. На нем представлен город довольно больших размеров с прямоугольными кварталами разного размера и двумя большими площадями многоугольной формы с расходящимися от них лучами проспектами. Однако этот план не был реализован.

В 1753 г. часть сербов из области Новая Сербия, основали еще одно военизированное поселение Славяно-Сербию, главным городом которого был Бахмут¹⁸⁹. Подобно многим из таких укрепленных городов-крепостей, создававшиеся в середине XVIII в., проекты перепланировки Бахмута,

¹⁸⁵ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. — Киев: Наукова думка, 1984. — С. 39.

¹⁸⁶ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 125.

¹⁸⁷ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 128.

¹⁸⁸ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 128–129.

¹⁸⁹ Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 37.

создававшиеся в 1780-е гг. так и не осуществили, и свой подтвержденный план он получил только в 1823 г.¹⁹⁰.

Многие из этих первых поселений, утратив военное назначение, приходили в упадок или оставались небольшими населенными пунктами с неупорядоченной застройкой. Однако этот этап освоения края определил некоторые особенности его градостроительного развития в последующем. Помимо значимой градоформирующей роли крепостей, особенностью градостроительства на юге России стало активное привлечение военных инженеров или строителей крепостей к этому процессу. Топографические съемки территорий будущих городов Одессы, Николаева, Севастополя, Херсона, Вознесенска, Таганрога и многих других выполнялись А. И. Шостаком, Соколовым, Германом, Н. И. Корсаковым, П. Харламовым, Ф. П. Деволаном, Е. Х. Ферстером и другими военными инженерами¹⁹¹. Для организации крупных немецких колоний на юге и юго-востоке страны была собрана команда, в которую вошли специалисты землемеры и инженеры из батальона Канцелярии от строений, кадетских инженерного и артиллерийского корпусов¹⁹².

На юге города закладываются как административные и торгово-экономические центры. Сюда переселяются представители разных народов, привлекаются известные архитекторы, участвовавшие в разработке планов и создании проектов для новых городов.

Здесь были созданы губернские и уездные штаты землемеров и архитекторов. В 1783 г. Потемкин пригласил из Москвы на юг М. Ф. Казакова с И. В. Еготовым и И. А. Селеховым, а также французского зодчего

¹⁹⁰ Книга чертежей и рисунков (планы городов). ПСЗРИ. — Собр. 1. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 101; Карта губернии и планы городов: Екатеринослава, Бахмута, Павлограда, Ростова, Новомосковска, Славяносербска, Александровска и Верхнеднепровска. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166 Екатеринославская губ. Д. 1.

¹⁹¹ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... с. 59.

¹⁹² Терехин С. О. Поселения российских немцев.: Архитектурная традиция и ее развитие... С. 105.

К. Геруа. Имеются сведения о том, что в это же время (с 1783 по 1792 гг.) здесь работал Р. Р. Казаков¹⁹³. Документы подтверждают, что в 1783 г. М. Ф. Казаков числился среди архитекторов Азовской губернии, И. В. Еготов — среди помощников архитекторов, затем землемеров¹⁹⁴. В том же году М. Ф. Казаков и Р. Р. Казаков указываются среди архитекторов Херсонской крепости Екатеринославского наместничества. В 1788 г. архитектором Екатеринославского наместничества значился И. Е Старов¹⁹⁵. Известно, что он приезжал туда два раза: в 1787 г. и 1790 г. Во время второй поездки посетил Екатеринослав, Николаев и Крым, составил генеральный план Екатеринослава, а в Николаеве стал его соавтором¹⁹⁶. Это подтверждается тем, что в 1790 г. архитектор значится в инженерной команде г. Николаева¹⁹⁷. С 1795 г. губернским архитектором Екатеринославского наместничества и Таврической области был В. И. Гесте, а его помощником Д. И. Баженов (брат В. И. Баженова)¹⁹⁸.

Перечислены лишь некоторые архитекторы, имена которых хорошо известны, помимо них в Новороссии работало много других зодчих, среди которых были иностранцы. Даже такой беглый взгляд дает понимание того, насколько серьезные профессиональные кадры работали на юге.

Однако представляется вероятным, что к составлению планов городов они привлекались далеко не всегда. После 1775 г., из-за большого объема работ в Комиссии, создавать генпланы предписывалось самостоятельно на

¹⁹³ Клюкина А. В. Зодчий Родион Казаков (1754–1803): новые сведения о жизни и постройках // Вестник ПСТГУ. — Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2014. — Вып. 1(13). — С. 97.

¹⁹⁴ Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. — Запорожье: Просвіта, 2011. — С. 89.

¹⁹⁵ Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 89.

¹⁹⁶ Воронов В. Иван Старов — главный архитектор эпохи Екатерины Великой. — Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2008. — С. 264.

¹⁹⁷ Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 157.

¹⁹⁸ Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 175.

местах губернским органам¹⁹⁹, которые также выполняли геодезическую съемку и разбивку местности. Такую работу проводили в основном губернские или уездные землемеры. Только в некоторых случаях планы городов разрабатывали архитекторы, как например, И. Е. Старов, составивший план Екатеринослава и доработавший план Николаева. Его проекты отличались сложной композицией, прекрасно соотносились с рельефом и были реализуемы.

Планы, составлявшиеся землемерами, имели разную степень проработки композиции и учета рельефа. Во многом на сложность композиционного решения влиял статус города, его функции — административные или только экономические. Для значимых и/или губернских городов, как правило, применяли смешанную схему построения уличных сетей. Таковы планы Екатеринослава, Мариуполя и др²⁰⁰. Планировка многих новых городов была простой — «шахматной». Но в них всегда четко обозначался центр, выявлялась взаимосвязь улиц и площадей.

Смешанный прямоугольно-лучевой тип планировочной структуры получил г. Мариуполь, основанный для выведенных из Крыма греков. Греческая колония состояла из города и сельской округи. Сельские жители давали деревням крымские названия²⁰¹.

Мариуполь располагался у впадения р. Кальмиус в Азовское море²⁰². Ранее на этом месте планировалось основать г. Павловск, но затем территорию отдали грекам, а их город назвали Мариуполем и назначили уездным.

¹⁹⁹ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 243.

²⁰⁰ Карта губернии и планы городов: Екатеринослава, Бахмута, Павлограда, Ростова, Новомосковска, Славяносербска, Александровска и Верхнеднепровска. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166 Екатеринославская губ. Д. 1.

²⁰¹ Архитектура Мариуполя. Определения основных архитектурных элементов, фрагменты истории архитектуры и градостроительства: справочный бюллетень / сост. Е. В. Дейниченко. — Мариуполь: МГУ, 2013.

²⁰² Подробно о планировке Мариуполя см.: Баева О. В. Нахичеван и Мариуполь — «образцовые» города Российской империи // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2023. — № 20. — С. 127–138

Планы первых лет после основания Мариуполя достаточно хорошо сохранились²⁰³. По ним можно восстановить процесс планирования городской территории. На одном из первых чертежей показана разбивка города на кварталы, которые поделены на участки²⁰⁴. В целом на нем представлена планировочная структура, которую город сохранил впоследствии. Его с 3-х сторон окружают Азовское море и река, но ни одна из его границ не примыкает к ним непосредственно. План выполнен по смешанному типу и состоит из двух частей: одна делилась продольными улицами, лучами, сходящимися к торговой площади, ориентированной на реку. Другая часть состояла из прямоугольных кварталов разных размеров и имела большие площади. Такое проектное решение обусловили рельеф местности и стремление раскрыть город к реке. На этом плане выделяются за счет своей ширины два главных перекрещивающихся проспекта, основной, самый широкий из них проложен в части с лучевыми улицами и ведет от площади, заложенной у реки к выезду из города.

Следующие по времени планы, созданные в 1780-х — начале 1790-х гг., показывают ту же планировку, но уже значительно доработанную. Добавлены новые кварталы, которые теперь с двух сторон почти вплотную подходят к воде, а с одной стороны даже вписаны в излучину р. Кальмиус. Появился ретражемент — укрепление с единственной стороны города, не выходящей к водным барьерам. Все улицы показаны одинаковой ширины, так что теперь было бы сложно сказать какие из них планировались главными проспектами. Если на планах других городов проспекты выявлялись через связь с дорогами ведущими в город, которые обычно тщательно фиксировались, то на планах Мариуполя дороги не обозначены.

Большинство этих чертежей не содержит сведений о том, кто их выполнял, и понятно, что они являлись копиями, снятыми, по всей

²⁰³ Планы городов. РГИА. Ф.846. Оп.16. Д. 21550.

²⁰⁴ Калоеров С.А. Документы по истории греков Приазовья. — Т. 1. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783). — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд.», 2008. — С. 67.

видимости, с одного плана²⁰⁵, который можно датировать первой половиной 1880-х гг. Он имеет неразборчивую подпись: «Прожектировал землемер подпоручик [имя неразборчиво]». Изучение штата землемеров, работавших в эти годы в наместничестве, позволяет предположить, что подобную подпись мог оставить только Терентий Федорович Мордвинкин, в 1780 г. получивший чин подпоручика²⁰⁶. Сложно сказать ему ли принадлежит первый черновой план с разбивкой на кварталы, но его окончательный вариант, согласованный с природным окружением, выполнил именно он. На чертежах 1890-х гг. стоит подпись другого губернского землемера Павла Чуйко, но «прожектировал» там не написано.

Григориополь — центр еще одной армянской колонии, основанной в 1792 г. по указу Екатерины II, находился в Херсонской губернии. Сюда были переселены армяне Молдавии и Валахии. Генплан для города, заложенного на берегу р. Днестр, составил Ф. П. Деволан²⁰⁷. На нем представлен прямоугольный город больших размеров с прямоугольными кварталами и улицами, пересекающимися под прямым углом. По территории распределены четыре второстепенные площади и одна главная в центре. Центральная площадь довольно больших размеров, раскрывается к реке, на берегу запланировано строительство архиерейского дома и собора. В центре — гостиные ряды и административные здания, корпуса которых оформляли городской центр. Сразу за главной площадью находилась одна из второстепенных площадей, на которой располагались торговые лавки. Обе площади были связаны широким проходом. Однако в ходе застройки городской территории план города был несколько изменен, количество площадей уменьшилось. Улицы города были дифференцированы. Среди улиц по 15 саженай выделялись главные проспекты, имевшие ширину в 20

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 846 Оп.16. Д. 21549. Л. 9.

²⁰⁶ Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 82.

²⁰⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 159.

саженей²⁰⁸. Все площади устраивались в непосредственной связи с ними. Таким образом, город имел четкие организующие оси.

Зачастую вновь создаваемые города заселяли представители нескольких, родственных друг другу по культуре, народов. Такие крупные торговые города, как Одесса, Херсон, Таганрог и другие отличались пестрым этническим составом. В них проживали русские, украинцы, итальянцы, немцы, поляки, французы, армяне и др., зачастую образовывавшие обособленные районы. В Херсоне, например, по сведениям П. Сумарокова проживало много иностранцев, а в выделенном для обывателей Греческом форштадте, было «много хороших домов» из дерева и три церкви «Российская, Греческая и Католицкая... и два каменных иностранных трактира... улицы на нем прямые, широкия...»²⁰⁹.

Один из первых проектов Одессы, изначально заселявшейся представителями многих народностей, предусматривал возведение большого собора на центральной площади города, а также мечети и еще двух церквей. Перспективный план развития города, составленный Ф. П. Деволаном в 1795 г.²¹⁰, предусматривал зонирование территории по национально-религиозному признаку: отдельные районы отводились для греков, армян, евреев и католиков. Кварталы этих районов группировались вокруг площадей с культовыми постройками соответствующих конфессий, центральная Соборная площадь отводилась под строительство русской православной церкви св. Николая.

Таганрог, куда массово переселялись греки, развивался из заложенного при Троицкой крепости форштадта, имевшего лучевую планировку. Лучи расходились от крепости, расположенной на самом краю полуострова — мысе

²⁰⁸ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 167.

²⁰⁹ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. — Москва: В Университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1800. — С. 24.

²¹⁰ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 151.

Таганий Рог, образованного водами залива Азовского моря и Миусского лимана. Уже к 1808 г. территория города была значительно увеличена, и первоначальная структура была дополнена рядом «шахматных» кварталов, запланированных на северо-западе от бывшего форштадта²¹¹. Таким образом Таганрог преодолел подчиненность крепости и получил импульс к дальнейшему развитию уже в качестве города, но сохранил при этом тесную связь с портом.

Согласно плану 1808 г. центр города перемещался в новые кварталы. Там была запланирована большая в форме вытянутого овала Александровская площадь, на которой предполагалось построить новый собор и торговые лавки. Через центр новых кварталов и самой площади проходил продольный проспект с устроенными на нем маленькими культовыми площадями для церквей инославных исповеданий. В городе были запланированы или уже построены соборные и приходские, греческая, католические, протестантская и армянская церкви.

Новые и старые кварталы сформировали достаточно большой город, рассчитанный на перспективу заселения. Свободные участки в городе распределялись практически всю первую половину XIX в.²¹².

Для скорейшего заселения Вознесенска, основанного по указу Екатерины II в 1795 г., планировалось переселить туда болгар, греков, немцев, армян. Такой пестрый этнический состав города нашел отражение в его планировке. Помимо хозяйственно-экономического зонирования было предусмотрено устройство районов для представителей разных этноконфессиональных обществ. Кварталы этих районов группировались вокруг культовых построек разных вероисповеданий. Эти доминанты стали единственным отличием, в остальном все районы проектировались по единому принципу: с культовой площадью в центре, укрупненными кварталами вокруг нее и более мелкими на окраинах, чем обеспечивалось

²¹¹ Книга чертежей и рисунков... С. 109.

²¹² ГАРО. Ф. 581. Оп.1.

зонирование территорий по имущественному признаку, которое поддерживалось дифференциацией улиц по ширине: 15, 20 и 25 саженей. Необходимо заметить, что планировка Вознесенска стала, пожалуй, одной из самых сложных на юге в смысле отражения различных религиозных и социальных факторов и зонирования территории на их основе. Так, В. И. Тимофеев пишет, что его «планировочная композиция... венчала градостроительные поиски XVIII ст. при строительстве южных городов. В ней воплотились все достижения по функциональной организации городского организма, его социальной сущности...»²¹³.

Полиэтническим составом отличались многие города к югу и востоку от центральных губерний страны. В Астрахани в конце XIX в. армяне, персы и татары проживали в Закавказной части города, о чем А. Штылько сообщает следующее: «в заселении ими этой части города наблюдается почти строгий порядок: одна треть, крайняя с востока, занята армянами, другая треть — середина — персами, третья, т. е. другой конец прикавказной части, западный — населена татарами. Дальние от канавы улицы... заселены русскими. Сообразно с этим расположены и храмы, и мечети»²¹⁴.

В «полосе оседлости» — в городах с большим количеством еврейского населения, кроме городской и торговой площадей, выделялась отдельная площадь для размещения синагоги и лавок евреев.

Таким образом, религиозно-этнический состав при проектировании большинства городов учитывался только при районировании территории. Градостроительные различия городов заключались в особенностях архитектуры домов первых поселенцев, имевших некоторые национальные различия.

С одной стороны, все планы городов Екатеринославского наместничества и шире — новых городов юга демонстрируют явное

²¹³ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 165.

²¹⁴ Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань. — Саратов: Паровая скоропечатная Губернского правления, 1896. — С. 75.

внимание к рельефу, что отмечалось исследователями как особенность градостроительства юга империи²¹⁵, но с другой стороны иногда «игнорировались некоторые частные особенности ландшафта, что нередко приводило к... формальным решениям планировочной системы города»²¹⁶. Действительно, например, на первых планах Нахичевана, сеть улиц, наложенная в его западной части, формирует кварталы, размеры которых варьируются в связи с балками, показанными на чертеже, но застроить часть этих кварталов, было бы сложно. В других случаях, наоборот, можно наблюдать рациональное использование рельефа. Так, например, в Одессе овраги использовались для спусков к порту²¹⁷. Возможно, такие разные походы были связаны с тем, что планировке некоторых городов уделялось больше внимания и концепция плана разрабатывалась непосредственно на местности: Екатеринослава — И. Старовым²¹⁸, Одессы — Ф. де Волланом и т. д. В остальных же случаях, возможно, планы составляли губернские землемеры не выезжая на местность, а используя ее топоъемку, которая уже существовала для окрестностей крепости, о чем нам известно, например, из рукописи А. И. Ригельмана «Ведомость и географическое описание крепости святого Димитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами, сочиненное по Указу Правительствующего Сената» (1768)²¹⁹, где были даны приложения с планами крепостей.

Сельских поселений иноверцев было достаточно много, и располагались они в разных губерниях России. Исследователь немецких колоний Н. В. Фурман замечает, что до эпохи массового возникновения немецких колоний правительство России не обладало достаточным опытом

²¹⁵ Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. — Москва: Архитектура-С, 2004. — Т. 2. — С. 260.

²¹⁶ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века ... С. 203.

²¹⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 201.

²¹⁸ Планы г. Екатеринослава и его частей с обозначением и описанием кварталов, мест, зданий. 1834–1837. РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 1111.

²¹⁹ План крепости св. Дмитрия Ростовского и упраздненных крепостей близ нее. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543.

системного подхода к планировке сельских поселений, где решались отличные от проектирования городов задачи²²⁰. Эту проблему предстояло решить Канцелярии опекунов иностранных колонистов, усилиями которой были составлены схемы расселения иностранцев сначала в Астраханской губернии, а затем в Поволжье, в Екатеринославской губернии. Было разработано правило, по которому каждый округ должен был стать самостоятельной административной единицей и состоять из деревень и центрального села²²¹. Выработанная схема с некоторыми коррективами применялась в дальнейшем, при организации колоний в других губерниях.

В 1768 г. был составлен «План города Саратова с заселенными при оном в Саратовском и Золотовском округах колониями» (рис. 21–23). На нем отмечалось расположение 102 колоний этих округов и приводились планы для них²²². Согласно чертежу, поселения имели различные размеры, но принципы их планировки были схожи. Большинство были прямоугольными в плане и состояли из кварталов, формируемых прямыми улицами и, расположенными либо линейно (в случае небольших поселений), либо пересекающимися под прямым углом. Небольшие селения имели маленькое количество кварталов (самое маленькое — два), и они, соответственно, имели всего одну улицу. Жилые кварталы имели размеры 20x20 сажен или 20x10 сажен, а ширина улиц составляла от 4 до 12 сажен.

В некоторых населенных пунктах планировалась большая прямоугольная в плане площадь, располагавшаяся в центре. В других она могла вообще отсутствовать или выноситься на окраину поселения. Наличие площади или ее отсутствие, очевидно, не зависело от размеров поселения. Так, на плане 1768 г. зафиксированы селения, состоящие из четырех

²²⁰ Фурман Н. В. Градостроительные аспекты развития немецких поселений в Саратовском Поволжье в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. архитект.: 18.00.01. — Саратов, 2001. — С. 16.

²²¹ Фурман Н. В. Градостроительные аспекты развития немецких поселений в Саратовском Поволжье в XVIII–XIX вв. ... С. 21–23.

²²² Терехин С. О. Поселения российских немцев: Архитектурная традиция и ее развитие... С. 187.

кварталов, сгруппированных вокруг площади, при этом некоторые селения, насчитывающие до десятка кварталов, выявленной на плане площади не имеют.

На сохранившихся планах некоторых колоний, составленных в более позднее время (например, Звонаревка), видно, что кварталы делились на прямоугольные участки, вытянутые вглубь и располагавшиеся в два ряда. Количество домовладений в квартале варьировалось в зависимости от его размеров.

Согласно законодательству²²³ колонии не более 1000 семейств водворялись округами, окружность которых должна была равняться не менее 60 и не более 70 верст, и на каждую семью полагалось 30 десятин земли. На каждую округу предписывалось «учинять» план, по которому «не трудно будет узнать, сколько семей в оной поселить и в каких местах наиспособнейшим образом жилища расположить можно»²²⁴.

В исследовании Е. В. Роот²²⁵ приведены данные, что большинство дочерних немецких колоний, появившихся на всем протяжении XIX в., также имели регулярную планировку. При этом их основание не всегда проходило под контролем государственных органов, зачастую являясь частной инициативой переселения на арендованные или приобретенные в собственность земли. Так, например, колонии Области войска Донского имели типичную планировку: широкая центральная улица по обе стороны которой располагались участки, вытянутые вглубь кварталов. В центре селения располагались различные культовые и общественные постройки. Не имели регулярной планировки только самые маленькие поселения.

Таким образом, как городские, так и сельские поселения иностранцев, основывавшиеся с 1760-х гг. застраивались согласно планам, создаваемым в

²²³ Подробно см.: Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. — Москва: Готика, 2000.

²²⁴ Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования, 1652 -1917... С. 35.

²²⁵ Роот Е. В. Немецкие колонии области войска Донского: последняя треть XIX в. — 1914 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Ростов-на-Дону, 2003.

соответствии с господствовавшими в то время в русском градостроительстве принципами. Была выработана и применялась градостроительная схема, по которой колонии состояли из административного центра и окрестных поселений.

2.3. Особенности архитектуры светских и культовых зданий иноверцев и инославных

Освоение значительных территорий в XVIII в. и переселенческая политика государства способствовали возникновению разнообразных типов застройки. В этот период она регулировалась образцовыми чертежами, но могла складываться из национальных традиций поселенцев.

На разрабатываемых планах городов отмечались кварталы, отводившиеся под каменную или деревянную застройку. В этих новых поселениях, как и на территории всей страны, стали внедрять образцовые проекты для жилых зданий, которые прилагались к градостроительному плану. Для контроля создавались специальные Строительные комитеты, в обязанности которых входило и составление проектов.

С. С. Ожегов пишет, что впервые образцовые фасады стали массово применяться при восстановлении Твери после пожара 1763 г., и затем эти чертежи рассылались в другие города как приложения к их планам. Однако слабый контроль за применением образцов не способствовал их широкому внедрению в архитектурно-градостроительную практику данного периода²²⁶. В. И. Тимофеев отмечает, что в первых городах Российской империи в Северном Причерноморье можно было наблюдать строительные традиции разных народов. «В результате появились жилые дома и общественные здания, которые были внешне замкнуты и суровы, подобно жилищам греков,

²²⁶ Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII XIX веках... С. 45.

армян или крымских татар, или же раскрыты к внешней среде и напоминали строения молдаван, волохов и болгар»²²⁷.

Постановка жилого дома в глубине участка была характерна для крымских и русских городов и существовала у многих народов. Эта традиция, преобладавшая в восточной культуре, располагать жилой дом за глухим забором, а его фасады делать без архитектурно-художественного оформления, была довольно устойчивой.

Ситуация начинает меняться под влиянием градостроительного законодательства XVIII в., и проходит с разной степенью интенсивности у разных народов. Если армяне, русские и некоторые другие достаточно быстро приспосабливаются к новым требованиям, то у татар этот процесс проходит медленно. Поэтому и после XVIII в. в Крыму остаются города, в которых основная масса домов возводится за забором. Формируется смешанная система: на центральных улицах здания выносятся на красную линию, а на второстепенных располагаются в глубине участка.

Постепенно власть усиливает контроль за внедрением образцовых фасадов. Точного исполнения образцовых проектов не требовалось. Они являлись примерами пропорционального и композиционного построения, архитектурно-декоративного убранства. Вместе с тем с середины 1840-х гг. от архитекторов требовали указывать на основе какого именно Соборания, тетради и номера фасада составлен проект.

Наряду с единообразием фасадов сохранилась и местная специфика жилища, обуславливавшаяся климатом, наличием строительных материалов и бытовым укладом населения. Отсутствие лесов и, следовательно, дороговизна этого строительного материала, определила преимущественное использование глины и камня для строительства.

В Мариуполе, куда переселили крымских греков, сначала было распространено строительство плетневых или каркасных домов, подобных

²²⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 152.

тем, которые строили на полуострове. Вход в дом устраивался со двора, по периметру которого располагались различные хозяйственные постройки. На улицу выходили глухие фасады строений, участок окружался высоким забором²²⁸.

К строительству домов по образцовым проектам мариупольские греки переходят в XIX в., после того как первые дома приходят в негодность. Проекты для Таганрога (рис. 17–18), Мариуполя (рис. 19–20), и Нахичевани составляли архитекторы и архитекторские помощники Таганрогского строительного комитета, что определило определенные предпочтения в выборе образцовых фасадов и повторение схожих планировочных решений в этих городах.

На проектах, выполненных в комитете, показаны местоположение объекта в городе, местоположение на участке, план, разрез и фасад. Фасад чертили только один, выходивший на красную линию. Когда дом занимал угловой участок квартала, на чертеже могли представлять два фасада.

В 1840-е — 1850-е гг. механизм утверждения проектов был следующий. Местный административный орган направлял в Таганрогский строительный комитет проект, составленный его же архитекторами, с просьбой рассмотреть его. После одобрения комитет пересылал чертежи на утверждение Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. После утверждения последнего проекты возвращались для реализации, а в соответствующем деле «О разрешении строительства...» оставалась их копия.

Каменные одноэтажные дома Мариуполя с тремя — пятью окнами главного фасада, выходящего в сторону улицы, на многих проектах представлены вместе с флигелем с тремя окнами. Оба объекта располагались на противоположных углах участка, выходящих на красную линию, между ними — ворота с забором. Это были прямоугольные, почти квадратные, в плане дома. Планировки компактные, вход устраивался со двора.

²²⁸ Архитектура Мариуполя. Определения основных архитектурных элементов, фрагменты истории архитектуры и градостроительства...

В самом начале 1850-х гг. предпочтение отдавалось простым фасадам с треугольными или прямыми сандриками²²⁹. Постепенно их облик усложняется за счет введения лепнины, чередования треугольных и лучковых сандриков. Одним из ранних таких примеров является проект 1854 г. на постройку кирпичного дома и флигеля мариупольского мещанина Ивана Практикоса²³⁰.

Полуциркульные оконные проемы используют в основном для больших двухэтажных домов с торговой функцией. Оконные проемы, увенчанные глухими люнетами, чаще использовались для жилых построек. После выхода Собрания 1843 г., тетрадей 1 и 2, они брались из них, но подобные решения помещались и в предыдущих тетрадах. Одно из ранних обращений к такому фасаду видим в Мариуполе в 1840 г.

Плотность застройки участков в Мариуполе была разная. Есть дворы свободные, на которых помимо существующего маленького деревянного дома планировалось строить квадратный в плане дом с тремя окнами на главном фасаде. Но в целом плотность застройки многих дворов в тот период была достаточно высока. Непрерывная застройка вытягивалась в глубину участка на всю его длину, одним поперечным фасадом выходя на красную линию, а другим — к соседнему участку. Эти одноэтажные строения совмещали хозяйственные и жилые функции, иногда торговые. Такие постройки могли достраивать вторым жилым этажом, который размещался только над частью нижнего. Можно отметить участки, периметр которых был полностью застроен к 1850-м годам. Оставались только расстояния между фасадами для проезда во двор. Примерами подобной полной периметральной застройки

²²⁹ Дело об утверждении Мариупольскому коллежскому секретарю Николаю Никифоровичу Аленичу плана постройки дома во 2-й части г. Мариуполя в 53 квартале под № 17 (с приложением плана постройки). 1857 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 331.; Дело о рассмотрении прошения жены коллежского асессора Марии Михайловны Казначеевой о разрешении ей застройки "пустопорожного места" в г. Мариуполе в 36 квартале под № 12 (с приложением плана постройки). 1850 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 192.

²³⁰ Дело о разрешении мещанину Ивану Константиновичу Прандикосу плана постройки и амбара в 36 квартале г. Мариуполя под № 7 (с приложением плана постройки). 1854 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 285. Л. 7.

могут служить проекты на постройку кирпичного дома и флигеля мариупольского мещанина²³¹ и кирпичного в два этажа дома керченского 1-й гильдии купца²³², по которому вновь строившийся объект занимал последний свободный отрезок участка, и оставалось лишь два узких проезда во двор.

Популярны в Мариуполе к середине XIX в. были проекты домов с торговыми помещениями на протяженном первом этаже. Интересен пример двухэтажного каменного дома с магазином и надворной постройкой мариупольского мещанина Кирилла Терзиева, выполненный по образцу № 11 из 7 тетради 1845 г. (проект 1851 г.)²³³. Постройки располагались по периметру участка, занимая большую часть двора. В фасадах были устроены въездные проемы. Самыми протяженными и торжественными были фасады углового здания с магазином, выходившего на перекресток. Планировка 1 и 2 этажей не детализирована, показаны только общие очертания построек.

Подобным образом на участке располагали дома с амбарами, причем фасады последних получали не менее торжественное оформление. Проект на постройку двух кирпичных домов и амбаров керченского купца 1-й гильдии²³⁴ предполагал их строительство «сплошным фасадом», в плане г-образно располагавшимся по границам участка. На улицу выходили фасады одного амбара и примыкавших к нему двух домов, занимавших угловые положения на участке. Фасады домов были составлены по образцовому проекту 1843 г., тетрадь 1, № 10.

²³¹ 45. Дело о разрешении мещанину Ивану Константиновичу Прандикосу плана постройки и амбара в 36 квартале г. Мариуполя ... ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 285. Л. 7.

²³² Планы, фасады и разрезы на построение кирпичного дома и флигеля мариупольским 3-й гильдии купеческим сыном Федором Камри на принадлежащем ему месте ... города Мариуполя. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 238. Л. 3.

²³³ Дело о разрешении Кириллу Семеновичу Терзиеву плана постройки двухэтажного дома в 1-й части г. Мариуполя в 10 квартале под № 3 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 239. Л. 3

²³⁴ Дело об утверждении иностранным гостям, купцам 1-й гильдии Луке и Стефану Мембели планов построек домов и амбаров в 1-й части г. Нахичевани в 7 квартале под № 7 и в 36 квартале под № 15 и 16 (с приложением плана постройки). 1853–1854 г. ГАРО. Ф.581. Оп.1. Д. 255. Л.2.

Интенсивная застройка в этот период отмечается в Таганроге. Это видно как по количеству утверждавшихся проектов, так и следует из сведений годовых отчетов строительного комитета о количестве выданных проектов. Согласно отчетной ведомости 1858 г. в Таганроге было разрешено построить 3 одноэтажных, 6 полутораэтажных, 2 двухэтажных каменных и 42 деревянных одноэтажных частных строений. В Мариуполе выдали разрешений на строительство 3-х одноэтажных каменных, а в Нахичевани — 2-х одноэтажных деревянных домов²³⁵.

Здания, представленные на проектах для Таганрога, в целом отличаются большей площадью, этажностью и обилием декоративных элементов²³⁶. Есть случаи, когда проекты домов присылались из Главного управления путей сообщения и публичных зданий, как, например, проект на постройку каменного в два этажа дома грека Михайло Караспаса²³⁷. На нем нет указания года и номера тетради Собрания фасадов, поэтому можем предположить, что это был какой-то авторский проект.

В больших двухэтажных домах с семью проемами на фасаде, расположенными на одной оси, нижние оформлялись полуциркульными завершениями, а верхние — треугольными (реже лучковыми) сандриками, полуколоннами и рустовкой. К середине XIX в. рустовка реже устраивается по всему нижнему ярусу фасада, а чаще акцентирует углы, полуциркульные

²³⁵ Копия ведомости о числе деревянных и каменных построек в г. Таганроге, Нахичевани н/Д и Мариуполе, разрешенных к постройке Таганрогским строительным комитетом в 1858 г., отосланной в Департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1859 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 338. Л. 4.

²³⁶ Дело о выдаче государственному крестьянину Калужской губернии Афанасию Андреевичу Белову билета на право постройки на принадлежащем ему месте в Петровской части Таганрога в 12 квартале под № 103 кирпичного двухэтажного дома и флигеля (с приложением планов). 1850–1852 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 191.; Дело о разрешении мещанину Константину Павловичу Гладченко строительства каменного дома и деревянного флигеля на принадлежащем ему месте в Александровской части Таганрога в 26 квартале под № 306 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 223.

²³⁷ Дело о разрешении неженскому греку Михаилу Захаровичу Караспасову строительства двухэтажного кирпичного дома на принадлежащем ему месте в Петровской части Таганрога в 6 квартале под № 79 (с приложением плана постройки). 1850–1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 173. Л. 3–4.

проемы. Используют чередование на фасаде лучковых и треугольных сандриков. Часто встречается фасад из Собрания 1843 г. с оформлением верха оконного проема глухими люнетами, которые в некоторых случаях оставались гладкими, а в других, особенно ближе к концу 1850-х гг. заполнялись лепным декором. Чаще всего их можно встретить в угловых домах. Фасады с подобными полуциркульными оформлениями прямоугольного оконного проема получили распространение еще в первые десятилетия XIX в., т. е. задолго до выхода образцовых тетрадей 1840-х гг.

Наблюдается уплотнение застройки участков. К середине 1850-х гг. по периметру располагались флигели, деревянные и каменные службы, на многих планировался к постройке второй дом. Дома выносят на красную линию, помещая в углу участка, а второй угол занимают флигелем, устраивая забор и ворота между ними. Продольные фасады, выходящие в сторону соседних участков, или не имеют световых проемов, или ограничиваются одним, освещающим лестницу или сени. При расположении в один ряд по красной линии фасады дома и флигеля обычно брались из разных образцов.

Особо оформляются углы зданий, выходивших на перекресток улиц. На скругленном или срезанном в плане углу, фактически представляющем таким образом пятый фасад, устраивали парадный входом со ступеньками, а при наличии второго этажа — балкон.

Наряду с богатыми и достаточно большими строятся одноэтажные дома с тремя окнами на уличном фасаде. Их объемно-планировочное решение остается типичным на протяжении всего периода. Это прямоугольное в плане здание, незначительно вытянутое вглубь участка, делится на четыре неодинаковых по размеру помещения, через одно из которых осуществляется вход в дом, в подавляющем большинстве случаев, располагавшийся со стороны двора. Для одноэтажных домов с пятью оконными проемами использовали подобные компактные планировки.

Двухэтажные дома состоятельных заказчиков в этот период приобретают сложные г-образные, п-образные очертания плана, с крыльями вытянутыми в глубину участка.

После отмены обязательного использования образцовых проектов пропорции зданий и основные элементы декора фасада значительных изменений не претерпевают, хотя усложняется его пластика, появляется больше лепнины, большую популярность приобретают боковые ризалиты с дверными и оконными проемами.

Таким образом, в архитектуре Таганрога и Мариуполя наблюдаются схожие тенденции, но, очевидно, что протекают они с разной степени интенсивностью. Хотя в Мариуполе в этот период планы показывают, что далеко не все кварталы города были освоены, но здесь идет уплотнение застройки в уже освоенных частях городской территории.

В армянском городе Григориополь, основанном в 1792 г., уже через два года стала действовать Экспедиция строений. В ее функции входило строительство и надзор за возведением культовых, административных и жилых зданий. Для строительства домов были разработаны типовые проекты под руководством майора Тюриня, которые представляли собой небольшие одноэтажные дома с четырехскатной крышей. Общественные здания проектировали инженеры под руководством Деволана²³⁸. Все проекты были ориентированы на принятые в тот период в русской архитектуре классицистические формы.

В целом в городах, в отличие от сельской местности, жилища незначительно отличались по национально-религиозному признаку, поскольку строительство в них так или иначе регулировалось образцовыми проектами.

В эпоху историзма для представителей западноевропейских вероисповеданий проектируют дома в формах готического стиля. Постройки

²³⁸ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 159–160.

немцев, переселявшихся в города из сельской округи, выполнялись по проектам архитекторов и свидетельствовали о «неминуемой нейтрализации городом этнической традиции. Объекты, реализованные в готических формах, здесь тоже присутствовали, хотя далеко не преобладали». Скорее эти «готицизмы несли декларативный смысл», стремление «выразить если не этническую традицию, то хотя бы национальное самосознание»²³⁹.

В поселениях сельского типа, где образцовое строительство утверждается только с середины XIX в.²⁴⁰, наблюдались значительные этноконфессиональные и территориальные различия в жилом строительстве.

Немецкие колонии в Самарской, Саратовской, Воронежской, Херсонской и др. губерниях состояли только из сельских поселений и жилое строительство в них имело смешанный характер. Дома во вновь образованных колониях строили за казенный счет в сжатые сроки под контролем специальной команды от Конторы опекунства. После составления плана поселения и открытия строительного сезона представители новоселов приезжали на место будущего поселения, чтобы до начала холодов успеть возвести временные (казенные) дома. Инженеры-офицеры (опекуны) вели наблюдение за правильностью разбивки кварталов, отведения участков, распределения строительных материалов. В помощь переселенцам давались государственные крестьяне²⁴¹. С. О. Терехин отмечает, что дома ничего общего с традиционной немецкой архитектурой не имели.

Уже в начале XIX в. эти дома приходят в негодность, и поселенцы строят дома согласно своим предпочтениям²⁴². На эти новые постройки повлияли, с одной стороны, русские образцовые проекты, очевидно,

²³⁹ Терехин С. О. Поселения российских немцев.: Архитектурная традиция и ее развитие... С. 148–149.

²⁴⁰ Дело о о постройке жилищ для переселившихся в Новороссийскую губернию крестьян. РГИА. Ф. 1374. Оп.1. Д.103.

²⁴¹ ело о о постройке жилищ для переселившихся в Новороссийскую губернию крестьян... С. 107.

²⁴² Терехин С. О. Государственное регулирование развития поселений российских немцев //Архитектура в истории русской культуры. — Вып. 4: Власть и творчество / отв. ред. И. А. Бондаренко. — Москва: НИИТИАГ, 1999. — С. 123.

внедрявшихся как при основании колоний, так и в последующие годы, а с другой — сохранявшиеся у колонистов традиционные приемы возведения жилья. Неоднократные попытки внедрить строительство по образцовым проектам в немецких колониях особого успеха не имели, поскольку они предназначались для городов и не подходили для сельчан. В 1820 г. в Строительном комитете были составлены планы и фасады для сельских домов саратовских колонистов²⁴³, но и они слабо использовались на местах.

В итоге Уставом о колониях 1857 г. предусматривалось, чтобы все постройки колонистов сохраняли облик тех мест, откуда они выехали, что означало стремление власти установить единообразие застройки в каждом отдельно взятом поселении. В итоге немецкие колонисты выработали собственный узнаваемый язык архитектуры, который невозможно соотнести ни с прототипами, ни с русскими образцами. В дочерние колонии переносились уже эти сложившиеся типы²⁴⁴. Согласно свидетельствам современников, «вид [немецких] колоний резко отличался... они составляли как бы оазисы; ... прекрасные, правильные строения, чистота и опрятность...»²⁴⁵.

Используемые поселянами строительные материалы были различны и зависели от региона. Так, например, в саратовских колониях дома строились из дерева, а в Приазовье сначала основным строительным материалом выступала глина, а затем камень или кирпич.

В Херсонской губернии дома немцев-колонистов в середине XIX в. были «большой частью с фронтонами, перпендикулярно упирались в улицы, щегольски крыты соломой или камышом и соединены между собой

²⁴³ Терехин С. О. Поселения российских немцев.: Архитектурная традиция и ее развитие... С. 124.

²⁴⁴ Терехин С. О. Государственное регулирование развития поселений российских немцев... с. 130.

²⁴⁵ Терехин С. О. Государственное регулирование развития поселений российских немцев... С. 123.

заборами»²⁴⁶. Перед домами устраивали цветники. Хозяйственные постройки возводились отдельно от дома и располагались на участке позади него. Дома, преимущественно из камня, возводились на высоком цоколе и имели подвалы и чердаки. Обычно было четыре жилых комнаты, кухня и сени.

В Екатеринославской губернии, насколько можно судить по немногим дошедшим до нас сведениям, у немецких поселенцев распространение получили другие дома: «расположение и устройство усадеб сохранилось прусское. Обыкновенно все постройки находятся под одной крышей и сообщаются между собою дверьми, чтобы не нужно было проходить каждый раз двором»²⁴⁷. К такой планировке «под одну крышу» обращались разные народы, проживавшие на южных территориях империи. Источники зафиксировали ее в XIX в. в жилищах крестьян-малороссов Приазовья, крымских татар, донских армян²⁴⁸ и др. Из-за ограниченности письменных свидетельств и утраты натурального материала затруднительно установить возможный первоисточник распространения данного планировочного типа. Однако можно говорить, что в условиях многонационального юга жилища разных народов приобретают схожие черты, сохраняя при этом и некоторые традиционные. С течением времени жилые постройки, особенно в богатых селах, испытывают значительное влияние городской моды.

Резко увеличившаяся во второй половине XVIII в. численность инославных и иноверцев, проживающих на территории страны, и меры правительства, направленные на обеспечение для них свободы вероисповедания, привели к строительству значительного числа неправославных культовых сооружений. Только в Петербурге к началу XX в.

²⁴⁶ Neufeld von Dr. K. Aus der geschichte der russlanddeutschen Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte [Электронный ресурс] // Neufeld von Dr. Katharina. — С. 526–528.

²⁴⁷ Павлович В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния. — Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального штаба, 1862. — С. 285.

²⁴⁸ Подробно о данном типе планировки у донских армян будет сказано в разделе, посвященном их сельскому жилищу.

насчитывалось 15 католических церквей²⁴⁹. Особенно интенсивно католические храмы с конца XVIII в. строятся в Поволжье, Причерноморье, Новороссии, появляются в Сибири и на Дальнем Востоке, а лютеранские церкви преобладают на прибалтийских территориях, значительное распространение получают на юге страны, в Поволжье, охватывают все регионы Сибири и Дальнего Востока.

Римско-католические и лютеранские поселения или кварталы в городах могли быть как полинациональными, так и мононациональными. Как правило, первые образовывались в губернских и уездных городах, в которых сосредотачивалось инославное население, а большинство вторых было представлено сельскими приходами поселенцев-колонистов²⁵⁰. В конце XVIII – начале XIX в. эти поселенцы зачастую строили небольшой молельный дом, совмещавший культовые и иные, например, образовательные функции. Первые храмы, построенные в немецких колониях, были простыми лишенными декора и носили временный характер. «Они отличались от рядового жилого дома лишь несколько большими высотой и размерами плана, укрупнёнными окнами»²⁵¹.

В городах со смешанным этническим населением иноверческие храмы возводились на площадях, но при доминировании православных церквей.

Историками архитектуры неоднократно отмечалось, что последовательность смены классицизма, эклектики и модерна можно видеть разве что на примере архитектуры Санкт-Петербурга и отчасти Москвы. Авторы 3-х томной монографии по русскому градостроительству пишут: «Вся территория империи, находившаяся за пределами прямого культурного влияния обеих столиц, оставалась незатронутой или слабо затронутой влиянием стилевой архитектуры европейского типа вплоть до середины XIX

²⁴⁹ Ющук Л.А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792-1917)... С. 34.

²⁵⁰ Ющук Л.А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792-1917)... С. 34.

²⁵¹ Терехин С. О. Государственное регулирование развития поселений российских немцев... С. 130.

века... скажем во многих районах современной Ивановской, Владимирской Нижегородской, Костромской областей... культовое зодчество, связанное прямой традицией с древнерусским, непосредственно смыкается со строительством храмов по образцовым проектам в русском стиле. Причина всюду одна и та же: отсутствие дворянского сословия — носителя европеизированной культуры — и функционирование зодчества по типу народной культуры»²⁵².

Однако во вновь создаваемых поселениях переселенцев сложилась иная ситуация. Здесь классицизм утверждается уже с конца XVIII в., если не считать возведенных без разрешения государства самими крестьянами культовых зданий. Впрочем, и на остальной территории страны он был преобладающим стилем для иноверческих и инославных храмов. Таковы, например, лютеранские церкви Святой Анны в Санкт-Петербурге (1775—1779, арх. Ю. Фельтен), Святой Троицы в немецкой колонии Екатериненштадт (Маркс), римско-католические церкви Успения в Иркутске и Покрова в Томске, римско-католические церкви в Бердянске (1828), Херсоне (середина XIX в.), в немецкой колонии Шпееер (1820).

Архитектурный стиль эпохи повлиял и на формы еврейского и исламского культового зодчества. Рубеж XVIII – XIX в. в архитектуре синагог ознаменовался переходом от барочных форм к классицистическим, что было характерно не только для российских построек, но и для европейских в целом²⁵³. После разрешения строить мечети в XVIII в. многие из них возводились с явными элементами барочной архитектуры на фасаде и в интерьере, что объясняется «задержкой» стилей в провинции. Например, мечети аль-Марджани (1770) и Анапаевская (1771) в Казани. Более поздние — Галеевская (1801) и Голубая (1819) мечети Казани, Белая мечеть в

²⁵² Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 215–216.

²⁵³ Шапиро Г. Е. Методика архитектурной классификации синагог Области войска Донского и Кавказского края периода второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. — Т.3. — С. 48–53.

Астрахани (1810) как и некоторые другие постройки этого периода, возведены в формах классицизма.

Самые первые образцовые проекты были составлены для исламских культовых зданий еще в XVIII в.²⁵⁴, затем последовали образцовые проекты XIX в. Образцовый проект одноэтажной восьмигранной мечети для Пензенской губернии был опубликован в ПСЗРИ в 1829 г. Эти образцы не устраивали мусульманские общины в том числе потому, что не учитывали сложившиеся традиции возведения мечети как многофункционального общественного здания — с библиотеками и школами²⁵⁵. Вместе с тем, в научной литературе²⁵⁶, указывается, что этот проект получил распространение в губерниях со смешанным населением. За ним последовали новые проекты, помещенные в ПСЗРИ в 1844 г.²⁵⁷. В их основу были положены формы первых мечетей Египта и Туниса²⁵⁸. Как считают историки ислама, образцовые проекты положили начало архитектуре современных мусульманских культовых зданий, и возводились архитекторами далеко не всегда близко к оригиналу²⁵⁹.

Регулированию подвергался и внешний облик православных и неправославных культовых построек, «без надлежащего рассмотрения планов и фасадов» которых строительство запрещалось. В 1824 г. вышло первое в России собрание планов и фасадов классицистических церквей. Здесь же были помещены проекты бескупольных прямоугольных в плане зданий, перекрытых двускатной крышей, предназначавшихся для западно-

²⁵⁴ Мониц Г. И., Манонина Т. Н. Архитектура мечетей Томской губернии конца XIX – начала XX вв. // Вестник ТГАСУ. — 2015. — № 4. — С. 49–55.

²⁵⁵ Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII — начале XX в.: исламское богослужение и мечети: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02. — Казань, 2006.

²⁵⁶ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы...

²⁵⁷ Чертежи и рисунки. ПСЗРИ. Собр. 1. — Т. XIX. (1844). — Ч. 2. СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 348.

²⁵⁸ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 244.

²⁵⁹ Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII — начале XX в.: исламское богослужение и мечети... С. 29.

христианских церквей²⁶⁰. Проекты получили одобрение Александра I, однако в них указывалось, что «не предполагается..., что по сим планам и фасадам непременно строить Церкви во всяких местах и обстоятельствах; но содержащиеся в Книге сей Чертежи и Наставления будут весьма полезны...»²⁶¹.

С конца 1820-х гг. в среде высокопоставленных церковных и государственных иерархов во главе с императором Николаем I возобладали идеи о необходимости строительства церквей «во вкусе древнего Византийского Зодчества»²⁶². В 1838 г. был издан альбом чертежей К. А. Тона, в котором вместе с православными помещался проект протестантского храма, решенный в формах романской архитектуры²⁶³.

В Строительном уставе появляется указание, что «при составлении проектов на построение православных церквей, преимущественно и по возможности, должен быть сохраняем вкус древнего Византийского зодчества». Относительно церковных построек «прочих христиан» в Уставе значилось: «впредь до издания образцовых планов, применяются общие правила архитектуры».

Относительно мечетей действовала иная норма Устава: «Новые мечети, надлежавшими духовными и гражданскими начальствами признанные необходимыми и обеспеченные в содержании, строятся по планам и фасадам, какие прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы, когда постройка мечетей предложена не по Высочайше утвержденным образцовым

²⁶⁰ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 219.

²⁶¹ Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением. — СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. — С. 4.

²⁶² Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 225.

²⁶³ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 227; Тон К. А. Церкви, сочиненные архитектором его императорского величества, профессором архитектуры Императорской Академии художеств и членом разных иностранных академий Константином Тоном. — СПб, 1838.

чертежам 1844 года, особые проекты построек были каждый раз утверждаемы местными Губернскими Правлениями (по Строительным Отделениям), а в случаях особенной важности представляемы в Министерство Внутренних Дел...»²⁶⁴.

Образцовые проекты культовых построек не предполагали непереносимого их использования, скорее они демонстрировали предпочтения власти, на которые надо ориентироваться при строительстве. Кроме того, они были призваны повысить и повышали художественный уровень провинциальных построек. С другой стороны, необходимо понимать, что свободы в проектировании церквей не было, власть контролировала этот процесс через местные и центральные органы, отвечавшие за рассмотрение и утверждение проектов.

Распространение историзма сопровождалось, с одной стороны, интересом к историческому прошлому в целом, с другой стороны, возрастающей потребностью подчеркнуть национальное своеобразие, историческую самобытность народа. Поиск национальных форм архитектуры соответствовал общеевропейским тенденциям.

Фактическое строительство протестантских церквей в романском стиле начинается еще до появления проектов 1838 г. (церковь Петра и Павла в Санкт-Петербурге (1832), арх. А. П. Брюллов). Примерно в это же время появляются и первые римско-католические церкви в формах исторических стилей. Считается, что установилось строгое правило, костелы строили в готическом, а кирхи — в романском стиле²⁶⁵. Безусловно, что преобладающими для строительства храмов указанных конфессий были эти стили, но архитектурная практика российских окраин была сложнее. Так, М. П. Киба, исследовавший архитектуру римско-католических церквей южных окраин Российской империи, пишет, что в середине XIX в. на смену классицистическим решениям приходит историзм в различных его

²⁶⁴ Устав строительный. СПб, 1881.

²⁶⁵ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 243.

вариациях. Романский стиль воплощался в «романо-византийском» и «ломбардском» методах трактовки объемов и декора фасадов, а готический стиль имел черты романской архитектуры²⁶⁶.

Подобные сведения приводит и Л. А. Ющук, исследовавшая архитектуру евангелическо-лютеранских и римско-католические церквей Сибири и Дальнего Востока. Она сообщает, что евангелическо-лютеранские храмы в Барнауле, Томске, Иркутске были построены в традициях немецкой готики, в традициях польской готики были построены здания римско-католических церквей в Иркутске, Барнауле, а иногда при строительстве западно-христианских церквей в Сибири использовались смешанные романо-готические формы для евангелическо-лютеранской и реформаторской церковной архитектуры²⁶⁷. Вместе с тем во второй половине XIX в. наряду с готическим или романским стилями продолжают обращаться к формам классицизма (церковь св. Ионна в селе Старошведском), ренессанса (собор Вознесения Девы Марии в Одессе).

Храмы католиков и протестантов привлекали пристальное внимание архитекторов. Такая особенность уже отмечена и объяснена историками архитектуры²⁶⁸. Хотелось бы добавить, что интерес архитекторов стимулировался также и обращением к национальным стилям в Западной Европе. На страницах российских печатных изданий появлялось много материалов, посвящённых истории средневековой европейской архитектуры, публиковались проекты храмов для представителей западноевропейского христианства. Интерес к проектированию кирх и костелов также инициировался самими верующими, которые заказывали проекты ведущим архитекторам. Конкурсы на проектирование культовых сооружений

²⁶⁶ Подробно см.: Киба М. П. Архитектурно-художественные характеристики римско-католических храмов Южной и Восточной Украины: конец XVIII – начало XX столетия: автореф. ... дисс. канд. архитектуры: 18.00.01. — Харьков, 2004.

²⁶⁷ Ющук Л.А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792–1917) ...

²⁶⁸ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы...

объявляли даже сельские приходы. Храмы для инославных вероисповеданий создавали архитекторы, стоявшие у истоков «русских стилей»: К. А. Тон, Д. И. Гримм, В. А. Шретер и др.

Вместе с таким ранним утверждением национального «стиля» для представителей неправославного христианства можно отметить и задержку классицизма в их провинциальном зодчестве. Так, в монографии С. А. Терехина опубликован проект 1864 г. евангелическо-лютеранской церкви села Осиновки, выполненной в формах классицизма²⁶⁹.

В этот же период — во второй половине XIX в. — решения большинства мечетей определялись мавританским стилем, хотя их архитектура тоже отличалась достаточным разнообразием. Например, Белая мечеть в Томске (1900, арх. А. Н. Лангер) и Нижегородская мечеть (1915, арх. П. А. Домбровский), построенные в «кирпичном» стиле эклектичны, и сочетают в себе мотивы нескольких стилей и направлений. На рубеже XIX – XX вв. в большинстве городов Европейской России мечети строили согласно российским нормам на площадях и соблюдали положенное расстояние от них до жилых построек.

Поиски национально стиля в еврейском храмовом зодчестве приводили архитекторов к романским и готическим формам, воплощенным ими, в том числе, в синагогах юга Российской империи²⁷⁰. В среде евреев Санкт-Петербурга бытовала точка зрения о том, что у евреев нет своего стиля, они используют разные стили народов, на территории которых проживают. Поэтому для строительства синагог вполне подойдет русский стиль без использования заметных христианских символов²⁷¹. Однако такой подход противоречил основной идее историзма XIX в., заключавшейся в том, чтобы разные сакральные сооружения возводились в особых, легко узнаваемых

²⁶⁹ Терехин С. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен... С. 122.

²⁷⁰ Шапиро Г. Е. Архитектура синагог Области Войска Донского и Кавказского края второй половины XIX — начала XX вв....

²⁷¹ Levin V. The ST. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire ... P. 197 – 217.

стилях. В ходе дискуссии, развернувшейся в процессе подготовки к строительству синагоги в Санкт-Петербурге, в синагогальной архитектуре России был выбран мавританский стиль²⁷². Синагоги в этом стиле появляются во многих крупных городах империи: Самаре, Киеве, Смоленске и др. Поиски в этом направлении отражают, например, проект молитвенного дома на еврейском участке Новоприображенского кладбища в Санкт-Петербурге, выполненный И.И. Шапошниковым в 1876 г.²⁷³, объявленный в 1879 г. конкурс на проект синагоги для Санкт-Петербурга²⁷⁴. В. Левин заметил, что строительство синагоги в столице можно рассматривать как «архитектурное представление иудаизма в нееврейской среде», и здесь еврейская община продемонстрировала стремление к интеграции в сочетании с желанием сохранить свою национальную идентичность, что выразилось в обращении к восточным формам архитектуры²⁷⁵. В начале XX в., когда утвердился стиль модерн, архитекторы обращались к среднеазиатской исламской архитектуре XV–XVII вв., египетскому стилю при проектировании синагог в разных городах Российской империи.

Меньше поисков и рассуждений вызывал вопрос о стиле церкви для православных греков, болгар, сербов²⁷⁶. Они не причислялись к категории иностранных исповеданий, и архитекторы сразу констатировали, что греки сохранили черты византийской архитектуры, что и определило стилистику их храмов.

Таким образом, проживавшие на территории Российской империи народы оказались вовлечены в процессы, определившие динамику их архитектуры — от доминирования образцовых проектов и классицизма к поиску национальных «стилей», развернувшемуся в эпоху историзма. Как

²⁷² Levin V. The ST. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire ... P. 197 – 217.

²⁷³ Зодчий. — 1876. — № 11. — Приложения. Л. 2–4.

²⁷⁴ Зодчий. — 1881. — № 1, № 4. — Приложения. Л. 6.

²⁷⁵ Levin V. The ST. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire... P. 197 – 217.

²⁷⁶ Дело о доставлении смет по постройке церкви для болгарских и греческих колоний. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 226.

было показано, разные этноконфессиональные группы империи неодновременно переходили от одного стилевого этапа к другому.

Отмечая в целом подобные же тенденции в архитектуре армян Российской империи (табл. 4), считаем важным осветить особенности данного процесса более подробно, поскольку для нашей темы необходимо определить его хронологические границы, специфические черты и показать место и значение кавказского зодчества в истории русской дореволюционной архитектуры.

2.4. Армянские церкви на территории Российской империи: путь к возрождению национального стиля

Одной из первых армянских церквей, построенных на территории Российской империи в Новое время, стала Успения Богородицы в Грузинской слободе (на Пресне) в Москве. В 1731 г. грузинский царь Вахтанг Леонович VI выделил армянам из своей свиты земли для ее строительства. Облик этого деревянного здания неизвестен. Как следует из прошения «и церковного знака никакого нет» на ней²⁷⁷. Из другого прошения узнаем, что этот молельный деревянный дом после нескольких лет простоя в 1746 г. был вновь открыт для прихожан, но поскольку он пришел в негодность, на его месте построили каменный дом тоже «без всякого церковного признака»²⁷⁸.

Акцент на отсутствии «церковного признака» был связан с запретом строить армянские церкви. В 1842 г. был издан Указ об упразднении всех строящихся армянских церквей и о запрещении строить новые. Разрешение армянам возводить церкви было официально возвращено Сенатским указом от 9.06.1763 г. Указом Екатерины II 1770 г. армянам было даровано право

²⁷⁷ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 174.

²⁷⁸ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 174.

строить в Москве и Санкт-Петербурге «публичные каменные строения, равно как и построенные с давних лет кои ветхи, вновь исправлять»²⁷⁹.

Из ходатайства И. Л. Лазарева Екатерине II, написанного в апреле 1770 г., узнаем, что армяне желают «построить красивые каменные строения, наподобие той, которая построена давно на Пресне...». Из чего можно заключить, что каменное здание церкви было построено (или, как представляется, существенно перестроено) в начале 1760-х гг. по проекту одного из архитекторов Яковлевых²⁸⁰ в духе классицизма.

Сама церковь снесена в советское время, а дошедшие до нас фотографии датируются 1880-ми гг. Интерес представляют глухие люнеты стрельчатой формы над оконными проемами одного из боковых фасадов, возможно сохранившиеся от первоначального облика, они не соответствуют классицистическому оформлению церкви и остальным оконным проемам с полуциркульным завершением. Как свидетельствуют последние фотографии церкви, сделанные на рубеже 1920–1930-х гг., в ходе ремонтов, проводившихся после 1880-х гг., эти люнеты были заложены, да и все фасады церкви претерпели значительные изменения.

Следующая по времени церковь ААЦ — Сурб Хач строится в Москве в 1770-е гг. по проекту Ю. М. Фельтена²⁸¹. Церковь утрачена, а на дошедших до нас фотографиях, она запечатлена после двух существенных перестроек 1821 г. и 1868 г. (табл. 4), в результате которых была изменена высота купола, достроены притвор и колокольня, но общий классицистический облик остался прежним.

Церковь Сурб Арутюн, последняя из построенных в Москве до революции и единственная дошедшая до нас церковь ААЦ, построена на армянском кладбище в 1815 г.²⁸² по проекту А. Г. Григорьева^{283(?)} — известного архитектора московского ампира.

²⁷⁹ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 175–176.

²⁸⁰ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 176.

²⁸¹ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 177.

²⁸² Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 178.

В Санкт-Петербурге влиятельная община армян сформировалась сразу после основания города. Петр I, понимая значение торговли с Востоком, которое армяне активно развивали, велел их «как возможно приласкать и облегчить». Он же позволил им открыть молитвенный дом в городе. В 1740 г. Сенат разрешил построить им «небольшую каменную... церковь» на Васильевском острове. Ее строительство началось по проекту Д. Трезини²⁸⁴ (?), но последовавший в 1742 г. указ, о котором написано выше, не позволил ее достроить.

Строительство армянских церквей в Санкт-Петербурге начинается уже после 1770 г. В 1780-е — 1790-е гг. в городе было построено две классицистические церкви Сурб Катарине (1780, арх. Ю. М. Фельтен) (табл. 4) и Сурб Арутюн (1794, арх. Ю. М. Фельтен).

Помимо столичных городов крупная армянская община существовала в Астрахани. До революции они построили в городе пять церквей и одну часовню²⁸⁵. В литературе указывается, что в 1669 г. они возвели здесь первую деревянную церковь, в 1706 г. на ее месте построили каменную, которую в 1840-е гг. перестроили по проекту губернского архитектора Ф. Гусаковского²⁸⁶. В итоге собор Сурб Аствацацин (Богородицы) приобрел вполне классицистический вид. На фотографиях виден декор фасада в виде ложных килевидных арок.

Интерес также представляет приходская церковь Сурб Погос-Петрос (св. Апостолов Петра и Павла) в Астрахани (табл. 4). Сведения о ее строительстве и дате основания имеют существенные расхождения. Согласно данным из книги А. Н. Штылько, вышедшей в свет в конце XIX в., в 1763 г. было подано прошение о строительстве второй армянской церкви в городе,

²⁸³ Приказ Департамента культурного наследия Правительства Москвы «Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Армянского кладбища, начало XIX в., арх. А.Г. Григорьев, расположенного по адресу; г. Москва, ул. Сергея Макеева, д. 10., стр.1 [по состоянию на 10.10.2020 г.] // Официальный портал Правительства Москвы.

²⁸⁴ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 167.

²⁸⁵ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 18.

после получения которого приступили к ее строительству²⁸⁷. Освящен храм в 1771 г. В других немногочисленных научных публикациях имеются указания, что церковь была основана в 1721 г., после 1840 г. начинаются ее перестройки и капитальные ремонты, и в 1843 г. при ней была построена еще одна — зимняя церковь Сурб Григора Лусаворича (св. Григория Просветителя). В последующем эти две церкви так и обозначились «церковь Сурб Погос-Петрос и при ней зимняя церковь Сурб Григор»²⁸⁸.

Церковь св. Петра и Павла утрачена, но судя по дошедшим до нас изображениям, она заслуживает особого внимания исследователей (табл. 4). Современник оставил о ней такой отзыв: «По внешности эта церковь, выдающаяся в архитектурном отношении и по своей массивности»²⁸⁹.

Значительное своими размерами прямоугольное в плане крестово-купольное здание украшали расположенные с трех сторон портики с массивными колоннами и треугольными фронтонами. Венчал церковь купол на массивном световом барабане. Композиция здания, его архитектурно-декоративное убранство отвечали всем принципам классицизма. Интересны две высокие угловые колокольни, возвышавшиеся по сторонам от западного входа. Граненные, разделенные тягами на три яруса, они завершались высокими шатрами. Их оконные проемы перекликаются с оконными проемами северо-западного и юго-западного углов здания, но отличаются от прямоугольных оконных проемов южного фасада (северный и восточный фасады не видны на фотографии), и не перекликается с ритмом полуциркульных оконных проемов барабана, очерченных сдвоенными полуколоннами, каковые отсутствуют на колокольнях.

Анализ основных и доступных в изображениях или натуре церквей ААЦ, построенные во второй половине XVIII — первых десятилетиях XIX в., позволяет говорить о том, что все они решены в формах классицизма. Архитектура некоторых имеет своеобразие, связанное прежде всего с тем,

²⁸⁷ Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань... С. 65.

²⁸⁸ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 18.

²⁸⁹ Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань... С. 74.

что они были перестроены либо из ранних зданий, либо уже после эпохи классицизма.

Исключением из этого являются некоторые сельские храмы, построенные в первые десятилетия XIX в. Преимущественно это относится к северо-кавказскому региону, куда армяне переселились уже после правления Екатерины. Эти общины не всегда получали разрешение на строительство храмов, возводили их из дерева, сырцового кирпича или даже камня собственными силами.

Эпоха историзма, открывшая возможности архитектурного выбора, способствовала распространению ориентализма. Значительный интерес к архитектуре кавказских церквей тоже отчасти был вызван идеями, пришедшими в российскую архитектуру из Европы — откуда был заимствован и интерес к восточной архитектуре в целом. Для европейцев Нового времени в понятие «ориентализм» включались все народы за пределами Европы, а граница этих миров проходила как раз через территории Грузии и Армении. Правда европейскими архитекторами это зодчество было воспринято как своеобразное и экзотическое искусство, отражавшее миропонимание, отличное от европейского.

Исторические земли армянского и грузинского народов входили в состав Российской империи, кроме того, на ее территории насчитывалось значительное количество армянских колоний и приходов, а расширение империи за счет отвоеванных у Персии и Турции армянских земель в 1828 и в 1878 гг. открыло новые возможности для изучения памятников Востока. Это также повлияло на настроения армянской интеллигенции, инициировавшей различные арменоведческие исследования.

В эпоху Нового времени Россия становится одним из крупнейших центров кавказоведения. Случилось это, во-первых, благодаря вниманию к грузинским и армянским памятникам как к византийским, а во-вторых, как отмечалось, включением в состав империи кавказских территорий и политической потребностью укрепиться в регионе.

Нарастающее количество путешествий и исследований обогатили науку описаниями, зарисовками, фотографиями и обмерами памятников кавказской архитектуры (рис. 24–27). Их натурное изучение послужило развитию истории архитектуры и стало источником информации и вдохновения в сфере архитектурного творчества того времени. Эти процессы инициировались на общероссийском уровне учеными, художниками и архитекторами, организовывались во второй половине XIX в. в том числе в рамках деятельности Императорской Академии художеств, Московского археологического общества и экспедиций Императорской археологической комиссии. Возглавляемая Н. Я. Марром Анийская экспедиция Императорской археологической комиссии в 1892–1893 и 1904–1917 гг. были невозможны без общественного настроения и государственной поддержки.

Подтолкнул интерес отечественных исследователей к закавказской архитектуре и труд Виоле ле Дюка, посвященный русскому искусству²⁹⁰, в котором он указывал на возможность перенесения византийского искусства в Константинополь из Малой Азии, а также на происхождение русских шатровых церквей от закавказских культовых построек. Ответом стала, например, статья Н. В. Султанова «Русские шатровые церкви и их соотношение к грузинско-армянским пирамидальным покрытиям»²⁹¹. В ней автор доказывал необоснованность отнесения русских шатровых церквей к кавказским истокам.

Предположение ле Дюка о возможном заимствовании византийского стиля из Малой Азии также нашло отклик в кругах теоретиков архитектуры. В журнале «Зодчий» появилась интересная публикация, очевидно, отражавшая настрой какой-то части архитектурного сообщества. Автор, не оставившей подписи, писал, что «богатство памятников византийского стиля

²⁹⁰ Виоле-ле-Дюк Э. Э. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / пер. с фр. Н. Султанов. — Москва: Худож.-пром. музей, 1879.

²⁹¹ Султанов Н. В. Русские шатровые церкви и их соотношение к грузинско-армянским пирамидальным покрытиям // Зодчий. — 1887. — № 9,10. — С. 66–71.

в Грузии и Армении, превосходная орнаментика многих из них и древность... отчасти подтверждают мнение ученого, и быть может, Византийское искусство было бы правильнее называть армянским или грузинским». Он считает, что в византийском искусстве можно выделить греко-византийское и армяно-византийское направления. При этом трудно сказать, продолжает автор, какой из них «симпатичней. Армянский тип во всяком случае отличается более строгим и серьезным характером», поэтому необходимо развивать именно это направление, особенно в процессе обучения гражданских инженеров²⁹².

Обращение к формам кавказской архитектуры в эпоху историзма на разных территориях Российской империи имело свои особенности, а также в этих формах строились православные церкви (табл. 5). Дело в том, что в состав империи входили исторические земли армян, на которых сохранилось наследие средневекового зодчества и население не утратило связи с этими чтимыми образцами, которые можно было воспроизводить методом копирования или творческого осмысления. Прежде всего так церкви стали возводить на армянских закавказских территориях Российской империи. Копирование образца — известная практика возрождения зодчества для армян, о чем было написано выше. Так, церковь св. Спасителя в Гюмри (1859–1866, арх. Т. Андикян, М. Петросян) повторяет архитектуру Анийского собора²⁹³ (табл. 7).

В крупных армянских общинах за пределами исконных исторических земель наблюдается задержка классицизма (табл. 7). Армянский историк XIX в. Е. Шахазиз отметил, что «длительный отрыв от традиционной родины уже выработал в переселенцах новый вкус, новые понятия и идеалы... Они

²⁹² Византийское искусство // Зодчий. — 1883. — № 5. — С. 39–41. Разработка армяно-византийского стиля в Институте гражданских инженеров дала замечательные результаты. В конце XIX — начале XX в. именно его выпускники преобладали среди участников конкурсов на строительство церквей для армян ААЦ и совершили значительный прорыв на пути к новому закавказскому стилю.

²⁹³ Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2017. — № 2(9). — С. 159–192.

отчуждены от многих собственных свойств и армянской обстановки и, наоборот, привыкли к вкусам, стилю и обстановке мест, где обосновались жить. Переселенцам уже кажется причудливым и армянский вкус, и обычай звонить в колокола, и многие особенности армянской жизни»²⁹⁴. На этих территориях образцом выступала русская архитектура Нового времени. Привыкшие следовать ей переселенцы, в середине XIX в. стали обращаться к русскому стилю в своем храмовом зодчестве²⁹⁵. Однако период этот оказался непродолжительным, а некоторые храмы в последующее время были перестроены в формах кавказской архитектуры²⁹⁶.

Со временем, когда были накоплены достаточные знания о закавказской архитектуре, для архитекторов и заказчиков открылись возможности обращения к средневековым образцам. К изучению армянской и грузинской архитектуры обращались М. И. Броссе, Г. Г. Гагарин, П. П. Норев, Д. И. Grimm и др. Затем последовали издание «Материалов по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества» (1888–1916), в 1904 г. Под редакцией архитектора Г. Д. Grimma, был издан труд, составленный Д. Егиазаровым и Р. Мартиросянцем, об архитектуре средневековой Армении.

Одним из первых зарисовал грузинские средневековые памятники князь Г. Г. Гагарин²⁹⁷ (рис. 24–27). Уже в его первом альбоме, изданном в 1847 г. в Париже, представлены фасады, планы и элементы декоративного убранства грузинских и армянских церквей. Наиболее полное исследование армянских и грузинских церквей предпринял Д. И. Grimm, который в ходе своей поездки на Кавказ обмерил и зафиксировал наиболее значимые

²⁹⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 63.

²⁹⁵ Например, церковь Георгия Победоносца в с. Султан Салы, Успенская церковь в Армавире, перестроенная средневековая церковь св. Геворка в Феодосии, Успенская церковь в Екатеринодаре и др.

²⁹⁶ К числу таких храмов относится, например, Успенская церковь в Армавире.

²⁹⁷ *Le Caucase pittoresque dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine avec une introduction et un texte explicatif par le comte Ernest Stackelberg.* — Paris: Plon, 1847; Гагарин Г. Г. Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. в 3-х сериях. — Санкт-Петербург, 1897–1903.

памятники. Альбомы его чертежей под названием «Памятники Византийской архитектуры в Грузии и Армении»²⁹⁸ издавались широкими тиражами с 1859. В 1866 г. они выходили под названием «Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении».

Эти работы оказали непосредственное влияние на архитектурную практику. Начало строительству церквей в «армяно-византийском стиле» положили проекты архитекторов, связанных с Императорской Академией художеств. Данное учебное заведение стало первым источником распространения этого «стиля», что было подготовлено в том числе работами К. А. Тона и продолженных поисков византийского «стиля» его учениками.

Первые церкви, спроектированные русскими зодчими, так же стали возводить на кавказских территориях Российской империи с середины XIX в. (табл. 7). Они имели явные признаки академической стилевой архитектуры, но своими очертаниями имитировали узнаваемые формы армянских храмов. Их главным отличительным знаком является барабан с пирамидальным/коническим куполом, что не должно было оставлять сомнений в их конфессиональной принадлежности. Примером может служить храм Григория Просветителя в Баку, строительство которого началось в 1860-е гг. по проекту архитектора К. Г. Гиппиуса — выпускника Академии художеств. Архитектурно-художественное решение церкви создано под влиянием тоновской архитектуры. Здесь соединяются приемы классицизма с декором академических стилей²⁹⁹, древнерусской архитектуры и форм, армянского зодчества: рустовка, дентикулы, килевидные кокошники, щипцы и конический купол.

²⁹⁸ Grimm D. I. Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении. — Санкт-Петербург, 1859.

²⁹⁹ Е. И. Кириченко пишет: «Многообразие «стилей» эклектики можно свести к двум разновидностям — академической и антиакадемической. К первой относятся все варианты «классицистических стилей» — неогрек, «ренессанс», «барокко», «рококо», поздний классицизм. Во второй различаются романтическое («готика»), национальное («русский» стиль) и рационалистическое направления (Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов... с. 75.)

Примерно в том же духе были решены и другие храмы, возведенные в эти годы. Однако почти все они перестраивались или достраивались в последующие годы, поэтому сегодня их первоначальный облик сложно восстановить точно. Например, церковь Григория Просветителя во Владикавказе (1868), построенная по проекту архитектора О. И. Симонсона — выпускника Академии художеств, очевидно так же была решена в духе официально-академического направления историзма. Она была значительно перестроена в 1897–1902 гг. при участии строителей из Эчмиадзина.

Отнесение российским научным сообществом армянских и грузинских церквей к образцам византийской архитектуры, натурные исследования этих памятников в середине XIX в. сказались на практике строительства православных храмов³⁰⁰ (табл. 5). Во-первых, отдельные элементы кавказской архитектуры можно наблюдать в постройках византийского стиля (например, Владимирский собор в Херсонесе, арх. Д. И. Гримм)³⁰¹. Во-вторых, в этом стиле стали возводить православные церкви. Одной из первых православных церквей, возведенных в формах кавказской архитектуры, стал Андреевский Военный собор (1853) на Соборной площади в г. Темирханшура (г. Буйнакск). Он был построен по рисункам князя Г. Г. Гагарина при

³⁰⁰ В последние годы вышел ряд исследований, посвященных истории византийского «стиля» в России. Авторы, обращавшиеся к этой теме (Е. М. Кишкинова, Ю. Р. Савельев), сходятся во мнении, что о собственно византийском «стиле» можно говорить только начиная с середины XIX в. Создавался он с опорой на памятники средневекового зодчества не только непосредственно Византии, но также стран византийского влияния, и в том числе Грузии, Армении, Абхазии. Сами храмы в «армяно-византийском стиле» не входят в сферу непосредственного внимания авторов, но они отмечают, что некоторые церкви византийского «стиля» имели отдельные черты кавказского зодчества. Е. И. Кишкинова заметила, что уже в 1860-е гг. кавказские реминисценции постепенно вытесняются из византийского «стиля», поскольку к современникам приходит понимание различий византийского и кавказского зодчества. Автор пишет о том, что уже на период конца 1850-х — 1860-е гг. приходится «археологизированный» этап византийского «стиля».

³⁰¹ Ю. Р. Савельев пишет, что храм в память крещения св. Владимира в Херсонесе, построенный по проекту Д. И. Гримма, «послужил образцом творческому направлению, которое можно назвать «армяно-византийским» или «грузино-византийским» ответвлением византийского «стиля», хотя и признает значительное отличие объектов этого направления от проекта Гримма (Савельев Ю. Р. "Византийский стиль" в архитектуре России (вторая половина XIX - начало XX века)...)

участии инженера фон Миллера³⁰². Церковь не сохранилась, по нескольким дошедшим до нас фотографиям и рисункам князя, на которых представлены фасады и планы, подобные собору, можно сказать, что художник использовал метод схожий с научно-археологическим направлением, получивший распространение в эпоху историзма³⁰³. Суть этого метода описал Забелин: «необходимо избрать какой-либо один памятник или несколько, но вполне однородных... и по такому образцу возвести новое здание... необходимо проникнуться стилем каждого из этих памятников и по их образцу выстроить тот или другой проект»³⁰⁴. Другими слова, в основу проекта Гагарина было положено знание различных образцов армянской и грузинской архитектуры, самобытные черты которых он осмыслил и обобщил, не подменяя их сути привнесем приемов европейской стилевой архитектуры.

Военный собор — крестообразная церковь, удлиненная по оси запад-восток с выступавшей граненой апсидой и пирамидальным куполом на граненом барабане. Ее легкость и изящество, устремленность ввысь подчеркивают вытянутые арочные проемы окон и дверей, аркатурные украшения фасада и высокий световой барабан.

Согласно сведениям, приведенным А. Ю. Сергеевым, высота собора составляла 34 м. «Всю массивность сооружения скрывали и визуально облегчали узкие высокие арочные окна как на фасаде, так и на высоком барабане, а также, устремленные ввысь, декоративные лжеарки»³⁰⁵. Стены храма были оштукатурены и покрашены в два цвета.

Строительство православных храмов в формах закавказской архитектуры имело место на протяжении второй половины XIX – начала XX

³⁰² Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3. — С. 236–248.

³⁰³ См.: Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов... С. 75.

³⁰⁴ Цит. по: Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России... С. 235.

³⁰⁵ Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина...

вв.³⁰⁶ (табл. 5). В этом стиле строится церковь в имении великого князя Константина Николаевича Ореанда в Крыму. Покровская церковь (1885) была спроектирована архитектором А. А. Авдеевым при участии Г. Г. Гагарина и Д. И. Гримма³⁰⁷.

Через пару десятилетий в соседнем крымском имении Харакс великого князя Георгия Михайловича была возведена церковь св. Нины (1908–1912), которую архитектор Н. П. Краснов называл своим лучшим произведением и писал, что проектировал ее в стиле «грузинских и армянских церквей на Кавказе — Ахпата и Гелатского собора»³⁰⁸.

Были и другие случаи обращения к формам кавказского средневекового зодчества в русском храмостроительстве, но именно приведенные примеры свидетельствуют о том, что прежде всего такой заказ поступал от членов императорской фамилии или военного командования Русской императорской армии. Конечно, эти обращения имели соответствующий исторический контекст. Андреевский собор был построен в Дагестанской области, где служили, выражаясь языком тех лет, «туземцы-христиане». Крымские храмы возведены в частных владениях великих князей, кроме того, они являются своего рода продолжением той романтической тенденции, которая была заложена еще И. А. Монигетти в 1860-е гг. при проектировании Крестовоздвиженской церкви в Ливадийском дворце. Однако бесспорно можно утверждать, что «армяно-византийский стиль» поддерживался на самом высоком уровне.

В 1870-е гг. в распространение армянского стиля на территории Российской империи заметную роль начинает играть Институт гражданских

³⁰⁶ И. Е. Печенкин в статье «Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма» он отмечает, что эта стилистика проявилась в русском храмовом зодчестве прежде всего на юге России, как дань «контекстуальной уместности», а интерес к средневековому зодчеству Армении и Грузии, поддерживаемый, прежде всего, русской императорской властью, способствовал расцвету национальных архитектурных школ XX в. в Армении и Грузии (Печенкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма... С. 231–343).

³⁰⁷ Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора...

³⁰⁸ Цит. по: Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора... С. 95.

инженеров. Директором Института в этот период был Р. Б. Бернгард, проходивший обучение в классе К. А. Тона, а позже стали Н. В. Султанов и В. А. Косяков. Обращение к закавказскому стилю не стало здесь самостоятельным явлением, а развивалось в рамках византийского направления. Выпускникам предлагалось выбирать в качестве дипломного проект русского, византийского или армянского храма. Примером такой работы может служить проект православной церкви в «армяно-византийском стиле», выполненный будущим гражданским инженером Ф. И. Завадским³⁰⁹.

Эта школа дала результаты. В конце XIX – начале XX в. именно бывшие воспитанники института преобладали среди участников конкурсов на строительство церквей для ААЦ. Они привнесли подходы, характерные для византийского и русского (археологического) стилей в проектирование армянских храмов. В этот период церкви в «армянском стиле» строятся во многих городах Российской империи³¹⁰.

Ведущие архитекторы обращались к средневековым образцам, создавая своеобразные эклектичные образы армянского храма, где были творчески осмысленны элементы разных эпох армянских, грузинских, византийских, порой романских и иных построек, соединение которых не отсылает к какому-либо конкретному образцу. Возможным было и обращение к известному средневековому храму, узнаваемые формы которого становились основой архитектуры новой церкви, но при обязательном дополнении художественными элементами различных эпох. Исследователи уже отмечали, например, схожесть архитектурной формы армянской церкви св. Рипсима в Ялте с храмом св. Рипсима в Эчмиадзине. Церковь в Ялте была построена по проекту известного в Закавказье архитектора Г. Тер-Микелова

³⁰⁹ Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века: В 7 т. — Т. 1. — Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Строитель», 1902. — С. 59.

³¹⁰ Дело о постройке и починке армяно-григорианских церквей. 1911 г. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 360; Дело о разрешении постройки армянских церквей в разных городах и селах России. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 235.

(Тер-Микелян)³¹¹. Методы проектирования, характерные для архитектуры эклектики, возможности применения которых открылись после публикации обмерных чертежей армянских и грузинских храмов.

В последней четверти XIX в. церкви в «армянском стиле» начинают строить по проектам местных архитекторов (табл. 7). В 1861 г. в Армавире было закончено строительство церкви Сурб Аствацацин (Успения Святой Богородицы), проект на постройку которой был составлен А. Я. Фарафонтьевым и утвержден в 1844 г.³¹². Из скудных сообщений источников и исследователей можно предположить, что в основу чертежа были положены образцовые проекты К. Тона. Однако в процессе затянувшегося строительства выяснилось, что конструктивные расчеты были неверны и требуется составить новый проект для уже частично возведенного храма. Проект был утвержден в 1857 г., а в 1861 г. было завершено строительство храма. Считается, что в результате этой достройки церковь приобрела облик армянского храма с граненым куполом, завершенным пирамидальным барабаном и ярус звона колокольни со срезанными углами и пирамидальным куполом. На фотографиях начала XX в. запечатлен храм, сохранивший эти формы и сегодня. Однако нам известно по крайней мере об одном большом ремонте, проводившемся в 1880-е гг.³¹³, в ходе которого могли быть внесены изменения. В любом случае архитектура храма: объемно планировочное, конструктивное и декоративное его решения позволяет провести аналогии с сельскими храмами донских армян, строившимися в те же годы.

В плане она повторяет церковь «кораблем» из образцовых проектов К. Тона и формы его же шатровой колокольни, аналогичная которой была реализована в селе Султан-Салы. Сводчатые рукава креста четверика со

³¹¹ Подробно см.: Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян / научн. ред. Т. Саргсян. — Симферополь, 2019. — С. 256–272.

³¹² Субботин О. С. Архитектурно-градостроительное наследие армянских зданий гг. Екатеринодара и Армавира XIX–XX вв. // Жилищное строительство. — 2014. — №12. — С. 26–32.

³¹³ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 23.

щипцовыми завершениями и круглым световым окном над арочным проемом входа реализованы в армянской церкви Аствацацин села Большие Салы и это же решение видим в образцовом проекте № V К. Тона.

С 1870-х гг. начинается строительство церквей, формы которых не вызывают сомнений в том, что в их основу были положены знания закавказской средневековой архитектуры. По проекту (1876 г.) Ф. Прозоровского в Ставрополе в 1881 г. завершилось строительство кирпичной церкви Сурб Григор Лусаворич (не сохранилась). Подобно этому в конце XIX — начале XX в. строятся новая Георгиевская в селе Армавир, селе Эдиссия Ставропольской губернии и др. провинциальные церкви.

Показательным в смысле развития исследуемого стиля стал конкурс на проект армянской церкви для Баку (табл. 6), проводившийся несколько раз. Лучшие работы, представленные на него, публиковались на страницах журнала «Зодчий», что в сочетании с именами известных зодчих, принявших в нем участие, свидетельствует о значимости данного события в архитектурной жизни страны.

На первом конкурсе победил проект, выполненный Г. Д. Гриммом. К трехнефной церкви с западного фасада примыкала трехъярусная колокольня. По аналогии с Талинским собором VII в., южная и северная стороны крестовокупольного храма были развиты многогранными экседрами. Вертикальное устремление церкви подчеркивалось высокими, удлиненными арочными проемами входных и оконных проемов, аркадами верхнего яруса колокольни и барабана. Венчали колокольню и церковь пирамидальные купола.

В 1906 г. был объявлен новый конкурс на проект церкви для Баку. Среди представленных работ жури выделило проекты В. Покровского, С. Тер-Микеловым (Тер-Микеляна), О. Качазнуни (Каджазнуни). Победителями были объявлены проекты двух первых архитекторов — одна из них в стиле модерн, другая — эклектики. Близкое решение к проекту, представленному

на конкурс Тер-Микеловым, имеет армянская церковь в Крыму (1909–1917), построенная по проекту этого архитектора³¹⁴.

Однако сами заказчики выбрали церковь, спроектированную гражданским инженером Качазнуни³¹⁵ (рис. 28–29). Строительство церкви св. Апостолов Фадея и Варфоломея в Баку по его проекту началось в 1907 г.³¹⁶ Архитектор, как и ряд его современников, предпринял попытку переосмыслить культовое зодчество средневековья. Для него поиски форм, выражавших национальную идею армянского народа, являлись важнейшей задачей. Эта новая архитектура должна была стать в один с другими национальными стилями, а возможно и превзойти их, стать зримым выражением величия культуры армянского народа, лишенного государственности, но сохранившего свой национальный дух и религию.

В основу объемно-пространственного решения церкви Качазнуни положил творчески переосмысленный образ тетраконха с угловыми нишами — оригинальный тип церкви, получивший преимущественное распространение в армянской архитектуре в VII в., тем самым отсылая к золотому веку армянского зодчества³¹⁷. Структуру центрического храма он преобразует внедрением конструкции перекрещивающихся арок — узнаваемый элемент армянской архитектуры XII–XIV вв., не использовавшийся тогда при возведении церквей, а применявшийся в строительстве бесстолпных зальных гавитов (жаматунов), и к началу XX в. утвердившийся в русском храмовом зодчестве³¹⁸.

Высокие стены и вытянутый барабан, вертикальные членения и эффект «стрельчатости» проявлявшийся при перекрещивании арок, раскреповки и

³¹⁴ Подробно см.: Էդմոնդ Տրչրանցյան. Փարրիել Տեր-Միքելյան (Тигранян Э. А. Габриэль Тер-Микелян). — Ереван: Советакан грох, 1981.

³¹⁵ Դոլուխանյան Լ. Ճարտարապետ Հովհաննես Կաչազնունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазнуни). — Ереван: Аревик-рекорд, 1997.

³¹⁶ Мартиросян А. Оганес Каджазнуни — архитектор армянской церкви в Баку // ЖАМ. 28.05.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zham.ru/categories/heritage/1535-oganes-kadzhasnuni-arhitektor-armyanskoj-cerkvi-v-baku.html>

³¹⁷ Тип тетраконха применялся также при строительстве церквей в византийском «стиле».

³¹⁸ Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков...

вертикальные тяги несущих опор, напоминавшие пучки колонн, позволяют усмотреть отсылку к готической архитектуре. Вместе с тем здесь можно увидеть и образы армянских храмов, в частности, Анийского собора — значимого произведения великого армянского зодчего Трдата. Эффект «готической устремленности», названный современными исследователями «новой армянской готикой»³¹⁹, конкурсной комиссией в составе А. Парланда, А. Щусева, Л. Бенуа был отмечен как не очень удачный. Они написали, что «хотя общий силуэт и армянский, но излишек вертикальных членений и трактовка оконных отверстий придают церкви слишком вытянутый характер, чем спутывают впечатление о ее масштабе; ... не характерны некоторые детали и даже части, например входы и колокольня...»³²⁰.

Однако Качазнуни хорошо изучил армянскую средневековую архитектуру, в том числе в ходе поездки в Ани. К конкурсному проекту церкви для Баку архитектор приложил обширную пояснительную записку с фотографиями армянских церквей³²¹. Над проектом церкви, представленным на конкурс, Качазнуни работал долгие годы, стараясь найти новое прочтение национального средневекового зодчества.

В проекте церкви для Баку архитектор, как и ряд его современников, предпринял попытку переосмыслить культовое зодчество средневековья и создать на его основе новую архитектуру, но отказался от прямого обращения к образам значимых церквей средневековья. Не случайно не выбрал он и новый путь модерна, который ассоциировался у него с «эпохой полного забвения духа и смысла христианства», когда «культ христианства остался где-то там, позади»³²². «И я знаю — писал Качазнуни — два типа церковного строительства, действительно сумевших воплотить в

³¹⁹ Դոլուխանյան Լ. Ճարտարապետ Հովհաննես Քաջազնունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазнуни)... С. 34.

³²⁰ Отзыв комиссии судей по конкурсу Армянской церкви в Баку // Зодчий. — 1907. — № 31. — С.330–331.

³²¹ Отзыв комиссии судей по конкурсу Армянской церкви в Баку... С. 331.

³²² Цит. по: Դոլուխանյան Լ. Ճարտարապետ Հովհաննես Քաջազնունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазнуни) ... Приложения.

архитектурные формы религиозное чувство: это — египетский храм и готический собор»³²³. Культ христианства — считает Качазнуни — «нужно искать в готических соборах — в парижском Notre Dame...»³²⁴.

Поэтому архитектор решает обобщить в своем проекте ассоциативное видение армянской и европейской архитектуры. Отсылки к Анийскому собору — стрельчатость арок и пучковые пилоны тоже неслучайны. Современные Качазнуни исследователи ставили вопросы относительно их истоков и возможного перехода этих элементов в западную архитектуру из армянской.

Оказали влияние на архитектора идеи и методы византийского «стиля». Очевидно, что это были работы Д.И. Гримма и особенно В.А. Косякова, сыгравших главную роль в утверждении типа однокупольных тетраконхов в византийском стиле и храмов со сводом, опирающимся на перекрещивающиеся арки³²⁵.

Отличается ситуация в строительстве церквей для армян, перешедших в католическую религию. Один из таких наиболее интересных проектов для армян г. Шемахы (1877) выполнил О. Г. Гриппиус. В основу архитектурной идеи церкви были положены романский и византийский стили и кавказская специфика, тем самым архитектор подчеркнул протестантское вероисповедание и восточное происхождение народа. Церковь, очевидно, по аналогии с принятым для небольших протестантских церквей, была лишена купола и перекрыта двускатной кровлей. Фасады украшали галереи с аркадами и высоко расположенные небольшие окна. На восточном фасаде находилась полуциркулярная выступающие абсида. По бокам от нее

³²³ Цит. по: Դոլուխանյան Լ. Ճարտարապետ Հովհաննես Քաչազնունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазнуни) ... С. 15–16.

³²⁴ Цит. по: Դոլուխանյան Լ. Ճարտարապետ Հովհաննես Քաչազնունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазнуни) ... Приложения.

³²⁵ Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков... С. 56.

располагались два дополнительные входа, которые, как указал сам автор, были необходимы на случай землетрясения³²⁶.

Обзор истории церковного строительства армян на территории Российской империи позволяет выделить этапы классицизма и возрождение «армянского стиля». Однако сам переход от одного этапа к другому не имел четких границ, их условно разделить можно серединой XIX в., но с оговоркой, что на европейской территории Российской империи второй этап утвердился только к последней трети XIX в. Смена стилевых предпочтений не только не протекала одновременно во всех поселениях армян России, но и в некоторых случаях можно отметить временный поворот от классицизма к русскому стилю, который нельзя выделить в отдельный этап, поскольку он не проявился достаточно четко и развивался параллельно с сохранявшим силу классицизмом в одних регионах, а в других — с первыми попытками возрождения национального стиля. Это обращение к русским формам можно рассматривать как временную «заминку» в провинции. С последней четверти XIX в. многие церкви, построенные ранее, перестраиваются и приобретают узнаваемые черты армянских церквей.

Архитекторы обращались к «восточному стилю» при проектировании общественных и жилых зданий в столичных и южных городах, а также в национальных регионах Российской империи: Тифлиссские театры (арх. Дж. Скудиери, Г. Г. Гарин; В. А. Шретер), Закавказский девичей институт в Тифлисе (1894, арх. Р. А. Гедике), Маслобойный завод Аведовых в Екатеринодаре, жилые дома (например, арх. А. Ф. Зальцмана)³²⁷) и др. Однако повсеместного утверждения ориентализма в Закавказье не произошло, он отразил настроения только какой-то части населения. Большинство зданий строились в формах академических стилей, что демонстрирует творчество архитекторов-армян (например, архитектор В. Мирзоян, Ереванская мужская гимназия (Концертный зал им. Арно

³²⁶ Зодчий. — 1877. — № 6. — Приложения. Л. 18.

³²⁷ Проект архитектора А. Ф. Зельцмана // Зодчий. — 1883. — С.10.

Бабаджяна на ул. Абовяна), Казначейство (Здание банка на ул. Налбандяна)). В поселениях армян за пределами исторической родины ориентальные мотивы были еще менее популярны, а попытки найти новый национальный армянский стиль отмечаются во второй половине XIX — начале XX в. прежде всего в церковном зодчестве.

Архитектурно-художественный облик домов в армянских поселениях этого периода также складывался под влиянием стилевых идей, распространявшихся в российской архитектуре. Приемы городского строительства проникали и в сельскую местность, сблизив к концу изучаемого периода внешний облик этих типов жилища. Какое-то время дома сохраняли некоторые традиционные и/или исторически сложившиеся элементы архитектуры, но под влиянием окружающих народов они трансформировались или же, наоборот, перенимались этим окружением, что в итоге не выделяло жилище армян из окрестных построек представителей других этносов.

Пластику фасадов домов Еревана формировали балконы и галереи, украшенные ажурными решетками, а строительный камень — туф придавал фасадам уникальный облик и открывал широкие возможности для использования и комбинирования различных приемов рустовки³²⁸.

ВЫВОДЫ

- Во второй половине XVIII в. приглашение к переселению в империю представителей неправославных народов открывает новую страницу переселенческой и религиозной политики государства. Им разрешается исповедовать свою веру и строить церкви.

- С последней четверти XVIII в. поток колонистов и переселенцев направляется на южные и юго-восточные территории империи, где для них закладываются новые поселения с регулярной застройкой. Здесь же

³²⁸ Гаспарян М. А. Архитектура жилых домов Еревана XIX — начала XX вв. ... С. 69.

возникают новые полиэтнические города с приходами представителей разных конфессий.

- В ходе переселения больших групп колонистов уже в 1760-е гг. была выработана схема организации колоний, когда создавалась система поселений с административным центром.

- Первые постройки в колониях возводились при участии казны. Были разработаны образцовые чертежи домов и культовых зданий. В целом наладить контроль и внедрить образцовое строительство удалось с тем или иным успехом в первые десятилетия XIX в. только в городах. В сельской местности чаще сохранялись традиционные формы жилища. Отмечены попытки внедрения форм национальных «стилей» в жилое строительство во второй половине XIX в.

- В культовом зодчестве переселенцев и колонистов отмечается быстрое утверждение классицизма и его задержка. Еще в 1860-е гг. можно видеть обращение к этим формам, наряду с распространением национальных «стилей» с 1830-х гг.

- Получив разрешение на строительство каменных церквей, армяне строят или перестраивают свои храмы в классическом стиле.

- Первые церкви в «армянском стиле», спроектированные представителями русской архитектуры, появились в кавказском регионе Российской империи. Большинство из них в середине XIX в. имели явные признаки тонального "стиля", но их очертания отсылали к узнаваемым формам армянских и грузинских храмов.

- Раскрыта роль, которую на разных этапах сыграли два архитектурных центра страны — Императорская академия художеств и Институт гражданских инженеров в развитии "армяно-византийского стиля". Этот «стиль» развивался в рамках византийского направления русской архитектуры, в котором современники предлагали различать греко-византийскую и армяно-византийскую архитектуру.

- В последней четверти XIX в. церкви в «армянском стиле» строятся уже во многих городах Российской империи. При проектировании применялся метод соединения в одном объекте элементов культового зодчества разных периодов средневековья, принадлежащих не только армянской, но и грузинской архитектуре, что объясняется выборочным использованием обмерных чертежей профессора Д. И. Гримма.

- Под влиянием идей модерна были предприняты попытки избежать копирования средневековых образцов и найти новый узнаваемый национальный стиль. Однако эти тенденции не успели получить значительного распространения в проектировании и строительстве.

Глава 3. Новая социокультурная среда и экономико-правовые основы жизни армянской общины на Дону

3.1. Организация управления Нахичеванским (Армянским) округом

В 1761 г. на правом берегу р. Дон построили новую крепость, получившую имя св. Дмитрия Ростовского. С запада от крепости располагались форштадты, с востока — небольшое поселение Полуденка. На эти территории решено было поселить армян, выведенных вместе с другими православными народами с территории Крыма, который после Кючук-Кайнарджийский мира 1774 г. признавался независимым от Османской империи. Екатерина II в ноябре 1779 г. издала Указ, согласно которому армяне, пришедшие из Крыма, могут основать город «при урочище Полуденки... с дачею на выгон онаго двенадцати тысяч десятин». На этих землях были основаны город Нахичеван и села Чалтырь, Крым, Большие Салы, Малые Салы, Несветай и монастырь Сурб Хач.

Екатерина II не только наделяла армян всеми правами российских подданных, но и даровала значительные льготы. Они освобождались от всяких государственных податей и служб на десять лет; могли получить продовольствие, семена, скот в долг, который полагалось вернуть через десять лет; получали из казны бесплатно строительные материалы (лес и др.) для возведения домов. На строительство домов императрица выделила переселенцам по 5 руб.³²⁹.

Армянам предписывалось учредить свой магистрат и производить суд «и расправу по... нравам и обычаям». Армянская колония получала права автономии. Магистрат, управлявший делами колонии, избирался армянским населением. Он получил права управления большие, чем имели российские города. Органы местного самоуправления в России были представлены

³²⁹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... с. 21.

городским собранием и городской шестигласной думой, а магистраты существовали на уровне губерний. Учреждением армянского магистрата переселенцы получили право управлять не только своим городом, но и всей колонией с селами, что способствовало их длительной административной обособленности.

К функциям магистрата относились судебные, полицейские и руководство повседневной жизнью городских и сельских жителей. Русские стряпчие, приписанные к городу и селам, не имели права вмешиваться во внутренние дела армян, а лишь следили за исполнением законов: «особые начальники из российских, коим в судопроизводство сих поселян не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать»³³⁰.

Городское управление находилось в руках шестигласной думы, избираемой на 3 года, в которую входили пять членов магистрата и городской голова. Затем число гласных было увеличено. В работе думы принимали участие и представители армянских селений, делегированные жителями.

В селлах существовали органы местного самоуправления, представленные атаманами или старшинами и четырьмя старейшинами³³¹. Они избирались сельскими жителями. Магистрат через них осуществлял управление. Решение, принимаемое большинством селян, становилось обязательными для исполнения, но в их компетенции входило решение лишь мелких вопросов местного значения.

Армяне получили свободу вероисповедания, их духовным центром признавался Эчмиадзин. Поселенцам позволялось «строить церкви и колокольни с вольным отправлением во оных по законам их всех церковных

³³⁰ Указ от 14 ноября 1779 г. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. XX. — Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — Ст. 14942.

³³¹ Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 16.

чиноположений, и состоять архимандриту и армянским священникам в единственной власти Армянского Патриарха...»³³².

В 1794 г. с армян был списан долг казне около 178,094 руб. и с 1795 г. они переводились на уплату податей, какие были прописаны в Грамоте 1779 г., а именно: купечество с рубля капитала по одному проценту, цеховые и мещане со двора по два рубля, земледельцы, коим полагалось по 30 десятин земли, с каждой десятины платили в год по 5 коп.³³³.

В 1797 г. был фактически подтвержден особый статус города. Согласно указу 1797 г. «сей город управляем быть должен, как и другие города, особые права и привилегии имеющие, как-то Нарва и прочие»³³⁴.

Однако постепенно армянские поселенцы сближаются в правах с другими поданными Российской империи. В первой половине XIX в. за нахичеванцами сохранялись еще определенные льготы, но уже в 1852 г. они были приравнены к другим поданным Екатеринославской губернии. В 1868 г. магистрат был реорганизован, впоследствии создана городская управа³³⁵, а управление Нахичеванью сосредоточилась в руках городского головы.

В административно-территориальном отношении Нахичеван с окрестными селами первоначально вошли в Азовскую или Южную провинцию, учрежденной в 1775 г. II Азовской губернии. Вскоре Азовская губерния вместе с соседней Новороссийской в 1783 г. были объединены в Екатеринославское наместничество. Руководил им Г. Потемкин. После смерти Екатерины II Екатеринославское наместничество стало называться Новороссийской губернией, а в 1802 г. эта губерния была переименована в Екатеринославскую. В 1803 г. в губернии было учреждено Таганрогское

³³² Цит. по: Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 67.

³³³ Городские поселения в Российской империи. — Т.2. — СПб: Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. — С. 69.

³³⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. — Т. XXVIII. — Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — Ст. 18033.

³³⁵ Волошинова Л. Ф. Бульварная площадь. — Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2001.

градоначалство, которому подчинили и Нахичеванский округ (1807) с формулировкой: «... присоединить к ведомству Таганрогского градоначалства по части полиции, торговли и купеческой навигации. По всем сим предметам управление их должно состоять на тех же самых основаниях и обращаться в тех же пределах власти, какие поставлены для управления Таганрогом. Часть казенная и судная, за исключением дел торговых... имеют оставаться... в настоящей от губернского управления зависимости...»³³⁶.

В феврале 1838 г. «повелено: находящийся в ведомстве Таганрогского градоначалства город Нахичевань именовать впредь Нахичевань-на-Дону»³³⁷.

В 1887 г. Нахичевань-на-Дону с окрестными селами вошли в состав Области войска Донского. Надо отметить, что частые изменения административно-территориального устройства приводили к известной путанице даже в официальных документах. Например, статистические и справочные описания Екатеринославской губернии, издаваемые в середине XIX в., содержат противоречивые сведения об административной принадлежности Армянского округа.

3.2. Социально-экономические основы интеграции донских армян в цивилизационное пространство России

Необходимо отметить, что крымские армяне переселились в страну достаточно им известную, с которым у них были налажены торговые связи. Эти земли заселялись ими еще со времен Древней Руси, а с началом XVIII в. количество армян в русских землях заметно увеличилось, что было следствием политики Петра I. Через несколько лет после основания Санкт-Петербурга здесь появилась армянская торговая колония, которая

³³⁶ Городские поселения в Российской империи. — Т.2... С. 197.

³³⁷ Городские поселения в Российской империи. — Т.2... С. 197.

впоследствии сыграла значительную роль в развитии российско-армянских отношений и интеграции донских армян в российское культурное пространство. В основании поселений донских армян сыграли роль И. Аргутинский и И. Лазарев.

Переселившиеся из Крыма на Дон представляли более или менее однородную крымско-армянскую субэтническую группу, сохранявшую устойчивые культурные традиции на протяжении веков. Они говорили на особом диалекте, сложившемся под влиянием соседних тюркских народов. Вместе с тем в группе переселенцев существовали выраженные социально-экономические различия. Исследователи отмечают, что степень имущественного расслоения в среде армянских переселенцев была достаточно высока: «некоторые переселенцы прибыли из Крыма на своих кораблях с большим запасом товаров, крупными капиталами, а некоторые, наоборот, оставив то немногое, что имели в Крыму»³³⁸. Кроме того, наблюдались отличия между жителями городов и сельской местности. И если в течение первых десятилетий донской истории эти различия были минимальны и проявлялись в первую очередь в хозяйственной деятельности, то ко второй половине XIX в. они проявляются все отчетливей из-за включения городских жителей в единое культурное пространство как юга, так и России в целом. Этому способствовали процессы фактического слияния городов Ростова и Нахичевани, увеличивавшаяся численность нахичеванцев, получивших образование в российских столицах и европейских городах.

Нахичевань стремительно превращался в типичный южнорусский город. Одежда, магазины, архитектура Ростова, Таганрога и Нахичевани все меньше отличались. И хотя нахичеванцы сохранили некоторые субэтнические особенности, но вовлекались в общеевропейский процесс культурной модернизации. В сельской армянской округе данные тенденции проявлялись менее отчетливо. Там жили замкнутыми общинами, старались

³³⁸ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 16.

не допускать смешанных браков, соблюдали семейные и общинные традиции.

Вместе с тем, необходимо отметить, что донские армяне в условиях компактного этнического расселения оставались единой субэтнической общностью, со всеми характерными для нее признаками, но в их картине мира произошли некоторые изменения, характеризующиеся стремлением к поддержанию групповых границ и выстраиванию этностатусной иерархии. Так оформились две социальные группы — жители города и села или, как назвал их А. М. Богданян, «умеренные цивилисты» и «консервативные традиционалисты»³³⁹. Такой «цивилизационный разрыв» сказывался на взаимоотношениях горожан и селян. Первые с пренебрежением относились к сельским жителям, а те в свою очередь недолюбливали горожан, все неохотней исполняя постановления магистрата. Тогда как еще в первой половине XIX в. Гакстгаузен писал, что у армян не было заметно особой разницы между горожанами и крестьянами. Крестьяне, по его мнению, отличались только тем, что жили в деревне, а не в городе; в городах большая часть жителей занималась торговлей и ремеслами, в деревнях — преимущественно земледелием³⁴⁰.

Авангардом интегративных процессов выступали горожане, так как они в первую очередь решали задачи адаптации в регионе и налаживали хозяйственно-экономических связи армянской колонии с внешним миром. Нахичеванцы стали посредниками в торговле селян, продукция которых стекалась в город. Кроме того, на протяжении всего изучаемого периода села сохраняли практически моноэтнический состав, а Нахичевань превратился в полиэтнический город.

В силу вышеописанных процессов в первых разделах главы наше внимание будет сосредоточено преимущественно на горожанах, а в заключительном разделе — на жителях сельской округи, в нем постараемся

³³⁹ Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк... С. 16.

³⁴⁰ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... Л. 5.

показать наиболее важные проявления отличий и объединяющих ценностей духовной культуры армян Дона.

Около половины всех переселившихся на Дон армян ранее проживали в крупных городах Крыма Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова, Акмечети, Старого Крыма, известных как центры торговли и ремесленного производства. Они имели торговые связи со странами Востока и Запада, и Нахичевань становится торговым центром, игравшим заметную роль в развитии экономики Юга России. В статистическом описании Екатеринославской губернии 1863 г. Нахичевань назван среди шести основных торговых городов губернии³⁴¹.

По складу своего экономического мышления переселенцы отличались от российского общества конца XVIII в. «Этой массе населения... были хорошо известны капитал и его функции, банковское дело..., основные принципы ведения коммерции»³⁴². Однако несмотря на наличие у переселенцев признаков складывающегося капиталистического мышления, продуктивному диалогу армянской и русской культуры в немалой степени способствовало то, что эти народы находились на одном уровне цивилизационного развития. Хозяйственные и культурные контакты облегчались традиционным мышлением этносов, а это значит, что они ориентировались на «воспроизводство сложных социальных структур, стабилизацию устоявшегося образа жизни»³⁴³.

На Донской земле армяне продемонстрировали традиционные этнические качества, выразившиеся в высокой степени адаптивности к меняющимся социально-экономическим и культурным условиям. Такие ментальные черты народа неоднократно отмечались многими

³⁴¹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство / сост. Статистическим отделением Екатеринославской губернской земской управы. — Екатеринослав: Печатано в губернской типографии, 1884.

³⁴² Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России... С. 15.

³⁴³ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 95.

современниками: «все армяне, независимо от чинов и сословий, берутся за любое дело, надеясь в нем преуспеть, не страшась никаких трудностей, ... они любое дело, даже кажущиеся бесперспективным, могут сделать прибыльным»³⁴⁴ — так писал о них наместник на Кавказе М. С. Воронцов

Все же преимущественными видами экономической деятельности армян на Дону оставались традиционные для них торговля, ремесла и сельское хозяйство. Была открыты кирпичные, черепичные, кожевенные, свечные и салотопные предприятия, на берегах Дона основаны шерстомойки. По данным 1782 г. в Нахичевани зафиксировано 9 предприятий: 4 кожевенных, 1 красильное хлопчатобумажных изделий, 2 обувных, 1 шелкоткацкая фабрика. В 1807 г. в Екатеринославской губернии имелось всего 6 кожевенных предприятий, 5 из которых находились в Нахичевани, производивших не только обычную кожу, но и сафьян разных цветов³⁴⁵. В 1860 г. в городе уже насчитывалось 40 предприятий³⁴⁶. Большое распространение получили предприятия мелкого товарного производства по обработке сельскохозяйственной продукции.

Первоначально армяне стали развивать рыболовство, которое, очевидно, было им известно, поскольку в Крыму рыбный промысел и торговля имели распространение. «Пиком нахичеванского рыбного промысла был 1858 г. В этом году имелось 4 рыбных завода, было поймано 3000 штук стерляди, 250 осетров, 3000 сазанов, а сумма, вырученная за продажу рыбы за этот год, составила 8600 руб.»³⁴⁷. Местная соленая рыба в бочках вывозилась во многие районы России и Польшу. До середины XIX в. Нахичевань опережала Ростов по объёмам вылавливаемой рыбы³⁴⁸.

³⁴⁴ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 89.

³⁴⁵ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 81.

³⁴⁶ Геворкян Г.А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья.... С. 19.

³⁴⁷ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII — начало XX вв.) ... С. 18.

³⁴⁸ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 84.

Процент горожан, занятых в ремесленном производстве, сокращался практически пропорционально увеличению количества жителей (женщины традиционно занимались домашним производством). В 1793 г. из 7567 жителей ремеслом занимались 2451 чел., остальные торговлей и другими видами деятельности. К 1826 г. из 9106 жителей лишь 2381 чел. занимались ремеслом, а к 1860-м гг. ремесленники составляли около 5–6 % от всего количества горожан³⁴⁹.

Академик П. С. Паллас, побывавший в городе через несколько лет после его основания, писал, что сбыт продуктов армянского производства «в соседнюю округу очень велик, потому что среди казаков мало ремесленников... Большая часть жителей (Нахичевана – О.Б.) состоит из купцов и ремесленников, в числе которых есть кожевники, портные, тележники, кузнецы, ткачи, столяры, горшечники, каменщики и т.п. Булочки пекут отличный ржаной и пшеничный хлеб...»³⁵⁰.

Знаменитый промышленник А. Н. Демидов, посетивший город в 1837 г., заметил, что армяне «отличаются смышленостью и ловкостью в торговле... они содержат постоянные торговые отношения со своими соотечественниками, живущими в Астрахани, Лейпциге и Малой Азии. В доказательство их ловкости достаточно сказать, что они овладели почти всею торговлею Донского бассейна... Искусные нахичеванские армяне не преминули скупить все вино, доставляемое донскими виноградниками... Многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно персидскими, товарами»³⁵¹. Предпринимательские интересы армян распространялись и на соседние города. Так, «армянский ассессор Аврамов из Нахичевана запрудил течение этого ручья (р. Темерник – О. Б.) каменной

³⁴⁹ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 137.

³⁵⁰ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в... С. 86.

³⁵¹ Цит. по: Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов-на-Дону, 2010. С. 34–35.

плитой в самой узкой его части и устроил здесь хорошую мельницу с тремя поставами. Он же устроил здесь ферму и гостиницу...»³⁵². В близлежащих Ставрополе, Таганроге, Екатеринодаре, Азове ими были открыты торговые представительства.

Несмотря на то, что торговлей занимались многие городские жители, представителей купеческого сословия было мало. Согласно данным, приводимым М. Г. Нигохосовым, в 1838 г., когда купечество города было еще мононациональным, в Нахичевани проживало 98 купцов III гильдии и 1 купец II гильдии. К 1881 г. их количество увеличилось: купцов I и II гильдий насчитывалось 138 человек, но среди них были уже и лица не армянской национальности³⁵³.

К концу XIX в. Нахичевань имела сословный состав типичный для городов Юга. Подавляющий процент горожан приходился на мещанское сословие — более 50%³⁵⁴. Мещанские организации Нахичевани и Ростова были сильными, имели налаженные связи с администрацией, и в этих городах сложилась прочная мещанская субкультура, безусловно сближавшая представителей разных этнических групп на почве сословной идентичности.

Экономика армянского округа достигла пика своего развития в середине XIX в. К 1860-м гг. «годовой объём оборота нахичеванской торговли был равен 8.750.000 руб. серебром, из которых на долю мануфактурного и фабричного производства приходится около 5.500.000 руб. серебром»³⁵⁵.

Быстрое включение переселенцев в экономическую жизнь Российской империи проходило на фоне сохранения их культурной специфики. Гомер де Голль, побывавший в Нахичевани-на-Дону в середине XIX в., пишет: «стоит

³⁵² Цит. по: Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в. ... С. 88.

³⁵³ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII — начало XX вв.) ... С. 18.

³⁵⁴ Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Ростов н/д, 2007. — С. 31.

³⁵⁵ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII — начало XX вв.) ... С. 18.

армянский белокаменный город Нахичевань, и удивленный путешественник находит для себя Восток с огромными базарами, где от солнца сверкают стекла, со своеобразной архитектурой домов... когда мы увидели желтые тапочки женщин, которыми они с неподражаемой беззаботностью шаркали при ходьбе, восточную одежду и длинные бороды купцов... создалось впечатление, что мы действительно попали в один из торговых районов Константинополя»³⁵⁶.

Согласно записи донского историка П. П. Филевского, в конце 1860-х гг. основная масса горожан сохраняла старые обычаи, все говорили на армянском языке и даже многие русские, издавна проживавшие в квартале на юго-восточной окраине, плохо говорили по-русски³⁵⁷.

На быстрое вхождение нахичеванских армян в культурную среду России оказывали существенное влияние их тесные контакты с представителями армянской диаспоры, которые к моменту их переселения на Дон уже продолжительное время проживали на территории России, успели адаптироваться и усвоить русскую культуру. Так, покровителями донских армян являлись известные представители столичной армянской диаспоры из семьи Лазаревых, И. Аргутинский и др. Они неоднократно бывали в Нахичевани и становились проводниками представителей нахичеванской администрации в чиновничьих кругах Петербурга.

3.3. Изменения в укладе жизни горожан в эпоху капиталистических процессов в Российской империи

Вторая половина XIX в. стала для армянской колонии Дона временем серьезных изменений. В результате реформ, проводившихся с 1864 по 1875 гг., армяне потеряли традиционный суд и былое самоуправление. Они стали

³⁵⁶ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в.... С. 83.

³⁵⁷ Филевский П. П. Нахичевань и Нахичеванцы: из воспоминаний о детстве. Быт, обычаи, традиции донских армян — 1860-е годы. — Москва, 2020. — С. 56.

подлежать призыву на военную службу. В обязанности армянской общины входило содержание дорог, расположенных на ее территории, местных органов самоуправления, образовательных учреждений, полиции, пожарной команды и т. д.

Строительство железной дороги, начавшееся на Дону в 1860 г., дало мощный толчок развитию экономики края. К концу XIX в. город Ростов-на-Дону (б. крепость св. Дмитрия Ростовского) стал крупным узлом Ростово-Владикавказской, Курско-Харьковско-Азовской и Козлово-Воронежско-Ростовской железных дорог, ключевым портом Донецкого каменноугольного бассейна. Развитие Ростова как ключевого узла экспортно-импортной торговли на Северном Кавказе, с одной стороны, способствует и экономическому процветанию Нахичевани, а с другой стороны, приводит к тому, что город утрачивает свое самостоятельное экономическое положение. Отныне деловой центр сосредоточен в соседнем городе и многие нахичеванцы ведут здесь свои дела.

Данные обстоятельства определили и развитие промышленности города. В Ростове открываются производства, связанные, в первую очередь, с обрабатывающей промышленностью: табачные фабрики, паровые мельницы, рыбозаготовительные предприятия и т. п. Так и Нахичевань-на-Дону специализируется на обрабатывающей промышленности. Здесь возникают новые и продолжают развиваться некоторые традиционные виды производства. К новым направлениям экономики Нахичевани, возникшим во второй половине XIX в., относится пищевая промышленность³⁵⁸.

Однако городское производство демонстрирует все большее отставание от ускоренной капитализации, пришедший в крупные города империи. Крупные промышленные предприятия, открывавшиеся на территории города, принадлежали не нахичеванцам, относительная дешевизна земли делала строительство здесь более выгодным. В конце XIX в. в экономике города определенную роль начинает играть иностранный капитал,

³⁵⁸ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 90.

крупнейшим представителем которого стала франко-германо-швейцарская фирма «Товарищество Лели и К-о» и др.³⁵⁹.

Сами нахичеванцы открывают малые предприятия в тех же направлениях, которые были успешными еще в начале века. В 1894 г. в городе насчитывается до 379 торговых и промышленных заведений, большинство из которых — мелкие лавки с торговым оборотом в среднем около 2000 руб. в год³⁶⁰. Сокращению внешней торговли армян способствовало снижение значения восточной торговли, на которой они преимущественно специализировались. С середины XIX в. они сосредотачиваются на розничной торговле в городах, на строительстве недвижимости для сдачи в аренду.

«Консерватизм армянских общин, стремящихся сохранить свою уникальную самобытность, привел к этнической замкнутости и некоторому торможению их хозяйственного развития»³⁶¹. Во второй половине XIX в. экономика Нахичевани-на-Дону переживает упадок, торговые обороты города сокращаются. Конторы крупных торговых фирм перемещаются в соседний Ростов.

Процесс урбанизации способствовал переселению в город представителей из других городов и местностей России, что обеспечило рост населения. Соседний Ростов-на-Дону развивался еще быстрее и приблизился к самым границам нахичеванской межи на востоке.

Согласно многочисленным источникам в Нахичевань из Крыма переселилось около 3000 чел., в 1797 г. количество горожан составило 5211 чел., в 1858 г. — 13178 чел., в 1897 г. — 28424 чел., в 1910 г. — 44739 чел.³⁶². На рубеже 1850-х — 1860-х гг. там числилось 15658 жителей и 2160 домов. В 1904 г. армяне составляли 63,8% городского населения, русские — 33%, лица

³⁵⁹ Хроника // Приазовский край. — № 122 (9 мая). — 1908. — С. 1–2.

³⁶⁰ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 12.

³⁶¹ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... с. 95.

³⁶² Ростов-Нахичевань-на-Дону. Справочная книга. — Ростов-на-Дону, 1911. — С. 35.

других национальностей – 3%. Через десять лет русское население города составляло уже 54,6 %³⁶³.

После утраты автономии армянское общество стало особенно заботиться о сохранении национальной культуры и культурной идентичности. Они создают общества, которые ставят своей целью поддержание армянской культуры и языка, что отразило общие процессы поиска национальной идентичности, развивавшиеся в Российской империи того времени.

Ассимиляции армян не произошло, а степень интегрированности в русскую культуру напрямую зависела от социального статуса. Городские жители легко входили в общероссийское культурное пространство. Они осваивали русский язык, меняли на русский манер свои имена и фамилии.

Во второй половине XIX в. общеармянский этнический процесс характеризуется изменением старой картины мира, особенно усилившимся в период армяно-турецкого противостояния. Это время становления ряда политических партий с национальной программой, появление движения федаи (гайдуков), активной популяризации и героизации армянской истории, и в целом складывания в картине мира армян нового образа «мы», требующего материального выражения, что и проявилось в поисках нового национального стиля в архитектуре.

Согласно данным специального обследования областей, населенных армянами, проведенного чиновником особых поручений А. В. Петровым в 1909 г., кавказских и нахичеванских армян отличает от крымских «чрезмерное развитие национализма», который, согласно его записи, заключается в том числе в том, что в селах почти не говорят по-русски. И крестьяне, и горожане стремились на национальных основах построить культурную деятельность просветительно-благотворительных обществ, все

³⁶³ Геворкян Г.А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 10.

школьное дело, «над которым водружён флаг Эчмиадзина и церковности»³⁶⁴. Таким образом, в основе мировоззрения донских армян лежали сходные национальные устремления, но горожане исходили из современных «цивилизационных» устоев, а селяне опирались на «почвенный» уклад жизни и традиции.

Частичная аккультурация характеризовалась выборочным принятием инокультурной среды, когда только некоторые нормы и ценности своей культуры заменялись чужими образцами. Сотрудничество и тесное взаимодействие нахичеванцев с населением империи вполне естественно приводило к процессам интеграции армян в русскую культуру. Известные предприниматели и домовладельцы Ростова Яблоковы, Хазизовы, Черновы, Генч-Оглуевы являются выходцами из армянского сообщества Дона.

Образование в армянской колонии всегда находилось на высоком уровне. Первоначально оно было церковным и давало только начальные основы. Во второй половине XIX в. появляются светские образовательные учреждения. С одной стороны, они стали проводниками российской и европейской культуры: преподавали русский язык, историю России, французский и немецкий языки, да и сама система образования соответствовала принятой в России. С другой стороны, многие предметы в них преподавались на армянском языке, и в целом образование стало проводником идей «о Великом армянском государстве».

В воспоминаниях С. Келле-Шагинова приводятся сведения, что в городе был небольшой круг образованных людей, говоривших на французском языке, но уже в середине и второй половине XIX в. армяне старались дать детям не только школьное образование, но и согласно веяниям того времени обучали игре на рояле и скрипке, устраивали домашние концерты и т. д.³⁶⁵. Согласно переписи населения 1897 г., процент

³⁶⁴ Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... Л. 3–4.

³⁶⁵ Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания... С. 89.

грамотных в Нахичевани составлял 42,9%³⁶⁶. В сельской местности грамотность была мало распространена.

Согласно записи донского историка П. П. Филевского, в конце 1860-х гг. в Нахичевани «попадались молодые образованные армяне, которые сторонились обычаев старины, но осторожно, не раздражая стариков; патриархальность среди армян еще была велика»³⁶⁷. Эти сведения дополняют воспоминания С. Келле-Шагинова, позволяющие к тому же уяснить пути распространения новой культуры среди нахичеванцев: «В 1864 г. открылся Коммерческий клуб, стали устраиваться балльные вечера. Это было ново для нахичеванцев. Бал, в котором хозяина нет, всякий, кто записался в члены, может бывать без зова... То, что ново было для нахичеванцев, вообще не ново было для молодежи, бывавшей в Москве. Город вдруг весь был охвачен этими балами, дамы и девицы готовили новые наряды, платья декольте, чего тоже не бывало... пошли новые танцы: лансье, мазурка, гран-рон; театральный большой оркестр из ростовского театра, семейные ужины после бала на особых столиках, лакеи во фраках, белых перчатках, поварские меню — все это на новый манер, не так обыкновенно проводились вечера у нахичеванцев.... Всей этой новизной был охвачен весь город, потекла новая струя широкой волной в жизни нахичеванцев»³⁶⁸.

Судя по воспоминаниям современников, переломными для городской культуры стали 1860-е гг. Здесь еще раз сошлемся на С. Келле-Шагинова, оставившего подробные и яркие описания жизни нахичеванцев: «... свадьба Карпа Кирилловича Черчопова... была одна из богатейших свадеб... На этой свадьбе была вся нахичеванская знать, лучшие наряды, лучшие бриллианты, кареты, коляски... Эта свадьба, можно сказать, была первая московского типа, ничего старинного, национального, кроме зурны для уличной толпы.

³⁶⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. Область войска Донского. — Санкт-Петербург: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. Дел, 1897–1905. — С. 1.

³⁶⁷ Филевский П. П. Нахичевань и Нахичеванцы: из воспоминаний о детстве. Быт, обычаи, традиции донских армян — 1860-е годы...

³⁶⁸ Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания... С. 57.

Вместе с тем она оказалась на переломе перехода свадебных порядков с традиционных национальных на новые, европейские или вернее, московского типа»³⁶⁹.

Новые веяния распространялись среди горожан через усвоение русской/европейской культуры молодыми людьми из состоятельных семей, многие из которых теперь получали столичное образование.

Во второй половине XIX в. в Нахичевани сформировалась плеяда выдающихся деятелей искусства: художники, архитекторы, писатели, общественные деятели. Имена многих из них сегодня широко известны: М. Налбандян (писатель, поэт), С. Арутюнов (основал самую крупную газету юга России «Приазовский край»), Р. Паткян (поэт), А. Арцатпанян (художник), М. Сарьян (художник), М. Аладжалов (художник), Н. Дурбах (архитектор), А. Закиев (архитектор) и ряд других. Их появление нужно рассматривать в рамках истории культуры России, важной особенностью которой на рубеже веков стал расцвет не только столичной, но и провинциальной культуры. Это был период взлета, завершившийся блистательным Серебряным веком. Художественная культура завоевала прочные позиции и в донских городах, став интегрирующим фактором для населения. К концу XIX в. здесь сложилось содружество художественной элиты и людей капитала, вкладывавших средства в развитие искусства. Во второй половине XIX в. получили материальные возможности для воплощения своих проектов талантливые архитекторы, картины известных художников украшали гостиные домов, выдающиеся музыканты и артисты играли на донских публичных и частных сценах. Участие в художественной жизни становится средством социального отличия, которое могло подчеркнуть принадлежность к группе состоятельных людей. Художественные объединения, выставки способствуют формированию основ именно городской культуры, общей для разных этнических групп.

³⁶⁹ Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания... С. 89.

В Ростове появилось Общество изящных искусств, объединявшее любителей музыки и живописи. В состав общества вошли представители искусства, среди которых были и армяне (А. С. Чиненов, С. М. Агаджанян, А. И. Мухин, Д. С. Федоров, А. А. Арцатбанян). Общество занималось выставочной деятельностью и популяризацией искусства среди населения. Первая такая выставка была устроена в 1911 г., на ней экспонировались произведения местных художников и работы знаменитых российских художников, впервые становившиеся достоянием широкой донской общественности — К. Коровина, И. Репина, В. Поленова, С. Жуковского и других³⁷⁰. Уроженцы Нахичевани-на-Дону придавали национальный колорит художественной жизни дореволюционного Дона. Своеобразие их работ заключалось в сочетании реалистических традиций русской школы с армянской национальной живописью.

3.4. Сельские поселения как основа сохранения традиционных устоев донских армян

Обзор истории сельских поселений армянской колонии необходимо предварить замечанием о том, что донская земля, ставшая новой родиной крымских армян, несколько отличалась по своим природно-климатическим условиям от места их прежнего проживания в Крыму. Для донской территории характерны умеренно-континентальный тип климата, резкие похолодания зимой и заморозки, случающиеся поздней весной и ранней осенью, засушливое и знойное лето. Зимние морозы сменяются неожиданными оттепелями, снегопады — дождями, туманом и гололедом. Сильные восточные ветры, усугубляющиеся отсутствием лесных массивов, наносят значительный ущерб сельскому хозяйству. Они нередко сопровождаются метелями, пыльными бурями, вызывают сгоны и нагоны

³⁷⁰ Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 56.

воды в реках. Средняя годовая температура воздуха составляет 8,2° С. Во время зимних морозов она может превышать показатель –20° С, а в летнюю июльскую жару доходить до +40° С. При хорошей плодородности почвы степь страдает от недостатка влаги. Осадки выпадают обычно в начале лета в виде непродолжительных грозовых ливней. Равнинный рельеф с территорией покрытой овражно-балочной сеткой, лощинами, влиял на строительство.

Из сведений, собранных Г. А. Потемкиным в середине 1770-х гг., можно заключить, что этот малонаселенный край был беден экономически³⁷¹. Торговые сухопутные дороги в Екатеринославской губернии были плохо развиты. Шоссированных дорог в середине XIX в. не было, за исключением небольшой 9 верстной дороги от Екатеринослава до станции Подгородной. И если в сухую погоду можно было легко передвигаться по грунтовым дорогам, то весной и осенью проезд по ним был крайне затруднен. Зимой они, как правило, были тоже труднопроходимыми.

Переселенцы не сразу привыкли к новому месту обитания, не без основания воспринимая его как недружелюбный суровый край. Тем более, что их первое лето на этой земле в 1780 г. выдалось засушливым, хлеб и сено попали, а зима 1780/1781 гг. была очень холодная. Большая часть скота погибла, и многие переселенцы голодали³⁷².

Самые ранние официальные данные комитета МВД о количестве жителей в армянских селах относятся к рубежу 1850-х — 1860-х гг. В Нахичеванском округе без учета городского населения проживало 7532 чел., количество дворов — 1064³⁷³, а на одно село приходилось в среднем 152 двора с 1076 жителями. Самое большое количество дворов насчитывалось в селе Крым — 350, за ним следовало село Чалтырь — 300 дворов, самое маленькое число дворов было в селе Несветай — 93. При этом в округе

³⁷¹ Списки населенных мест Российской империи. — Т.13: Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. — Санкт-Петербург, 1863. — С. XX.

³⁷² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 67.

³⁷³ Списки населенных мест Российской империи. — Т.13: Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством... С. XXVI.

значилось еще две деревни — Абрамовка (помечено как частновладельческое) и Армянская коса. В статистическом описании указывалось, что в «Нахичеванский округ входит 18 хуторов, принадлежащих частным лицам, живущим в Нахичевани или селах и бывающих в хуторах только летом во время сельских работ»³⁷⁴. Очевидно, речь идет о 5 100 десятинах земли, которые еще в 1814 г. были выделены под хутора, с обязательством разводить сады и развивать овцеводство. В 1851 г. Сенат постановил оставить эти земли в потомственном пользовании их владельцев, а плату за них отдавать в пользу армянских сельских обществ³⁷⁵.

В Крыму основными формами природопользования армян были садоводство и виноградарство, хлебопашество было развито меньше. Переселившись на Дон, армяне сразу же приступили к разведению садов и виноградников. В 1828 г. в Нахичеванском округе насчитывалось 6430 виноградные лозы, а к 1830 г. их число возросло до 10050³⁷⁶. В самых больших садах, которых было около 5, количество деревьев доходило до 22 тыс. Это были вишня, яблони, сливы, абрикосы³⁷⁷.

Из Крыма переселенцы принесли на Дон культуру выращивания тутовых деревьев, что было весьма своевременным, т. к. Павел I даже учредил Комитет для усовершенствования шелководства и овчарных заводов³⁷⁸, а до армян шелководства на Дону не было. В обзорном докладе о развитии шелководства в России, составленный для императора в 1799 г., относительно Крыма было отмечено, что там мануфактуры уже бездействуют.

³⁷⁴ Списки населенных мест Российской империи. — Т.13: Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством... С. 128.

³⁷⁵ Городские поселения в Российской империи. Т.2... С. 201.

³⁷⁶ Геворкян Г.А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 15.

³⁷⁷ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (конец XVIII — начало XX вв. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. — С. 305–309.

³⁷⁸ Дело о Комитете для усовершенствования шелководства и овчарных заводов. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д.1606. Л. 6.

Согласно данным, приведенным в исследовании Д. Ю. Шишкиной, плантации тутовых деревьев протянулись вдоль рек Мокрый и Сухой Чалтырь, Дон. Однако постепенно их культивирование прекращается, т.к. в силу природно-климатических условий шелководство приносило меньшую прибыль, чем другие виды сельского хозяйства, развитые в армянской колонии. В производстве шелка-сырца пик пришелся на 10–20-е гг. XIX в.³⁷⁹.

В условиях плодородных донских земель выгоднее было заниматься возделыванием зерновых, и в этом переселенцы достигли хороших результатов за непродолжительное время. «На душу населения в армянских селах приходилось более 8 десятин земли, тогда как в других уездах Донской области — около 7 десятин»³⁸⁰. Посевная площадь к 1880-м гг. составляла 2,3 десятины на душу населения, т.е. было задействовано около 37% отведенных земель. Для сравнения можно отметить, что в казачьих селениях Дона этот показатель равнялся 15%³⁸¹. Армянская колония имела самые высокие показатели по производству зерновых в ОВД³⁸².

Сразу стали культивировать только яровую пшеницу — как привыкли в Крыму, хотя на соседних землях казаки и крестьяне с успехом выращивали рожь, овес, а также озимую пшеницу³⁸³. В 1822 г. в рапорте армянского магистрата говорилось: «Озимого ржаного хлеба, по неупотреблению армянами, вовсе в посевах у них не бывает, и потому осенью под зиму никогда не пахнут, а пахнут весной и сеют один яровой хлеб, большей частью пшеницу и ячмень, малую же часть — овес и просо»³⁸⁴. В середине века А. А. Скальковский отмечал, что армяне озимого хлеба не сеют, «хотя уже 70 лет живут рядом с донскими казаками, искони сеющими озимый хлеб».

³⁷⁹ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 306–307.

³⁸⁰ Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 17.

³⁸¹ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 306–308.

³⁸² Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 88.

³⁸³ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в....

³⁸⁴ Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон... С. 9–10.

Посевная культура населения Дона сблизилась лишь к концу века, чему способствовали неурожаи яровой пшеницы. Однако даже в последующее время озимая пшеница имела низкий удельный вес в производстве армян. Также они стали выращивать ячмень, овес, рожь. Зерновое производство к этому времени составляло более 90% всей посевной площади³⁸⁵.

Долгое время придерживались они и традиционных способов земледелия. В 1822 г. Магистрат сообщал Таганрогскому градоначальству, что армяне обрабатываемую землю не удобряют «унавоживание ее в обычай и употребление не было введено. Пахотная земля делится на две части: одна засеивается, другая оставляется под пар. Пашут обыкновенно плугами... Хлеб для молотбы не сушат, а зараз по снятии и вязке в снопах перевозят... и не высушивая, молотят лошадьми и возами... с наложенными на них для тяжести камнями»³⁸⁶.

Особенностью армянского земледелия было слабое развитие огородничества. Бахчевые культуры, овощи и картофель занимали всего 0,5% посевной площади, а землю, пригодную для огородов, они сдавали в аренду. Непопулярность данной формы природопользования обусловили представления армян о том, что участие женщин в полевых работах, кроме молотбы, недопустимо. «Даже если армяне и заводили бахчи, то, как правило, ... на арендованной близ русского села земле, где можно было нанять женщин на прополку»³⁸⁷.

Наряду с земледелием интенсивное развитие получает и животноводство, представленное различными его отраслями. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, непродолжительное время лидирующим было овцеводство. Политика государства, направленная на поощрение развития животноводства, и благоприятные климатические условия

³⁸⁵ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 307.

³⁸⁶ Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон... С. 9–10.

³⁸⁷ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 308.

способствовали разведению овец высокопродуктивных пород, в частности испанской породы. В 1850-е гг. породистые овцы составляли половину во всех армянских поселениях, тогда как в Приазовье их доля в 1850–60-е гг. не превышала 12 %, а в ОВД — не достигала и 2 %³⁸⁸. Свиноводство стало развиваться только с 1840-х гг., что, очевидно, объясняется отсутствием крымской традиции выращивания свиней³⁸⁹.

Таким образом, анализ сельскохозяйственных занятий донских армян позволяет говорить о том, что они отдавали предпочтение известным для них видам сельскохозяйственного производства, но и демонстрировали некоторую степень адаптации к изменившимся природным условиям и меняющейся экономической ситуации, осваивая новые направления хозяйственной деятельности.

В их хозяйстве сохранялись особенности, обусловленные традициями и ценностными ориентациями. Особым положением женщин в армянских семьях и традиционными представлениями о мужских занятиях объясняется нежелание развивать некоторые направления сельскохозяйственной деятельности. Здесь срабатывали защитные механизмы этнического самосохранения: «гибкость — готовность усваивать лучшие достижения других культур; устойчивость — все новое растворялось в старом; стабильность — связи со средой обитания устанавливались тогда, когда укладывались в традиционные формы»³⁹⁰.

Вся торговля армян, проживавших в селах, шла через город. Ее масштабы и значение зафиксировала торговая площадь, появившаяся на северной окраине города, где пролегла дорога, ведущая в сельскую округу. В 1849 г. француз Гомер де Гелль заметил данное обстоятельство: «армянские поселенцы трезвы и трудолюбивы, живут с большою порядочностью и опрятностью... так как они не понимают по-русски, то

³⁸⁸ Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв.) ... С. 309.

³⁸⁹ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 79.

³⁹⁰ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 95.

могут продавать свои произведения только в Нахичевани, откуда их соотечественники пересылают хлеб дальше водою через Таганрогский порт и даже за границу. Они привели с собою из Крыма скот, но ... зимы здесь очень тяжелые и не благоприятствуют скотоводству»³⁹¹.

О значении города в развитии торговли всей армянской колонии свидетельствует и развитие перерабатывающей промышленности, о чем говорилось выше. Так, овцеводство привело к созданию в городе салотопенных предприятий и кожевенного производства пользовавшихся спросом на всем Нижнем Дону. Торговцы и купцы не преминули воспользоваться своим положением, зачастую игнорируя интересы сельских жителей, что, разумеется, только ухудшало взаимоотношения между городским и сельским населением.

Традиционную картину мира армян, переселившихся на Дон, иллюстрирует сохранение армянской общины (азг), лежавшей в основе социальной структуры этноса. Еще в 1838 г. барон Гакстгаузен подчеркивал, что у армян изначально развито выборное начало, которое тесно связано с общинными традициями. Все важные дела рассматриваются в собраниях общин, решениям которых подчиняются сами князья. По свидетельству автора армяне управляются общинным правлением с избираемым старшиной во главе³⁹².

На Дону крымские односельчане образовывали отдельные села, а выходцы из одного города селились в соседних кварталах Нахичевани и образовывали общий приход. В литературе встречаются сведения о том, что еще в начале XX в. у армян регулировались семейно-брачные отношения и жители разных населенных пунктов не вступали в браки, более того, между ними нередко случались стычки³⁹³.

³⁹¹ Цит. по: Малхасян А. История сел донских армян // Нахичевань-на-Дону. — 2009. — № 3 (138), февраль. — С. 8–10.

³⁹² Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова... С. 37–38.

³⁹³ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новопахичеванцы... С. 67.

В том случае, если какой-то группе разрешалось поселиться на территории чужой общины, то отмечалась замкнутость новой и старой групп, контакты между ними сводились к минимуму. Так, Шахазиз сообщает о некой группе нахичеванцев, решившей переселиться в сельскую местность и получившей там земли. Он пишет, что они к началу XX в. они так и остались чужаками, не принятыми селянами³⁹⁴.

В 1875 г. Сенат принимает решение «об упорядочении состояния армянских и греческих сел»³⁹⁵, что давало право выхода из общины. Воспользовались этим правом лишь единицы, армяне не желали покидать свои общины.

Очевидцы и исследователи XIX в., оставившие описание жизни донских армян, сходятся в том, что им была присуща чрезмерная патриархальность. Традиционная социокультурная картина мира сохранялась в сельской местности в неизменном виде довольно долго. Там национальный состав оставался практически неизменным. Согласно данным переписи 1897 г. из 14830 жителей армянских сел лица других национальностей составляли всего 425 человек³⁹⁶.

Традиционными здесь оставались и отношения между полами, женщины вели замкнутый образ жизни и занимались исключительно домашним производством. В 1832 г. правительство решило причислить армян к казачьему сословию. Они аргументировали свое нежелание вступать в казачество тем, что им не на что будет жить, т. к. «женщины не работают и дальше двора не выходят»³⁹⁷.

Жители сельской округи сохраняли и свой традиционный облик, долго не поддаваясь влиянию европейской моды. В. Богачев в начале XX в. писал:

³⁹⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 110.

³⁹⁵ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С. 91.

³⁹⁶ Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 10.

³⁹⁷ Абрамян А. П. Проблемы сохранения национальной идентичности армян Степного Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции 30 мая – 2 июня 2012 г. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. — С. 110–114.

«...женщины носят национальную одежду, с ситцевой или иной материей шароварами, серебряными браслетами и монистами, мужчины же приближаются по одежде к крестьянам, хотя предпочитают длинные шаровары с туфлями, иногда особый полукафтан. На голове — черный картуз...»³⁹⁸.

Разница между городской и сельской культурой становилась все отчетливей и проявлялись, в том числе, в обрядности. Так, одной из важнейших составляющих картины мира любого этноса являются представления о смерти и связанная с ней обрядность. Эта сфера как раз и зафиксировала различия в духовной культуре селян и горожан. Н. А. Архипенко в своем исследовании³⁹⁹ отмечает, зафиксированные факты различий между похоронными обрядами в городской и сельской культуре донских армян. Ориентация могил на кладбищах является традиционной как для славян, так и для армян — с востока на запад. Если в сельской местности (например, село Чалтырь) данная ориентация выдержана во всех случаях, то на кладбище Нахичевани часто нарушается. На сельских кладбищах в больших количествах представлены семейные захоронения — ерамы, обнесенные высокой оградой (около 1,5 м) неправильной формы, сооружавшиеся с большим запасом земли для последующих захоронений. Данный факт свидетельствует о сохранении традиционных семейных связей в селах. На городском кладбище такой тип захоронений встречается крайне редко. Еще одним существенным отличием кладбищ является отношение к надгробным крестам. Согласно традиционным представлениям армян — крест, устанавливаемый на могиле в день похорон, должен быть заменен могильной плитой в день годовщины. На сельских кладбищах, в частности в селе Чалтырь, эти традиции выдерживаются, а в Нахичевани — нет, и многие

³⁹⁸ Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. — Новочеркасск: издание Отдела Народного Просвещения ВВД, 1919. — С. 300.

³⁹⁹ Архипенко Н. А. Универсальное и оригинальное в погребально-поминальной обрядности донских армян: к постановке проблемы // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее». — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 129–134.

кресты, установленные на могилах, имеют не каноническую форму, а выполнены с использованием неармянских декоративных элементов⁴⁰⁰. Что также свидетельствует о притоке в город неармянского населения.

ВЫВОДЫ

- Нахичеван и окрестные села были объединены в округ, который получил название Нахичеванского или Армянского округа. Переселенцы получили право самоуправления и церковного суда, что позволило им сохранять относительную замкнутость и культурную специфику. Однако постепенно эти привилегии сокращались и в середине XIX в. они были уравнены в своих правах с другими подданными Российской империи.

- Основой интеграции в культурное пространство России для нахичеванцев стали экономические связи, которые они развивали как в регионе, так и в стране в целом.

- Включение Нахичевани-на-Дону в экономику страны, приток в город рабочих и предпринимателей неармянского происхождения способствовали культурной интеграции горожан. К рубежу веков мещане и купечество получали европейское и столичное образование, художники и архитекторы включились в художественную жизнь края и столиц.

- Сельские жители сохранили традиционные устои как в быту, так и в хозяйственной сфере. Свои хозяйственно-экономические дела они продолжительное время вели через посредничество нахичеванцев.

⁴⁰⁰ Архипенко Н. А. Универсальное и оригинальное в погребально-поминальной обрядности донских армян: к постановке проблемы... С. 129–134.

Глава 4. Планировочная структура и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона

4.1. Система поселений Нахичеванского округа и сведения о генеральных планах Нахичевани-на-Дону

Обширные и малонаселенные степные территории Донского края предоставляли хорошую возможность для основания взаимосвязанных поселений. Земли, отведенные армянам в 1779 г., равнялись 12000 десятинам⁴⁰¹. В 1794 г. армяне получили еще 8000 десятин, и общая территория колонии составила 20000 десятин⁴⁰². По данным Екатеринославского губернского правления в 1886 г. за Нахичеванью числилось 20009 десятин⁴⁰³. Таким образом обеспечивалось компактное расселение армян на достаточно большой территории⁴⁰⁴ (рис. 30–32).

Армяне, ранее проживавшие в городах Крыма, поселились в городе Нахичеван, а крестьяне — в селах Чалтырь, Несветай, Крым (Топти), Султан Салы, Большие Салы, основанных к северу от города.

В семи километрах от города на дороге, ведущей в села, был основан армянский монастырь. Он располагался на возвышенности, под которой протекали воды родника, названного Сурб Хач. Первоначально монастырь был приписан к армянскому селу Большие Салы, а с 1883 г. административно стал относиться к городу. В северо-восточной части территории, принадлежащей монастырю, располагался хутор Сурб Хач с 30 домами, входившими в состав городских поселений. Жители хутора обрабатывали

⁴⁰¹ Указ от 14 ноября 1779 г. ПСЗРИ. Собр. 1. — Т. XX. — Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — Ст. 14.942.

⁴⁰² Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. — С. 93.

⁴⁰³ Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк... С. 45.

⁴⁰⁴ Дача села Чалтырь с селениями Крым, Султан-Сала, Большие Салы и Несветай. РГИА. Ф. 380. Оп. 7. Д. 336.

часть принадлежавших монастырю 300 десятин земель, сдавали свое жилье под дачи.

Поселения армян на донской земле получили названия по аналогии с крымскими, а те в свою очередь по аналогии с городами и селами средневековой Армении. Интересно, например, что в Крыму вблизи г. Старый Крым находились поселение Нахичеван⁴⁰⁵ и монастырь Сурб Хач. О том, что последний был крупным культурным и духовным центром уже говорилось выше. Согласно ведомости А. В. Суворова, из крымского села Султан Салы было переселено всего 57 армян, а из села Сале — 224⁴⁰⁶, отсюда, видимо, и родилось донское название Большие Салы.

Земли армян окружали поселения русских крестьян, казаков и военные российские крепости, самой ближней из которых была расположенная рядом с западной границей Нахичевани-на-Дону крепость св. Дмитрия Ростовского⁴⁰⁷ (рис. 33). Ее форштадты населяли русские и греческие купцы, казаки, отряды калмыков и люди «разного звания»⁴⁰⁸. Из-за того, что выгонные земли распространялись далеко за пределы Нахичевани, крепость св. Дмитрия Ростовского оказалась окружена ими с севера и востока.

С населенными пунктами Нахичевань связывала сеть сухопутных дорог, благодаря которым поддерживались торговые отношения между армянским населением и округой. Однако основными оставались водные пути, именно через них армяне вели торговлю с городами за пределами Дона и Новороссийского края.

Годом основания Нахичевани-на-Дону считается 1779 г., когда крымским армянам были выделены земли на Нижнем Дону. Первый перспективный проект города был составлен в ноябре 1781 г. (рис. 34). В

⁴⁰⁵ Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян... С. 73.

⁴⁰⁶ Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения. — Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1885–1889. — Т. 2. — С. 107.

⁴⁰⁷ План крепости св. Дмитрия Ростовского и упраздненных крепостей близ нее. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543.

⁴⁰⁸ Левченко В. С. Страницы донской истории. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1974. — С. 69.

соответствии с ним была произведена разбивка территории, и все последующие планы сохраняли преемственность с ним.

До нас дошло несколько копий плана 1781 г., выполненных вахмистром Григорием Горленским (надпись на чертеже: «Копировал вахмистр Григорий Горленской»). Эти копии представляют собой перспективный план с разной степенью детализации существующей застройки.

Удалось обнаружить еще один план, который имеет неразборчивую подпись: «Прожектировал землемер подпоручик [имя неразборчиво]». Среди землемеров, значившихся в этот период в штате Екатеринославского наместничества, был Терентий Федорович Мордвинкин, в 1780 г. получивший чин подпоручика⁴⁰⁹. Именно это имя наиболее подходит для расшифровки подписи. Есть план Мариуполя, выполненный в той же манере, с такой же подписью. На чертежах нет дат. Можем предположить, что выполнены они были в промежутке между 1783 и 1785 гг.⁴¹⁰

Следующий по времени чертеж города относится к 1790-м гг. Он известен в нескольких копиях. И. В. Поцешковской опубликован «План крепости св. Дмитрия Ростовского с форштадтами и Нахичеванью»⁴¹¹, хранящийся в фондах РГАВМФ (автор датирует его 1794–1795 гг.). Такой же план хранится в РГВИА в 5 томе «Планов городов Российской империи,

⁴⁰⁹ Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... с. 82.

⁴¹⁰ Из справочных сведений о составе администрации Новороссии в XVIII в. можно установить, что Т. Ф. Мордвинкин имел следующий послужной список: с 1776 г. значился прапорщиком межевщиком Славянского уезда Новороссийской губернии, в 1779–1780, 1783 — прапорщиком, подпоручиком (1780) межевщиком в Межевой экспедиции Азовской губернии, в 1781–1782 межевщиком при земском комиссаре Бахмутской провинции, в 1784–1792 гг. подпоручик, титулярный советник (1785), коллежский асессор (1787) губернский землемер Екатеринославского наместничества (Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 71, 82, 87, 109).

⁴¹¹ Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков... Приложения. С. 22.

собранных по Высочайшему повелению в 1798 г.»⁴¹². Он озаглавлен «План крепости св. Дмитрия Ростовского и приписного города Нахичевана». В РГИА хранится такой же план⁴¹³ (рис. 35).

На двух последних чертежах, выполненных Таганрогским уездным землемером Шаржинским, город показан без соседних крепости и форштадтов. На плане зафиксированы реально существующие очертания города, что значительно отличается от показанных на предыдущих перспективных планах. Его территория занимает меньшую площадь, несколько рядов северных кварталов отсутствуют, и поэтому центральная площадь города оказывается значительно смещена к северу от центра городской территории.

Первый подтвержденный генеральный план Нахичевани подписан Александром I в 1811 г. (рис. 36–38). На нем очертания городской территории приблизились к практически правильному квадрату, т. к. были убраны четыре ряда западных кварталов и один ряд северных кварталов. Несколько изменены конфигурация и положение главной площади. Этот проект также известен в нескольких вариантах. Первый с подписью Александра I опубликован в книге чертежей и рисунков ПСЗРИ. Второй вариант плана выполнен с отмывкой в цвете, на нем показаны рельеф местности, отмечены территории для каменной и деревянной застройки⁴¹⁴. Третий вариант вычерчен Шаржинским и является самым детализированным. Копию этого плана позже снял нахичеванский землемер И. Турусов, и в 1914 г. она была отпечатана типографским способом (сегодня эти типографские планы хранятся в ДГПБ, РГБ). На чертеже указано расположение торговых, производственных и др. построек, отмечены кварталы заселенные и пустующие. Судя по этим данным, заселенной была

⁴¹² Планы городов Российской империи, собранные по Высочайшему повелению в 1798 г. РГВИА Ф. 846. Оп. 1. Д. 21528. Ч. 5.

⁴¹³ План Нахичевани-на-Дону. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166 Область Войска Донского. Д. 22. Л. 1.

⁴¹⁴ План Нахичевани. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22215. Л. 1.

уже вся центральная часть города, а пустующими оставались только его окраины.

Шаржинским составлена еще одна схематичная копия плана в 1836 г.⁴¹⁵, однако она мало информативна с точки зрения настоящего исследования.

Следующий по времени план, который впервые обнаружен в РГВИА, относится к 1856 г. и называется «План уездного города Ростова и заштатного города Нахичевана»⁴¹⁶ (рис. 40). Значение его велико и заключается в том, что здесь детально показана поквартальная застройка. Это позволяет делать выводы о плотности и конфигурации застройки кварталов, размерах земельных участков, строительных материалах.

Следующий план 1890 г. достаточно точно передает планировочный рисунок Нахичевани⁴¹⁷. Если на предыдущих чертежах показывалась ровная сеть городских улиц, то теперь понятно, что некоторые из них искривлены, особенно в южной и западной частях города. Кроме того, здесь показано расположение строений на центральной площади города, хотя другие постройки, за исключением церквей, на чертеже не обозначены.

На схематичном плане 1893 г. реальная градостроительная ситуация отображена с некоторой степенью условности (рис. 39). Однако на нем отмечены новые элементы городской структуры: роши и другие загородные зеленые массивы⁴¹⁸.

Планы 1913 (рис. 41) и 1915 г. обнаружены в РГБ. На нем достаточно подробно показано расположение загородных заводов, рош и отмечены территории городских дач. Детальная планировка центральной площади дает представление о расположении здесь зданий и зеленых насаждениях. Чертеж

⁴¹⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 23.

⁴¹⁶ План уездного города Ростова и заштатного города Нахичевана 1856 г. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1764. Л. 1.

⁴¹⁷ План г. Нахичевани. 1811. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 25. Д. 237. Л. 1; Дело о плане г. Нахичевани области Войска Донского. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 927.

⁴¹⁸ Планы Екатеринославской губернии. РГИА. Ф.1293.Оп.168 Область Войска Донского Д. 42. Л. 1.

был создан для отображения действующей в городе системы противопожарной безопасности, т. к. на нем отмечено местоположение наземных и подземных пожарных кранов и пожарного депо.

В 1918 г. издан план города на основе топографической съемки, произведённой землемером Турусовым⁴¹⁹. Он, в отличие от чертежа 1915 г., меньше детализирован, но точно показывает расположение города относительно сторон света и р. Дон.

В основу следующего плана Нахичевани были положены те же данные Турусова, только уточненные на 1921 г.⁴²⁰ (рис. 42). На этом чертеже помещены сразу два города Ростов и Нахичевань, что демонстрирует фактическое их слияние, оформленное юридически всего через несколько лет. На плане показано расположение общественных зданий и производств, трамвайные линии и с определенной степенью детализации обозначены все загородные застроенные территории и дачные поселки.

План 1924 г., хранящийся в РГБ, очевидно, один из последних зафиксировавших Нахичевань еще самостоятельным городом (рис. 43) (с 1928 г. стал частью Ростова-на-Дону). Новых сведений он не содержит и отличается незначительной детализацией.

Помимо указанных планов известны еще схематические изображения городских улиц и площадей, издававшиеся как приложения к справочным книгам. На них мы не останавливаем свое внимание по причине того, что они не передают точного планировочного рисунка города, а иногда даже содержат неточности и ошибки.

4.2. Вопрос об авторстве градостроительного плана

Нахичевани-на-Дону

⁴¹⁹ См.: Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 45.

⁴²⁰ План городов Ростова и Нахичевани на Дону. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1763. Л. 1.

Нахичевань, как и другие новые города на юге Российской империи, заложен на практически свободной территории. Практика заселения юга Российской империи имеет многочисленные примеры быстрой организации регулярных поселений колонистов, для чего выработалась определенная схема одновременной закладки административного центра и окрестных селений, о чем говорилось выше.

Нахичеван основан в тот период, когда на юге развернулась масштабная работа по созданию городов. Большой фронт архитектурно-градостроительных работ, а также значение, предававшееся краю, обеспечили приток значительных профессиональных сил, о чем подробно было сказано в разделе 2.2. Здесь важно подчеркнуть, что архитекторы, приезжавшие в южные губернии, не выполняли любую работу, а в случае их привлечения к проектированию в определенном городе, губернии или области, они оформлялись соответствующим образом в штат. Этот факт является серьезным подспорьем для восстановления их творческой биографии и может быть использован при атрибуции памятников или проектов.

Последний вывод немаловажен, поскольку точно известны авторы планов лишь нескольких городов Новороссии. Большинство созданных в последней четверти XVIII в. остаются неатрибутированными. К последним относится и план Нахичевана, о котором нам известно только, что он «сочинен ... ноября 1781 г.».

Как возможных его разработчиков исследователи называли И. Е. Старова или военного инженера крепости св. Дмитрия Ростовского А. И. Ригельмана⁴²¹. В своей монографии, посвященной архитектуре Нахичевани-на-Дону, О. Х. Халпахчян писал, что наиболее вероятно это был И. Е. Старов⁴²². Однако на юг архитектор приехал только через несколько лет после составления плана Нахичевани (см. раздел 2.2), а возглавлять Комиссию о

⁴²¹ Подробно о генеральном плане и русской градостроительной практике см: Баева О. В. Генеральный план Нахичевани-на-Дону и русская градостроительная практика последней четверти XVIII века // Манускрипт. — 2018. — № 8. — С. 93–97.

⁴²² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 16.

каменном строении перестал раньше (1774 г.). Анализ планов, выполненных им, позволяет говорить о значительных отличиях от плана Нахичевани. Их характеризует сложный рисунок, разнообразные очертания кварталов, введение смешанного прямоугольно-лучевого каркаса.

Сложнее сделать вывод о возможном авторстве А. И. Ригельмана. В период создания плана Нахичеван входил в Дмитриевский уезд Азовской губернии, центром которого была крепость св. Дмитрия Ростовского, а сам город значился «приписным». Своих землемеров и архитекторов в уезде не было, значит проекты должны были разрабатывать в губернском городе, в обязанности архитекторов и землемеров которого входили составление планов, проектов и надзор за строительством. Однако при крепости была инженерная команда, которую возглавлял А. И. Ригельман по 1781 г. включительно⁴²³, имевший опыт строительства крепостей, составления карт и планов: он снимал пограничную карту от Киева до Смоленска и разрабатывал планы шанцев Прилуцкого, Лубенского и Миргородского (полков — административно-территориальных единиц Малороссии)⁴²⁴. В РГИА хранится выполненный А. И. Ригельманом план крепости Дмитрия Ростовского (1768 г.) с подробным рельефом прилегающей территории.

Для составления простого «шахматного» плана Нахичевана у инженерной команды крепости были профессиональные навыки. Вот насколько это соотносилось с их должностными обязанностями сказать сложно. С одной стороны, изучение делопроизводства и архитектурной практики на юге страны дает понимание четкого функционирования системы, с обязательным оформлением архитекторов и землемеров в штат соответствующей губернии, уезда и даже города. С другой стороны, особенностью градостроительного процесса на юге стало активное участие в нем военных инженеров в случае, если поселения, имевшие военное

⁴²³ Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 97.

⁴²⁴ Аваков П. А. Призвание Александра Ригельмана // Донской временник. — 2008. — Вып. 17. — С. 55–60.

значение. Нахичеван первоначально получил статус приписного города, однако изучение законодательства не позволяет составить четкого понимания норм, связанных с таким статусом города.

Генеральное планирование Нахичевани лишь незначительный момент масштабного градостроительного процесса, безусловно, менее важный в государственном масштабе, чем планирование, например, Екатеринослава, задумывавшегося как «южная столица» империи. Поэтому представляется, что искать автора плана Нахичевана не следует не только среди известных архитекторов, а вообще среди архитекторов, работавших в тот период на юге, поскольку подобные простые «шахматные» планы составляли землемеры. Этот наш вывод подтверждает ряд публикаций, авторы которых на материалах других губерний приходят к подобным выводам о том, что большинство планов разрабатывалось местными землемерами, а затем они поступали в Комиссию, которая их корректировала и представляла на утверждение императору. Очевидно, что в этом кроется причина неатрибутированности планов многих городов.

Большое количество новых населенных мест, основывавшихся на южных территориях империи, обходилось без привлечения к этому процессу архитекторов. Основные заботы власти сводились к тому, чтобы эти поселения были регулярными. Так, например, план армянского города Григориополя был разработан землемером Екатеринославского наместничества капитаном Павлом Семеновичем Чуйко и утвержден Екатериной II 10 июня 1792 г. — за 15 дней до освящения города⁴²⁵.

Аналогично для Нахичевани требовалась быстрая разработка плана и выполнение поквартальной разбивки без которых нельзя было начинать строительство. О. Х. Халпахчян считал, что эскизный градостроительный

⁴²⁵ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 160.

план создавался одновременно с заселением города⁴²⁶, что, по всей видимости, соответствует действительности.

Поскольку таковой план обнаружить не удалось, можно сослаться на пример Мариуполя, основанного одновременно с Нахичеваном, черновой план которого с разбивкой на кварталы и участки сохранился⁴²⁷. Затем на основе этого чертежа был составлен первый план города. Черновой план с разбивкой на кварталы не имеет подписи. Как было показано выше, есть основание считать, что подпись на первом перспективном плане оставил Терентий Федорович Мордвинкин. Сложно сказать ему ли принадлежит первый черновой вариант плана с разбивкой на кварталы, но его окончательный доработанный вариант выполнил он. В целом сохранив первоначальную смешанную прямоугольно-лучевую планировку города, он добавил новые кварталы, согласовав очертания плана с изгибами реки и спроектировал ретражемент. Этот план датирован 1784 г. и хранится в РГВИА⁴²⁸.

В этом же деле хранится план Нахичевана выполненный в том же стиле и с той же подписью «проектировал» Терентий Мордвинкин (?). Изучение послужного списка этого землемера приводит к выводу, что первый план 1781 г. он не мог составлять, поскольку в тот период числился межевщиком Бахмутского уезда. Следовательно, известный нам план с его подписью, который мог быть выполнен в промежутке между 1783 и 1785 гг., представляет собой доработанный вариант первого плана. Поскольку он является, одним из самых ранних, известных нам не в копии (копии не имеют датировки), сложно сказать, что именно добавилось в этом проекте, кроме «вновь проецированного ретражемента».

⁴²⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 63.

⁴²⁷ Калоеров С. А. Документы по истории греков Приазовья. — Т. 1. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783) ... С. 56.

⁴²⁸ План Екатеринославского наместничества окружного города Мариуполя. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21549. Л. 9.

Следующие по времени изменения планировочного решения Нахичевана связаны уже с подтвержденным в 1811 г. чертежом. Он является улучшенным вариантом первого проекта 1781 г. Форма города была приближена к квадрату за счет исключения из плана некоторых кварталов в восточной части, и площадь оказалась в центре городской территории. Ее оформление теперь повторяет образцовый чертеж круглой площади из собрания кварталов и площадей, изданных В.И. Гесте в 1811 г. Он на рубеже XVIII–XIX вв. был архитектором Екатеринославской губернии, а с 1810 г. возглавил работу по планировке городов в Строительном комитете МВД. Такое же оформление имеют площади Симбирска и Уфы. Автором плана Уфы 1803 г. называют В. И. Гесте⁴²⁹.

Таким образом, предположение о составлении первого плана Нахичевани инженерами крепости св. Дмитрия Ростовского может рассматриваться как одна из возможных и интересных версий, и то при условии, что статус приписного города означал его административную связь с крепостью во всех отношениях, а должностные обязанности инженерной команды допускали составление планов городов. Вместе с тем, как показывает практика того времени, наиболее очевидный и законодательно отработанный механизм составления и внедрения генерального плана должен был осуществляться через землемеров Азовской губернии, к которой в те годы относился город. Изучение истории генерального планирования Нахичевани-на-Дону в контексте российской градостроительной практики Нового времени приводит к заключению, что это была коллективная и налаженная работа губернских землемеров по планировке и разбивке на кварталы территорий населенных мест. Вероятная доработка окончательного варианта плана выполнена В.И. Гесте или под его руководством.

⁴²⁹ Гесте Вильям // Энциклопедия Царского Села. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/geste-viljam-1763-v-1753-1832.html>

4.3. Особенности планировочной структуры Нахичевани-на-Дону и градостроительное развитие города в конце XVIII — середине XIX в.

Основанный российским правительством как торговый и ремесленный центр региона, Нахичеван был лишен фортификационных сооружений и находился под защитой русской крепости св. Дмитрия Ростовского⁴³⁰. Это был город гражданский, основные функции которого отражал план с торгово-ремесленным центром — большой торговой и соборной площадью. С соседними поселениями его связывала сеть дорог. В крепость св. Дмитрия Ростовского вели две дороги — одна пролегла по берегу реки Дон, а вторая переходила в главную улицу города, замыкавшуюся центральной площадью. К северной границе города вела дорога, делившаяся за городской чертой на три самостоятельных направления: к армянским селам, Таганрогу и Новочеркаску. От восточной границы шла дорога, связывающая город с поселениями, расположенными в этом направлении. Однако на первом плане 1781 г. показаны лишь две дороги, соединявшие Нахичевань с крепостью. Остальные дороги появляются только на следующих планах.

По своим размерам Нахичеван превышал форштадты и крепость св. Дмитрия Ростовского. Такие размеры были рассчитаны на увеличение населения в перспективе и связаны с утвердившимися в градостроительстве XVIII в. представлениями о том, что город представляет собой завершенную целостность, созданную навсегда, его очертания и планировка не должны меняться со временем⁴³¹. Город занимал почти все пространство между естественными границами, которые отсутствовали только с северной его

⁴³⁰ Подробно об этом см: Баева О. В. Планировка Нахичевани-на-Дону: идеи регулярного градостроительства последней четверти XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10, Ч. 1. — С. 21–24.

⁴³¹ Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. — Москва: Архитектура-С, 2016. — С. 33.; Мазаев Г.В, Мазаев А.Г. Историческое градостроительное наследие «идеальных» городов России // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. — 2014. — № 1. — С. 16–19.

стороны. С востока и юга это были балка Кизитеринка и р. Дон, соответственно, а с запада — крепость св. Дмитрия Ростовского.

Композиционная схема «шахматного» плана 1781 г. проста. На нем представлен большой прямоугольный город, несколько вытянутый вдоль берега р. Дон и имевший одну прямоугольную площадь, немного смещенную от центра к западной границе. Тип планировки Нахичевана обусловлен равнинным характером местности. Его южная граница повторяет изгиб линии р. Дон.

В целом план выполнен технически грамотно. Он учитывает направления господствующих ветров, слив стоковых вод⁴³². Ровные пересекающиеся под прямым углом улицы Нахичевани образовывали кварталы, которых согласно плану 1781 г. было 254: 10 вертикальных и 26 горизонтальных. Территорию в центре, равную примерно шести кварталам, занимала площадь. На первом плане кварталы и отдельные постройки помечены как запланированные к застройке или уже построенные, что еще раз подтверждает предположение о существовании предварительного чернового плана, согласно которому территория города разбивалась на кварталы и участки.

Все улицы города, согласно плану, равнялись 10 сажням⁴³³, а значимость центральной подчеркивалась ее связью с дорогой, ведущей в крепость св. Дмитрия Ростовского и тем, что она выходила к большой и пока единственной площади.

Интересно расположение и форма прямоугольных кварталов города. Они вытянуты по линии север-юг. Кварталы на юге близко подходили к обрывистому берегу р. Дон, что повлияло на разницу в их длине. На юго-западе кварталы больше вытянуты с юга на север, чем кварталы юго-восточной части города, где три крайних были совсем малы. В юго-западной части единообразная сетка улиц прокладывалась по сильно пересеченный

⁴³² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 23.

⁴³³ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 109.

рельефу. Несколько первых рядов кварталов в этом углу плана проложены по балкам.

В целом же планировка выполнена с учетом рельефа местности. Учитывались балки и овраги, преобладавшие у реки в юго-западной части города, и тогда кварталы были либо более узкие, либо широкие, встраиваясь в рельеф.

В юго-западной части город унаследовал планировку бывшего поселения Полуденка⁴³⁴, которое было включено в его территорию. Учитывая градостроительную практику второй половины XVIII в. отметим, что задача сохранить планировку поселения в несколько кварталов едва ли ставилась, а разные размеры кварталов обусловлены наличием прибрежных балок в юго-западной части города. У разработчиков проекта не было других вариантов, кроме как сохранить поквартальную разбивку Полуденки, единственно приемлемую на данном рельефе участка.

В основу плана Нахичевани была положена горизонтальная магистраль, переходящая в дорогу к крепости св. Дмитрия Ростовского и выходящая к центральной площади города. План города имел ряд особенностей по сравнению с другими городами региона, важнейшими из которых являются ориентация главной планировочной оси по линии запад–восток и удлинение кварталов по линии север–юг. О. Х. Халпахчян пишет: «... городская территория своей продольной стороной почти параллельна реке, что определило ориентацию основных улиц с запада на восток. Их расположение было продиктовано также направлением господствующих ветров»⁴³⁵. Согласимся с утверждением автора, вместе с тем отметим, что форштадты и крепость св. Дмитрия Ростовского, находившиеся в непосредственной близости от города, так же наудились на берегу, но их улицы имеют иную ориентацию. «Застройка крепости (св. Дмитрия Ростовского — О.Б.) и ее форштадтов функционально и композиционно

⁴³⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 25.

⁴³⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону.... С. 17.

подчинена главному проспекту (Таганрогскому – О.Б.), соответствует ведущему стратегическому направлению север–юг»⁴³⁶. Ориентацию на юг городов юга страны отмечает Е. И. Кириченко⁴³⁷. Нахичевань имеет такую необычную ориентацию, поскольку на западе от него находилась крепость св. Дмитрия Ростовского. Она стала доминантой и определила планировочное решение. Здесь прослеживается соподчиненность функциональных и идеологических задач, которые решали авторы, и умело соотносили их с природно-ландшафтными и климатическими условиями местности.

План 1781 г. отразил один из важнейших градостроительных принципов второй половины XVIII в.: комплексный подход к планировке города. Было рассчитано необходимое количество церквей и указано их местоположение, так же, как и расположение Гостиного двора, торговых лавок и других важнейших, с точки зрения функционирования города, объектов. Предполагалось, что силуэт города будут формировать дома и симметрично расположенные высотные доминанты в виде приходских церквей и городского собора.

Приходские церкви задумывались как доминанты городских районов. На плане за подписью Т. Ф. Мордвинкина написано «План Екатеринославского наместничества города Нахичевана имеет обывательских домов 1745, по числу коих состоять будет из восьми кварталов». И мы видим восемь приходских церквей, равномерно распределенных по территории города — четыре в его северной части, четыре в южной, а в центре собор. Из намеченных к строительству 9 церквей, возведенными на этом плане отмечены три приходские церкви и собор. Для

⁴³⁶ Токарев А. Г. Преемственность в архитектуре и градостроительстве Ростова-на-Дону 1920-х – 1930-х годов: дис. ... канд. архитект.: 18.00.01. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 17.

⁴³⁷ Кириченко Е. И. Градостроительное развитие юга России в середине XIX — начале XX вв. // Архитектура России: Региональное своеобразие. Доклады и выступления на V Всероссийской научно-практической конференции в г. Ростове-на-Дону, 3–7 октября 1994 г. — Москва: ГП ЦПП, 1995. — С. 13–16.

приходских церквей не были предусмотрены площади, они помещались в центре кварталов, что отличает проект от большинства планов городов Екатеринославского наместничества, создававшихся в этот период.

Планом 1781 г. определено расположение важных городских построек у реки: архиерейский дом, семинария и магистрат. Согласно мнению некоторых исследователей первыми заселялись кварталы у берега⁴³⁸. Данный факт доподлинно установить сегодня сложно. На имеющихся в нашем распоряжении планах города отражены противоречивые факты. Так, согласно чертежам конца 1790-х гг., все кварталы южнее центральной площади заняты «обывательскими постройками, а к северу от нее отмечены как «намеченные к застройке». Армянский магистрат обозначен уже построенным на центральной площади города.

План 1811 г. отражает несколько иную картину. На нем отмечены застроенными все центральные кварталы, а пустующими показаны крайние кварталы по всему периметру города. У берега реки, согласно его экспликации, была хозяйственная зона с торговыми помещениями и тузовыми садами. Согласно данным последующих планов, кварталы у самой реки долгое время оставались незаселенными.

Сохранился интересный рассказ, который может отражать такие противоречивые сведения. В нем говорится о том, что нахичеванцы стали строить дома в центре города после того, как однажды с левого берега реки Дон приплыли разбойники и нанесли значительный вред жителям⁴³⁹.

Все же сопоставление данных всех планов конца XVIII — начала XIX в. и градостроительной практики позволяет предположить, что сразу заселялась центральная часть города, а у берега образовалась производственно-хозяйственная зона. Косвенно это подтверждают и документы середины XIX в., в которых сами нахичеванцы утверждают, что на обоих берегах р. Дон «с давних времен существуют частные магазины и

⁴³⁸ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 35.

⁴³⁹ Малхасян А. Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян... С. 67.

другие хозяйственные постройки»⁴⁴⁰. Экспликации планов XIX в. также свидетельствуют о расположении на берегу торгово-хозяйственных построек⁴⁴¹.

Безусловно, самой привлекательной и престижной должна была стать территория рядом с площадью города, на которой разместились собор и торговые ряды. В документах XVIII — начала XIX в. также встречаем рекомендации о том, что сначала необходимо застраивать центральную часть города. Кроме того, прибрежные территории были не очень удобны для освоения из-за неровного рельефа и частых ветров, особенно доставляющих неудобства в этой части города, расположенной в низине.

Данные о застройке северной части города являются менее противоречивыми. На всех чертежах конца XVIII — начала XIX в. они помечены пустующими. Это подтверждает и расположение культовых сооружений. На первом плане 1781 г. для четырех приходских церквей отведено место в северной части города, однако фактически там появилась только одна из них, остальные были возведены на южной половине городской территории.

Согласно экспликации плана 1781 г. в центре города уже были сооружены: «из плитного камня и покрыт черепицей гостиный двор, в коем застроены капитана Ивана Абрамова лавок сорок, да Арутюна Иванова лавок же двадцать», в центре площади находился деревянный городской собор, а вокруг располагались временные деревянные лавки, различные ремесленные и торговые сооружения: магазины, баня и т.д. В прибрежных кварталах, согласно плану, было большинство городских магазинов, кофеин и кузнец, хлебопекарни и фабрики, бани, а также магистрат.

На берегу Дона располагались тутовые сады — единственные зеленые насаждения, зафиксированные планом 1781 г. Они указывались как

⁴⁴⁰ Об устройстве в г. Нахичевани пристани и Набережной по берегам р. Дон. РГИА. Ф. 1287. Оп. 29. Д. 532. Л. 14–15.

⁴⁴¹ Дело об устройстве головной набережной в г. Нахичевани. РГИА. Ф. 95. Оп.11. Д.1482.; Дело о замощении набережной в Нахичевани. РГИА. Ф. 95. Оп.11. Д.1483.

партикулярные и уже устроенные. Сады с постройками на чертеже показаны вдоль берега на юге и юго-востоке города. Один большой сад располагался в юго-восточном углу города у самого берега реки, два сада значительно меньшего размера занимали по половине квартала. Небольшие сады были разбросаны по всему берегу. В этой же части города зафиксирована шелковая фабрика. Как следует из других документов, нахичеванцы осваивали и противоположный левый берег реки Дон — строили заведения напротив г. Ростова. Здесь ими были возведены трактиры, лавки, амбары и постоянные дворы⁴⁴².

План Нахичевани 1790-х гг. зафиксировал реально существующую застройку. Город на нем имеет меньшие размеры, часть кварталов на плане не показаны, часть отображенных застроены частично. По периметру большой центральной площади показаны каменные лавки. Большое внутреннее пространство площади оставалось пустым. Собор, вероятно, остававшейся еще деревянным, смещен от центра к северу. На этом чертеже отмечены как построенные шесть церквей, и располагаются они в местах, отличных от отведенных для них планом 1781 г., кроме церкви Вознесения.

Следующий по времени план 1811 г. был подтвержден и отразил стремление русских градостроителей к построению идеальной системы рационально организованного городского пространства. «Общее стремление, — указывается в «Истории градостроительства», — к рациональному переустройству жизни выразилось в намерении преодолеть главный недостаток проектной практики предшествующего времени — ... расхождение генеральных планов городов с конкретными условиями места»⁴⁴³. Так, и из плана 1811 г. исключены некоторые западные кварталы, и формы города приближены к квадрату. Проектировщики уточнили планировку в связи с конкретными условиями территории: западные кварталы, скорее всего, существовали лишь на чертеже, т. к. заселить их

⁴⁴² Об устройстве в г. Нахичевани пристани и Набережной по берегам р. Дона...

⁴⁴³ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 130.

было сложно из-за глубоких балок в юго-западной части города. Территория этих кварталов нуждалась в серьезном приспособлении под строительство, ее рельеф необходимо было выравнять при помощи земляных насыпей, что сделать было сложно, да и пока не нужно.

После удаления западных кварталов в общей сложности их стало 9x21. Теперь южные кварталы, расположенные вдоль берега, были разделены горизонтальной улицей, тогда как на первом плане они показаны слишком вытянутыми в сравнении с остальными.

Продольные улицы на чертеже показаны шире поперечных, что соответствует действительности. В настоящее время ширина продольных улиц города составляет от 22 м до 20 м, а поперечных — от 15,5 м до 14,9 м. Самая широкая 1-я Соборная — центральная улица города, одной стороной выходившая к собору, а другой — к дороге, соединявшей город с крепостью св. Дмитрия Ростовского. Ее ширина колеблется в пределах 22–23 м.

На плане 1811 г. показаны дороги, связывающие город с крепостью св. Дмитрия Ростовского и ее форштадтами, с сельскими поселениями армян и монастырем Сурб-Хач, со станцией Аксайской.

Этот план содержит все необходимые элементы с точки зрения российского градостроительства данного периода. Так, показано, что город окружен барьером, и имеет трое ворот с караулом. Барьер окружал город не по всему периметру: юг и юго-запад остались не обнесенными барьером, т.к. в этих частях город примыкает к реке Дон и выходит к глубокой балке. В нормативных установках звучали требования фиксировать город валом или легким барьером и рвом, однако «ограждения за некоторым исключением редко удавалось осуществить»⁴⁴⁴. Очевидно, Нахичеван не стал исключением, и барьер имел место лишь на плане. О. Х. Халпахчян пишет, что на выкопировке из плана Нахичевани середины XIX в. он отмечен на западной части города в две линии. Наружная имеет название «бульвар или

⁴⁴⁴ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 110.

канава, существующая в натуре. Других сведений о наличии каких-либо канав или бульваров не сохранилось. Халпахчян высказал мысль, что по аналогии с Армавиром, это могло быть земляное сооружение, образованное из рва и насыпи⁴⁴⁵.

В 1838 г. в честь переименования города в Нахичевань-на-Дону городские власти поставили два постаменты у западного въезда в город по двум сторонам дороги. Таким образом, были зафиксированы «главные ворота города», являвшиеся связующим звеном Нахичевани и Ростова-на-Дону. Сохранившиеся фотографии дают возможность восстановить их облик. Они представляли кубовидные объемы, украшенные триглифами и метопами. В арочных нишах помещались металлические гербы Нахичевани. Завершались колоннами с венчающими капители шарами. Подобные знаки у въезда стали массово появляться в российских городах второй половины XVIII — середины XIX в. «При въездах нередко устраивались небольшие площади, служащие как бы вестибюлями городов...» При въезде могли устанавливаться триумфальные арки, заставы с воротами и т. д.⁴⁴⁶.

Новым элементом города, зафиксированным планом 1811 г., стали площади, которые показаны при западном и северном въездах. Такие площади были необходимы торговому городу, поскольку на них обычно осуществлялась торговля сельскохозяйственной продукцией, которая была нежелательна для парадного пространства города. Интересно их устройство. Не предусмотренные изначально, они запланированы в виде прямоугольных выступов за основные границы территории. Это довольно редкое явление в градостроительной практике того времени. Обычно такие площади при въезде предусматривались сразу, не выступали за общую границу города, а организовывались путем срезания углов двух соседних кварталов. В случае Нахичевани, видимо, имела место потребность исправить недоработки первого плана.

⁴⁴⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 20.

⁴⁴⁶ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 110.

Соборная площадь получила оформление согласно образцовым чертежам кварталов и площадей И. В. Гесте (рис. 44). Но эта площадь из набора «круглых» площадей была несколько изменена. Она не делилась на обывательские участки, а предполагала строительство гостиного двора по всему периметру. В связи с особенностями расположения кварталов, окружавших площадь, была незначительно нарушена предлагаемая «образцом» четкая симметрия — деление на четыре равные доли, отделенные друг от друга широкими проездами. Впрочем, площадь так и не была застроена ни согласно этим планам, ни в каком-либо близком к ним виде.

Архитектурно-градостроительной доминантой центральной площади Нахичевани оставался собор св. Григория Просветителя, его окружали гостиные ряды. Значимость центральной части города подчеркнута переносом сюда городского магистрата.

На детализированном варианте плана Нахичевани 1811 г. некоторые постройки у площади подлежали сносу: «лавки в гостиных рядах для прорезу улиц», «обывательские строения в разных местах для прорезу улиц». Гостиный двор отмечен как частично построенный. Основная территория города отведена под «деревянные казенные, публичные и обывательские дома». Пустующие кварталы остались преимущественно на окраинах города, центральные показаны полностью застроенными.

Таким образом, как и в большинстве городов, в Нахичевани выделяются функциональные зоны и парадное пространство. В самом центре находилась площадь, совмещавшая религиозную и торговую функции, по всей территории города относительно равномерно располагались малые церковные площади, устроенные в виде карманов, у реки сформировалась хозяйственная зона.

Жилые кварталы города застраивались по усадебному принципу (табл. 8). Усадебные участки имели правильную прямоугольную форму, обусловленную формой кварталов, и были вытянуты в глубину, обращаясь к

улице узкой стороной. Примерно равная длина и ширина угловых участков приближала их форму к квадрату. По мнению О. Х. Халпахчьяна один квартал мог включать до 20 домовладений⁴⁴⁷. Обнаруженный в РГВИА план города 1856 г. свидетельствует, что даже к тому времени, когда плотность застройки повышается, количество домовладений в одном квартале редко превышает 17⁴⁴⁸.

Кварталы мыслились градостроителями как сумма усадеб и между домами обязательно должны были оставаться незастроенные отрезки земли для предупреждения пожаров. Так, академик Палас, побывавший в Нахичевани в конце XVIII в. записал: «Дома поставлены довольно далеко один от другого и снабжены всеми необходимыми удобствами; деревянные дома обмазаны глиною, покрыты черепицею и, таким образом, гарантированы от огня»⁴⁴⁹.

Как и по какому принципу первоначально делились участки между жителями города точно неизвестно. В НАА обнаружено ведомость, в которой зафиксирована раздача домов, но в ней указывается только, что жителю дом выдан, а он его принял⁴⁵⁰. О. Х. Халпахчян считает, что выходцы из одного крымского города селились рядом и образовывали свой приход⁴⁵¹. Возможно, так и было, однако сохранившаяся историческая застройка города свидетельствует о том, что здесь соблюдались правила, регламентировавшие строительство: на угловых участках возводились добротные дома, на центральных улицах строили дома состоятельные горожане. Своим архитектурно-художественным обликом эти строения отличались от застройки второстепенных улиц, удаленных от центра города. Были указы, которые регулировали заселение городов Екатеринославской губернии. Так, для получения участка требовалось написать прошение, в котором давалось

⁴⁴⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 36.

⁴⁴⁸ План Нахичевани-на-Дону. РГИА. Ф.1293. Оп.166 Область Войска Донского. Д. 22. Л. 1.

⁴⁴⁹ Цит. по: Кириченко, Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов... С. 31.

⁴⁵⁰ Дело о раздаче домов жителям Нахичевана и сел. НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1476.

⁴⁵¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... с. 15.

обязательство строить дом только «по плану», и чтобы «в течение года строение было начато», а если не застроит «хорошим зданием, то оно отобрано и отдано будет другому... более состоятельному строиться»⁴⁵². Хотя земля давалась армянам бесплатно, возможно у них были предусмотрены определённые пошлины, взимаемые в городскую казну.

Большие размеры усадебных участков и нормы строительства⁴⁵³, требовавшие возводить деревянные строения на расстоянии друг от друга, чтобы «от тесноты не все погорели» или обмазывать деревянные строения глиной, в армянском округе вполне соблюдались.

Каждый домовладелец располагал постройки в зависимости от своих хозяйственных и профессиональных занятий. Дома нахичеванцев в конце XVIII – начале XIX вв., как правило, располагались в глубине усадьбы. Однако под влиянием российских градостроительных норм дома стали ставить по красной линии. Дома, флигели или амбары стояли в один ряд с заборами и воротами. Все хозяйственные постройки размещались за домом, т.е. в глубине квартала.

Представление о расположении на участках строений можно составить благодаря обнаруженным в ГАРО выкопировкам из генерального плана города. В центре города располагались преимущественно каменные здания, а их внутриквартальная застройка была более хаотична, чем кварталов периферийных, что может являться еще одним свидетельством их более раннего освоения. Кварталы на окраинах города были застроены преимущественно деревянными или саманными домами, но расположенными по периметру кварталов. Такая застройка дифференцировала городское пространство на парадное и утилитарное.

⁴⁵² Дело об отводе разных чинам и жителям пустопорожних мест для построения домов по плану. РГИА. Ф. 243. Оп. 1. Д. 515. Л. 6.

⁴⁵³ Альбом Гесте «Разделение кварталов на обывательские места». См.: Чернозубова Л. Е. Образцовые проекты планировки жилых кварталов и площадей начала XIX в. // Архитектурное наследие. — № 15. — 1963. — С. 189–197.

4.4. Градостроительное развитие Нахичевани-на-Дону во второй половине XIX — начале XX в.

В этот период планировка Нахичевани-на-Дону не претерпевает существенных изменений. Даже в условиях притока в город крестьян, отбросившего назад многие градостроительные завоевания предшествующего периода, регулярный облик Нахичевани мало искажился.

Нахичевань-на-Дону, основанный в эпоху классицизма, в последующие периоды развивался согласно его основным принципам. Здесь понятие физического, экономического и социокультурного центра совпадает, а чем более удалены кварталы от него, тем менее выразительны строения в них.

В городском пространстве выделяются условные три зоны: центр, полупериферия и периферия. Главные культовые, административные, торговые и досуговые здания находились в парадном центре. Здесь строятся здания, первые этажи которых занимают престижные магазины и конторы. Как и в других городах региона, в Нахичевани на протяжении изучаемого периода преобладают встроенные магазины.

Площади, главные проспекты и несколько близлежащих к ним улиц были самыми престижными, но четкой границы между зонами не было. Примерные границы центральной зоны можно обозначить так: на севере городской территории она доходила до улицы 1-й Софийской включительно, на юге – до 1-й Георгиевской улицы, на востоке – до 28 линии, а на западе простиралась почти до самой межи, разделявшей территории городов Ростова и Нахичевани-на-Дону. Примечательно, что за Полицейской площадью, удаленные от Ростова (крепости) центральные улицы, получили менее престижное значение.

Периферийные районы располагались на окраинах. К концу XIX в. к ним добавилась стихийная застройка тех же окраин, что стало приметой капиталистических городов юга России, и в этом Нахичевань-на-Дону не исключение. Власти города вынуждены были прилагать много усилий по

недопущению появления стихийных поселков вокруг города. Им это удалось не вполне.

Согласно планам 1917 и 1918 гг. в рекогносцировке 1921 г. поселения возникли на востоке, на территории между городом и балкой Кизитиринкой. Так, на южно-восточной окраине города, прижимаясь к балке, образовалось поселение Ясная поляна. Ее семь кварталов имели различные очертания и размеры, образуя искривленные улицы, что может свидетельствовать о стихийной застройке. Дальше на север, меньше, чем в 200 саженях от Ясной поляны обозначены два неровных квартала Кирилловского поселка. За северо-восточной чертой города показано самое большое поселение Берберовка, образованное из дачного поселка, и потому имевшее регулярные кварталы. Особенно непрезентабельные жилища появились за основной территорией города между межой и 1 Линией. Этот район имел искривленные улицы. Здесь строили мазанки, реже деревянные дома.

На формирование социальной дифференциации городского пространства Нахичевани-на-Дону оказал влияние рельеф местности. Самые бедные жилища возводились на неблагоприятных для строительства территориях с глубокими балками и оврагами, находившихся в юго-западной части города у реки. Так, план Нахичевани 1890 г. впервые точно показывает размеры и форму кварталов города. Наибольшее искажение их форм и отступление от параллельных линий можно видеть в южной части города. «Успенская улица проложена не параллельно Федоровской и Никольской улицам, а под углом, и значительно приближается к последней на ее восточном конце. 9-я и 11-я линии имеют изгиб между 1-й Федоровской и 1-й Георгиевской улицами...»⁴⁵⁴.

Зона, которую мы условно называем полупериферией, была достаточно аморфна. Дома состоятельных горожан могли возводиться рядом с небольшими деревянными, и здесь же строились 2-х – 3-этажные доходные

⁴⁵⁴ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 23.

дома. И все же в этой зоне, как правило, отсутствуют жилища бедноты и особняки самых состоятельных горожан.

На главных и прилегающих к ним улицах строились каменные одно- и двухэтажные дома. Построек из дерева, предполагавшихся практически для всей территории Нахичевани планом 1811 г., в центральных районах города почти нет. Меняется город стилистически. На смену ордерной композиции и строгости классических фасадов приходит эклектика. Несмотря на освобождение от обязательного обращения к образцовым проектам в 1858 г., их продолжают применять, но увеличивается количество городских построек, выполненных по индивидуальным проектам. Дома ставились по красной линии и протяженность застройки сплошным фасадом постепенно увеличивалась, но рядом соседствовали одноэтажные и трехэтажные здания разной стилистики с различными элементами архитектурного декора.

В первый период застройки городской территории строили здания классицистические. Были возведены городской собор и приходские храмы, здание Магистрата и «образцовые» дома. Во второй половине XIX в. на центральных площадях города продолжали возводить здания, поддерживавшие эту классицистическую ансамблевость. Застройка Соборной, Бульварной площадей демонстрировала стилистическое единство, а их пространственная организация, основанная на классических принципах, его поддерживала.

К концу XIX в. на центральных и примыкающих к ним улицах новые дома богатых горожан встраиваются в ткань более скромных построек предшествующего периода, становясь архитектурными акцентами. Такая застройка сохранилась сегодня, например, на ул. Советской (быв. 1-я Соборная). В конце XIX в. — начале XX в. появляются площади и отдельные кварталы, застраиваемые новыми типами сооружений: городской театр, больница. Все это вносит некоторое разнообразие в функциональную структуру города.

Увеличение населения города привело к более плотной застройке городской территории, на некоторых участках она могла превышать 60%.⁴⁵⁵. К началу XX в. сокращается территория, занимаемая приусадебными садами, размеры дворов уменьшаются. Нормой становятся палисадники, детские площадки, устраиваемые во дворах⁴⁵⁶, площадь которых начинает делиться на хозяйственные и рекреационные зоны.

На окраинах города и его поперечных улицах, именуемых линиями, дома, как и раньше стояли по красной линии на расстоянии друг от друга, а между ними тянулись заборы, отделявшие дворовое пространство от улицы. Распространяются «дворы – колодцы» — замкнутые внутренние дворики, сформированные внутриквартальными фасадами. По мере приближения к центральным площадям можно наблюдать увеличивающуюся протяженность уличных фасадов, но на уличном фасаде могло быть всего 2 – 3 оконных проема и один дверной, тогда как основной объем дома вытягивался в глубину участка.

Периметральная застройка дает хорошие возможности для максимального уплотнения. Однако здесь неизбежным становится появление узких дворовых участков, вытягивающихся в глубину квартала, и зданий, объемы которых развиваются вглубь кварталов. Первые такие тенденции можно наблюдать уже к 1850-м гг. Усложняющаяся при этом конфигурация участков оказывает влияние на план здания. К концу XIX в. в Нахичевани нерегулируемое дробление усадеб приобрело широкий размах. В 1895 г. согласно постановлению «О дроблении дворовых участков» делить их разрешалось только с ведома городской администрации⁴⁵⁷.

Иллюстрирует данную градостроительную ситуацию, например расположение двух примыкающих друг к другу одноэтажных домов на ул. 1-ой Соборной (совр. ул. Советская) №№ 52, 54, построенных в начале XX в. и организация дворового пространства дома № 52, в который можно было

⁴⁵⁵ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 37.

⁴⁵⁶ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 46

⁴⁵⁷ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 39.

попасть через ворота, выходящие на красную линию. Парадный фасад дома № 54 имеет три окна парадного фасада и вход. Протяженность этого фасада составляет чуть менее 12 м, а протяженность боковых фасадов первоначально составляла чуть более 15 м. Однако со временем из-за многочисленных пристроек протяженность последних увеличивается. Эти пристройки имели собственный вход и, очевидно, предназначались для нескольких семей. Построенный чуть ранее дом № 52 имел угловое положение на пересечении улиц. Его угол акцентирован куполом, а над входом возвышается высокий аттик. Эти объемы поддерживают такой же высоты аттики соседнего дома № 54.

Капиталистическое развитие и увеличение городского населения, промышленное строительство вызвали необходимость корректировки генеральных планов только к концу XIX в. В них вносятся изменения несколько раз: в 1890 г., 1893 г., в 1899 г.⁴⁵⁸.

В 1912 г., скорректированный городским архитектором Н. Н. Дурбахом, план расширил территорию города, включив в него северо-восточные территории, ранее находившиеся за городской чертой. Здесь решено было построить фабрично-заводской поселок. На плане было предусмотрено место для второго базара, скверов и рожи. Однако план не был утвержден⁴⁵⁹. Новый план города предполагал включение выгонных земель до границы с Ростовом-на-Дону, железнодорожного полотна на севере и балки Кизитеринки на востоке. В 1912 г. проект плана был рассмотрен особым по городским делам Присутствием при Ростовском Градоначальстве⁴⁶⁰. Очевидно, последовавшие за тем события помешали конфирмации и осуществлению плана, но и службы Техничко-строительного

⁴⁵⁸ Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону... С. 51.

⁴⁵⁹ Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов-на-Дону... С. 51.

⁴⁶⁰ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 39.

комитета МВД его неоднократно возвращал на доработку по причине неправильно оформленной документации⁴⁶¹.

Планы 1915 г. и 1918 г., снятые Турусовым, зафиксировали город значительной протяженности с юга на север (более 5 км). На чертеже показаны значительные озелененные участки. На западной окраине города, у ростовской межи, обозначены Александровский парк и церковь. На трех других окраинах города и за его чертой располагались многочисленные предприятия. Территория побережья Дона была застроена хлебными амбарами и многочисленными складами, паровыми мельницами, здесь же находились кожевенный завод, лесопильня, мыловарня и др. производственные предприятия. Механический медно-чугунолитейный завод («Аксай») занимал территорию четырех кварталов в юго-восточном углу городского плана и еще имел отдельно стоящие сооружения на берегу реки. На восточной стороне за чертой городских кварталов показаны кирпичные заводы. План городов Ростова и Нахичевани-на-Дону, рекогносцированный в 1921 г. по данным 1917 г. Южным Военно-Топографическим отделом показывает территорию за северной чертой города как подготовленную к застройке. Она разбита на прямоугольные кварталы, сетка которых являлась непосредственным продолжением существующих кварталов. Планируемые на северо-востоке от города кварталы имели как прямую, так и лучеобразную систему улиц.

Городская выгонная земля помимо указанных производственно-хозяйственных построек застраивалась дачными поселками. Точное время возникновения первых из них назвать сложно, во второй половине XIX в. они уже существовали. Развитие дачного строительства в целом соответствовало истории такового в других российских городах. Все возрастающая популярность загородной жизни способствовала быстрому увеличению территории поселков и многие дачи здесь сдавались внаем.

⁴⁶¹ Дело об утверждении нового плана Нахичевани. 1913 г. РГИА. Ф. 1293. Оп. 145. Д. 6. Л. 1–6.

Дачные поселки на земле Нахичевани имели и жители Ростова. Самый крупный из них и престижный был образован за северной городской чертой. При его застройке пытались произвести разбивку на прямоугольные кварталы, подобные тем, что существовали в городе, но их геометрический рисунок, отображенный на планах начала XX в., искривлен. Среди владельцев дачных участков значились весьма состоятельные жители Ростова и Нахичевани. Пожалуй, это был единственный поселок, предназначавшийся исключительно для загородного отдыха. Остальные, по всей видимости, имели смешанные функции, включая и постоянное проживание людей, не имевших городских домов.

Еще один дачный поселок был образован Берберовым и долгое время именовался «дачей Берберова», а затем получил название поселка Берберовка. Его прямоугольные кварталы были незначительно искривлены, но в целом поселение сохранило регулярность. Судя по располагавшимся здесь кирпичным заводом, на территории поселка проживали рабочие люди, арендовавшие дачи.

Третий дачный поселок был на северо-восточной стороне монастыря Сурб Хач. Эти земли также принадлежали Нахичевани. На них проживали 30 армянских семей, обрабатывавших монастырские земли. Возросший спрос на загородные дома определил их желание сдавать свое жилье под дачи.

К концу изучаемого периода были освоены все окраины города и планировались новые поселки за пределами городской черты. Вместе с тем Нахичевань в начале XX в., по словам современников, представляла небольшой «городок, чистенький и благоустроенный», который имеет «растительности много и в целом производит приятное впечатление»⁴⁶².

Таким образом, складывается социально-экономическая дифференциация города, выражавшаяся в концентрации особняков, домов зажиточных горожан и многоэтажных зданий на центральных улицах города, а жилищ бедняков на городских окраинах. Окончательно оформились

⁴⁶² Ростов-Нахичевань-на-Дону. Справочная книга. — Ростов-на-Дону, 1911. — С. 36.

городские трущобы, и у Дона появились кварталы с кривыми, узкими улочками, где обитали беднейшие жители города. На своих участках они пытались возводить дополнительные постройки, которые затем сдавали внаем за копейки таким же неимущим.

4.5. Площади, парки, кладбища Нахичевани-на-Дону и их градостроительное значение

Городские площади. Композиционные идеи, реализованные в планировке Нахичевани, стоят в одном ряду с другими городами юга Российской империи, создававшимися в последней четверти XVIII в. На их планах большая центральная площадь присутствовала в обязательном порядке и являлась основой планировочной композиции.

Для Нахичевани был спроектирован единый центр, представленный большой площадью (рис. 45, рис. 46). Она была прямоугольной в плане, что предопределялось прямоугольными кварталами и городскими улицами, пересекающихся под прямым углом. Вместе с тем при достаточно больших размерах города наличие единственной площади, выявленной планировочными средствами, можно считать особенным явлением. Для приходских церквей отводился квартал или его часть.

Согласно первому плану Нахичевани 1781 г. размеры прямоугольника центральной площади равнялись примерно 270x390 м. Ее довольно большие размеры отвечали принципам российского градостроительства того времени. Во многих городах империи создавались такие большие площади, которые, как правило, функционально и композиционно были оправданы лишь в столичных городах, а для небольших провинциальных были слишком велики и пустынно⁴⁶³. Данное обстоятельство послужило причиной эволюции центральной площади Нахичевани в систему взаимосвязанных площадей.

⁴⁶³ История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм... С. 245.

Площадь планировалась как многофункциональный городской центр, в котором роль композиционной доминанты играл собор Сурб Григор Лусаворич (св. Григория Просветителя). Он имел свой двор, называемый «жами азбар» (церковный двор)⁴⁶⁴, засаженный деревьями и цветами, окруженный магазинами и торговыми лавками.

Основатель собора архиепископ Иосиф Аргутинский распорядился, чтобы в будущем во дворе церкви были построены духовный суд и учебное заведение. В 1837 г. на северо-восточной стороне площади построили школу. К концу XIX в. территория церковного двора значительно уменьшилась, часть его отошла городу и на ней устроили городской сквер⁴⁶⁵, оставшаяся за церковью часть площади была ограждена решетчатым забором.

Фасады гостиных дворов согласно плану 1781 г. раскрываются по оси запад — восток в тех местах, где к ним подходит центральный проспект города (будущие 1-я и 2-я Соборные улицы), соединяющийся с дорогами в крепость св. Дмитрия Ростовского на западе и ст. Аксайскую на востоке. Здесь мы видим еще одну особенность пространственной организации города по сравнению с большинством южных городов, расположенных у реки. В таком случае обычно главная площадь либо раскрывается к реке, либо расположена у береговой линии. Исключения из этого правила связаны в большинстве случаев с особенностями рельефа или другими объективными обстоятельствами, среди которых можно назвать расположение города рядом с крепостью. В том случае его могли ориентировать на нее.

Предусмотренные планом 1781 г. фасады гостиных рядов не были реализованы. На протяжении долгого времени здесь стояли лишь деревянные лавки и несколько каменных сооружений.

В последующем плане 1811 г. восьмиугольная фигура, формируемая внутренними фасадами торговых рядов, была исправлена и приближена к кругу — идея главной площади, представляющей в плане круг, вписанный в

⁴⁶⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 98.

⁴⁶⁵ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 98

квадрат. Как отмечалось, эта «круглая» площадь взята из образцов В.И. Гесте. Строения площади теперь раскрывались по сторонам света, а южная сторона, обращенная в сторону реки, имела меньший проём. Главный проспект города подходил к западному проёму, вовлекая в движение к храму. Проходы между фасадами гостиного двора по оси север–юг не переходят в улицы, а упираются в центр кварталов, отделенных от них поперечными улицами. Проём на северной стороне выходит к участку площади, отведённому для торговли.

Предполагалось, что ансамбль гостиного двора будет играть ведущую роль в оформлении площади. Доминантой площади по-прежнему оставался собор, завершавший перспективу главного проспекта Соборного и видневшийся через проем корпусов торговых сооружений. Гостиный двор отмечен как каменная постройка. Каменной показана и соборная церковь Св. Григория Просветителя. Однако эта классицистическая площадь была воплощена частично.

На плане 1781 г. расположение приходских церквей показано без указания территорий, отводившихся под площади для них. Согласно плану 1811 г. церкви строились с отступлением от красной линии и располагались в центре второстепенных площадей, территория которых равнялась половине или целому кварталу. «Их высотные элементы взаимодействовали друг с другом» и с центральной доминантой «образуя единую систему городского ансамбля»⁴⁶⁶. Церковные подворья показаны засаженными деревьями. Зеленые насаждение вокруг собора св. Григория Просветителя появились только на планах с 1860-х гг. Возможно это связано с тем, что почти все приходские церкви имели свои кладбища, а кладбище собора было расположено на удалении.

Понимание значимости обустройства площадей *во второй половине XIX в.* приходит в провинцию. Во многих российских городах появились

⁴⁶⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 47.

скверы на центральных площадях⁴⁶⁷. Связано это с повышением культуры общественного досуга с одной стороны, а, с другой стороны, с повышением плотности застройки и постепенной утратой внутриквартальных зеленых насаждений и возведением многоквартирных домов фактически без дворового участка.

Организации площадей во второй половине XIX в. власти Нахичевани-на-Дону так же уделяют большее внимание. Облагораживаются ранее существовавшие, формируются пространства общественного назначения с рекреационной функцией: бульвары, общественные сады.

Единая большая Соборная площадь теперь разделена, на располагавшиеся по сторонам света вокруг собора площади (рис. 47). Это были Полицейская площадь на восточной стороне (с 1910 г. переименована в пл. Л. Толстого) (рис. 48), Бульварная — на южной стороне, Екатерининская (Гостиная) — на западной и Базарная — на северной стороне.

Планы Нахичевани 1890 и 1893 г.⁴⁶⁸ зафиксировали реальную планировку центральной части города, отличавшуюся от идеальной композиции 1811 г. (квадрат с вписанным кругом), которая так и не была реализована.

Центральная площадь города, согласно чертежу, прямоугольная и раскрывается по оси запад-восток. По периметру площадь застроена торговыми и общественными зданиями, фасады которых на ее северной стороне открывают проход к Базарной площади. Попасть к собору можно было и через проемы, устроенные между фасадами южной и восточной сторон площади. Двор собора св. Григория Просветителя имел геометрическую форму, упрощенно повторяющую очертания храма в плане, и был обнесен легким ограждением, выделявшим здание из окружающего пространства. Через Екатерининскую, Бульварную и часть Полицейской площади пролегали бульвары.

⁴⁶⁷ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... с. 132.

⁴⁶⁸ План г. Нахичевани 1890 г. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп. 25. Д. 237. Л.1.

Площади Нахичевани застраивались постепенно, и к концу XIX — началу XX в. сложился их архитектурно-художественный облик, продиктованный функциональной спецификой. Торговля продолжала играть основную роль в экономике города. Самая старая Базарная площадь не вмещала всех торговых рядов, и они занимали половину Гостиной площади. Долгое время на площадях стояли деревянные лавки и магазины, а в 1870-е гг. по проекту городского архитектора В. Сазонова были построены два ряда кирпичных торговых лавок⁴⁶⁹. Затем по проекту Н. Дурбаха построен торговый павильон.

Площади для торговли скоропортящимися продуктами и оптовыми запасами (зерно) рекомендовалось выносить на окраины города⁴⁷⁰. Как было сказано выше, такие площади были предусмотрены уже планом 1811 г. Большой рынок образовался у северного въезда в город, у дороги, связывающий город с армянскими селами. Он со временем благоустраивался и облагораживался, за чем следили городские власти.

Полицейская площадь имела проход в центре. К нему примыкала 2-я Соборная улица, перспективу которой завершал фонтан (арх. Н. Дурбах), сооруженный в 1890 г. в форме двух чаш, поставленных одна на другую. Его построили из бетона на каменном фундаменте, металлические части выполнили из чугуна⁴⁷¹. Половину площади к северу от фонтана занимали торговые ряды, сливавшиеся с торговыми рядами Базарной площади, образуя единое торговое пространство. В северо-восточном углу находилась православная церковь А. Невского, о строительстве которой православная община города хлопотала с 1889 по 1893 гг.⁴⁷². К югу от фонтана раскинулся сад клуба приказчиков, в глубине которого располагалось летнее помещение

⁴⁶⁹ Есаулов Г.В. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону... С. 50.

⁴⁷⁰ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы...С. 110.

⁴⁷¹ Дело о сооружении в г. Нахичевани Николаевского фонтана в честь войскового наказного атамана князя Н. И. Святополка-Мирского. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 552.

⁴⁷² Дело о рассмотрении вопроса о сооружении в Нахичевани православной часовни Александра Невского. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 493.

клуба. Угол юго-западной стороны акцентировало двухэтажное здание городского училища. На противоположной стороне площади находились здания городского управления и жилые строения различной этажности и стилистики. Участки между ними занимали заборы и зеленые насаждения.

Архитектурного ансамбля на пл. Полицейской не сложилось. Она располагалась за парадной Екатерининской площадью и приобрела значение «внутреннего», второстепенного пространства города. Площадь была началом, образно выражаясь, «второй части города», т.е. той его половины, которая дальше отстояла от крепости св. Дмитрия (Ростова-на-Дону) и на протяжении всего изучаемого периода являлась как бы второстепенной.

Екатерининская площадь (Гостиная) была обращена в сторону Ростова-на-Дону и завершала перспективу главного проспекта 1-го Соборного, переходившего в дорогу в Ростов. Организацией и благоустройством площади с конца XIX в. занимался городской архитектор Н. Дурбах, благодаря усилиям которого пространство площади приобрело законченный и торжественный вид. На Екатерининской площади поставили памятник Екатерине II (1894)⁴⁷³.

В 1890 г. городская администрация Нахичевани-на-Дону через Императорское общество Академии художеств объявила конкурс на проект памятника Екатерине II⁴⁷⁴. Первое место получил проект академика скульптуры М. А. Чижова и его сына академика М. М. Чижова, о чем Городскому голове было послано письмо за подписью Н. Бенуа⁴⁷⁵ (рис. 49, рис. 50).

Монумент объединил разрозненные до этого постройки площади в единое целое, а самой площади придал парадный вид. Памятник

⁴⁷³ Дело о сооружении и открытии памятника Екатерине II и Александровской колонны в честь Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 66–75.

⁴⁷⁴ Подробно см.: Баева О. В. Памятники российским императорам в Нахичевани-на-Дону в контексте монументальной пластики второй половины XIX века // Художественная культура. — 2020. — № 4 (35). — С. 286–302.

⁴⁷⁵ Дело о сооружении и открытии памятника Екатерине II и Александровской колонны в честь Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 5–49.

императрице завершал перспективу центральной улицы, переходящей в дорогу к Ростову, в сторону которого он был обращен. За спиной Екатерины располагался армянский городской собор, построенный в классических формах. Литая фигура императрицы, представленная в полный рост, была установлена на гранитном постаменте. На нем по-русски и по-армянски написано «Великой императрице благодарные армяне». Сама Екатерина представлена в величественной позе, в горностаевой мантии и с манифестом 1779 г. (рис. 51–53).

Поза императрицы, ее образ сближает нахичеванский памятник с другими, возводившимися во второй половине XIX в. — начале XX в. в Екатеринославе, Екатеринодаре и др. городах империи. В Екатеринославе памятник Екатерине II установили в 1846 г. на Соборной площади перед Спасо-Преображенским собором⁴⁷⁶. При всей идейной близости памятников императрице-основательнице городов Екатеринослава и Нахичевани, их установки на главных Соборных площадях перед соборами, схожести постаментов для них и выделение их из окружающей среды посредством ажурной решетки, все же находим значительное различие между этими памятниками. В Екатеринославе Екатерина II смотрит на юг, указывая туда же левой рукой, что указывает на задачи внешней политики, решенные в период ее царствования. В Нахичевани императрица обращена лицом на запад, ее левая рука указывает в том же направлении, т. е. на бывшую крепость св. Дмитрия Ростовского, к моменту установки памятника преобразованную в город Ростов-на-Дону. Сложно сказать настолько эта пространственная ориентация была осознана самими представителями городской администрации, однако, чертежи установки памятника на площади, выполненные городским архитектором Н. Н. Дурбахом, показывают, что сначала памятник хотели установить на Полицейской площади, обратив лицом в сторону юга. Но такая постановка была мало

⁴⁷⁶ 40. Дело об устройстве сквера на площади у 1-й Федоровской улицы между 11 и 13 линиями г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 616.

приемлема: Екатерина оказывалась бы за восточным фасадом собора и обращена к абсиде боком.

Бульварная площадь, занявшая южную сторону некогда единой центральной площади, удалена от торговой суеты. В отличие от парадно-официального значения Екатерининской площади, она быстро приобретает культурно-досуговую функцию. Законченный вид она получила на рубеже XIX – XX вв., когда по проекту городского архитектора Н. Н. Дурбаха здесь были возведены здания Екатерининской женской гимназии (1893) и городской театр (1899). Через территорию площади проложили бульвар. Южную ее сторону формировали фасады частных жилых зданий, которые к концу XIX в. были представлены оштукатуренными кирпичными полутора и двухэтажными особняками состоятельных горожан.

Бульвары, скверы, городской сад. Во второй половине XIX в. в Нахичевани появляются новые парки, скверы и бульвары⁴⁷⁷. Начиная с 1870-х – 1880-х гг., в постановлениях городской администрации отражается стремление создать соответствующие духу времени рекреационные объекты⁴⁷⁸ (рис. 54–57).

В декабре 1873 г. Городская управа обратилась к Городской думе с предложением устройства бульвара. Доклад Городского головы Г.Г. Ходжаяна свидетельствует, что администрация Нахичевани понимала современные тенденции благоустройства городов. Указывает он и на значимость восприятия города как внешним наблюдателем, так и горожанами: «В каждом городе почти, — говорилось в докладе Городского головы, — существуют общественные сады, бульвары и т. п. увеселительные места. Не говоря о том, что эти места составляют истинное украшение города, они имеют для общественной жизни весьма важное значение, как для

⁴⁷⁷ Подробно об этом см.: Баева О. В. Этапы формирования ландшафтно-рекреационной среды г. Нахичевани-на-Дону (конец XVIII в. – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. — 2014. — № 4. — С. 74–80.

⁴⁷⁸ Дело об учреждении в Нахичевани-на-Дону Садового комитета. ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 401.

увеселения, развлечения и отдыха после трудов и главное для общения людей... В Нахичевани, как известно, ничего подобно не существует... прошу разрешить устройство бульвара»⁴⁷⁹. Уже на следующий день после доклада разрешение думы на устройство бульвара было поручено, и Городская управа приступила к его организации согласно имевшемуся плану.

Бульвар площадью 900 кв. сажень был организован на Бульварной площади. Его строительство осуществлялось на частные пожертвования горожан⁴⁸⁰. Правда в 1906 г. по Бульварной площади проложили рельсы электрического трамвая, и зеленые насаждения пришлось убрать.

В 1880 г. был устроен другой бульвар на Гостиной (Екатерининской) площади напротив Коммерческого клуба⁴⁸¹. В октябре 1891 г. был устроен сквер между 11-й и 13-й линиями у I Федоровской улицы⁴⁸². На данной территории существовал пустырь, который стал использоваться как проезжая дорога, а теперь эта площадь была засажена деревьями и обнесена оградой.

В 1880 г. Городская дума Нахичевани «принимая во внимание недостаток растительности в крае вообще и в Нахичевани в особенности»⁴⁸³ приступает к планированию городского сада в честь 25-летия царствования Александра II на Георгиевской площади, расположенной у границы с городом Ростовом-на-Дону. В составлении проекта сада принял участие инженер Грунер, находившийся в это время в Ростове-на-Дону по делу строительства железнодорожного моста.

Для Александровского сада отвели территорию на западной окраине города размером 110 сажень на 80 сажень, и ассигновали на строительство

⁴⁷⁹ Дело о наименовании улиц г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴⁸⁰ Дело о наименовании улиц г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10. Л. 3–4.

⁴⁸¹ Высаженная аллея протяженностью 82 сажени обошлась городской казне в 1085 руб. 95 коп. серебром (ГАРО. Ф. 91. Д. 12. л. 4).

⁴⁸² Городская дума постановила выделить 1500 руб. для организации этого сквера (ГАРО. Ф. 91. Д. 12. Л. 16).

⁴⁸³ Дело об устройстве в г. Нахичевани городского сада в честь 25-летия царствования Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 245. Л. 1.

из городского бюджета 4000 руб.⁴⁸⁴. Территория оставалась незастроенной до последней четверти XIX в. из-за большого количества пролежавших здесь балок, оврагов. При выравнивании площади будущего сада выяснилось, что южная часть участка приходится на глубокую балку, засыпка которой требует значительных расходов. Поэтому южная сторона сада в плане была искривлена. С подобными затруднениями строители столкнулись и при выравнивании восточной стороны сада, что также привело к ее кривизне. Балки засыпалась навозом и другими отходами, и предполагалось, что со временем они выровняются и будут включены в границы сада.

У центрального входа в парк была установлена Александровская колонна, изготовленная по проекту городского архитектора Нахичевани Н. Н. Дурбаха. Сложность устройства памятника заключалась в том, что колона с базой в 10 аршин 4 вершка в высоту без капители выполнялась из цельного куска отшлифованного мрамора⁴⁸⁵. Чугунный орел, завершавший колонну, постамент для нее и памятную доску с надписью отлили на заводе Д. А. Пастухова⁴⁸⁶. Надпись на доске гласила: «В память торжества 25-летия славного царствования государя императора Александра II. В 19 день февраля 1880 года от Нахичеванского-на-Дону армянского общества». Колонна была установлена напротив входа в сад. Торжественность центрального входа подчеркивалась коваными воротами, опорой которым служили столбы с рустовкой.

Городские кладбища. Два кладбища за северной чертой города зафиксировал план 1811 г. Возможно, это были кладбища для бедных, относившихся к церквям Сурб Амбарцум и Сурб Торос, о которых сообщал

⁴⁸⁴ Дело об устройстве в г. Нахичевани городского сада в честь 25-летия царствования Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 245.Л. 10–12.

⁴⁸⁵ Сооружением и установкой колонны занимался итальянский подданный С. А. Тонетти. Его работа обошлась городу в 8800 руб. Он в точности исполнил свои обязательства, о чем свидетельствует подпись Н. Н. Дурбаха на документах о сдаче колонны.

⁴⁸⁶ Дело об устройстве в г. Нахичевани городского сада в честь 25-летия царствования Александра II... Л. 26 об.

Шахазиз⁴⁸⁷, поскольку другие приходские церкви имели кладбища в своих оградах.

На плане 1811 г. эти кладбища помечены к сносу, вместо них заложены два других примерно там же расположенные, но дальше удаленные от городской черты. Они имели регулярную планировку и были разбиты на четыре квартала. На них были запланированы к возведению церкви.

Анализ последующих планов позволяет предположить, что старые кладбища снесены не были. Одно из них на северо-восточной окраине города оставалось неизменным до начала XX в. Кладбище на юго-восточной окраине увеличилось в размерах, очевидно приобретя статус общегородского. Шахазиз сообщает, что кладбищу собора Провосветителя в 1860-е гг. отвели место за городской чертой в районе 10-й линии, однако там уже ранее отмечено кладбище, но в первой половине века оно занимало территорию ограниченную 6-й и 10-й линиями, а к концу века его западные границы стали доходить до 2-й линии. Планировка этого кладбища регулярная, оно занимает площадь 14 га⁴⁸⁸ (рис. 58–59). У восточной границы кладбища на пересечении аллей, ведущих к двум входам на кладбище — западному и южному построили церковь Сурб Карапет (св. Карапета). Храм является частью архитектурного комплекса, в который входили также богадельня и дом священника, построенные одновременно с церковью⁴⁸⁹.

Монастырь Сурб Хач. Монастырский комплекс Сурб Хач основан одновременно с Нахичеваном и селами. Он, подобно одноименному крымскому монастырю, находился вне поселений, на дороге, ведущей из города в села. Дорога примыкала к территории монастыря с запада.

⁴⁸⁷ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 89.

⁴⁸⁸ Козлов С. С. К истории церквей и кладбищ города Нахичевани-на-Дону // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2018. — № 2. — С. 60–69.

⁴⁸⁹ Козлов С. С. К истории церквей и кладбищ города Нахичевани-на-Дону... С. 60–69

Облик комплекса монастыря окончательно оформился к рубежу XIX–XX вв. К этому времени монастырю принадлежала территория около 50 га⁴⁹⁰. Сам комплекс находился у северной границы этих земельных владений, окруженный с трех сторон обрабатываемыми монастырскими землями.

На территории комплекса находились церковь, колокольня (1862), архиерейский дом и хозяйственные постройки, возведенные в разное время (рис. 60–64). Архиерейский дом, расположенный к востоку от церкви, представлял собой протяженное двухэтажное каменное здание с четырехскатной кровлей. Фасады оформлены в стиле классицизм, без лишнего декора. В нем же размещалась школа, основанная в 1791 г., и позже реорганизованная в семинарию⁴⁹¹. На обширной территории монастыря на принципах регулярности был устроен парк, имелась площадка для колесного транспорта, выделенная зона хозяйственных построек.

Церковь построена в формах классицизма. Два портика с треугольными фронтонами оформляли северный и южный фасады. Она располагалась на возвышении у крутого берега р. Темерник и выступала доминантой среди малоэтажных монастырских зданий и пахотных земель, преобладая в панораме при подъезде к монастырю. Со стороны парка к храму вела дорожка, переходившая в мост через реку, а затем — высокую лестницу, проложенную по склону и выходившую к южному фасаду храма с портиком. Лестница была построена в 1862 г.⁴⁹². Ее ограждение было оформлено накладным аркатурным поясом, узкими вертикальными нишами и декоративными вставками. Завершалась она арочным проемом с кованной калиткой, крепившейся на пилоны из блоков ракушечника с пирамидальными завершениями. Подобные двустворчатые ворота были устроены с северной стороны, на которую был ориентирован второй фасад церкви с портиком.

⁴⁹⁰ Проект реставрации объекта б. церкви монастыря «Сурб-Хач». — Т. II, кн. 1. Приложения. Справка. — Ростов-на-Дону, 1988.

⁴⁹¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону.... С. 89.

⁴⁹² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону.... С. 89.

К востоку от лестницы находилась каменная постройка родника (Чорхах или Сахлых су⁴⁹³) — сооружение подобное часовне и традиционное для армянских монастырей. Однако сохранившееся сегодня сооружение, скорее всего, построено не раньше рубежа XIX–XX вв. Его объем состоит из высокого центрального ризалита и примыкающих к нему с двух сторон более низких боковых. Центральный ризалит завершает щипец и украшает арочное полуциркульное окно. Фасады центрального и боковых объемов фланкированы высокими треугольного сечения нишами, а боковые также украшены аркатурой с полуколоннами.

О. Х. Халпахчян писал, что о древней архитектуре Армении напоминают ниши и аркатура капотажной постройки, близкие: «по форме аркатуре... в притворе 1211 г. церкви Аствацацин и на цоколе северного фасада усыпальницы Захаридов XII–XIII в. в Санаине»⁴⁹⁴. Согласимся с автором в том, что архитектура этой постройки навеяна мотивами армянского средневекового зодчества. Тем более, что сравнительный анализ пространственной организации территории одноименных крымского и донского монастырей дает возможность говорить о том, что они схожи.

Комплекс донского монастыря располагался на квадратном в плане участке, огороженном забором. Эта возвышающаяся часть территории была выбрана не случайно. Помимо визуального эффекта, создававшего при подъезде к монастырю: с его территории открывался красивый вид на речку и степные просторы, положение строений давало возможность организовать парковую зону с идущей от нее лестницей к храму. Сама лестница с калиткой и ворота монастыря, как и функционально-планировочная организация территории устроены по аналогии с одноименным крымским монастырем.

4.6. Планировочная структура донских армянских сел

⁴⁹³ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону.... С. 98.

⁴⁹⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону.... С. 98.

Отношение российских властей к планировке и благоустройству сельских поселений претерпевали значительные изменения в течение изучаемого периода. Ф. В. Каржавин писал об архитектуре, что она есть «строение естественное и художественное... есть все не только в городах, но и в селах, где она художественная и простая»⁴⁹⁵. В этом высказывании мы видим закрепление необходимости только начинавшегося процесса благоустройства сельских поселений. Созданные на Дону в последней четверти XVIII в. армянские села, наряду с селами других переселенцев, стали одними из первых регулярных, хотя их планировка была выполнена просто.

Восстановить облик и черты изначальной пространственной организации армянских поселений можно благодаря наличию источников, хоть и представленных в незначительном количестве, а также через натурные исследования современного состояния сел. Их разных размеров прямоугольные кварталы искажены в ходе неконтролируемой застройки позднего времени.

Количество жителей донских армянских сел изначально не было одинаковым и увеличивались неравномерно. Менее всего увеличивалась количество жителей села Несветай, оказавшегося вдали от основных транспортных коммуникаций. Территория каждого селения тоже застраивалась неравномерно. Так, например, в селе Крым некоторые кварталы, расположенные в центре и на окраинах, оставались пустующими еще и в середине XX в.⁴⁹⁶

Сельские поселения были разделены условно прямыми улицами на кварталы разных размеров. Они не ориентированы строго по сторонам света, и их планировочным центром выступали водоемы. Чалтырь расположен по обе стороны р. Мокрый Чалтырь, Крым — р. Озан, Несветай — р. Тузлов, Большие Салы — вокруг пруда. Ширина и длина кварталов определялись

⁴⁹⁵ Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы... С. 74.

⁴⁹⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... с. 67.

рельефом и расположением водоема. Так, например, в селе Чалтырь кварталы вытянуты с юго-востока на северо-запад, а в Крыму — с запада на восток. Первоначальная поквартальная разбивка исказились в ходе последующей застройки. Скорее всего, площади не были предусмотрены планами. Церкви строились, очевидно, в месте, выбираемом самими селянами.

Где располагались первые храмы, построенные сразу после основания сел, нам неизвестно. Поскольку в середине XIX в. они были снесены и построены новые церкви, но уже на другом месте⁴⁹⁷. Они располагались как среди жилой застройки, так и на окраине села. К последним относятся две церкви в Султан Салы и Несветай. В справочнике «Армянские церкви Российской империи» есть информация, что жителей села Большие Салы не устраивало расположение старого храма на окраине села. Так получилось непреднамеренно. Когда переселенцы строили церковь и первые дома, они еще не были знакомы с местностью и ее климатом. Со временем же основная застройка переместилась в восточную часть поселения, а церковь оказалась на значительном удалении от них⁴⁹⁸. Теперь церковь (1861) была возведена в восточной части и центрального местоположения не получила из-за отсутствия свободной земли.

Кварталы разбивались на прямоугольные участки, размер которых определялся благосостоянием и численностью семьи, а также хозяйственной специализацией (скотоводство или земледелие). В среднем сельская усадьба занимала площадь 1–1,5 га. Огороды, бахчи, сады находилась на окраинах сел (гети азбар).

Планировка усадьбы была произвольной, фиксированного расположения основных построек не сложилось (рис. 70–71). Как и в городе, такая произвольность объясняется несколькими факторами: первоначальным желанием селян возводить свои жилища с отступом от границы участка,

⁴⁹⁷ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 45

⁴⁹⁸ Армянские церкви Российской империи (1717–1917) ... С. 47.

наличием галереи на дворовом фасаде дома, которая среди прочего имела солярную функцию. Такие приемы строительства диктовали необходимость свободного выбора места для дома и его ориентацию на участке. Поэтому объемно-пространственная композиция селений формировалась беспорядочно разбросанными, редко расположенными невысокими домами и подсобными постройками.

На территории усадьбы строили дом, отдельно стоящую кухню, хлев для лошадей и коров (аран), сарай для сена (аран), курятник (комес), навес для сельскохозяйственных орудий (харха), овчарник. Кроме того, на участке устраивали специальную площадку для молотбы зерна (гал) и зернохранилище (уру), представлявшее собой яму, обмазанную глиной, глубиной 3–4 м. Также могли быть деревянные амбары на каменных основаниях. Иногда делали подвалы для хранения овощей (махазы). Во дворе находились печи-пур, в которых пекли хлеб в теплое время года.

Существовали основные принципы, которые влияли на расположение строений на участке. Это прежде всего поквартальная разбивка и деление кварталов на два ряда участков. Для рационального использования территории дом хоть и удаляли от края участка, но не относили в его центр и все постройки располагали по периметру. Один фасад, выходящий в сторону улицы, делали глухим, без окон и старались расположить на север. А вход в дом и окна — в южном направлении. Кроме того, к одному фасаду дома могли простаивать хлев, что также обеспечивало дополнительную защиту. Место остальных построек определялось расположением дома. Летнюю кухню обычно располагали напротив дома, лицевой стороной к нему. За ней в большинстве случаев находилось помещение для скота — «аран»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁹ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. 1990. Рукопись в Историко-этнографическом музее Мясниковского района, КП 247.

Со временем дома стали строить по красной линии или с небольшим отступом от нее, устраивая перед домом цветники. Очевидно, в этом проявилось влияние городской архитектуры.

Со второй половине XIX в. увеличивается плотность застройки, ранее большие усадебные участки дробятся и вытягиваются вглубь. Однако в армянских селах этот процесс протекал достаточно противоречиво, одновременно с уплотнением застройки и дроблением земельных владений оставались пустующие участки. Видимо, из-за обычая, согласно которому родительский дом переходил младшему из братьев, а старшие братья строили свои дома на родительском участке, реже — на окраине села. Увеличение плотности застройки и слабый контроль со стороны властей обернулись искажением регулярной планировки сел.

Планировочная структура кварталов менялась под влиянием идей и композиционных приемов градостроительства нового времени: противопоставление парадного и утилитарного пространства, вывод жилых зданий на красную линию и архитектурно-художественное оформление уличных фасадов. К рубежу XIX–XX вв. в поселениях крестьян Восточного Приазовья можно было наблюдать схожие процессы, характеризующиеся строительством домов на городской манер. Интенсивность протекания этих процессов находилась в прямой зависимости от степени состоятельности основной массы жителей того или иного села. Отсюда можно заключить, что в традиционном архитектурно-пространственном мышлении происходят существенные изменения. Это выражается в отказе от замкнутости жилого комплекса и переходе к периметральной застройке, что подразумевает строительство дома по красной линии. Уличные фасады домов в той или иной степени отражали состояние интерьера и благоустроенность дома⁵⁰⁰.

⁵⁰⁰ Баева О. В., Хаишбашян Г. С. Архитектурно-пространственная организация поселений и жилых построек армян Нижнего Дона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2. Ч. 2. — С. 32–34.

ВЫВОДЫ

- Армянский округ Нижнего Дона представлял собой систему компактного расселения армян. На территории в 20 тыс. десятин были основаны на регулярных началах пять сел, город и монастырский комплекс, связанные между собой сетью дорог.

- Проведенный в ходе исследования поиск градостроительных планов Нахичевани-на-Дону позволил ввести в научный оборот новые чертежи и провести их изучение в совокупности с уже известными и опубликованными.

- Изученный механизм планирования городов и колоний переселенцев позволил выдвинуть предположение о том, что проект для Нахичевана был подготовлен губернскими землемерами или, по аналогии с немецкими колониями, военными инженерами. В данном случае инженерной командой крепости св. Дмитрия Ростовского, «приписным» городом которой значился Нахичеван.

- Для Нахичевана был создан простой «шахматный» план с большой квадратной площадью в центре. Проект выполнен профессионально и технически грамотно. Видно, что сетка кварталов накладывалась на рельеф не механически, автор учитывал балки, направление сточных вод, розу ветров и предусмотрел равномерное расположение приходских церквей.

- Конфирмованный в 1811 г. план Нахичевана скорректирован. Его форма приблизилась к квадрату, поскольку удалены восточные кварталы, проложенные по глубоким балкам. Площадь получила оформление из образцовых кварталов В.И. Гесте.

- Отмечены особенности планировки Нахичевани-на-Дону:

отличная от принятой в регионе ориентация главной улицы по оси запад-восток;

кварталы вытянуты по направлению юг-север. Такое решение было продиктовано необходимостью «вписать» их в неровный рельеф у берега реки;

город не ориентирован на р. Дон. Ее берег сразу стал хозяйственно-производственной зоной;

- город закладывался как торгово-ремесленный центр, но в его первом плане не предусмотрены площади для торговли скоропортящимися продуктами, которую положено было выносить на окраины.

- Во второй половине XIX в. окончательно оформились социально-экономические зоны города, которые условно можно разделить на центр, полупериферию и периферию.

- Социально-экономическая дифференциация городского пространства, формировавшаяся с момента основания города, к рубежу XIX – XX вв. определила его архитектурный облик. На неоднородность городской среды оказали влияние такие факторы, как рельеф местности, функциональное зонирование города, определенное еще планом 1781 г.

- Во второй половине XIX в. большая центральная площадь реорганизуется и делится на отдельные площади, каждая из которых получила определенную функцию, что оказало влияние на их архитектурно-художественный облик.

- На парадной площади был поставлен памятник Екатерине II, расположенный перед городским собором св. Григория Просветителя, и появление таких элементов городского благоустройства, как бульвары, скверы и городской сад позволяет говорить о том, что Нахичевань-на-Дону развивается подобно другим русским городам.

- Выявлено, что монастырский комплекс Сурб Хач имел пространственную организацию аналогичную одноименному крымскому монастырю.

- Донские армянские села стали одними из первых регулярных сельских поселений в Российской империи, что ставит их в один ряд с поселениями других иностранных колонистов.

- Под влиянием идей и композиционных приемов классицизма, распространявшихся через приобщение селян к городской моде и желанию

строить на городской манер, начинает меняться планировочная структура сельских кварталов, жилые здания выводятся на красную линию. Их уличные фасады получают архитектурно-художественное оформление.

Глава 5. Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII — середина XIX в. Взаимодействие образцовых проектов и традиций

5.1. Архитектура городских храмов конца XVIII — первых десятилетий XIX в.: вопросы композиции и стиля

Согласно первому плану 1781 г. в городе должны были построить девять храмов: восемь приходских и собор. Расположение и количество церквей было скорректировано планом 1811 г. Теперь их было запланировано всего семь, шесть из них отмечены построенными.

О. Х. Халпахчян писал, что выходцы из одного крымского города селились рядом и образовывали один приход. Согласно сведениям А. В. Суворова, армяне были переселены из шести крымских городов. Однако выходцев из Акмечети и Старого Крыма вместе взятых было значительно меньше, чем переселенцев из каждого другого города в отдельности⁵⁰¹. Возможно поэтому, как пишет Е. Шахазиз, после завершения строительства пяти городских храмов и собора, прихожанам стало понятно, что их достаточно и строительство седьмой церкви отложили на будущее. Вместо нее в последней четверти XIX в. была построена церковь на кладбище, и горожане окончательно отказались от идеи строительства седьмой приходской церкви⁵⁰².

Строительство храмов началось сразу после основания города. На генеральном плане 1781 г. отмечено, что построены собор Григора Лусаворича (Григория Просветителя) и церковь Сурб Амбарцум (Вознесения). Однако Е. Шахазиз приводит другие сведения. Ссылаясь на

⁵⁰¹ Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения... С. 349.

⁵⁰² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 48.

рукопись «Давтар», он сообщает, что первая деревянная, построенная в городе церковь — Сурб Аствацацин (Успения пресвятой Богородицы)⁵⁰³.

Первые приходские церкви и собор были из дерева. Строить каменные церкви стали с 1783 г. Последняя каменная церковь города построена в 1855 г. Источников, позволяющих восстановить облик деревянных церквей, не сохранилось. Каменные церкви периода 1783 — 1850-е гг. также утрачены. Проектные чертежи не обнаружены. Архитектурно-художественный облик каменных церквей можно восстановить только благодаря редким чертежам и фотографиям⁵⁰⁴.

Собор св. Григория Просветителя⁵⁰⁵, располагавшийся на центральной площади, относится к числу каменных городских церквей, возведенных в последней четверти XVIII в. (рис. 72–78). Согласно сведениям Шахазиза строительство каменной церкви велось с 1783 г. по 1807 г.⁵⁰⁶. Небольшое деревянное строение первоначального собора располагалось в углу отведенной для него территории. Позже, после закладки каменного собора, на фундаменте деревянной церкви возвели часовню, увенчанную крестом⁵⁰⁷.

Крестово-купольный храм решен в формах классицизма⁵⁰⁸. В плане он прямоугольный с вписанным крестом, вытянутый с запада на восток и

⁵⁰³ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 54.

⁵⁰⁴ Подробно см.: Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival // RIHA Journal 0218, 20 July 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riha-journal.org/articles/2019/0218-baeva-and-kazaryan>. (дата обращения: 23.09.2020)

⁵⁰⁵ Собор разрушен в 1960-е гг.

⁵⁰⁶ Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival...

⁵⁰⁷ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 50.

⁵⁰⁸ Работа по воссозданию архитектурного облика собора была выполнена А. Р. Ерицян — студентом кафедры истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Института архитектуры и искусств Южного федерального университета под руководством доцентов М. А. Честнова и И. В. Поцешковской. В исследовании использованы данные, полученные при сканировании территории б. Соборной площади георадаром «Easy Locator» фирмы «MALA» и анализа сохранившихся фотоматериалов. Проведенные работы позволили А. Р. Ерицян предположить, что здание возводилось на ленточном фундаменте, с каменным цоколем и кирпичными стенами. Высота колокольни с крестом составляла около 36 м, высота церкви с куполом и крестом — около 28 м. В плане размеры церкви с колокольней составляли примерно 44 x 25,5 м. (см. приложение).

завершающейся выступающей апсидой гранёной формы. С запада к нему примыкала колокольня. Южный, северный фасад и колокольня имеют четырехколонные портики с треугольными фронтонами. Основной объем завершался широким антаблементом. Портики доходили до его уровня, а продолжением их фронтонов служили двускатные кровли, доходившие до подкупольного четверика, что придавало церкви едва видимую крестообразность. Световой барабан круглый в плане, оформлен колоннадой и антаблементом, сферический снаружи купол с глухой lanternой венчал крест. Портики южного и северного фасадов были неглубокими по сравнению с западным, квадратным в плане и преобразованным в закрытую с трех сторон паперть с ажурными дверьми. Она же служила основой трехъярусной колокольни с городскими часами, встроенными в центральный проем верхнего яруса. Два верхних яруса колокольни имели форму высоких цилиндров, структурированных чередованием колонн и арочных проемов, которых по четыре в каждом ярусе. Завершалась колокольня куполом и глухой lanternой с крестом. Художественное единство церкви и колокольни поддерживали сочетающиеся полуциркульные арочные и оконные проемы.

Колонны на фасадах храма могут быть отнесены к римско-дорическим либо тосканским⁵⁰⁹, однако гладкий фриз свидетельствует о тосканском ордере⁵¹⁰. Этот же ордер представлен на барабане храма, и на венчающем купол высоком фонаре, и, предположительно, на верхних ярусах и фонаре колокольни. Объединение колоннад общим типом ордера и завершение объемов однообразными карнизами с крупными дентикулами придает зданию элегантность и образную целостность. Особо эффектно выглядит барабан, в котором широкое кольцо антаблемента словно противопоставлено кубовидному основанию. В интерколумниях широкие и высокие арочные окна чередуются с плоскими, графически выявленными нишами такой же формы. Они перекликаются с арочными нишами, членящими угловые зоны

⁵⁰⁹ О. Х. Халпахчян писал, что ордер был дорическим.

⁵¹⁰ Подробно см.: Baeva O., Kazaryan A. *Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival...*

основного объема храма. Последние созданы во всю его высоту и прорезаны окнами в два ряда: прямоугольными нижними и круглыми верхними, вписанными под арки ниш и имеющими оконные рамы в виде колеса со спицами.

Из источников известно, что купол колокольни собора в 1834 г. и 1852 г. подвергался серьезному ремонту из-за повреждений, нанесенных природными стихиями⁵¹¹. Проектных документов этих работ не сохранилось, и нельзя исключать того, что колокольня претерпела изменения в ходе ремонта и дошедшие до нас фотографии зафиксировали ее в отличном от первоначального замысла облике.

Судя по сохранившемуся описанию и единственной фотографии интерьера церкви, обнаруженной в фондах ГНИМА им. Щусева, внутреннее пространство храма формировали четыре опорные пилоны⁵¹², имитирующие цветной мрамор, престол и небольшой жертвенник, закрывавшиеся большим занавесом с позолоченным крестным подножием. С двух сторон от них находились ризницы, называемые нахичеванцами «матур»⁵¹³.

Стены собора были окрашены масляной краской, пол был выложен паркетом. На стенах размещались иконы в позолоченных рамах. Традиции армянского зодчества поддерживали хачкары, большое количество которых были перевезены из Крыма. Их встраивали в стены и колонны храма. Фасады были оштукатурены и тоже украшены иконами и хачкарами⁵¹⁴.

Автор проекта собора неизвестен, как и авторы всех храмов Нахичевани, возведенных в годы первого периода церковного строительства. Авторство проектов соборной и монастырской церквей приписывается И. Е. Старову (1744–1808)⁵¹⁵. Очевидно, как и в ситуации с градостроительным планом Нахичевана, Старов называется создателем собора св. Григория

⁵¹¹ Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь... С. 58–60.

⁵¹² Фотография. Нахичевань. Собор. ГНИМА. ОФ 5064/16; Фотография. Нахичевань. Собор. ГНИМА. ОФ 5064/17.

⁵¹³ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 52.

⁵¹⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 51–53.

⁵¹⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 17.

Просветителя неслучайно. Немногочисленные старые фотографии донесли до нас изображение храма, в котором, безусловно, угадывается рука мастера столичной школы.

Известно, что армянские церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге и Крестовоздвиженскую в Москве проектировал по заказу И. Лазарева Ю. М. Фельтен, а И. Аргутинский приехал освящать церкви Нахичевани сразу после освящения московского храма⁵¹⁶. Практика повторного строительства была весьма обычным делом, и проект Ю. М. Фельтена, привезенный Аргутинским, был бы весьма своевременным подарком для нахичеванцев. Однако едва ли можно отнести собор св. Григория Просветителя к работам Фельтена. Церкви, спроектированные мастером для представителей разных исповеданий, несут яркий отпечаток его творческой манеры. Как справедливо замечено исследователями его творчества, храмы «нарядны, но благородны»⁵¹⁷. Он использует такие декоративные элементы как филенки, круглые окна, лепные украшения фасада. Излюбленным приемом архитектора были пилястры, в разных вариациях применяемых в оформлении фасада, барабана и т. д. Все эти особенности, которые отсылали бы нас к творческому подчерку Ю. М. Фельтена, насколько можно судить по фотографиям, отсутствуют на фасадах собора Нахичевани.

Вполне вероятно, что проектировали собор архитекторы Азовской губернии, куда до 1783 г. входили земли армянской колонии. Неслучайным может быть совпадение, что к строительству каменного здания приступили в 1783 г., как раз в тот период, когда архитектором Азовской губернии числился М. Казаков, а помощниками архитектора его знаменитые ученики Р. Казаков, И. Еготов⁵¹⁸. Считается, что М. Казаков провел на юге несколько месяцев, а вот Р. Казаков и И. Еготов оставались здесь на протяжении

⁵¹⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 52.

⁵¹⁷ Юрий Матвеевич Фельтен (1730–1801) / гл. ред. А. Барагамян. — Москва: Комсомольская правда Директ Медиа, 2016. С. 61.

⁵¹⁸ Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века... С. 18.

нескольких лет. Однако об их творчестве в этот период информация отсутствует. Не лучшим образом дело обстоит и со многими проектами этих мастеров для столиц. А. В. Клюкина отмечает, например, что многие постройки приписываются Р. Казакову «на основании традиции, без документального подтверждения», которое зачастую просто отсутствует. Кроме того, Родиона Казакова часто путают с Матвеем Казаковым⁵¹⁹, и постройки одного приписывают другому.

Излюбленный прием Р. Казакова и его наставника М. Казакова — введение в объем здания ротонд или полуротонд. Так, например, в известных постройках Р. Казакова, авторство которых у исследователей не вызывает сомнений, мы видим приемы, которые могут быть сравнимы с архитектурой нахичеванского собора. В церквях в Кузьминках и св. Мартина исповедника явно выражено стремление автора почеркнуть цилиндрические формы карнизами, антаблементами. С другой стороны, архитектор избегает простых прямоугольных в плане очертаний. Кубовидная же в объеме церковь св. Варвары на Варварке, типологически относится к центрическим бесстолпным храмам⁵²⁰, и ее авторство не доказано.

Привлечь к сравнительному анализу церкви, построенные по проектам других архитекторов, работавших на юге, еще затруднительнее. Так, например, единственной доказанной церковью И. В. Еготова является храм Феодора Стратилата в Москве (1782–1806).

Кроме того, в интересующий нас период в наместничестве Потемкина должность губернского архитектора занимали Н. Я. Алексеев, А. Лебедев, фон Газен в Азовской губернии, Карл Поульсен в Екатеринославской губернии⁵²¹.

⁵¹⁹ Клюкина А. В. Зодчий Родион Казаков (1754–1803): новые сведения о жизни и постройках // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2014. — Вып. 1(13). — С. 92–103.

⁵²⁰ Яковлев А. Н. Церковь Св. Варвары на Варварке. Типология и иконография // Архитектурное наследие. — 2014. — Вып. 60. — С. 186–203.

⁵²¹ Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII в. в провинциальных городах России: дис. ... канд. искусствовед: 18.00.01. — Москва, 2003. — Приложение.

Среди церквей, спроектированных известными архитекторами эпохи классицизма, работавших на юге России, прямых аналогов нахичеванскому собору не находим. Конечно, атрибуция собора лишь по нескольким сохранившимся фотографиям, в условиях ограниченного круга источников для анализа — задача едва ли разрешимая сегодня. Важным в данных обстоятельствах представляется расширение круга архитекторов, которые могут рассматриваться в качестве предполагаемых авторов изучаемого храма. Необходимо учитывать, что проект мог составить архитектор и не бывавший на юге, возможно даже никогда не покидавший столичных городов. Примером чему является творчество Л. Руска и других, проектировавших для провинции. Интересно и то, что прихожане собора, пытаясь спасти его от разрушения в 1950-е гг., в своем письме на имя Л. И. Брежнева указывали, что он возводился по проекту итальянских мастеров⁵²². Едва ли этим сведениям можно доверять, но возможно так в народной памяти отразился факт значимости архитектора.

Еще сложнее делать выводы об авторстве церкви монастыря Сурб Хач (рис. 79–88), которое также приписывается И. Е. Старову. Давно существующую версию о сооружении Старовым церкви монастыря Сурб Хач В. Г. Воронов объясняет близостью ее композиции храмам, создававшимся зодчим в то время⁵²³. По сведениям Е. Шахазиза строительство монастырской церкви велось с 1783 г. по 1792 г., т. е. в тот же период, что и собора. Как было показано выше, Старов оказался среди губернских архитекторов несколькими годами позже. Однако, в любом случае, мы не располагаем свидетельствами и документами, позволившими бы восстановить первоначальный облик здания, поскольку оно перестроено в 1862 г. Е. Шахазиз пишет, что неизвестно какой была церковь до ее перестройки⁵²⁴. О. Х. Халпахчян считал, что она была не перестроена, а

⁵²² Армянские церкви Российской империи... С. 83.

⁵²³ Воронов В. Иван Старов — главный архитектор эпохи Екатерины Великой. — Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2008. — С. 122.

⁵²⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 67.

только отремонтирована⁵²⁵. Архитектуру уже перестроенной церкви представляется целесообразным рассмотреть в следующем разделе, поскольку ее решение имеет много общего с сельскими храмами, возведенными в середине XIX в.

Приходские церкви Нахичевани имели меньший размер⁵²⁶ и отличались большей строгостью. Самой почитаемой среди них была церковь Сурб Аствацацин (Успения Божьей матери) (рис. 89), поскольку считалось, что она стояла на месте первой деревянной церкви города, в которой освещались краеугольные камни города и других церквей Нахичевани⁵²⁷.

Строительство церкви началось в 1781 г., то есть за два года до собора, а датой завершения и освящения кирпичной церкви считается 1795 г.⁵²⁸. В 1819 г. нахичеванцы получили разрешение на строительство новой каменной церкви на месте ветхой церкви того же названия⁵²⁹, ее строительство завершено в 1823 г.⁵³⁰. Она располагалась в квартале между Никольской и Успенской улицами, 23-й и 25-й линиями, имела свой двор, огороженный решеткой и засаженный деревьями. В нем находился некрополь с захоронениями почетных горожан.

Помимо дошедших до нас фотографий, имеется чертеж этой церкви, сохранившийся благодаря проектному предложению таганрогского архитектора М. Муратова о пристройке колокольни⁵³¹. В 1850-е гг. прихожане церкви решили восстановить обрушившуюся колокольню церкви и, согласно законодательству, обратились за разрешением в Эчмиадзинский

⁵²⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 78.

⁵²⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 67.

⁵²⁷ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 60.

⁵²⁸ Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь... С. 128; 82; Проект постройки церкви в Нахичевани-на-Дону Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 1293. Оп. 165. Д. 55.

⁵²⁹ Дело о разрешении постройки в Нахичевани каменной церкви Успения божьей матери на месте ветхой церкви того же названия. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2004.

⁵³⁰ Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь... С. 128; Дело о расширении церкви Успения Пресвятой Богородицы и о постройке при ней колокольни в Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2630.

⁵³¹ Дело о расширении церкви Успения Пресвятой Богородицы и о постройке при ней колокольни в Нахичевани Екатеринославской губернии... (рис. 93).

католикосат и в Таганрогский строительный комитет, где был составлен проект, пересланный затем для одобрения в Департамент проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий⁵³². Однако в Главном управлении проект сочли неудовлетворительным и составили новый, сократив при этом расходы на строительство на 6 000 руб. серебром. Он был отправлен нахичеванцам для реализации, и его обнаружить не удалось, а нереализованный проект Муратова остался в архивном деле⁵³³. Из проектного предложения видно, что пристраиваемая колокольня планировалась трёхъярусной. Нижний прямоугольный в плане ярус с двумя боковыми четырёхконными портиками венчали два верхних цилиндрических объема с арочными проемами, самый последний ярус украшали колонны, расположенные между арками.

В отличие от собора, Успенская церковь была крестообразная в плане, с удлинёнными продольными и вдвое меньшими по длине поперечными рукавами. В глубине восточного рукава выделена зона алтаря с выступающей полукруглой в плане апсидой. Диаметр купола, расположенного над средокрестием, уступает ширине рукавов из-за мощных пилонов, срубленных с внутренними углами крестообразной композиции. Церковь имела входы в поперечных рукавах. На чертеже Муратова предлагается их дополнить колоннами с фронтонами, представленными в виде выдвинутых четырехколонных портиков в формах тосканского ордера, таких же как на южном и северном фасадах колокольни. Возможно, это осталось частью нереализованного предложения архитектора по перестройке храма, поскольку на поздней фотографии, четыре колонны буквально приставлены к торцу рукава, выступая от стены на три четверти своего объема.

О. Х. Халпахчян предположил, что изначально, как и в соборе, этим формам отвечало оформление первого яруса оригинальной колокольни⁵³⁴. Из проекта, подписанного Муратовым, нельзя понять какой первоначально была

⁵³² Дело о постройке церкви в Нахичевани. РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 34801.

⁵³³ Дело о постройке церкви в Нахичевани. РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 34801. Л. 11.

⁵³⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 81.

колокольня, но видно, что сама церковь портиков не имела, ее фасад и барабан решены весьма лаконично. На продольном фасаде в два ряда располагаются проемы: это строгой формы прямоугольные окна и присутствующие над ними, той же ширины квадратные. Лишь над входами они с полуциркульными проемами. Высокий барабан увенчан округлой формы куполом с фонарем. Гладкая цилиндрическая форма барабана прорезана четырьмя большими палладианскими окнами. На фотографии видно, что по диагональным направлениям устроены арочные ниши со скульптурами. Как и в соборе, широкий антаблемент огибает весь периметр здания, включая и апсиду.

Равенство ширины всех рукавов позволило О. Х. Халпахчяну сравнить эту постройку с крестообразными храмами Армении⁵³⁵. Однако характер прорисовки пилонов, проемов и общая стилистика всецело сохраняет это произведение в пределах архитектуры эпохи классицизма.

Подобно другим храмам Нахичевани стены Успенской церкви украшали хачкары, надписи на которых перечисляет Е. Шахазиз, указывая, что не все они читаются, т. к. скрыты под густым слоем краски. Располагались они в значимых местах и рядом с жертвенниками⁵³⁶.

Близка колокольне церкви Успения, которую мы видим на имеющейся фотографии построенной, колокольня греческой церкви Святых царей Константина и Елены, возведенная в Таганроге примерно в те же годы. Она утрачена, и судить о ее облике можно тоже по фотографиям. Колокольня выполнена по тому же проекту, что и колокольня Успенского собора в Таганроге, автор первоначального проекта которой (1814) А. Мельников⁵³⁷.

⁵³⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 84.

⁵³⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 62.

⁵³⁷ Григорян М. Е. Архитектура Таганрога XIX — начала XX вв.: этапы стилевой эволюции и специфические особенности жилой застройки города: дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04. — Санкт-Петербург, 2009.

По сообщению Е. Шахазиза в 1781 г. на юго-восточной окраине города была заложена первая каменная церковь св. Николая (Сурб Никогос)⁵³⁸. При освещении храма на фасаде установили мраморную доску с надписью: «Возведен сей божеский храм во имя патриарха св. Никохайоса при всемерном духовном содействии и освящении верховного посланца св. первопрестольного Эчмиадзина и предводителя всех армян русского государства и основоположника нового города санаинца Иосифа архиепископа Аргутянца в царствование императрицы всея Руси великой Екатерины второй и патриаршества Эчмиадзинского первопрестольного монастыря католикоса всех армян Гукаса в год армянского летоисчисления 1232 (1783)»⁵³⁹.

Как отметил Е. Шахазиз: «Св. Никохайос сравнительно меньше, чем св. Просветитель, но стиль строительства тот же. Те же три двери, те же колонны перед дверьми, та же паперть перед западной дверью и колокольня над ней»⁵⁴⁰.

Прямоугольная в плане церковь с куполом над средокрестием и выступающей на востоке абсидой имела три входа, украшенных портиками с колоннами. Между западным портиком и основным пространством церкви во всю ее ширину введена паперть, над которой высится колокольня. Возможно, колокольня была построена значительно позже самого храма, т. к. имеются сведения, что в 1879 г. были пожалованы средства на ее строительство⁵⁴¹. Основной объем церкви довольно узок и имеет сильную продольную вытянутость. Это позволяет предполагать примыкание подкупольных пилонов к продольным стенам⁵⁴².

Церковь св. Николая отличается как от собора Просветителя, так и от Успенской церкви. Это проявляется в более приземистых пропорциях

⁵³⁸ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 54.

⁵³⁹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 55.

⁵⁴⁰ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 55.

⁵⁴¹ Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь... С. 147.

⁵⁴² Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival...

основного объема, массивных колоннах портиков и упрощенной трактовке проемов. Принципом устройства фронтонов и оформления антаблемента, двусветными окнами основного объема храм вписывается в круг этих памятников.

Барабан церкви св. Николая октагональный, с крупными арочными окнами в каждой грани. Верхний ярус колокольни представляет собой кубовидный объем с арочными проемами, украшенный маленькими фронтонами. Описанные формы барабана купола и яруса звона, а также островерхие пирамидальные покрытия над ними, являются следствием большой перестройки храма в конце XIX в., о которой упоминает Шахазиз: «Лишь в последнее время при ктиторстве Саргиса Хрджяна, когда была основательно отремонтирована эта церковь, формы ее купола и колокольни стали армянскими»⁵⁴³ (рис. 91–92).

В северо-восточной части города на Вознесенской улице возвышалась небольшая приходская церковь Сурб Амбарцум (Вознесения), основанная одновременно с церковью св. Николая в 1781 г., но освещенная несколькими днями ранее. К сожалению, отсутствие визуальных источников не позволяет восстановить ее облик, но из описания Е. Шахазиза возможно заключить, что стиль строительства, экстерьер и интерьер церкви не отличались от классицистических храмов города. Недовольство нахичеванского летописца вызывали безвкусные картины в золотых и серебряных рамах⁵⁴⁴. Как и остальные церкви Нахичевани, она имела двор, в котором были некрополь и двуклассная школа.

Церковь Сурб Теодорос (Феодоровская) построена в том же стиле и с использованием тех же художественных приемов, как и вышеописанные приходские церкви (рис. 90). К строительству церкви приступили в 1783 г., освятили в 1786 г. Небольшая церковь имела три входа, фасады украшали портики с колоннами, к западному примыкала колокольня. В стены церкви

⁵⁴³ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 55.

⁵⁴⁴ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 63.

были установлены хачкары. В одну из колонн был вставлен небольшой квадратный камень, носивший название «Ай-Тодор». По свидетельству Шахазиза на нем были «различные грубые украшения, и трудно определить, что они выражали в действительности». Почему он носил греческое название и за что был почитаем ему также было неизвестно. Камень был привезен из Крыма из церкви «св. Тороса в Кефе»⁵⁴⁵. Церковь имела большой двор с садом, в котором было построено здание школы и устроено кладбище.

Церковь Сурб Георг (Георгиевская) строилась с 1783 г. по 1787 г. После исправления городского плана в 1811 г. она оказалась за чертой города. В 1840-е гг. прихожане планировали построить новую каменную церковь, о чем нам известно из архивного дела, в котором сохранился проект, составленный архитектором Муратовым для Георгиевской церкви в Нахичевани и еще трех сельских церквей. Департаментом проектов и смет проект ГУПСИПЗ этот был признан неудовлетворительным. Данных о строительстве нового храма нет. На единственной фотографии рубежа XIX–XX вв. плохого качества запечатлен храм, архитектурный облик которого определяет классицистическая стилевая направленность. Венчал церковь сферический купол на многогранном барабане, с запада к фасаду примыкала двухъярусная колокольня. Известно, что колокольня была разрушена молнией в 1851 г. и после этого восстанавливалась⁵⁴⁶. Прямоугольный в плане ярус звона завершают лучковые фронтоны. Венчает ее глухой цилиндрический барабан с куполом.

В стены церквей снаружи и внутри были вставлены хачкары, по сообщению Шахазиза, привезенные из Крыма, «надписи на них — памяти различным набожным людям».

5.2. Церковь монастыря Сурб Хач и сельские храмы донских армян середины XIX в.

⁵⁴⁵ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 59.

⁵⁴⁶ Армянские церкви Российской империи... С. 197.

В пяти армянских селах и монастыре Сурб Хач первые церкви были построены в конце XVIII в. О. Х. Халпахчян предположил, что они были деревянными⁵⁴⁷. Палас, посетивший армянскую колонию в конце XVIII в., упоминает, что в селе Чалтырь есть каменный храм. Есть и другие сведения, что во всех селах уже до середины XIX в. были построены каменные церкви⁵⁴⁸. В середине XIX в. были возведены новые церкви, старые разобраны, и их материалы использовали для строительства приходских школ, поэтому облик этих первых церквей нам не известен. Тот факт, что сразу после основания во всех селах были построены каменные церкви, которые достаточно быстро заменили новыми, позволяет предположить, что они строились за счет казны или при участии казны.

Согласно сведениям Е. Шахазиза, к рубежу XIX–XX вв. в селах было по одной церкви, кроме села Крым, в котором было построено две церкви⁵⁴⁹. Кроме церкви Аменапркич в селе Крым, о которой речь пойдет в следующем разделе, сохранившееся до настоящего времени каменные церкви датируются серединой XIX в. (табл. 9, рис. 94–99). В этот же период 1860-х гг. была перестроена церковь монастыря Сурб Хач, что объясняет сходство ее архитектуры с некоторыми сельскими храмами.

Законодательство того времени запрещало строить церкви без утверждённого проекта. Последней инстанцией, дававшей разрешение на реализацию проекта, был Департамент искусственных дел Главного

⁵⁴⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 99.

⁵⁴⁸ Армянские церкви Российской империи...

⁵⁴⁹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 73. Сегодня в селе Крым сохранилась одна церковь Аменапркич (Спасителя), построенная на рубеже XIX–XX вв. В НАА хранится дело «Об утверждении проекта на постройку новой каменной церкви во имя св. Сергия и Параскевы» в с. Крым (1860) (НАА. Ф. 139. Оп.1. Д. 451) и судя по сообщению Е. Шахазиза о том, что в начале XX в. в селе две церкви, она была построена. Однако до наших дней церковь не сохранилась и никаких данных об архитектурном облике храма мы не имеем.

управления путей сообщения и публичных зданий (ГУПСиПЗ)⁵⁵⁰. Однако попытки обнаружить проекты построенных церквей в фондах архивов не увенчались успехом. В материалах дел о строительстве церквей есть расписки попечителей о том, что утверждённые проекты они получили на руки⁵⁵¹.

Только один проект сохранился в фондах РГИА. Этому способствовало то, что он был отклонен Департаментом искусств ГУПСиПЗ «по неблаговидности фасадов»⁵⁵². На чертеже было написано, что он выполнен для нескольких церквей — в селах Несветай, Большие Салы, Султан Салы и одной в г. Нахичевань-на-Дону (рис. 100). Однако только одна церковь имеет близкое архитектурное решение с указанным чертежом — Сурб Геворк в селе Султан Сали. Другие храмы, запланированные к строительству, также были возведены, но по каким-то другим проектам, о чем свидетельствует их архитектура.

Сохранившийся чертеж подписан архитектором Таганрогского строительного комитета М. Муратовым. В основу проекта положен образец К. Тона под № III «Церковь Богоявления Господня, построенная в городе Саратов» (1838)⁵⁵³. Эта церковь относится к типу «кораблем»: по центральной оси располагаются трёхъярусная колокольня, трапезная и храм с выступающей полуциркульной абсидой. Колокольня имеет шатровое

⁵⁵⁰ В ст. 216 Устава Строительного значилось, что строительство и ремонт церквей в губернских, уездных городах и «в тех селениях, где они строятся от казны, производится по планам, фасадам и сметам, рассмотренным в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий, а церквей, сооружаемых в селениях от прихожан, по проектам, рассмотренным местными Строительными и Дорожными Комиссиями».

⁵⁵¹ Дело о ремонте церкви в Армянском селении Малые Салы. НАА. Ф. 54. Оп.1. Д. 1650; Дело о строительстве ограды церкви Сурб Саркис в селе Топти. 1879–1887. НАА. Ф. 54. Оп.1 Д. 1527; Дело о строительстве металлических оград церкви Сурб Григор Лусаворич. НАА. Ф. 54. Оп.1. Д. 1437.

⁵⁵² Дело о постройке армянской церкви в городе Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.1636.

⁵⁵³ Тон К. А. Церкви, сочиненные архитектором его императорского величества, профессором архитектуры Императорской Академии художеств и членом разных иностранных академий Константином Тоном. — Санкт-Петербург: б.и., 1838.

завершение, а двусветный четверик венчает сферический купол с лантерной и луковичной главкой.

В проекте Муратова этот образец несколько упрощен, что сказалось на облике среднего яруса колокольни, количестве оконных проемов четверика церкви, которых было меньше, чем в образце. Оформление оконных проемов трапезной, абсиды и нижнего яруса колокольни, а также дверных проемов было заимствовано из образца под № V.

Согласно данным, приводимым исследователями, подобные церкви «кораблем» достаточно часто возводили в небольших городах и в селах⁵⁵⁴. Они соответствовали требованию Строительного устава о «византийском стиле», а тоновский «стиль» стал основой для этой законодательной нормы. Чиновники ГУПСИПЗ рекомендовали и армянам строить церкви в «византийском стиле»⁵⁵⁵. Однако этот образ нес идеи православия и, примечательно, что сами армяне считали, что в «византийском стиле» построены и их классицистические церкви⁵⁵⁶ последней четверти XVIII в. — первой половины XIX в.

Таким образом, только одна их церковь — Сурб Геворк в селе Султан Салы — была построена в формах русско-византийского «стиля»⁵⁵⁷. Ее архитектура хоть и имеет некоторые отличия от проекта М. Муратова, но очевидно, что ее строительство велось с учетом этого неутвержденного чертежа и с опорой на образцовые проекты.

Сурб Геворк построена на окраине села Султан-Салы. Церковь кирпичная, оштукатуренная, на каменном фундаменте. В целом сохранив

⁵⁵⁴ Берташ А.В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины // Вестник СПбГУ. — Сер. 15. — Вып. 1. — 2013. — С. 178–198.

⁵⁵⁵ Дело о постройке богоугодного заведения в гор. Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.1316.

⁵⁵⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 49–67.

⁵⁵⁷ Обращение к данным о строительстве армянских храмов в Российской свидетельствует, что русско-византийский «стиль» является редким для культовых построек армян, и Сурб Геворк — один из немногих таких памятников, сохранившихся до наших дней хотя бы в руинированном состоянии. Вместе с тем, выше было показано, что образцовые проекты К. Тона оказали влияние на архитектуру армянских церквей.

первоначально задуманное объемно-планировочное решение «кораблем», она теперь была ориентирована на образцовые чертежи № II и III из альбома К. Тона. Четверик церкви имеет парусный свод и луковичный купол на небольшом световом барабане, по образцу № II. Также соответствует этому образцу аркатурный фриз барабана, ширинки, помещенные в виде пояса по верхнему краю фасада четверика и между вторым и третьим ярусами шатровой колокольни. Оформление перспективных порталов перекликается с чертежом № III и повторяется в решении оконных проемов с полуциркульным завершением колокольни, а также южного и северного фасадов трапезной и четверика. На четверике окна расположены аркадой, размещенной выше входного портала.

Трёхъярусная колокольня церкви представляет собой уменьшающиеся по высоте прямоугольные в плане объёмы, включая ярус звона, украшенный кокошниками. Шатер колокольни завершается луковичной главкой.

Другие церкви, построенные в этот период, также были спроектированы с опорой на образцы⁵⁵⁸. Однако они не имеют явных форм русско-византийского храма. Их эклектичная архитектура тяготеет к классицизму — на фасадах большинства из них есть портики, а из альбома К. Тона выбраны только те элементы, которые не являются очевидным знаком русско-византийского «стиля». Кроме чертежей К. Тона, в проектах церквей Чалтыря, Несветая, Больших Салов и монастыря Сурб Хач использовались образцы 1824 г.

Близкое к образцам 1824 г.⁵⁵⁹ решение имеет каменная церковь Сурб Аствацацин, строившаяся с 1862 по 1867 г.⁵⁶⁰ в юго-восточной части села Большие Салы. В плане храм представляет крест с несколько удлиненной

⁵⁵⁸ Подробно об этом см.: Баева О.В. Образцовые проекты в храмовом зодчестве донских армян (середина XIX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2023. — № 20. — С. 139–153.

⁵⁵⁹ Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением. — Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824.

⁵⁶⁰ Армянские церкви Российской империи... С. 47.

западной ветвью, к которой примыкает колокольня. Переход парусный, своды цилиндрические. Восточная сторона не имеет абсиды, в интерьере ее заменяют три экседры. Венчает церковь сферический купол с лантерной и куполком на восьмигранном световом барабане. Грани барабана подчеркнуты лопатками. Основание купола украшают килевидные кокошники. Барабан и купол церкви перекликаются с граненым ярусом звона и куполом трёхъярусной колокольни. На фасадах угловые пилястры «поддерживают» фронтоны двускатной кровли. Углы фасадов оформлены угловыми пилястрами. Оконные и дверные проемы с полуциркульным завершением оформлены пилястрами с треугольным завершением.

Среди образцов 1824 г. представлены варианты крестообразных в плане храмов без апсиды и со сферическим куполом на световом барабане. Они имеют от одного до трех фасадов без портиков, подобных тем, что видим в Сурб Аствацацин. Правда в данном случае архитектор отказался от портика совсем, тогда как в образцах он присутствует хотя бы на одном из фасадов. Вместе с тем оформление угловыми пилястрами фасадов выступающих ветвей креста совпадает с проектом К. Тона под № IV, а пилястры с треугольными завершениями над оконными и дверными проемами являются своего рода интерпретацией предложенных Тоном разорванных сандриков.

Оформление барабана пилястрами практически не встречается в проектах 1824 г., но барабаны с пилястрами присутствуют в издании 1838 г. Форма купола Сурб Аствацацин — из образцов 1824 г., поскольку церкви Тона завершаются луковичными главами или шатрами. Килевидные кокошники у основания купола отсылают к проектам Тона.

Таким образом, на архитектуру церкви оказали влияние образцовые проекты 1824 и 1838 гг., причем в ее стилистическом решении почти не используются элементы, указывающие на русско-византийский «стиль».

Аналогичный подход заметен и в архитектуре других сельских храмов. Церковь Сурб Карапет (св. Иоанна Предтечи) в селе Несветай была основана

в 1790 г. В 1837 г. купец К. Тоникян обратился в Ново-Нахичеванское духовное управление с просьбой о разрешении построить новую церковь за свой счет. Очевидно, разрешение было получено. Строительство началось в 1858 г.⁵⁶¹ и затянулось. В 1867 г. прихожане обратились в духовное правление с просьбой разрешить им возвести другую церковь, поскольку уже строящаяся не соответствовала внешнему виду традиционных армянских храмов. Однако разрешения на новое строительство они не получили. Церковь достроили и освятили в 1870 г.⁵⁶².

Это купольный храм с примыкающей двухъярусной колокольной и выступающей абсидой. О. Х. Халпахчян отмечает особенность объемно-планировочного решения храма в виде несколько расширенного в средней части молитвенного зала. Подобное планировочное решение имеет церковь монастыря Сурб Хач⁵⁶³. Это расширение средней части — едва выраженный в плане крест, ветви которого незначительно выступают за основной объем четверика, а на фасаде подчеркиваются портиками с четырьмя колоннами (утрачены). Такой прием с незначительным выступом за основной объем продольных ветвей креста представлен в нескольких вариантах образцовых проектов 1824 г.

Углы фасадов оформлены угловыми пилястрами, горизонталь подчеркивают профилированные тяги и карнизы. Венчал храм сферический купол (утрачен) на широком цилиндрическом барабане. Простенки барабана оформлены пилястрами. Его окна с полуциркульным завершением перекликаются с окнами основного объема и колокольни.

Прямоугольный в плане нижний ярус колокольни переходит в звонницу со срезанными углами, с четырех сторон завершённую треугольными фронтонами. Венчает колокольню небольшой сферический купол на глухом барабане. В церковной архитектуре донских армян был близкий аналог. Это колокольня утраченной городской церкви Сурб Геворк.

⁵⁶¹ Армянские церкви Российской империи... С. 185.

⁵⁶² Армянские церкви Российской империи... С. 185.

⁵⁶³ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 100–101.

На одной не очень хорошего качества старой фотографии этого храма видно колокольню очень близкую по своему облику колокольне в селе Несветай. Правда в нахичеванской церкви ярус звона прямоугольный в плане — без срезанных углов, а завершают его не треугольные, а лучковые фронтоны. Купол на глухом цилиндрическом барабане смотрится более пропорционально. Церковь Сурб Геворк (Георгиевская) в Нахичевани была перечислена среди планируемых к постройке на неутвержденном проекте М. Муратова. Сведений о строительстве новой церкви Сурб Геворк в середине XIX в. нет, но известно, что колокольня была разрушена молнией в 1851 г. и после этого восстанавливалась⁵⁶⁴.

Наличники оконных и дверных проемов нижнего яруса колокольни и церкви в селе Несветай оформлены пилястрами на ступенчатых кронштейнах и разорванными треугольными сандриками, как в образцах К. Тона (например, V).

Церковь Сурб Амбарцум в селе Чалтырь строили с 1869 г. по 1871 г. В плане она представляет выраженный крест с выступающей полукруглой апсидой. К церкви примыкает четырёхъярусная колокольня. Венчает храм сферический купол на восьмигранном барабане. Барабан прорезают вдвоенные полуциркульные окна, его грани украшены полуколоннами. Это решение близко чертежу К. Тона № V.

На фасадах поперечных ветвей креста имеются портики с четырьмя колоннами. Наличники с разорванными фронтонами дверных и оконных проемов основного объема храма и нижнего яруса колокольни соответствуют образцовым проектам К. Тона (V, VIII). Как и в других сельских храмах фасады оформлены угловыми пилястрами.

Колокольня церкви имеет более строгий классицистический облик. О.Х. Халпахчян отметил, что ее два верхних яруса повторяют архитектуру колокольни собора Нахичевани⁵⁶⁵. Основная разница между колокольнями

⁵⁶⁴ Армянские церкви Российской империи... С. 197.

⁵⁶⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 104.

заключается в том, что в сельской присутствует средний восьмигранный ярус, который служит переходом от прямоугольного в плане нижнего к третьему круглому.

Церковь монастыря Сурб Хач была построена в 1783 г, освящена в 1792 г.⁵⁶⁶. Е. Шахазиз писал: «нам неизвестно, в каком стиле было построено здание храма, потому что оно основательно перестроено в 1862 г.»⁵⁶⁷. Он сообщил, что при перестройке здание было расширено и перед ним возвели колокольню⁵⁶⁸. О. Х. Халпахчян считал, что церковь в 1862 г. была только отремонтирована, тогда были изменены сандрики и размеры антаблемента ордера⁵⁶⁹. Он считал церковь единственным сохранившимся памятником архитектуры донских армян XVIII в., и возможным автором проекта И. Е. Старова.

Однако, согласно Е. Шахазизу, в 1862 г. монастырь посетил архимандрит Г. Айвазян. Он посоветовал прихожанам отремонтировать здание. Когда необходимая сумма была собрана, «немедленно приступили к разбору старого здания... и... в 1863 г. совершают освещение нового основания монастыря», при перестройке были увеличены габариты церкви⁵⁷⁰.

Церковь монастыря имеет кирпичные оштукатуренные стены, возведена на каменном фундаменте. В плане она аналогична церкви Сурб Карапет — с едва выходящими за основной объем ветвями креста и с выступающей абсидой. Четырехколонные портики имеются на северном и южном фасадах. Высокий световой барабан прорезан сдвоенными полуциркульными окнами, его простенки украшены пилястрами. Двери и окна оформлены пилястрами и сандриками в виде разорванного фронтона с акантовым листом. Углы фасадов подчеркнуты угловыми пилястрами. В целом в архитектуре храма,

⁵⁶⁶ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 69.

⁵⁶⁷ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 69.

⁵⁶⁸ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 67.

⁵⁶⁹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 95.

⁵⁷⁰ Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач нового Нахичевана / пер. с арм. Ш. М. Шагинян. — Тифлис, 1901. — С. 5

имеющей определенную специфику, все же повторяются приемы характерные для сельских храмов середины XIX в.

«Непропорционально большой купол по отношению к нижнему объему», а также различные «оконные сандрики... внизу с разорванными фронтами, на куполе спаренные с полуциркульным верхом» свидетельствуют по мнению О. Х. Халпахчьяна об их разновременном исполнении⁵⁷¹. Однако церковь из «образцовых» проектов К. Тона под № V опровергает данное утверждение. Есть только некоторые отличия в оформлении образца и церкви Сурб Хач. Полуколонны простенков барабана в церкви Сурб Хач заменены на пилястры, а наличники сдвоенных оконных проемов барабана имеют полуциркульное завершение, тогда как у Тона они килевидные. Купол в образце луковичный, в монастыре сферический. Профилированные карнизы, с нижним, опирающимся на декоративные кронштейны, как и оформление оконных проемов церкви, и угловые пилястры на фасаде идентичны проекту Тона. Перспективные входные порталы у Тона с килевидными завершениями, а в церкви монастыря выше дверных проемов помещены разорванные фронтоны с акантовым листом, соответствующие фронтонам над окнами и перенесенными из проектов Тона (V, VIII). Разумеется, у Тона портики отсутствуют, как и не совпадает планировочное решение церквей.

Можно отметить тот факт, что, как и в других храмах второго периода строительства, в церкви монастыря Сурб Хач мы видим использование образцовых чертежей, но без заимствования элементов русско-византийского «стиля».

Стены монастыря, как и городских храмов донских армян, украшали хачкары. В колонну главного клироса поместили священный хачкар, который дал название монастырю. История его происхождения уже в XIX в. была забыта, но предполагалось, что камень привезен из Армении в Крым, а затем на Дон.

⁵⁷¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 96–97.

Колокольня монастыря Сурб Хач (не сохранилась) была построена одновременно с перестройкой церкви в 1862 г. Это единственная отдельно стоящая колокольня у донских армян, и она не соответствовала внешнему виду самого храма. Невысокая колокольня в два прямоугольных в плане яруса увенчана высоким завершением, по форме представляющим что-то похожее на шпиль. Постройка являлась упрощенной и ухудшенной версией колокольни из типовых проектов 1824 г. В этом издании представлен единственный проект отдельно стоящей колокольни с тремя ярусами, уменьшающимися в высоту и ширину — нижние прямоугольные в плане, верхний круглый с колоннами увенчан высоким шпилем.

В первые десятилетия советской власти церковь пришла в упадок, однако в 1968–1972 гг. она была реставрирована при участии заслуженного архитектора Армянской ССР М. В. Григоряна, который родился и вырос в Нахичевани. В документах имеется справка, что в 1862 г. был проведен капитальный ремонт, в процессе которого были допущены определенные нарушения «в области антаблемента по периметру здания и особенно в области фронтонов. Эти нарушения привели к отклонению стиля здания от стиля И. Е. Старова», считали специалисты, исходившие из положения о том, что автором являлся Старов. В ходе последующих реставрационных изысканий 1988 г. было показано, что облик церкви был несколько искажен в ходе предыдущей реставрации, поскольку авторы того проекта поставили задачу «устранить нарушения канонов архитектуры Старова»⁵⁷².

Наше исследование подтверждает уже известное наблюдение о том, что проекты К. Тона использовались продолжительное время, но их не копировали дословно, а чаще соединяли формы и элементы разных образцов. А. В. Берташ пишет, что такой подход можно понять исходя из практики, поскольку альбомы не были проектами в полном смысле этого слова. Они

⁵⁷² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 96–97.

были схемами-образами, из которых выбирались определенные композиции и детали⁵⁷³.

«Образцы» Тона во многом сохраняют пропорциональное, объемное-планировочное единство с церквями из альбома 1824 г., что при желании позволяло легко совместить элементы ампира и русско-византийского «стиля» в одном проекте. Однако при строительстве православных храмов такая задача перед архитекторами очевидно не ставилась, поскольку заказчики благопринято воспринимали церкви «в древнем стиле», о чем свидетельствуют исследователи архитектуры разных губерний. Однако применительно к строительству армянских церквей специфика их строительства раскрыта нами впервые.

В середине XIX в. в Нахичеванском округе были построены эклектичные церкви, в которых преобладали видимые черты классицизма в сочетании с элементами образцов К. Тона, из которых были выбраны наиболее нейтральные с точки зрения трансляции ими идей русского православия. Кроме того, в изученных церквях донских армян, помимо ориентации на образцы 1824 и 1838 гг., есть приемы и решения, возможно вызванные пожеланиями заказчиков, для которых в то время образцом были первые церкви, построенные в армянской колонии в конце XVIII в.

5.3. Архитектура жилых и общественных зданий Нахичевани-на-Дону в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ко времени основания Армянского округа у российских властей был накоплен опыт и выработана схема организации и обустройства колоний, что позволяло в достаточно короткие сроки начинать реализацию градостроительного плана Нахичевани-на-Дону с учетом предписаний о возведении каменных или деревянных построек в кварталах. Подобно другим

⁵⁷³ Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины...

переселенцам, армянам оказывалась помощь для скорейшего обустройства на новом месте. Выделились денежные дотации, дерево для строительства. В Нахичевань оно доставлялось по реке, а вот перевозить его в села было достаточно дорого. Поэтому наибольшее распространение деревянное строительство получило именно в городе, хотя каркасные деревянные конструкции с глиняным заполнением применялись как в городе, так и в селах.

Помимо дерева, наиболее популярными строительными материалами были глина и камень. Согласно воспоминаниям, в некоторых местах «хорошая, жирная глина находилась на глубине не более одного метра»⁵⁷⁴. О повсеместном использовании глины для строительства пишет С. Паллас, побывавший в Нахичевани в 1793 г. Он отмечает, что дома стоят на расстоянии друг от друга, деревянные дома обмазаны глиной⁵⁷⁵. Добычу ракушечника наладили достаточно быстро. Так, в селе Чалтырь было несколько каменоломен, располагавшихся на юго-западной и восточной окраинах⁵⁷⁶. Богатые залежи ракушечника были обнаружены и на правом берегу р. Темерник, где устроили каменоломни⁵⁷⁷.

Позже стали использовать кирпич. После открытия заводов по производству кирпича он становится одним из востребованных строительных материалов сначала в городе, а затем в сельской местности. Первоначально заводы располагались на северной окраине города и производили кирпичи российского стандарта⁵⁷⁸. Армянский магистрат считал это производство самым важным⁵⁷⁹.

С распространением кирпича начинают совмещать каменные конструкции из ракушечника и кирпичную кладку. Из камня возводили

⁵⁷⁴ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 2.

⁵⁷⁵ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в.... С. 56.

⁵⁷⁶ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 1.

⁵⁷⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 147.

⁵⁷⁸ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 148.

⁵⁷⁹ Миносян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии... С.89.

фундаменты и цоколи. На протяжении всего изучаемого периода использовался такой прием, при этом стены могли возводиться как из дерева, так и из кирпича. Также распространяется прием обкладки деревянного каркаса кирпичом.

Первые дома крыли камышом, а после открытия черепичных заводов — черепицей. Ее производство тоже наладили достаточно быстро и уже в первые годы XIX в. путешественники отмечают наличие черепичных крыш. О. Х. Халпахчян замечает, что черепицу изготовляли по крымскому образцу. Кровельная черепица «желобчатой греческой так называемой татарской формы» изготавливалась на заводах, число которых в первой половине XIX в. составляло не менее шести, а затем стало сокращаться, т. к. железные покрытия постепенно вытесняли черепицу. Она укладывалась по сплошной обрешетке на глиняном растворе, который еще выполнял и функцию утеплителя⁵⁸⁰. Продолжал широко использоваться и камыш. Его настилали на рейки или доски, прибиваемые к стропилам. Свесы кровель имели не менее 35–40 см, а камышовые крыши — не менее 50 см⁵⁸¹.

О том как именно строились первые дома нахичеванцев есть только отрывочные сведения. Интерес представляет дело «Дело о раздаче домов...»⁵⁸², датированное 1780 г., из фондов НАА. В нем содержатся своеобразные ведомости о выдаче домов в Нахичевани и селах. На армянском языке по каждому населенному пункту перечисляются имена жителей с указанием, что им «выдан дом» и с отметкой о том, что он принят. Причем в данном случае речь идет не о земельных участках, а именно о доме — «tun» (տնի). Известно, что казна выделила денежные средства на строительство домов и, возможно, оно велось при участии государства, что, с учетом организации поселений колонистов, представляется вполне вероятным. Так, например, исследователи пишут об услугах подрядчика ростовской крепости Михайло Наумова, возводившего типовые дома и

⁵⁸⁰ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 147.

⁵⁸¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 147.

⁵⁸² Дело о раздаче домов жителям Нахичевана и сел. НАА. Ф. 139. Оп.1. Д. 1476.

землянки для армян. В 1780 г. было построено 535 таких домов в Нахичевани, всего с 1780 по 1782 г. — 1726 городских и сельских домов и землянок⁵⁸³. Может быть, они и передавались переселенцам под роспись. В таком случае традиции жилищного строительства армян должны были мало учитываться.

Эти дешевые временные жилища при возможности заменялись новыми домами. С. Паллас записал: «Я видел некоторые первоначально построенные жалкие хижины, сколоченные наскоро... но большая часть жителей Нахичевана живут теперь в хорошеньких каменных домиках, крытых черепицею...»⁵⁸⁴.

О. Х. Халпахчян в архивных фондах обнаружил чертежи образцовых домов для Нахичевани, которые, видимо, согласно нормам того времени прилагались к плану города. Они были составлены «Комиссией строений Санкт-Петербурга и Москвы» и представляли собой небольшие деревянные и турлучные дома, рассчитанные на семью в 4–5 человек⁵⁸⁵. Отсутствие каменных домов среди этих чертежей объясняется тем, что таковые не предусматривались градостроительным планом Нахичевани.

Дома рубежа XVIII–XIX вв. практически не сохранились до наших дней. Составить представление о них можно по запискам современников, редким архивным чертежам и единичным, зачастую подвергшимся позднейшей и значительной перестройке сохранившимся домам. Очевидно, что переселенцы оставались носителями крымских строительных традиций, в первую очередь это должно было выражаться в их жилой архитектуре. Данное предположение подтверждает уже упоминавшийся академик Паллас, заметивший, что дома донских армян построены так же, как строят в Крыму. Другие путешественники, побывавшие на территории донской колонии на рубеже веков, писали, что дома построены «в армянском вкусе».

⁵⁸³ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 17.

⁵⁸⁴ Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в. ... С. 31.

⁵⁸⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 53.

Впечатление домов «в армянском вкусе», возможно, создавали черепичные крыши и галереи или веранды домов, и возможно возведение стен из необработанного ракушечника. Кроме того, образ Нахичевани как «армянского города» складывался благодаря по-восточному организованному базару, мельницам, построенным на крымский манер и, конечно, одежде и бытовому укладу горожан.

В фондах РГАВМФ сохранился чертеж дома нахичеванского армянина С. Г. Попова, сделанный в 1808 г.⁵⁸⁶ (рис. 101). На нем изображен одноэтажный дом, расположенный на участке г-образной формы. Оконные и дверные проемы имелись лишь на боковом продольном дворовом фасаде, другой продольный фасад дома глухой, вытянут по краю участка и, по-видимому, выходил в сторону соседнего двора. На красную линию вынесен узкий фасад с двумя окнами. Планировка комнат однорядная, они сгруппированы вокруг небольших прямоугольных в плане сеней. За жилыми комнатами располагались подсобные и хозяйственные помещения. О. Х. Халпахчян подчеркивает отсутствие дворового балкона или веранды⁵⁸⁷. Примечательно, что в первой половине XIX в. эти элементы, в том числе и как дополнения к образцовым проектам, встречаются в Нахичевани, и практически отсутствуют в других городах — соседних Ростове и Новочеркасске⁵⁸⁸, а также Мариуполе, проекты для которого составляли архитекторы Таганрогского строительного комитета.

Судя по выкопировкам из генерального плана города первые дома переселенцы строили либо в центре двора, либо у его внутриквартальной границы. Однако после выхода образцовых проектов 1808–1812 гг. и утверждения плана 1811 г. вынос домов на красную линию стал строго соблюдаться (рис. 102–105). О. Х. Халпахчян считает, что к первым вынесенным на красную линию может быть отнесен ряд домов из

⁵⁸⁶ План г. Нахичевани 1890 г. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп.25. Д. 237.

⁵⁸⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 53.

⁵⁸⁸ Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веко... С. 150.

корабельного леса, видимо строившихся по типовым проектам. Он отнес их к типу русского пятистенка или шестистенка: дом Кечеджиевых (21 линия, 7), угловой дом П. Г. Серебрякова (29 линия/ 2-я Соборная, 11/2)⁵⁸⁹.

Как и в других российских городах, в Нахичевани применялись образцовые проекты (рис. 102–105). До настоящего времени на улицах бывшего города сохранилось достаточно много зданий, построенных по образцовым проектам (табл. 10). Основная масса сохранившихся домов может быть датирована серединой XIX в., хотя есть и более ранние постройки. Жилые дома, в основе проекта которых лежат образцовые фасады, узнаются по объемно-пространственной композиции и декоративному оформлению. Первые по времени постройки — почти квадратные в плане одно-двухэтажные здания отличает незначительное количество декоративных элементов: межэтажная тяга, метрическое расположение световых осей, прорезающих гладкую плоскость оштукатуренных фасадов. Распространение получили двухэтажные дома с рустованным нижним этажом, прямоугольные оконные проемы которого украшают веерные замковые камни. Смотрятся они несколько приземисто, в том числе за счет значительных отвесов кровли.

Двухэтажных домов, построенных по образцовым проектам, сохранилось достаточно много: на ул.1-я Майская, 9; 23 линии, 8; пл. Свободы, 16 и т.д. Например, фасад жилого дома на ул. 1-я Майской, 9 решен достаточно лаконично и имеет весьма распространенное в городе оформление: нижний рустованный этаж с прямоугольными оконными проемами, украшенными замковыми камнями. Прямоугольные оконные проемы верхнего этажа большего размера, что подчеркивает парадное назначение помещений. Горизонтальные членения фасада определяют межэтажный пояс и венчающий карниз, продольный рисунок руста. Карниз украшают дентикулы.

⁵⁸⁹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...

До второй половины XIX в. городского архитектора в Нахичевани не было, проекты составлялись в Строительном комитете Таганрога, созданном в 1806 г. Обнаруженные в ГАРО (Ф. 581) проекты за подписью таганрогских архитекторов 1840-х — 1850-х гг., выполнены с использованием серии образцовых альбомов 1842 и 1843 гг., другие тетради встречаются достаточно редко.

Проекты 1840-х гг. отразили перемены эпохи эклектики⁵⁹⁰. В Нахичевани начинают возводить дома, фасады которых украшают рустованные углы, сандрики треугольной и лучковой формы, иногда чередующиеся с полуциркульными глухими люнетами. Подоконные пространства украшают филенки, все чаще с декором. Переход к использованию образцовых проектов 1840-х гг. не только не нарушил единства архитектурно-художественного облика города, но значительно обогатил его. Здания середины XIX в. смягчили строгие постройки первых десятилетий века, внесли в городскую застройку скромную нарядность и уют частной благоустроенности. Фасады домов окрашивали светлыми тонами желтого, серого или зеленого, которые гармонировали между собой.

Из проектов можно заключить, что плотность застройки участков в этот период была достаточно низкой. Встречаются чертежи, на которых к застройке предполагаются пустые участки. Одновременно запланированы в разных сочетаниях дом, флигель, кухня, амбар. Из чертежей, показывающих существующие на участке постройки, видно, что не все старые дома выходят

⁵⁹⁰ Дело об утверждении купеческому 3-й гильдии сыну Никите Тарасовичу Муратханову плана постройки двухэтажного дома во 2-й части Нахичевани в 12 квартале под № 131 (с приложением плана постройки). 1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 211; Дело об утверждении мещанину Матвею Шагинову плана постройки дома и флигеля во 2-й части г. Нахичевани в 58 квартале под № 20 и мещанину Акиму Черакчиеву (Черанчиеву) плана постройки дома и флигеля во 2-й части г. Нахичевани в 14 квартале под № 177 (с приложением плана постройки). 1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 218; Дело о разрешении нахичеванскому 3-й гильдии купцом Даниилу Очаковскому на построение кирпичного дома и флигелей на принадлежащем ему месте города Нахичевана. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 188; 35. Дело об утверждении мещанину Ованесу Маслову плана постройки дома во 2-й части г. Нахичевани в 48 квартале (с приложением плана постройки). 1853–1854 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 254.

на красную линию. Их местоположение различно: посередине участка или у его внутриквартальной границы. Все вновь проектируемые дома и флигели выносятся на красную линию. Они ставятся по углам участка, а между ними устраивали забор с воротами.

Основная масса зданий — одноэтажные на высоком цоколе или полутораэтажные кирпичные в пять окон дома и флигели в три окна.

Большинство домов имели скромный декор: треугольные или прямые сандрики, профилированные тяги, сухарики, подоконные филенки, а межоконные простенки оставались гладкими.

Несмотря на значительное количество вариантов образцовых фасадов с полуциркульными арочными оконными проемами, они применялись только на фасадах отдельно стоящих магазинов. В жилой архитектуре большее распространение получил тип фасада с прямоугольным оконным проемом и глухим люнетом над ним. Сегодня многие улицы имеют дома с таким оформлением (табл. 11). В некоторых случаях единственным украшением люнетов служит профилированный архивольт, а гладкая плоскость стены и нечетное количество окон подчинены классицистической симметрии. Иногда люнет заполнен лепным декором, на некоторых фасадах применяется принцип чередования люнетов разных размеров, что оживляет их композицию. Здесь уже можно наблюдать нарастающее обилие декора в виде подоконных филенок, слабо выступающих пилястр. У многих таких домов нет точной датировки, но можно предположить, что подобные здания строились и перестраивались нахичеванцами на протяжении десятилетий.

Полуколонны или выступающие пилястры, в значительном количестве предлагавшиеся образцами, большой востребованности в архитектурно-строительной практике этих лет не имели. Они получают распространение несколько позже, после того как дома будут возводиться по индивидуальным проектам. В 1850-е гг. можно видеть некоторые примеры таких фасадов: кирпичный в полтора этажа дом нахичеванского мещанина Тимофея

Асмиева⁵⁹¹ (1852), кирпичный дом нахичеванского купца Михаила Драбезонца⁵⁹² (1851).

Фасад дома Драбезонцева был составлен согласно Собранию 1840 г., 6 тетради, № 10, что является достаточно редким выбором для Таганрогского строительного комитета, архитекторы которого в 1850-е гг. почти не использовали образцы 1840 и 1841 г. Это одноэтажный квадратный в плане дом, одним фасадом выходящий на красную линию. По центру этого фасада расположены сдвоенные прямоугольные окна, акцентированные полуколоннами тосканского ордера и антаблементом. Фасад представляет собой значительное изменение образцового чертежа, на котором представлено трехэтажное здание с подобными сдвоенными окнами на втором этаже и дверным проемом, который оформлен схожим с нахичеванскими окнами образом. Так, мы видим значительные изменения, которые постоянно вносились в образцы местными архитекторами.

Как и в других городах, особое внимание в Нахичевани уделялось зданиям, закреплявшим угол квартала. К ним, например, относится проект за подписью архитектора М. Муратова «на построение кирпичного двухэтажного дома... купеческим сыном Никитою Муратхановым...»⁵⁹³. Это угловое двухэтажное здание предполагалось построить в одном из центральных кварталов города. Одним фасадом оно было ориентировано на Соборную площадь, а второй выходил на второстепенную улицу. Судя по планировке, первый этаж отводился под торговую функцию, а второй предназначался для проживания. В связи с этим на каждом из фасадов, выходившим на улицы, было устроено по два входа и имелся еще один

⁵⁹¹ 39. Дело об утверждении купцу Тимофею Григорьевичу Асмаеву плана постройки полутораэтажного дома в 1-й части г. Нахичевани в 27 квартале под № 137 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 235. Л. 3

⁵⁹² 38. Дело об утверждении купцу 3-й гильдии Михайло Мануиловичу Трапезонцову плана постройки дома в 1-й части г. Нахичевани в 68 квартале под № 10 (с приложением плана постройки). 1851–1852 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 214. Л. 3

⁵⁹³ 38. Дело об утверждении купцу 3-й гильдии Михайло Мануиловичу Трапезонцову плана постройки дома в 1-й части г. Нахичевани в 68 квартале под № 10 (с приложением плана постройки). 1851–1852 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 214. Л. 4.

угловой. Угол дома, выходящий на перекресток улиц, был закругленным в плане и на первом этаже его оформляли широкие ступени, а на втором этаже по оси дверного проема располагалось окно. Окна второго этажа украшали лучковые сандрики. Вход со двора вел к лестнице на второй этаж. Планировка второго жилого этажа компактная, с элементами анфилады, оконные проемы парадных помещений ориентированы в пространство улиц. Одна стена почти глухая, всего с двумя оконными проемами, т. к. она примыкала к кирпичным лавкам, построенным ранее.

Срезанный или закругленный угол здания подчеркивали различными архитектурно-художественными средствами. Одним из наиболее часто воспроизводимых — устройство балкона и входного узла на этом углу. Например, здания, расположенные на пересечении улицы Мясникова с улицами 5 линия, 7 линия и др.

На центральных и близлежащих к ним улицах угловые дома могли иметь достаточно большую протяженность и значительное количество окон на фасадах, как, например, жилой дом на пересечении ул. 1-й Майской и 14-й линии 23/9. Расположенные друг против друга дома на пересечении Советской улицы / 11-й линии и Советской улицы / 12-й линии построены по схожим проектам. Эти угловые здания возведены на высоком цоколе, имеют примерно равную протяженность фасадов по обеим улицам. Противоположные углы на пересечении тех же улиц закрепили полутораэтажные дома, тоже построенные по образцу. Фасады всех четырех жилых домов решены лаконично и единообразно.

Наиболее распространенными в Нахичевани были здания с совмещением торговой и жилой функций, но были постройки исключительно торговые, располагавшиеся в центральных кварталах с преобладающей торговой функцией. К таким, например, относится здание кирпичной лавки нахичеванского 3-й гильдии купца Семена Шматова в квартале, выходящим

на торговую площадь⁵⁹⁴ (рис. 116). Это одноэтажное здание, на парадном фасаде которого были два боковых дверных проема и окно в центре. Простенки между ними оформлены коринфскими колоннами во всю высоту фасада. Здание примыкало к уже имевшимся постройкам, что определило его конфигурацию в плане — узкий прямоугольник, вытянутый в глубину участка. Каждая из двух дверей вела в торговый зал, за которыми находились еще две небольшие комнаты.

Не реже, чем торговые лавки, на личных участках встречаются кирпичные или деревянные небольшие амбары. Они могли выходить на красную линию или располагаться в глубине участка. Архитектурно-художественное решение их фасадов строилось на тех же принципах, что и жилых зданий, а вход часто устраивался с улицы.

Хотя в 1858 г. обязательное строительство по «образцам» было отменено, чертежи 1840-х — 1850-х гг. продолжали использовать на протяжении почти всего XIX в.

Помимо уже описанных выше, популярность получили одноэтажные и двухэтажные дома декором которых были, в одном случае, прямой сандрик на кронштейнах, а во втором — наличник простого профиля с ушками, хотя сохранились и совсем простые дома (табл. 12, табл. 13, рис. 106–111).

Планировки жилых и хозяйственных построек, не регулировавшиеся образцовыми чертежами, разрабатывались архитекторами комитета. Она типична. С некоторыми незначительными вариациями представляла собой следующее: прямоугольный, близкий к квадрату в плане дом делится продольной и поперечной стенами на четыре помещения, сообщающиеся между собой. Вход в дом осуществлялся через сени и устраивался со двора. В Нахичевани почти обязательным элементом является определенный тип сеней — устраивавшиеся во всю длину дворового фасада, хотя в некоторых случаях можно наблюдать и общую для городов, отнесенных к

⁵⁹⁴ Дело об утверждении купцу Церону Шматову плана постройки лавки во 2-й части г. Нахичевани в 13 квартале под № 135 (с приложением плана постройки). 1851–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 219. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.

Таганрогскому строительному комитету, схему — группировку всех помещений вокруг небольших прямоугольных в плане сеней. Но в последующем к таким домам делалась пристройка удлиненных сеней или открытой веранды, через которую осуществлялся вход в дом. Примерно с середины XIX в. деревянную веранду начинают переделывать во внутреннее помещение, закладывая кирпичом, а для входа в дом пристраивают малую прихожую со ступеньками. Если веранда устраивалась с бокового фасада, и ее торец выходил на красную линию, то в нем устраивали боковой вход. Однако для домов, построенных в первой половине XIX в., характерно устройство входа со двора.

Интересен дом на 28 линии, 6. Построенное в середине XIX в. двухэтажное здание⁵⁹⁵ с четным количеством окон на уличном фасаде выходило на красную линию. Вход в дом осуществлялся со двора. На первый этаж можно было попасть через сени, из которых шла лестница на второй этаж и выходила на открытый балкон, через который осуществлялся вход на второй этаж. Этот балкон был оформлен аркадой на сдвоенных колоннах.

В некоторых проектах этого периода видим усложнение планировочной структуры и увеличение площади дома за счет развития его объема в глубину участка: дома нахичеванского мещанина Ованеса Маслова⁵⁹⁶, нахичеванского 3-й гильдии купца Федора Салтыкова⁵⁹⁷. Кирпичный дом (1850) Федора Салтыкова, планировавшийся к постройке в квартале недалеко от центральной площади, имел сложный план. От основного квадратного в своей основе объема дома, главный фасад которого выходил на красную линию, в глубину двора уходил вытянутый прямоугольник крыла. Между основным объемом и крылом располагались сени, которые служили входом в дом и соединяли его с крылом, имевшим,

⁵⁹⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 71.

⁵⁹⁶ Дело об утверждении мещанину Ованесу Маслову плана постройки дома во 2-й части г. Нахичевани в 48 квартале (с приложением плана постройки). 1853–1854 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 254. Л. 4.

⁵⁹⁷ Дело об утверждении купцу Федору Салтыкову плана постройки дома во 2-й половине Нахичевани во 2-м квартале под № 3. 1850–1851 г. ГАРО. Ф. 851. Оп. 1. Д. 189. Л. 3

кроме того, отдельный вход. Скорее всего это крыло также имело жилую функцию, поскольку было отапливаемым.

Со временем становится больше анфиладных планировок, часто совмещавшихся с традиционной и с другими типами (ячейковой, коридорной и т.д.). Дом на 23 линии, 18 построенный по образцовому проекту устроен на высоком цоколе. Уличный фасад с пятью метрично расположенными окнами и скромным классицистическим декором выходит на красную линию. Вход в дом устроен со двора. Комнаты сгруппированы вокруг прихожей, выходившей на открытую веранду. По предположению О. Х. Халпахчьяна в этом доме впервые была применена анфиладная планировка⁵⁹⁸.

Анфилады создавались при перестройках домов, особенно распространенных во второй половине XIX в., поскольку в этот период отмечается стремление горожан увеличить жилую площадь. Например, деревянный жилой дом на каменном фундаменте, расположенный ныне на 33-й линии, 10, при перестройке был обложен кирпичом. Первоначальная его планировка была традиционной: прихожая и две комнаты. Затем площадь дома была расширена за счет пристройки к нему дополнительного объема. Так сформировалась анфилада, сохранившаяся до наших дней.

В первой половине XIX в. вход устраивался со двора, на улицу выходили фасады с оконными проемами. Появление домов с уличным входным узлом можно отнести ко второй половине XIX в. В небольших домах до 5 окон на уличном фасаде устройство входа в центре здания распространения не получило, хотя такие дома строились, например, дом М. Чибухчиева, построенный во второй половине XIX в. (ул. 1-я Майская, 47).

Наибольшую популярность приобретает боковой входной узел, являвшейся также художественным акцентом и демонстрировавшим отказ от симметрии. Иногда под дверной проем переделывали крайнее окно или устраивали боковую пристройку с входом, а к концу XIX в. наметились обратная тенденция — вход с улицы закрывали, переделывая под окно.

⁵⁹⁸ Халпахчьян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 99.

Дом О. А. Бабукова является типичным примером городских домов середины XIX в. Он возведен из кирпича на каменном основании (ракушечник), имел крытую черепицей крышу. Согласно проектным чертежам, опубликованным О.Х. Халпахчыном⁵⁹⁹, парадный вход должен был выходить на 2-ую Софиевскую улицу. Но либо он был впоследствии заложен, либо в процессе строительства заказчик отказался от двери, выходившей непосредственно на улицу. На северном фасаде позже была пристроена открытая деревянная веранда, что также отражает тенденции в архитектуре Нахичевани.

Дом Е. Титровой на 1-й Георгиевской улице, 4 построен в середине XIX в. по образцовому проекту с пятью окнами основного этажа на главном фасаде и таким же количеством маленьких окон цокольного этажа. Главный вход устроен через двор с бокового фасада и осуществлялся через пристроенные сени. Примером дома с двумя входами — уличным и дворовым может служить постройка середины XIX в. — дом Халпахчиева (22-я линия, 20)⁶⁰⁰ (табл. 12). Все помещения дома группировались вокруг общей комнаты. В начале XX в. дом был значительно расширен и дополнен балконом, выходившем на улицу. Аналогичный балкон, выходящий на улицу, был устроен и в кирпичном доме Балабановых (2-я Соборная улица, 9 (табл. 12). О.Х. Халпахчян пишет, что дом был построен около 1854 г. Композиция уличного фасада та же, что и в доме на 22-й линии, 20. Пять окон выходят на улицу, вход расположен сбоку и осуществляется через длинные сени, через которые можно также попасть в дом со двора.

Ко второй половине XIX в. наблюдается нарастание декоративных элементов на фасадах, эволюцию планировочных схем домов, а главное — изменившееся отношение к внутреннему и внешнему пространству.

Темпы жилищного строительства в Нахичевани были высоки и опережали таковые в соседних городах. Согласно данным, приведенным

⁵⁹⁹ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 99.

⁶⁰⁰ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... См. фото и генплан дворового участка.

И. В. Поцешковской, к 1825 г. по объему жилого фонда Нахичевань опережала Новочеркасск, Таганрог и Ростов. Доля каменных строений в городе составляла примерно 13%, а в соседнем Ростове всего 3%. Вместе с тем, к середине XIX в. соотношение между каменными и другими видами домов не изменилось⁶⁰¹. Основная масса каменных строений сосредоточилась в центральной части города — в кварталах, граничивших с улицей Соборной и центральной площадью. От периферии города к центру наблюдалось возрастание этажности и художественной выразительности застройки. Сегодня можно наблюдать сохранившиеся фрагменты застройки этого периода на улицах Сарьяна, 1-й Майской, Мясникова и др. (рис. 106–107).

Общественные здания. Согласно экспликации первого плана Нахичевани 1781 г. на центральной площади уже возвели каменный, покрытый черепицей гостиный двор, в котором были торговые лавки. Рядом находились и временные деревянные торговые лавки. Все магазины, хлебни, фабрики показаны на берегу р. Дон. Сегодня мы ничего не знаем об их архитектурном облике.

Были в Нахичевани и учебные заведения, которые функционировали при церквях. На плане 1811 г. отмечены небольшие постройки на территории некоторых храмов. Согласно свидетельству Е. Шахазиза в них велось обучение детей. О строительстве школьных зданий этого периода сведений не сохранилось, однако известно, что они имелись при соборе, церкви Сурб Аствацацин. При монастыре Сурб Хач в 1791 г. было открыто учебное заведение для подготовки лиц духовного звания. Школы, открываемые магистратом, в этот период своих зданий не имели и располагались в частных домах.

Сохранилось до наших дней каменное здание магистрата. Академик Палас, посетивший окрестности крепости св. Дмитрия Ростовского в 1793 г.,

⁶⁰¹ Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков... С. 106.

отметил, что нахичеванцы: «построили на собственный счет городскую думу с красивою квадратною площадью перед ней...»⁶⁰². К сожалению, он не уточнил из какого материала построена дума, не описал ее внешний вид.

О. Х. Халпахчян считает, что здание построено в конце XVIII в., некоторые исследователи называют более точную дату строительства — начало 1790-х гг.⁶⁰³, что соответствует заметке Паласа. В охранных документах здание значится как выявленный объект культурного наследия начала XIX в.⁶⁰⁴.

Сохранившееся до наших дней с изменениями здание Магистрата, было построено на южной стороне центральной городской площади (пл. Свободы, 12) (рис. 112–115). Двухэтажное прямоугольное в плане здание решено в формах классицизма. На каждом этаже имелось несколько комнат, сгруппированных вокруг большого помещения с примыкающей к нему деревянной лестницей. Значение главного северного фасада здания, выходившего на площадь, подчеркивал четырехколонный портик с фронтоном (не сохранился) и примыкающая к нему галерея с ограждениями, украшенными балясинами. В 1930-е гг. этот элемент северного фасада был утрачен. Так же украшением фасада служили рустованный нижний ярус и метрично расположенные оси прямоугольных световых проемов. Окна первого этажа украшены веерным замковым камнем. Первый этаж южного фасада здания оформляли арочные оконные проемы, второй — лоджия.

О. Х. Халпахчян высказал мнение, что «облик магистрата Нахичевани был выполнен по аналогии с армянской ратушей в Каменец-Подольском, жители которого имели давние торговые связи с новонахичеванскими

⁶⁰² Краснянский М.Б. Заметки академика Паласа 1793 года о Ростове на Дону и его окрестностях ... С. 204.

⁶⁰³ Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь. Ростов-на-Дону... С. 34.

⁶⁰⁴ Перечень выявленных объектов культурного наследия г. Ростова-на-Дону (памятников истории, архитектуры, монументального искусства) [по состоянию на 12 июля 2018 г.] // Официальный портал Правительства РО. Режим доступа: <http://www.donland.ru/?pageid=78772>

купцами»⁶⁰⁵. Однако архитектурно-художественное решение фасада и объемная композиция здания роднили его со многими провинциальными административным сооружениям российских городов конца XVIII в. — начала XIX в.

Начиная с последней четверти XVIII в. уездные присутственные места строятся по образцовым или типовым проектам⁶⁰⁶. Им отводилась значительная роль в организации центрального городского пространства. Они составляли ансамбли новых городов, составляя композицию с собором и другими постройками площадей.

Вполне обоснованным представляется мнение В. Волошиновой о том, что задние Армянского магистрата возведено по образцовому проекту, несколько измененному в ходе строительства⁶⁰⁷. В Таганроге Мещанская управа на Александровской улице (проект первой трети XIX в.) построена по несколько изменённому образцовому проекту из второй тетради 1809 г.⁶⁰⁸. Планировка нахичеванского магистрата соответствовала требованиям, предъявляемым к таким зданиям⁶⁰⁹. Об этом свидетельствует наличие центральной комнаты, отводившейся для присутствия, комнат для канцелярии и помещений для посетителей.

После выхода Городового положения 1870 г. магистраты были упразднены и созданы законодательные органы — городские думы и исполнительные органы — городские управы. Для них в Нахичевани-на-Дону построили отдельные здания на пересечении ул. 2-й Соборной и пл. Полицейской (Толстого). Помещение магистрата, выкупленное купцами Гайрабетовыми, превратилось в подворье для извозчиков⁶¹⁰.

⁶⁰⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 45.

⁶⁰⁶ Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII в. в провинциальных городах России...

⁶⁰⁷ Волошинова Л. Ф. Бульварная площадь... С. 34.

⁶⁰⁸ Григорян М. Е. Архитектура Таганрога XIX — начала XX вв.: этапы стилиевой эволюции и специфические особенности жилой застройки города... Приложения, с. 37.

⁶⁰⁹ Подробно о нормах планировки присутственных мест см. Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII в. в провинциальных городах России... С. 66–70.

⁶¹⁰ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 121.

В архивных материалах сохранились примеры проектов кирпичных лавок, возводившихся преимущественно рядом с центральными площадями (рис. 116).

5.3. Жилые и общественные постройки в армянских селах Нижнего Дона

Сельское жилище донских армян сохраняло традиции крымского строительства на протяжении более длительного периода, чем городское. Эти традиции сложились из взаимодействия разных культур, впитав влияние местных народов. Зачастую трудно установить первоисточник развивавшихся на территории полуострова форм, но многие из них походили на устоявшиеся на территории Армении и воспроизводились донскими армянами.

На сельскую архитектуру донских армян на протяжении всего изучаемого периода влияли следующие факторы: крымские традиции, носителями которых сельчане оставались продолжительное время; направления русской архитектуры; социально-экономические условия развития сел.

Можно выделить следующие периоды истории сельского жилища донских армян: 1) конец XVIII в. – середина XIX в.; 2) вторая половина XIX – начало XX в.

В эпоху Средневековья и в начале Нового времени армяне жили большими азговыми группами, в которых существовала определенная хозяйственная специализация и в том числе выделялись члены, специализировавшиеся на строительстве. После переселения на территорию Нижнего Дона в 1779 г. армяне еще какое-то время продолжали сохранять азговую организацию и все традиции предшествующего периода. При строительстве домов на новом месте они применяли навыки и приемы, приобретенные или сохранившиеся на крымской земле.

Основными строительными материалами, которые использовали в селах, были местный камень-ракушечник, глина и песок. Неподалеку от своих новых сел они устроили каменоломни, откуда доставляли ракушечник и песок. Так же песок привозили с берега р. Дон. Екатерина II Указом 1779 г. повелела выделять армянам-переселенцам бесплатно дерево для строительства домов, но его в сельском жилище применяли крайне мало. Доски доставляли в г. Нахичевань, а оттуда перевозили в села, стоила такая доставка дорого.

Академик Палас, побывавший в армянских селах в 1790-е гг., заметил, что большая часть домов построена из камня⁶¹¹. Были и деревянные (турлучные дома), и саманные дома⁶¹². Ко второй половине XIX в. к ним добавились дома из кирпича, производство которого наладили армяне.

Первоначально дома возводили без фундамента. На предварительно выравненную площадку ставили толстые стены из ракушечника, который скрепляли раствором глины с песком. Двускатные крыши крыли камышом по обрешетке, а расстояние между стропилами забивали досками⁶¹³. Под крышей устраивали чердак.

Позже стали применять ленточный фундамент, глубина которого зависела от этажности дома и наличия подвала. Цоколь дома был несколько уже фундамента и возводился с отступлением от его краев. В двухэтажных домах, появившихся в селах к началу XX в., толщина стен первого этажа доходила до 1 м, второго – 0,5 м. Кирпичные стены выкладывались в четыре ряда или в два ряда из кирпича, уложенного в длину. Стены каменных домов штукатурились и белились с двух сторон, а кирпичных — только с внутренней стороны⁶¹⁴.

⁶¹¹ Краснянский, М. Б. Заметки академика Палласа 1793 года о Ростове-на-Дону и его окрестностях... С. 36.

⁶¹² Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ...

⁶¹³ История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна. Рукопись в Историко-этнографическом музее Мясниковского района.

⁶¹⁴ История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна.

Турлучные дома делались по технологии каменной забутовки, широко применяемой на территории Армении и в Крыму. Пространство между внутренним и внешним деревянным каркасами заполняли глиняным раствором, затем стены штукатурили с двух сторон и покрывали известковым раствором. Из саманного кирпича (сырца или обожжённого) строили, как правило, хозяйственные постройки. Стены штукатурили «дзепом» (смесь глины и соломы) и белили.

Перекрытия помещений производили по деревянным балкам, потолок делали дощатым, штукатурили дзепом и белили. К середине XIX в. в армянской колонии было налажено производство черепицы, и зажиточные селяне стали использовать ее вместо камыша для покрытия крыш.

С распространением железа и железных конструкций их начинают все больше использовать для строительства общественных зданий, культовых сооружений, а затем и жилых построек: железные балки, лестницы, балконы, козырьки, оконные решетки и т. д. С середины XIX в. черная жечь используется в селах, но большого распространения не получает, т. к. была дорогостоящим материалом. Такие крыши красили в зеленый цвет⁶¹⁵. Глину и известь — привычные связующие растворы, с конца XIX в. стал вытеснять цемент.

В течение длительного времени оконные проемы делали маленькими (приблизительно 60 x 45 см). Уличный фасад был либо совсем лишен окон, либо мог иметь одно-два маленьких окошка. Входной проем располагался на дворовом фасаде. Фасады домов не имели архитектурно-декоративного убранства. Некоторые его элементы появились с распространением кирпичных домов: поребрик, сухарики и обрамление оконных и дверных проемов прямоугольными тягами. К началу XX в. распространились резные оконные наличники и ставни, на фасадах стали появляться элементы декора, в том числе угловые пилоны, филенки. Но в целом сельские дома, имели мало декоративных элементов (рис. 117–118).

⁶¹⁵ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 9.

Первоначально дома состояли из двух комнат — большой и маленькой. Академик Палас записал, что дома «построены по тому же образцу, как строят в Крыму, а именно: прихожая с очагом, затем две, очень чистенькие комнаты с низенькою лежанкою»⁶¹⁶. План такого дома приводит в своей монографии О.Х. Халпахчян⁶¹⁷ (рис. 119). Построенный в начале XIX в. дом, к моменту обмеров, произведённых исследователем, претерпел некоторые изменения, но все же сохранилась его первоначальная основа из двух комнат и кухни, которую Палас называл прихожей. Эта кухня в армянских селах называлась «ашхана»⁶¹⁸, так же как ее называли крымские татары «аш хана»⁶¹⁹. Стена между двумя комнатами могла быть дощатой перегородкой. В случае прихода в дом большого количества гостей ее поднимали и крепили к специальным кольцам, вбитым в потолок⁶²⁰.

Со временем количество комнат увеличивается и обязательных помещений, имевшихся во всех домах без исключения, становится четыре: зал, маленькая комната, кухня и прихожая (рис. 120–121). Такой тип дома развился на основе пятистенка. Сохранившееся описание дома О. К. Гилагосяна (село Крым), построенного в 1856 г. позволяет нам составить представление о подобном типе жилища⁶²¹. Дом состоял из четырех помещений: двух комнат, кухни (4х5 м) и прихожей (3х4 м), через которую можно было попасть как в комнаты, так и на чердак, либо в подвал.

Размеры помещений, как и самого дома, зависели от достатка хозяев и их социального положения. Первоначально дома имели небольшие размеры. Так, площадь большой комнаты могла достигать до 28–30 м², маленькой — до 13–14 м².

⁶¹⁶ Цит. по: Краснянский, М.Б. Заметки академика Палласа 1793 года о Ростове-на-Дону и его окрестностях... С. 32.

⁶¹⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 67.

⁶¹⁸ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 9.

⁶¹⁹ Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 33.

⁶²⁰ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С.12.

⁶²¹ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С.12.

Планировочная структура дома усложняется. Появляются деревянная веранда и коридор, выходящий к этой деревянной полуоткрытой веранде. Затем деревянную веранду начинают переделывать во внутреннее помещение, закладывая, как правило, кирпичом, а для входа в дом пристраивают малую прихожую со ступеньками (рис. 122–125).

К концу изучаемого периода структура плана жилища еще больше усложняется. Для того чтобы получить дополнительную жилую площадь кухню переносят в бывшую веранду, а к малой прихожей пристраивают небольшую веранду. Часто эти веранды были деревянными, хотя сам дом мог быть построен из камня или кирпича. Они богато декорировались резьбой. Такие дома еще недавно сохранялись в большом количестве на территории армянских сел Дона. Ярким отличием их внешнего облика является сочетание основного объема дома с двускатной или четырехскатной крышей и дополнительного вытянутого вдоль бокового фасада прямоугольного объема-пристройки с плоской или пологой крышей. Подобные пристроенные сени распространены и во многих районах Крыма, причем в XIX в. они возводились зачастую из более дешевого строительного материала, чем сам дом.

В армянских селах также строили дома с совмещением жилой и хозяйственной зоны. Первоначально это были однокомнатные жилища с сенями и помещением для скота, которое являлось продолжением жилой части удлиненного дома и находилось под одной с ней крышей. Такой тип был распространен у многих народов Кавказа, малороссиян Восточного Приазовья, крымских татар и др. В степном районе Крыма, например, такой хлев строился без одной стены и был открыт в сторону двора⁶²². Наиболее близкие формы подобного жилища, утвердившегося в донских селах, мы находим в немецких колониях и у украинских крестьян Приазовья. Все постройки там располагались под одной крышей и типологическая близость

⁶²² Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... С. 29.

этих армянских и немецких жилищ, может свидетельствовать о культурном обмене между различными этническими группами Российской империи, хотя вполне вероятны и разные источники развития этого типа жилища.

У донских армян это жилище представляло собой прямоугольное в плане здание, в основе которого лежал тип пятистенка с поперечной пятой стеной. Дом, значительно вытянутый в длину, делился на две примерно одинаковые части — жилую и хозяйственную. Жилая половина состояла из четырех обязательных помещений, а хозяйственная членилась дощатой перегородкой на несколько частей: помещения для коров, лошадей, курятник и др. подсобные помещения. В хозяйственную часть вел дверной проем, устроенный в стене кухни⁶²³. С усложнением планировки жилища и появлением дополнительных помещений вход в сарай стали прокладывать из коридора. Такой тип дома получил распространение уже на рубеже XIX–XX вв.

Значительное место как в объемно-пространственной композиции дома, так и в хозяйственной жизни донских армян занимали подвал и чердак. В них вели деревянные лестницы, располагавшиеся в прихожей. Подвалы получили распространение в более позднее время и обычно располагались под всем домом. Освещался подвал небольшими окошками (около 20x30 см), расположенными чуть выше уровня земли и закрывавшимися деревянными заслонками. Зачастую такие дома с подвалами представляли собой фактически полуторэтажные здания.

Отапливались дома печью, которую донские армяне называют пур (рис. 126–128). По аналогии с Крымом эти печи строили во дворе или в отличие от крымской традиции располагали прямо в доме. Тогда печь для выпечки хлеба получала эту новую функцию. Ее выкладывали из камня или кирпича и обмазывали глиной. Это была достаточно большая куполообразная печь. Лицевая ее сторона выходила в кухню (ишхана), а сама она располагалась в маленькой комнате (покр дун). Раз в несколько дней в

⁶²³ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 12.

ней пекли хлеб, стенки печи прогревались и дом сохранял тепло до следующей выпечки хлеба. Также при ней устраивали очаг, на котором готовили остальную пищу.

Такая печь отличалась от традиционной армянской, называемой тонир, и, как правило, углублявшейся в пол в центре специального помещения. В данном случае мы видим традицию устройства очага, принесенную из Крыма.

К началу XX в. социально-экономические условия жизни в российской провинции менялись, чему способствовало становление индустриального общества и повышение уровня жизни. Изменения приводили к увеличению потребностей сельчан, разложению большой патриархальной семьи и выделению малой, обзаводившейся собственным домом, а в целом на архитектуру сельских домов все большее влияние оказывала городская мода.

Внутренне убранство домов донских армян было достаточно скромным. Окна и потолок вплоть до начала XX в. не красили, пол был глиняный, глиняные стены белили. В большинстве домов мебели было мало. Распространение получили сундуки с плоской крышкой или, как называли их армяне, хамере⁶²⁴. Эти сундуки, приблизительные размеры которых 50x60x130 см, ставили вплотную друг к другу и получалась лежанка, на которой в случае отсутствия кровати спал глава семьи. Остальные члены семьи спали на полу. Так же из мебели были стол, стулья, к концу XIX в. появляются комоды и некоторые другие предметы.

Помимо дома, на усадебном участке донских армян находились летняя кухня, помещение для скотины и курятник, навес для хранения различного сельскохозяйственного инвентаря, гумно, зернохранилище (уру).

Все постройки располагались в произвольном порядке, как правило, по периметру территории усадьбы и их место определялось расположением дома. В конце XVIII – начале XIX вв. дома строили в глубине двора. Со

⁶²⁴ История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна... С. 2.

временем их стали ставить по красной линии или с небольшим отступом от нее, устраивая цветники перед домом (рис. 129).

Летняя кухня обычно имела небольшие размеры, строилась она из тех же материалов, что и сам дом. Ее располагали напротив дома, лицевой стороной к нему. Пространство кухни делилось на два помещения. Одна комната предназначалась для приготовления пищи, туда выходила печь-пур и находился очаг. Во второй комнате стояла мебель и стол. Подвала в кухне, как правило, не устраивали и поэтому фундамент для нее делали неглубокий. А вот чердак являлся обязательным элементом. В кухне вся семья обитала в летнее время. После женитьбы сына его семья могла жить в кухне до того момента, пока не обзаведется собственным домом.

За кухней в большинстве случаев располагали помещение для скота — «аран». Его строили, как правило, из саманного кирпича, покрывали камышом. Фасады арана имели 2–3 оконных проема и два дверных. Один предназначался для хозяев, другой, закрывавшийся двустворчатой дверью, — для скота. Здесь же могло быть отделение для кур, а иногда курятник строили отдельно. Он представлял собой небольшое сооружение, возводившееся без фундамента из дешевых материалов. Поскольку многие сельчане разводили овец, то еще одним часто встречающимся сооружением являлась овчарня. Она строилась из саманного кирпича, либо в виде мазанки (каркас из камыша, обмазанный с двух сторон глиной)⁶²⁵.

Навес (харха) для хранения орудий и телег (арба) представлял собой сооружение из трех каменных или саманных стен, крытое камышом. Его размеры значительно варьировались в разных усадьбах (от 4х5 м до 2х3 м) и зависели от количества инвентаря и количества арб в хозяйстве.

Зажиточные хозяева зерно хранили в деревянных амбарах, высотой до 4 м. Их приподнимали на полметра от земли с помощью каменных столбов, стены выкладывали из толстых бревен, крыли черепицей или жостью. Пол и перегородки между ячейками делали из досок. В среднем амбар состоял из 6

⁶²⁵ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 18.

ячеек высотой около 2 м. Каждая такая ячейка могла вмещать до 80 мешков зерна⁶²⁶. Зерно засыпали сверху, а забирали из дверцы, устроенной внизу амбара, так же в амбаре устраивали дверь, через которую можно было попасть внутрь.

Малоимущие селяне хранили зерно в яме — уру, глубина которой доходила до 4 м, а диаметр дна — до 2,5 м. В яме жгли солому, после просыхания земли обмазывали глиной и обкладывали соломой. Уру располагали как в сарае, так и под открытым небом, насыпая сверху зерна солому и обмазывая отверстие ямы глиной. Еще одним обязательным элементом усадьбы являлся «гал» — глиняная площадка (диаметр 5–7 м), предназначенная для молотьбы.

Современная застройка сел в значительной степени утратила свой первоначальный облик (рис. 130–133).

Различные общественные учреждения села, как правило, располагались в обычных домах. После строительства сельских каменных церквей в 1850-е – 1860-е гг. стали открываться церковно-приходские школы (рис. 134–135). В 1867 г. школа для мальчиков появилась в селе Чалтырь. В 1895 г. здесь была открыта школа для девочек. Мужские церковно-приходские школы были основаны в 1860-е гг. во всех армянских селах, женские появились позже – на рубеже XIX–XX вв.⁶²⁷. Специальные здания для школ стали строить позже, самые ранние из них были построены из известняка. Потом из него стали делать фундамент, а стены возводить кирпичные. Такие школы возводились по типовому проекту: в селе Крым в 1904 г. специальное здание построили для женской школы, имевшее 6 помещений; в 1910 г. была сооружена мужская школа. Подобное строительство велось и в других армянских селах на рубеже веков.

Сохранившая постройка в селе Султан Салы, расположенная к северу-западу от церкви, может служить примером типа зданий со смешанной

⁶²⁶ Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. ... С. 19.

⁶²⁷ Малхасян А. История сел донских армян... С. 9.

функцией. О. Х. Халпахчян считает, что это было здание школы, а местные жители уверяют, что в здании проживали служители церкви. Возможно, что здесь совмещались жилая, образовательная и торговая функции, т. к. в здании еще работала церковная лавка.

Здание, построено во второй половине XIX в. и судя по кирпичной кладке одновременно с возведением храма или вскоре после него. Одноэтажное прямоугольное в плане здание коридорного типа имеет довольно богатое архитектурно-декоративное убранство. Арочный входной проем с двухстворчатой дверью подчеркнут ризалитом. Большие оконные проемы расположены на всех фасадах и украшены наличниками в виде пилястр. Верхнюю часть фасада украшает фриз с филенками и незначительно выступающий карниз.

ВЫВОДЫ

- Выделены два этапа строительства храмов в конце XVIII — середине XIX в. Первый — классицизм — относится ко времени основания колонии и продолжается до первых десятилетий XIX в. Церкви второго этапа — середины XIX в. — возводились под влиянием эклектики и образцовых проектов 1824 и 1838 г. При перестройке и строительстве новых храмов в середине XIX в. сохраняли классицистические формы. Только в одной сельской церкви Сурб Геворк обратились к русско-византийскому или тоновскому «стилю».

- Традиции армянской храмовой архитектуры на этом этапе проявились в виде хачкаров, вставленных в стены церквей. Они были привезены переселенцами из Крыма. На Дону хачкары не изготавливались.

- Нахичевань-на-Дону формировался в эпоху классицизма, что во многом определило его архитектурный облик и в последующие десятилетия. Дома в первой половине — середине XIX в. строятся по образцовым проектам и ставятся по красной линии. Выявлены несколько типов

образцовых фасадов, получивших преимущественное распространение в городе.

- Специфика жилища заключалась в устройстве открытых или закрытых веранд или сеней, устраивавшихся вдоль дворового фасада. Через них осуществлялся вход в дом.

- Выделены типы сельских домов, сложившиеся под влиянием крымской традиции и культуры соседних народов. Отапливался дом большой куполообразной печью — пур, того типа, который был широко распространен в Крыму у разных народов.

Глава 6. Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.

6.1. Становление гражданского общества и капиталистическое развитие второй половины XIX в. как факторы динамики архитектурной среды Нахичевани-на-Дону

Первоначальный архитектурный облик Нахичевани-на-Дону складывался под влиянием образцовых проектов и классицизма, но во второй половине XIX в. ситуация меняется. Относительная свобода в выборе стилевых предпочтений открывала новые возможности для переселенцев. Но к этому времени включение армянской колонии в экономическое и культурное пространство Российской империи оказало значительное влияние на архитектурные предпочтения горожан.

Во второй половине XIX в. в городах Нижнего Дона начинается эпоха промышленного переворота, вызвавшая потребность в зданиях нового функционального назначения и строительстве сооружений, функции которых ранее выполняли случайные здания. Новые тенденции в строительстве промышленных предприятий в этот период связаны с распространением технических новшеств⁶²⁸. Так, в городе появились Паровая макаронная фабрика Налбандова (конец XIX в., ул. 18 линия, 8), «Южный химический завод», производивший купоросное масло, соляную кислоту⁶²⁹. На окраине города строятся механическо-литейные заводы товарищества «Аксай», «Грюнфельд Кайлих и К»⁶³⁰.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в строительстве зданий с торговой функцией. Их строительство имело место в Нахичевани с момента основания, но увеличение объемов торговли способствовало

⁶²⁸ Дело по вопросам улучшения мостовых и портовых сооружений в г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 416.

⁶²⁹ Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России...

⁶³⁰ Хроника // Приазовский край. — № 122 (9 мая). — 1908. — С. 1–2.

расширенному строительству складских помещений, оформлению торговых площадей, увеличению количества магазинов. Предвестником бурного экономического развития становится строительство рыночных торговых рядов, которые представляли собой магазины, расположенные в два ряда, разделенные проездом. Возрастающее значение рыночной торговли приводит к возведению благоустроенных каменных торговых сооружений на рыночной площади города. В 1911 г. Нахичеванская управа озаботилась строительством здания крытого рынка, а в 1913 г. оно уже строится по проекту городского архитектора Н. Н. Дурбаха.

Развитие образовательной системы в Российской империи и появление новых типов учебных заведений, увеличение количества школ и училищ в городах способствовали повышению внимания к проблемам образования в целом, и к нормам строительства школьных зданий. В 1860-х гг. в Нахичевани функционировали учебные заведения: уездная школа, женская школа второй категории и женская школа А. Поповой, приходская школа при церкви Вознесения, духовное училище при монастыре Сурб-Хач. В 1880-е гг. открывается ремесленное училище и духовная семинария, в 1882 г. «Армянская девичья школа Гогояна», государственная гимназия⁶³¹ и ряд других.

В первой половине XIX в. учебные заведения зачастую располагались в арендуемых частных домах⁶³² или в специально отведенных помещениях при церквях⁶³³. Размещение школ в арендуемых домах имело место и во второй половине XIX в. Такие здания лишь отчасти отвечали требованиям своего времени, предъявляемым к архитектуре учебных заведений. Так, например, дом инженера О. Я. Кистова, в котором располагалось городское начальное училище им. князя Святополк–Мирского, хоть и был достаточно

⁶³¹ Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья... С. 21.

⁶³² Дело об Ольгинском начальном женском училище. ГАРО. Ф-91. Оп. 1. Д. 751.

⁶³³ Об учреждении Нахичеванско-Бессарабской армяно-григорианской духовной семинарии в Нахичевани-на-Дону Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 27.

вместительным, но не соответствовал нормам и принципам архитектуры учебных заведений. Частная школа М. Х. Сармакешевой, располагавшаяся на пересечении ул. 1 Соборной, 15 и 16 линии, 2⁶³⁴, в доме, очевидно, построенном по образцовому проекту в середине XIX в., имела те же недостатки, хотя здесь все же была выполнявшая роль рекреации комната, в которую выходили двери классов.

Специальные здания для учебных заведений становятся выражением культурного потенциала города и заботы городских властей о его развитии. Здания эти старались возводить на центральных улицах и площадях. В Нахичевани были построены Гоголевская школа для армянских девиц (1877), Армянское ремесленное училище (1881), Екатерининской женская гимназии (1893) и др. Екатерининская женская гимназия и училище были возведены на одной из центральных площадей города, имели угловое расположение. Они имели достаточно просторные помещения, рекреации, продуманные системы освещения и в целом соответствовали требованиям своего времени.

С 1880-х гг. в Нахичевани открываются библиотеки и читальни. В 1895 г. начала работу городская «Пушкинская» библиотека, в 1904 г. народная библиотека-читальня. Располагались эти и другие подобные им учреждения в приспособленных для данной функции частных домах. Так, «Пушкинская» библиотека находилась в частном доме по адресу 2-я Соборная, 4.

В городе практиковало много частных врачей. Они принимали, как правило, в своем доме, в котором специально оборудовался либо подвал, либо отводились отдельные помещения для приема пациентов, большинство из них не были спроектированы специально и приспособлялись под данную функцию. Так, особняк Ф. С. Кечекьяна на Бульварной площади был приобретен им для проживания и приема пациентов, под который он приспособил цокольный этаж, имевший отдельный вход со двора.

В 1876 г. в городе была открыта первая городская Мариинская больница. Первоначально она располагалась в пожертвованном И. М.

⁶³⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 117.

Поповым частном доме около Успенской церкви⁶³⁵. В 1890 г. Городская дума постановила построить больницу на 50–52 кровати и назвать Мариинской. Первоначальный проект предполагал строительство трех одноэтажных корпусов, соединенных между собой. Смета проекта составила 38 581 руб.⁶³⁶. Корпуса больницы строились вплоть до 1904 г., и больница стала занимать целый квартал на углу 1-й Степной улицы и 14-й линии. Она относится к павильонному типу лечебных учреждений, весьма прогрессивному для конца XIX в. К возведению таких больниц призывали архитекторы России со страниц журнала «Зодчий». «Кирпичный стиль» больницы и строгий архитектурный облик подчеркивал ее функцию⁶³⁷.

Театральная жизнь Нахичевани долгое время была представлена творчеством любителей и заезжих гастрольных трупп, дававших представления в случайных помещениях, зданиях магазинов. В этот период постановки имели ярко выраженную национальную специфику. Помимо любителей-армян, здесь давали спектакли гастролеры из Константинополя и Тифлиса, которые играли пьесы армянских драматургов и только на армянском языке⁶³⁸. В конце XIX в. благодаря усилиям «Общества любителей драматического искусства» в городе был построен городской театр по проекту архитектора Н. Н. Дурбаха (1895). Примечательно, что здание было построено не на частные средства, а на деньги городской казны. Помещение театра сдавалось в аренду, причем антрепренерами выступали лица не армянского происхождения (Н. Н. Синельников, Л. С. Шмидт фон-

⁶³⁵ Дело об аренде дома Попова. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 156.

⁶³⁶ Дело о сооружении в г. Нахичевани здания Мариинской городской больницы в связи со спасением царской семьи во время железнодорожной катастрофы. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 492. Л. 4об–23.

⁶³⁷ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 119.

⁶³⁸ Казарова Н. А. Нахичеванский театр и Городская дума накануне первой мировой войны: к постановке вопроса // Культурная жизнь Юга России. — 2018. — № 1(68). — С. 45–49.

дер-Лауниц, Л. Б. Яворская) и постановки, в целом, были те же, что и в других городах Российской империи⁶³⁹.

Отношение к театру самих горожан было неоднозначным. Н. А. Казарова приводит воспоминания С. П. Чахирьяна, писавшего, что в чопорных кругах его семьи театр пользовался дурной славой. «О нем говорили шепотом, потому что там выступали легкомысленные певички в коротких юбках и танцевали канкан». Вместе с тем имелась и значительная городская прослойка, любившая зрелищные постановки. Присяжный поверенный Г. И. Чубаров сам играл на сцене нахичеванского театра⁶⁴⁰.

Архитектурный облик города второй половины XIX — начала XX в. определяли и различного рода досуговые учреждения, предназначенные для общения и совместного отдыха горожан. Клубы и собрания, массово возникавшие в российских городах, становились местом не только отдыха, но и местом для деловых встреч, собраний обществ. Они объединяли представителей различных социальных групп и профессий.

Первый клуб открывается в Нахичевани в 1860 г. и изначально называется Торговый клуб, а с 1870-х гг. — Коммерческий клуб. Он располагался в арендуемом помещении. В 1883 г. члены клуба подают прошение в городскую думу о разрешении построить летние помещение клуба в сквере на Соборной площади и отвести им часть сквера в безвозмездное пользование сроком на десять лет. После удовлетворения данного прошения началось строительство здания Коммерческого клуба⁶⁴¹.

В 1870-х гг. в городе был основан Клуб приказчиков, располагавшийся также в арендуемом здании на пересечении Екатерининской площади и 1-й Софийской улицы. Летние помещение клуба было построено, как и

⁶³⁹ Казарова Н. А. Нахичеванский театр и Городская дума накануне первой мировой войны: к постановке вопроса // Культурная жизнь Юга России. — 2018. — № 1(68). — С. 45–49.

⁶⁴⁰ Казарова Н. А. Нахичеванский театр и Городская дума накануне первой мировой войны: к постановке вопроса // Культурная жизнь Юга России. — 2018. — № 1(68). — С. 45–49.

⁶⁴¹ Дело об открытии летнего помещения Коммерческого клуба в сквере на Соборной площади. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–2.

помещение Клуба приказчиков, на территории сквера Соборной церкви, и в городе сформировалась клубная зона.

Сглаживание бытовых и культурных различий находят отражение в образе жизни, хозяйственной деятельности, одежде и, конечно, архитектуре донских армян. В общественных зданиях Нахичевани «в отличие от родственных им по назначению в армянских колониях Крыма и на территории Юго-западной Украины получили полное преобладание стилевые особенности зодчества России конца XVIII — начала XX в.»⁶⁴².

Интенсивное строительство идет на центральных улицах города: 1-й Софиевской, Георгиевской, Федоровской. Возведение здесь парадных особняков, доходных домов обернулось сплошной линией застройки. Согласно докладу Городской Управы от 1 сентября 1894 г. строительство в городе ведется без специальных разрешений и планов, домовладельцы строят на своих участках новые сооружения и стремятся захватить часть улицы и выносят их за пределы красной линии. «... По примеру других городов — значится в докладе — установить... правило... 1) взимать в пользу городской кассы по 75 коп. с каждой занятой кв. сажени улицы... в год»⁶⁴³.

В дальнейшем городские власти прилагают немалые усилия, стараясь контролировать все увеличивающиеся масштабы строительства. Городская дума в 1896 г. издаёт «Постановление относительно хранения планов и дозволений на производство построек или перестроек на месте производства самих работ»⁶⁴⁴, в котором говорится о том, что некоторые горожане строят без разрешений и специальных планов, обещая предъявить их позже. Теперь же все документы должны предъявляться по требованию властей иначе строительство будет остановлено⁶⁴⁵. В основу данного распоряжения было

⁶⁴² Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 145.

⁶⁴³ Доклад Городской Управы от 1 сентября 1894 г. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 721. Л. 1–2.

⁶⁴⁴ Постановление относительно хранения планов и дозволений на производство построек или перестроек на месте производства самих работ. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 791.

⁶⁴⁵ Постановление относительно хранения планов и дозволений на производство построек или перестроек на месте производства самих работ...

положено постановление Войскового наказного атамана Войска Донского. Годом ранее, в 1895 г. издано Постановление «О дроблении дворовых участков», по которому любое строительство должно было вестись по проекту, утверждённому городским архитектором⁶⁴⁶.

Нахичевань-на-Дону, имевшая в этот период не столь плотную застройку, становится привлекательной для нового строительства, оставаясь тихим и ухоженным городом. А. М. Греков писал, что «на редкость встретить теперь провинциальный город, где бы городское хозяйство так умело... велось, как в этом, забытом всеми и никого не интересующем» городе, который «не по дням, а по часам украшается, строится»⁶⁴⁷.

Увеличение количества жителей вызывало потребность в помещениях для сдачи в наем. Во второй половине XIX в. широкое распространение получают доходные дома. Квартиры в таких домах, как правило, группировались вокруг лестничных клеток, коридоров или галерей. В доходных домах И. Келле-Шагинова, Керциевых, Л. Попова, В. Антонова имелось разное количество квартир, которые также отличались размерами жилой площади и уровнем благоустройства.

Практиковалась сдача в наем подвалов и различных дворовых построек. Для этих целей на территории усадеб массово возводятся флигели. О масштабах строительства свидетельствуют отчеты Нахичеванской городской управы. Например, за 1884 г. утверждено проектов зданий, выходящих на красную линию улицы, деревянных — 12, каменных — 20, а внутридворовых: деревянных — 15, каменных — 4⁶⁴⁸.

Флигели теперь все чаще предназначаются для сдачи в наем. Они представляли небольшие постройки, из четырех и менее небольших комнат с передней. В основном доходные флигели строились из дерева, однако встречались и с кирпичной облицовкой на уличном фасаде, с архитектурно-декоративным убранством, аналогичным главному зданию.

⁶⁴⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 36.

⁶⁴⁷ Греков А. М. Среди Донских обывателей. — Ростов-на-Дону, 1894. — С. 56.

⁶⁴⁸ Отчет Нахичеванской городской управы за 1884 г. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 362. Л. 3об.

Со второй половины XIX в. обычной практикой становится перестройка дома, в результате чего небольшое строение превращалось в благоустроенную городскую усадьбу. Например, имение Берберовых на углу 1-й Софийской, 5/9 и 18 Линии, видимо, претерпевало несколько перестроек. Расширялись и менее архитектурно примечательные дома. О масштабах перестроек свидетельствуют отчеты Нахичеванской городской управы, которая в 1884 г. выдала 16 таких разрешений⁶⁴⁹.

6.2. Композиционно-стилистические особенности гражданских зданий Нахичевани-на-Дону периодов эклектики и модерна

Эклектика. В российской архитектуре второй половины XIX в. господствует эклектика, все многообразие направлений которой Е. И. Кириченко делит на две разновидности. Первая представлена постройками в формах академических стилей⁶⁵⁰, вторая — обращением к средневековой традиции⁶⁵¹. В Нахичевани-на-Дону в этот период в светской архитектуре предпочтение отдается академическим стилям, ордер или его элементы по-прежнему преобладают на фасадах зданий. Наряду с использованием классицистических приемов распространение получает обращение к барочной традиции⁶⁵².

Развитие получают тенденции, закладывавшиеся в предыдущий период (рис. 136–141, табл. 14). Можно наблюдать увеличение и измельчение декоративных элементов, отказ от симметричной композиции и смещение

⁶⁴⁹ Отчет Нахичеванской городской управы за 1884 г. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 362.

⁶⁵⁰ Е. И. Кириченко писала, что все многообразие «стилей» эклектики можно свести к двум разновидностям — академической и антиакадемической. К первой она относила все варианты «классицистических стилей» — неогрек, «ренессанс», «барокко», «рококо», поздний классицизм (Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов... С. 75).

⁶⁵¹ Есаулов Г. В. Архитектура Юга России: от истории к современности. Москва: Архитектура-С, 2016.

⁶⁵² Подробно см.: Baeva O. Characteristics of Nakhichevan-on-Don Residential Architecture of the Second Half of the 19th Century // Proceedings of the International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (АНТИ). February 26, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: publons.com/p/23442814/doi.org/10.2991/АНТИ-19.2019.7.

акцентов от центра к краям; распространяются аттики сложной формы, углы зданий закругляются и акцентируются куполами. Усложняется и объемно-пространственная композиция, асимметрия становится признаком как вновь спроектированных, так и перестроенных зданий.

В этот период возможности для заказчиков расширились благодаря появлению архитекторов в Нахичевани. Сравнительный анализ построек Таганрога и Нахичевани последних десятилетий XIX в. является красноречивым подтверждением увеличившегося выбора. В первой половине и середине XIX в. постройки этих городов во многом были схожи. Архитектура последних десятилетий XIX в. становится более разнообразной и уже очевидно, что в постройках Таганрога и Нахичевани, при всей схожести тенденций периода эклектики, наблюдаются отличия.

При строительстве одно– двухэтажных жилых домов сохранялись традиционные цоколи и подвалы, устраиваемые либо под всем домом, либо под одной его частью. Преобладают дома с пятью окнами на главном фасаде. Практикуют анфиладное расположение парадных комнат, вход в дом осуществляется через веранды или сени.

Уплотнение застройки на центральных улицах приводит к появлению дворов-колодцев, проезд во двор устраивается через проем уличного фасада. Примеры таких построек довольно многочисленны. Например, угловой дом Морозовых на ул. Ереванской, 6/ 28 линии, 2 (1870-е гг.) имеет Г-образную форму плана с удлиненным крылом по 28 линии, сбоку которого был устроен проезд во двор.

Образцовые проекты, привлекательные своей дешевизной, продолжали использовать и после 1858 г., но их фасады все более приобретают эклектичный облик. Применялись наличники и фризы, карнизы, профилированные тяги, лопатки, сандрики; в деревянных домах — резные оконные наличники и фризы.

Продолжалось строительство небольших саманных или деревянных домов на каменном фундаменте. Так, дом А. Г. Сулименко (архит.

Т. Хивинский)⁶⁵³, построенный в 1880-х гг. на углу ул. Мясникова и 11-й линии из дерева на каменном фундаменте с выступающим цоколем, представлял собой небольшое прямоугольное в плане сооружение с четырехскатной кровлей (рис. 137). Сени связывали парадный и дворовой входы. Основным элементом художественного оформления фасада выступает входной узел, украшенный контрналичниками в виде полуколонн и аттиком. Окна гостиной комнаты были ориентированы на улицу. Планировка дома компактная.

Скромный декор этого и подобных ему домов, небольшая протяженность уличных фасадов, ритмично чередующихся с заборами, составляли достаточно однородную ткань полупериферийных районов города.

Ближе к центру города возводятся тоже небольшие одноэтажные, но уже по большей части кирпичные дома с оштукатуренными стенами. Свидетельством их принадлежности новому периоду строительства является учащенный ритм вытянутых оконных проемов, украшенных наличниками и контрналичниками, усложненная пластика фасадов и измельченный декор, хотя в большинстве своем они не отличаются его избытком. Композиции этих фасадов различны: симметричны, асимметричны. Зачастую акценты смещены к краям, и тогда боковые ризалиты с дверным и оконным проемами формируют трехчастную вертикаль. Проекты небольших домов до пяти окон составляли, как правило, городские архитекторы.

В целом образ Нахичевани формировали одноэтажные — полутрехэтажные кирпичные дома, выстроенные по красной линии. Основная масса зданий этого провинциального города — более или менее выразительные дома, добротные и соответствующие эстетическим представлениям своей эпохи (табл. 14). Построенные в разные десятилетия XIX в., они к рубежу XIX–XX вв. определяли архитектурную ткань города,

⁶⁵³ Дело о прощении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343.

художественная выразительность которой нарастала по мере продвижения к центральным площадям и улицам, где все чаще встречаются дома с парадно оформленными фасадами, повышается этажность зданий. Но даже в непосредственном приближении к центру города встречаются одноэтажные небольшие дома, играющие теперь уже роль фона, своеобразного скрепляющего звена городского архитектурного пространства, обеспечивающего его единство и непрерывность, препятствующего распаду на отдельные самостоятельные элементы.

Планировки домов схожи. Чаще вход в них осуществляется через небольшую прихожую, которую можно назвать сенями. Сени могли располагаться у бокового фасада, и с улицы над ними возвышался аттик. Основные помещения разного размера имели компактную группировку. Обязательной и самой большой комнатой была гостиная, занимавшая большую протяженность уличного фасада.

Длина парадных фасадов домов более состоятельных горожан составляет 15 м и более, высота потолков – более 4 м, высота оконных проемов — более 2 м, а их ширина — около 1,5. Они отличаются не столько протяженностью уличного фасада — основной объем здания развивается в глубину участка, сколько стремлением выделить здание из окружающей застройки за счет его богатого декора и пластики (рис. 142–154). В этот период излюбленными приемами оформления фасадов становятся купола (многие из них не сохранились до наших дней), ризалиты, завершающиеся аттиками, фронтонами. Эти постройки не выходят за рамки эклектики и характеризуются наличием только одного парадного фасада, тогда как боковые, даже хорошо просматривающиеся с улицы, оформлены просто: гладкую плоскость кирпичной стены украшают тяги простого или сложного профиля, наличники упрощенной формы и оконные проемы. Как правило, промежуточное между ними положение занимает дворовой фасад. В постройках такого типа ему отводится значительная роль в оформлении внутреннего пространства участка, где могли быть также размещены

фонтаны, флигели и хозяйственные постройки, решенные в том же духе эклектики.

К концу XIX в. объемно-планировочные решения подобных домов значительно усложняются. К основному прямоугольному в плане объему добавляются ассиметричные крылья, очертания фасадов усложняются за счет введения различных веранд, балконов. Сами планировки становятся более свободными, и демонстрируют возросшие потребности заказчиков в разграничении парадного и личного пространства дома, что проявляется в четком разделении этих зон планировочными средствами. Появляется больше изолированных комнат, используется коридорная система. Еще в середине XIX в. коридоры использовались редко. Во второй половине XIX в. функция коридоров меняется: они становятся связующим звеном между двурядными или однорядными изолированными помещениями.

К описанным постройкам можно отнести целый ряд домов. Например, дом Г. Чепрастова (ул. Мурлычева, 13) (рис. 142). Его уличный фасад установлен по красной линии, основной объем вытянут вглубь дворового пространства. Парадно оформленный основной этаж здания покоится на невысоком цокольном полуэтаже, световые окошки которого упорядочены по осям верхних проемов. Фасада с пятью окнами имеет два ризалита небольшого выступа, завершающихся аттиками. В одном из этих ризалитов устроено окно, в другом — вход. Ризалит с окном расположен у самого края фасада, а входной узел смещен от другого края здания к центру. Края ризалитов и углы здания обрамляют едва выступающие за плоскость стены широкие пилястры с дорическими капителями, на которых покоится профилированная тяга, прорезающая всю плоскость стены. Фриз украшают выступающие филеночки, чередующиеся с небольшими декоративными элементами в виде кронштейнов, украшенных продольными желобками — триглифами. Подобным образом оформлено и подоконное пространство, но эти элементы здесь укрупнены лепниной. Простенки заполнены меандровыми лентами и расположенными под ними венками. Ризалит с

окном имеет самое насыщенное декоративное оформление в виде дополнительно введенных раскреповок, парных пилястр. Над этим окном, как и над дверью, устроены лучковые сандрики на кронштейнах, а над остальными окнами треугольные. При этом входной узел менее насыщен декоративными элементами, чем ризалит с окном. Не желая делать акцентом фасада входной узел, архитектор уравнивает его значимость со вторым ризалитом, компенсируя их функциональную неравнозначность декоративными средствами. Сложная конфигурация планировки дома Г. Чепрастова определяется расположением помещений, связанных между собой коридором, проходящим через часть здания. Окна спальных комнат выходят во двор, где располагались сад и фонтан.

С этими особняком схожее композиционно-художественное решение имеет дом Г. И. Чубарова (21 линия, 8) (рис. 143), построенный в 1910–1911 гг.⁶⁵⁴. Окна с повторяющимися над ними лучковыми сандриками, выделение крайних от центра оконных проемов полуколоннами на кронштейнах, несущими треугольные фронтоны, «поддерживают» того же стиля пилоны в межоконных пространствах стены. Вход в дом осуществлялся с улицы через боковую дверь. Уличный фасад имел пять окон, основной объем большого дома развивался в глубину двора. Со двора к дому примыкала веранда.

Одноэтажный с высоким цокольным этажом особняк Ф. Кечекьяна, построенный в третьей четверти XIX в. на Бульварной площади, решен в формах эклектики, сочетающий элементы классицизма и барокко (141–147). Парадный фасад украшен ордерными элементами и раскреповками с пилястрами. Центральные окна фасада украшают наличники и сандрики. Над парадным входом, смещенным к краю дома, некогда возвышался купол со шпилем. Планировочное решение внутреннего пространства дома определило расположение комнат в два ряда с ориентацией оконных проемов во двор и на площадь. Окна парадного зала, рабочего кабинета выходили на

⁶⁵⁴ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 89.

площадь, большинство жилых комнат обращены во двор. Пространства дома и двора связывала веранда⁶⁵⁵.

Примыкавший к особняку Ф. Кечекьяна с востока дом А. Сагирова (рис. 147), построенный в 1890-е гг., имел подобное решение фасада: боковые раскреповки с пилястрами и прямоугольные окна завершаются треугольными фронтонами, утрачены карниз сложного профиля с лепными вазами.

Фасады еще ряда домов оформлены по тому же принципу (ул. Закруткина, 17, Советская, 37 и др. (рис. 148–149)). Указывая на однотипность этих объектов, необходимо подчеркнуть, что они построены в последние десятилетия XIX в. — первое десятилетие XX в. В их архитектурно-декоративном оформлении имеются различия, свидетельствующие, что, скорее всего, они проектировались разными архитекторами, хотя мы не исключаем принадлежность нескольких из них руке одного зодчего.

Распространяются дома с полуколоннами Мурлычева, 43; дом Патканяна (ул. 17 линия, 3) и др. (рис. 150–153).

Полутораэтажный на высоком цоколе дом на ул. Мурлычева, 43 имеет подобные вышеописанным постройкам архитектурно-художественное убранство парадного фасада и объемно-пространственную композицию (рис. 150). Дата постройки, архитектор и заказчик неизвестны. Здесь можно видеть приемы оформления, схожие с архитектурой дома Г. Чепрастова. Это выражается и в решении фасада в целом, и отдельных его элементах. Трехчастная структура здания этого дома также определяется введением двух незначительно выступающих ризалитов по бокам фасада, оконный и дверной проемы подчеркнуты лучковыми сандриками, тогда как три центральных окна увенчаны треугольными. Они поддерживаются маленькими кронштейнами с вертикальной профилировкой, точно повторяющей таковые в доме Г. Чепрастова, расположенном рядом, всего

⁶⁵⁵ Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь... С. 53–56.

через один квартал. Дома имеют схожие приемы оформления филенок, фронтонов, подход архитектора к горизонтальным, вертикальным членениям фасадов. Но пластика самих фасадов несколько отлична. В одном случае мы наблюдаем незначительного выступа пилястры, а в другом — объемные полуколонны. Они определяют вертикальные членения, начинаются от межэтажной тяги. Но полуколонны усложняют пластику фасада, а учащенный ритм оконных проемов диктуют необходимость оставить гладкими простенки.

Некоторые дома, решенные схожим образом с описанными выше, имеют угловое расположение, что определило необходимость художественного оформления углов этих построек. Их отличает наличие скругленного угла с оконным проемом в нем. К ним относятся дома архитектора М. В. Григоряна (ул. Мурлычева, 22 / 20 линия, 11 (рис. 153–154)), Е. Каяловой (ул. Закруткина, 29 / 11 линия), П. Хатранова (ул. Советская, 42 / 5 линия (рис. 151)) и ряд других.

Со временем на второстепенных улицах увеличивается количество двухэтажных построек, имеющих значительную протяженность фасадов и выразительное архитектурно-художественное решение. Так, двухэтажный дом А. Когбетлиевой, построенный в самом начале XX в. недалеко от центральных площадей, имеет угловое расположение (Закруткина, 14 / 15 линия, 14 (рис. 155)). Даже до появления на противоположном углу особняка И. Аладжалова (1912)⁶⁵⁶, он не выделялся из окружающей застройки своими размерами. На противоположном от него углу (ул. Закруткина, 11 / 15 линия) располагался двухэтажный дом, построенный в последней четверти XIX в. (рис. 156). Он известен прежде всего тем, что в нем проживал известный архитектор А. Х. Закиев⁶⁵⁷, однако интересно и решение фасадов этого

⁶⁵⁶ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX — начала XX веков... С. 144.

⁶⁵⁷ Перечень выявленных объектов культурного наследия г. Ростова-на-Дону (памятников истории, архитектуры, монументального искусства) [по состоянию на 12 июля 2018 г.] //

углового Г-образного в плане здания. Парадный фасад дома, выходящий на ул. Закруткина, имеет трехчастное вертикальное членение. Центральную часть фасада, заключенную между двумя боковыми ризалитами, украшают три большие арочные окна.

Дом А. Когбетлиевой имеет отличное оформление. На его оштукатуренных фасадах светлым акцентированы элементы декора: филенки под прямоугольными окнами второго этажа и завершающие их полуциркульные сандрики. Горизонтальные членения фасада определяют профилированные тяги, выступающий карниз с дентикулами, вытянутые по вертикале оконные проемы, и подчеркивающие их филенки и сандрики. Межоконные плоскости стены лишены декора. Скругленный угол здания очерчен расположенными с двух сторон пилястрами с канелюрами. Это здание, казалось бы, имеющее нехарактерное для построек Нахичевани архитектурно-художественное решение, отсылает нас к весьма распространенному в городе типу фасадов с глухими люнетами, сложившемуся под влиянием образцовых проектов. Они были описаны в предыдущей главе, но судя по многим признакам оставались популярными на протяжении всего XIX в.

Основная масса домов состоятельных горожан сосредоточились вокруг центральных площадей и примыкающих к ним улиц. Здесь многие постройки имели оригинальное решение, свидетельствующее об особом подходе к их проектированию, связанном с повышенными требованиями заказчиков. Построенные в формах эклектики, они отличаются оригинальностью замысла и выделяются из архитектурной среды города.

Особняк Гайрабетовых, расположенный на пл. Свободы, 14/2, построен в 1880 г. (рис. 157). В начале XX в. новый владелец М. Искидаров решил перестроить здание и пригласил архитектора С. К. Ласканова⁶⁵⁸. Фасады углового двухэтажного здания решены в формах эклектики, однако здесь

нашли отражение и принципы модерна: большие оконные проемы, использование железобетонных конструкций⁶⁵⁹. Оформлен нижний ярус сдержанно, нарастание художественно-выразительных акцентов развивается по вертикали. Большие прямоугольные окна первого этажа не упорядочены по осям верхних проемов, их расположение подчиняется собственному ритму. Пластика фасада подчеркнута угловой ротондой с куполом на барабане, боковыми и центральным аттиком, эркером и балконами. Второй ярус фасада декорирован балясинами, украшающими подоконные ниши больших полуциркульных оконных проемов с замковым камнем, пилястрами ионического ордера и растительным орнаментом фриза. На втором этаже архитектор не оставляет гладких стен, прорезая их профилированными аркадами оконных проемов с выступающими пилястрами между ними. Небольшие ризалиты украшены пилястрами с вазонами, между ними расположены венки. Венчающие карнизы украшают триглифы и метопы.

Первоначальный интерьер, сохранившийся на протяжении длительного времени, дает представление о тенденциях внутреннего убранства этого и подобных домов. Окна парадных комнат, расположенных анфиладой, выходили на здание городского театра. Пространство парадного зала делили на три части пилоны и украшали кронштейны, опирающиеся на профилированный карниз. Центральная часть потолка была оформлена плафоном с цветочной розеткой. Примыкавшая к залу столовая отличалась интенсивным лепным декором. «Сложную центральную композицию плафона составляли глубокие кессоны, круглые и четырехугольные в плане. Их ребра были украшены дубовыми листьями. В круглых кессонах помещены розетки цветочного орнамента. Стены столовой были оформлены двойным декоративным фризом и узкими лопатками. Верхний фриз представлен ритмом декоративных кронштейнов и орнамента, включающего изображения птиц и животных, нижний - картушей и ваз с фруктами,

⁶⁵⁹ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 178.

соединенных гирляндами»⁶⁶⁰. Кабинет имел угловое расположение. Фриз кабинета был орнаментирован сценами на египетские сюжеты, входы обрамляли узкие лопатки и карнизы с изображениями египетского божества⁶⁶¹.

Особняк выделялся из окружающей его застройки своими размерами и пышным убранством. Вместе с тем, возведенный на одной из центральных площадей города, он не являлся единственным ее акцентом, равновесие поддерживали расположенные на противоположной стороне городской театр и здания учебных заведений, дом А. Когбетлиева.

Элементы ренессанса, классицизма и барокко в той или иной степени преобладали на фасадах эклектичных зданий. Парадные особняки центральных улиц строились под влиянием классицистических архитектурных форм. В них было много комнат разного функционального назначения. Это определило отличные от более ранних особняков конфигурацию плана, объемно-пространственную композицию и архитектурное убранство.

Некоторые дома перестраивались, оставаясь при этом одноэтажными, разрастались на ширину участка. Поскольку композиции фасадов большинства из них были равномерно-ритмичными, то такие пристройки не нарушали их художественного облика. Например, боковой входной узел мог теперь переместиться в центр, а достраиваемая часть становилась зеркальным отражением построенной ранее. В оформлении фасада особняка К. Сармакешева, построенного в 1890-1898 гг.⁶⁶² на 14 линии, 5, присутствует много декоративных деталей: рустовка, сложной формы фронтоны и сандрики, венчающие окна, боковые ризалиты, украшенные пилонами, филенки и т.п., но их равномерный ритм и отсутствие центрально-осевой композиции позволили хозяину без ухудшения облика фасада перестроить дом. Дом изначально имел сложную конфигурацию плана с несколькими

⁶⁶⁰ Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону... С. 117.

⁶⁶¹ Есаулов Г. В., Черницына В. А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону... С. 117.

⁶⁶² Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 87.

входами и вытянутым вглубь двора крылом, в котором планировка была коридорной. Большой парадный зал, окна которого выходили на улицу, занимал всю протяженность первоначального уличного фасада.

В городах юга России в эпоху эклектики распространение получил «кирпичный стиль». В Нахичевани из кирпича строятся склады, промышленные предприятия. Большинство из них располагалось на окраинах или за чертой города. Составить о них представление можно по обнаруженным в ГАРО проектам завода⁶⁶³, амбра для хранения зерна⁶⁶⁴. Амбар (1882) предполагалось построить в промышленно-хозяйственной части городской территории у реки. Кирпичное здание с каменными конструктивными элементами имело два этажа, в каждом из которых было четыре помещения. Нижний этаж предназначался для хранения зерна. Пластику парадного фасада здания, ориентированного на реку, формировали распространенные и в эклектичной архитектуре полуциркульные большие окна и расположенные между ними пилоны. Горизонтальные членения подчеркивали межэтажный и завершающий карнизы сложного профиля. Венчал здание аттик.

С 1880-х гг. «кирпичный стиль» приходит в архитектуру жилых и общественных зданий и, прежде всего, учебных заведений. Именно в стиле «кирпичной архитектуры» возводятся Екатерининская женская классическая и мужская гимназии в Нахичевани. Композиция фасадов и декоративное убранство их решалось в формах, стилизующих академическую архитектуру. Массовый характер приобретает и строительство кирпичных неоштукатуренных домов.

Предпочтения заказчиков сдерживают распространение «кирпичного стиля» в центре города. Городские власти и состоятельные горожане в целом негативно относились к таким зданиям, считая их антихудожественными. В период, когда само здание воспринимается как реклама своего владельца или

⁶⁶³ Проект на постройку завода. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 363.

⁶⁶⁴ Проект на постройку завода. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 363.

его коммерческого дела, состоятельные горожане стремились избегать возведения кирпичных неоштукатуренных зданий⁶⁶⁵.

Многие жилые дома из кирпича декорировались так же, как и оштукатуренные дома, повторяя формы лепного декора эклектики. Остаются популярными треугольные, прямоугольные и лучковые сандрики, замковые камни, подоконные филенки, полуколонны и пилястры, незначительного выступа ризалиты и имитация руста. Горизонтальные членения формируют межэтажные тяги, сложного профиля выступающие карнизы с дентикулами, раскреповки. Выступающие элементы декора окрашивают в белый цвет или выкладывают из светлого кирпича, реже камня. Например, дома на ул. А. Ф. Мясникова, 31 / 1-я линия, 29; Рябышева 24/42; Рябышева 26/32; Рябышева, 31 / 32-я линия, 40 и др. (табл. 14).

Фасады углового дома на пересечении ул. Налбандяна и 24-й линии выстроены из красного кирпича, а богатый декор выполнен из белого. Ограниченные возможности кирпича компенсируются лепниной. Так, незначительного выступа наборные пилястры и наличники окон оштукатурены, а лучковые сандрики, архивольт углового окна, горизонтальные тяги и карниз сделаны из неоштукатуренного белого кирпича. В целом эклектичные приемы архитектурно-художественного оформления фасадов этого здания не отличаются от уже утвердившихся в городе и применяемых на фасадах оштукатуренных зданий. Часть архитектурных деталей этого дома утрачена. На фотографии 1940-х гг. запечатлен шатровый купол, венчавший полуциркульный в плане угловой выступ и расположенные над оконными проемами фронтоны-щипцы.

Эклектика составляет основу архитектуры исторического города. В Нахичевани она последовательно проходит все стадии своего развития: раннюю, зрелую и позднюю, хоть и с некоторым отставанием от столичных городов. Многие постройки ранней эклектики, о которых частично

⁶⁶⁵ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 165.

говорилось в предыдущей главе как о переходных от классицизма к новому стилю, идентичны таганрогским. В период зрелой эклектики в архитектуре Нахичевани сохраняются общие принципы, характерные для формообразования данного стиля, вместе с тем появляется и некоторая специфика, позволяющая нам говорить о ее особенностях. Общим для Нахичевани и соседних Ростова-на-Дону, Таганрога, так же, как и для некоторых других провинциальных городов России остается интерес к ордерным направлениям эклектики⁶⁶⁶.

Специфика города проявилась, прежде всего, в преобладании одноэтажных домов, и большинство парадных особняков не выделяются своей высотой. Здесь не появилось многоэтажных, а имеется лишь некоторое количество двух- трехэтажных, небольших в сравнении, например, с соседним Ростовом зданий.

Одним из первых доходных домов Нахичевани О. Х. Халпахчян называет дом И. Келле-Шагинова (Ереванская, 16 / 30-я линия, 1). Фасады углового полутораэтажного здания, построенного по образцовым проектам, относятся к распространенному в городе типу. Их основным украшением являются полуциркульные архивольты сложного профиля, располагавшиеся над прямоугольными оконными проемами, филенки и горизонтальные тяги. В здании находилось несколько одно-двухкомнатных небольших изолированных квартир, сдававшихся в наем⁶⁶⁷. Функциональное назначение дома определило его сложную планировку. Он делился на две половины коридором, еще один коридор использовался для разделения двух рядов помещений в одной из этих частей. Один из двух входов, расположенных на дворовом фасаде, вел в изолированные от остальных помещений комнаты, в которых проживал хозяин.

К рубежу веков в Нахичевани-на-Дону заметно увеличивается количество доходных домов в 2–3 этажа. Располагавшиеся на

⁶⁶⁶ Подробно см: Есаулов Г.В. Архитектура Юга России: от истории к современности... С. 346–347.

⁶⁶⁷ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 67.

второстепенных улицах, они имели фасады с минимальным архитектурным декором. Их облик формировали окна с простыми наличниками, неглубоких выступов ризалиты, иногда филенки. На архитектуру этих домов оказали влияние формообразующие идеи «кирпичного стиля», модерна и неоклассицизма. Например, фасады трехэтажного углового доходного дома на углу 1-й Майской и 12 линии (1-я Майская, 30 / 12-я линия, 14), построенного вначале XX в., украшали ризалиты, эркер верхних этажей, спаренные наличники оконных проемов и закругленный угол с балконами. Декор фасадов минимален, архитектор оставляет незаполненными межоконные промежутки стены.

Доходные дома, построенные на центральных улицах и вокруг центральных площадей, имели более богатое архитектурно-декоративное убранство, и их первые этажи, как правило, занимали магазины или конторы.

Наиболее типично было совмещающие жилой, складской и торговой функций: дом Керциевых на углу Закруткина ул. и 3-й линии, дом на пересечении 22-й линии и Базарной площади.

Доходный дом Когбетлиевых, расположенный на пересечении пл. К. Маркса и ул. Комсомольской, построен в 1910-х гг. Высокий цокольный этаж наделялся торговой функцией, а верхний этаж предназначался для проживания семьи хозяина. Угловое расположение здания обусловило наличие двух парадных фасадов, решенных в формах классицизма и барокко. Фасады украшают полуколонны с расположенными между ними полуциркульными окнами с массивными архивольтами, полуциркульными фронтонами. Пластику фасада дополняет высокий цокольный этаж с рустовкой и мезонин, завершающий один из фасадов.

Принципы архитектуры доходных домов, сложившиеся в городе в эпоху эклектики, были, как и в других российских городах, достаточно устойчивы. Такие сооружения должны были отвечать определенным требованиям, что сказывалось на их планировочных решениях, устройстве внутридворового пространства. Практические требования, предъявляемые

заказчиками, ограниченные размеры участков приводили к фронтальной застройке, в которой художественному оформлению подлежал только один парадный фасад. Построенные в середине 1900-х гг. двухэтажные дома пл. К. Маркса, 24 и 26 встроены в фронтальную застройку площади и имеют один художественно оформленный фасад, в середине которого устроен проход во двор. Центр их фасадов украшали большие дверные проемы с полукруглым завершением, ведущие на балкон.

Флигели, как правило, представляли собой небольшие постройки, имевшие до четырех комнат, иногда кухню. Деревянный на каменном фундаменте флигель на пересечении ул. Мясникова и 1-й линии (1883). имел угловое расположение. Главный вход устроен с 1 линии через сени. Единственным украшением фасада служил входной проем, завершавшийся декорированным аттиком и дверь с декором. Деревянный флигель на 22-й линии, 17 (1883 г.) имел вход со двора через открытую веранду. На участке, принадлежавшем фельдшеру Соловьеву (угол Мясникова и 13-й линии), в 1880-е гг. были построены сразу два небольших деревянных флигеля с тремя комнатами. Один выходил на ул. Мясникова, другой — на 13-ю линию. Они имели одинаковые фасады, вход в них осуществлялся со стороны двора через веранду, закрытую с улицы стеной с оконным проемом, увенчанной невысоким аттиком⁶⁶⁸.

Примером простого двухкомнатного деревянного флигеля, построенного в глубине дворового участка, может служить постройка на участке Анановых. Флигель располагался во дворе и вероятно, примыкал к торцу соседнего дома. Из архитектурно-декоративного убранства был карниз простого профиля⁶⁶⁹. Большинство таких построек сегодня утрачены и восстановить их внешний облик мы можем только благодаря сохранившимся в архивах проектным чертежам. Все рассмотренные флигели имели довольно скромное декоративное убранство. Часто окна обрамлялись прямоугольными

⁶⁶⁸ Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343. Л. 32.

⁶⁶⁹ Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы... Л. 21.

тягами и имели ритмичное расположение. Верх домов украшался карнизами простого профиля.

Встречались и кирпичные флигели или с кирпичной облицовкой и архитектурным декором, перекликающимся с фасадами основного дома. Например, по ул. Мурлычева, 19; на пересечении ул. Закруткина, 24 и 13-й линии, 17.

А. А. Худин, анализируя русскую архитектуру периода эклектики, замечает: «Индивидуализация в архитектуре стала наиболее приоритетной, и региональные архитекторы активно формировали» ее «опираясь на местные строительные и художественные традиции»⁶⁷⁰. В Нахичевани местные художественные традиции оформились в период господства классицизма. Для светской архитектуры города характерно практически полное отсутствие построек романтизма. Обращения к стилизации восточных стилей в Нахичевани встречается, как правило, только в интерьерах зданий, а какие-либо отдельные, не являющиеся доминирующими, их элементы на фасадах практически не встречаются. Редким исключением является дом Е. Ходжабрановой⁶⁷¹ (нач. XX в., ул. Советская, 18). Одноэтажное здание имеет один парадный фасад, выходящий на красную линию центральной улицы. Фасад визуально делится на две разновеликие части. На одной из этих визуально выделяемых частей расположены три оконные проема, на другой — входной узел. Эта часть фланкирована раскреповками переходящими в мощный значительно возвышающийся прямоугольный аттик, прорезанный декоративными поясами. В декоративном оформлении части фасада с оконными проемами преобладают классицистические декоративные элементы: подоконные филенки, треугольные сандрики со вставленным в

⁶⁷⁰ Худин А. А. Эклектика в архитектуре Нижнего Новгорода XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. архитект.: 05.23.20. Нижний Новгород, 2010. С. 38.

⁶⁷¹ Дом Е. Ходжабрановой Е. М. Кишкинова и А. А. Саакян относят к проявлению «приемов классицизирующего и национально-романтического (с реминисценциями готики) модерна (Кишкинова Е. М., Саакян А. А. Стилиевые особенности жилой застройки периода модерна в Нахичевани-на-Дону // Научный альманах. — 2018. — № 4–2 (42). — С. 263–264).

них лепным декором в виде венков и гирлянд, сухарики переходят в широкий пояс со стилизованными триглифами и метопами. Стены между оконными проемами заполнены плиткой. Другие архитектурно-выразительные средства характеризуют вторую, визуально выделяемую часть фасада, с входным узлом и боковым оконным проемом. Треугольная арка дверного проема, вертикальные членения стены, горизонтальные полосы руста – отсылают к мотивам восточной архитектуры. Можно допустить, что построенное в период эклектики здание было расширено в начале XX в. и в результате перестройки приобрело некоторые черты модерна и ориентализма.

Одним из редких примеров русского стиля было деревянное здание летнего Коммерческого клуба (1883, не сохранилось). Фасад, квадратного в плане одноэтажного здания, был возведен в формах эклектики с элементами русского деревянного зодчества.

Общественные здания. Интенсивное строительство школьных зданий, развернувшееся во многих городах, стимулировало выработку определенных правил для архитектуры учебных заведений. Санитарно-гигиенические нормы и принципы организации учебного процесса требовали от архитекторов рассчитывать необходимое расстояние между школой и соседними зданиями, предусматривать наличие школьного двора⁶⁷². Учебные здания Нахичевани также возводились с учетом современных требований. Их стремились изолировать от городского шума, придать им правильную ориентацию по сторонам света.

Одно из первых зданий с образовательной функцией в городе построено для Армянской церковно-приходской школы для девочек им. св. Репсима (1881, ул. 27-я линия, 4). Небольшая двухэтажная квадратная в плане школа построена из кирпича на каменном фундаменте. Коридорную систему планировки имеет только первый этаж здания, где располагались учительская и другие административные помещения. Классные комнаты

⁶⁷² Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 127.

находились на втором этаже. Их дверные проемы ориентированы в небольшой холл с лестницей. Здание построено с отступом от красной линии и перед ним оставлено значительное пространство для озеленения. Классы имеют значительное количество окон и расположены так, что окна выходят преимущественно на южную сторону. Вход в здание расположен в центре фасада, выходящего на улицу. Сами фасады решены в классицистическом стиле. Главный фасад украшен пилястрами, филенками и сандриками.

Армянская Гогоевская женская гимназия, построенная в 1887 г. (28-я линия, 7), представляла собой двухэтажное кирпичное здание, превышающее размерами предыдущее. Планировка выполнена по коридорному типу, и на втором этаже имеется рекреационное помещение. Классы ориентированы на южную сторону. Оформление фасада строгое. Нижний ярус рустован и отделен от верхней межэтажной тяги. Величественность зданию придают небольшого выступа ризалиты, завершающиеся треугольными элементами на высоких парапетах, имитирующих фронтоны (не сохранились).

Здание епархиальной школы находилось на углу пл. Базарной / 26-й линии. В постановлении «О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры г. Ростова-на-Дону и мерах по их охране» значится, что здание построено в 1910-е г. О. Х. Халпахчян писал, что оно построено на месте деревянного сооружения и предположил, что третий этаж здания был надстроен в 1913 г., т. к. в 1880-е гг. на этом месте указано двухэтажное «торговое здание первого ряда»⁶⁷³. Согласно уточненным сведениям по документам НАА⁶⁷⁴ в 1884 г. двухэтажное здание было отдано школе, но его первый этаж по-прежнему занимали торговые лавки. В приложении приведен чертеж фасадов этого здания, выполненный городским архитектором перед составлением проекта на расширение постройки, которое было произведено в 1889 г. В 1904 г. по проекту Н. Н. Дурбаха был надстроен третий этаж с удлиненными полуциркульными арочными окнами.

⁶⁷³ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 116.

⁶⁷⁴ Армянские церкви Российской империи... С. 223–228.

В основу первоначального двухэтажного здания был положен образцовый проект. Облик строгих фасадов формировали метрично расположенные световые оси с прямоугольными оконными проемами, на первом рустованном ярусе украшенные замковым камнем. В результате перестроек оно приобрело значительные размеры и сложную конфигурацию плана, удлиненные крылья сформировали внутренний прямоугольный двор. Планировка самого здания соответствует применяемым для учебных заведений. Она выполнена по коридорному типу: помещения располагались по обе стороны коридора, на третьем этаже находился большой актовый зал, и на втором этаже под ним было рекреационное помещение.

Центральные площади города, интенсивная застройка которых пришлась именно на данный период, оформлялись по принципу контекстуальности. Возведенные на Бульварной площади в конце XIX — начале XX в. учебные заведения и городской театр отражали принцип соподчиненности стилевых архитектурных форм и функционального назначения здания. Ансамбль Бульварной площади характеризовали ордерные композиции, рустовка нижних этажей и гармонично сочетавшаяся пластика главных фасадов зданий (табл. 15).

Переплетение элементов классицизма и барокко нашло отражение на фасадах городского театра Нахичевани-на-Дону (пл. Свободы, 3). Учебные заведения, расположенные по сторонам от него, также оформлены в духе академических стилей. Они занимали западный и восточный угол Бульварной площади, здания учебных заведений зафиксировали классическую регулярную планировку центра города, определили новый масштаб застройки площади и ее композиционное решение. Городской театр (1899) со зданиями учебных заведений объединяли парадные лестницы с балюстрадой, что дополняло картину единого художественного решения площади. Здания завершены куполами, имеют поэтажное членение фасадов (табл. 15).

Классицистические формы и современные тенденции проектирования были применены в комплексе Мариинской городской больницы. Для больницы был отведен квартал на самой окраине города (ул. 14-я линия / ул. Степная / ул. 16-я линия), что позволило строить ее по корпусному принципу. Корпуса строились в разное время и достаточно свободно располагались на участке. Здание главного корпуса было спроектировано рационально, по коридорному типу. Расположенный в центре здания вход в виде арки. Центральный ризалит с входным узлом венчает невысокий купол со шпилем.

Фасады Городской управы и Городской думы декорируются в академических «стилях» эклектики. Для Городской управы было построено угловое здание, имевшие достаточно протяженный фасад по ул. 2 Соборной, туда же был ориентирован и вход. Строгие фасады украшены рустом. Полукруглый угол с балконом отграничен рустованными лопатками. Центральный неглубокого выступа ризалит с входом так же выделен рустованными лопатками и треугольными сандриками, аттиком с возвышающимся над ним четырехскатным объемом крыши. На рубеже веков рядом с ним построено здание Городской думы. На облике небольшой протяженности эклектичного фасада сказались возможности новых конструктивных технологий и идеи модерна: большие оконные проемы придают зданию респектабельный и торжественный вид.

Здания зимних Коммерческого и Приказчицкого клубов располагались друг против друга на угловых участках Екатерининской площади и 1-й Софиевской улицы. Зимний Коммерческий клуб (1884) имел г-образный план. Его главный фасад с парадным входом выходил на центральную площадь города – Екатерининскую. Сдержанное оформление фасада заключалось в членении его на пять частей тремя неглубокими ризалитами, протяженность фасада подчеркивались ритмично расположенными

широкими окнами. Интерьеры клуба были богато украшены лепниной с позолотой и фресками⁶⁷⁵.

Расположенное на другом углу площади здание Приказчицкого клуба было меньших размеров. Клуб располагался на втором этаже здания, а первый этаж занимал магазин. Г-образное в плане здание с проездом во двор в западном крыле, своим главным фасадом ориентировано не на площадь, а на перпендикулярную ей 1-ю Софиевскую улицу. Фасады здания отличались пышным убранством. Плоскость стены украшали окна с треугольными сандриками и рельефы с затейливым узором.

Модерн. Многие здания эпохи модерна в Нахичевани-на-Дону эклектичны, что является характерным для большинства провинциальных городов Российской империи. Элементы эклектики проявляются и в незначительном влиянии рационализма, в декоре и пластике фасадов⁶⁷⁶. Особенностью городской архитектуры рубежа XIX – XX вв. было сочетание элементов классики и модерна. Так, А. М. Иванова-Ильичева отмечает, что архитектура региона в целом тяготела к академическим стилям, и это отразилось как в эклектике, так и в модерне: «... когда художественный облик зданий уже зачастую решается в стилистике модерна, трудно найти примеры, где формы нового стиля не соединялись бы с традиционными классическими деталями (профилированные карнизы, тяги, отдельные элементы ордера, имитация рустованной кладки)⁶⁷⁷. Кроме того, во многих постройках модерна отсутствует всефасадность. Архитектура Нахичевани-на-Дону, несомненно, представлена прекрасными образцами модерна, вместе с тем он не оказал заметного влияния на архитектурно-градостроительный облик города, что объясняется запоздалым его проникновением в архитектуру города и непродолжительной жизнью.

⁶⁷⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 110.

⁶⁷⁶ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 130.

⁶⁷⁷ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 139–150.

В стиле модерн строились особняки, доходные дома и некоторые общественные здания. Важнейшие принципы этой архитектуры — органичная связь внешнего и внутреннего пространств, воплощались за счет свободной пространственно-планировочной структуры. Однако высокие темпы строительства в городах юга России и высокая плотность застройки препятствовали внедрению всефасадности зданий⁶⁷⁸. Вместе с тем ситуация в Нахичевани-на-Дону была более благоприятна, чем в соседних городах юга. В городе, спроектированном с большим запасом территории, даже на рубеже веков можно было строить всефасадные здания со свободной постановкой на участке. Так, например, дом М. Солопова (нач. XX в.) уже соответствует данным характеристикам, но еще декорирован в стилистике эклектики⁶⁷⁹ (Рис. 158). Дом имеет сложную конфигурацию плана. На красную линию выходит лишь значительно выдвинутый за основной объем боковой входной узел, украшенный декоративным архивольтом и увенчанный фронтоном. С другой стороны, фасад завершается небольшой полуротондой с куполом.

В архитектуре города представлены угловые постройки, имеющие два парадных фасада. Дом Н. Ф. Чепрастова (ул. Майская, 32), построенный в конце XIX в., также служит примером архитектурного приема рубежа веков, когда оконный или дверной проем сложной конфигурации становится композиционным центром фасада. В таких случаях использовали сочетание различных фигур — овалов, трапеций и т.д., иногда имитировали такие очертания при помощи контрналичников. Так, в доме Н. Ф. Чепрастова наличники формируют рельеф и декор фасадов, окна на угловых ризалитах украшены дугообразными контрналичниками. Влияние модерна выразилось в том, что на гладкой плоскости стены практически отсутствовали сложные

⁶⁷⁸ Подробно см.: Иванова-Ильичева А. М., Орехов Н. В., Баева О. В. Особняки в архитектуре Ростова и Нахичевани-на-Дону 1890–1910 годов: композиционно-стилистические особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2. — С. 109–111.

⁶⁷⁹ Иванова-Ильичева А. М., Орехов Н. В., Баева О. В. Особняки в архитектуре Ростова и Нахичевани-на-Дону 1890–1910 годов: композиционно-стилистические особенности... С. 110–111.

декоративные элементы. Стены облицованы светлой керамической плиткой, угловые ризалиты, значительно выступающие за основную линию плана, увенчаны куполами.

Модерн приносит в архитектуру Нахичевани новые отделочные материалы, витражи, использование металла и т.д. Появляются фасады, украшенные глазурованной керамической плиткой, изразцами, майоликой, используется бетон. Используется прием, когда керамической плиткой покрываются значительные участки фасада или весь фасад, как, например, в домах Н. Ф. Чепрастова (рис. 159), М. С. Дабаховой (рис. 160).

Наиболее используемыми были декор дверных полотен, кованные решетки и лестничные перила, различные химеры и маски, вписывающиеся в геометрические формы. Маскароны и растительный орнамент достаточно широко применялись в архитектуре города. Они украшают фасады углового дома К. К. Дилланчянца (доходный дом А. Э. Туманова, ул. Советская, 32/1, ул. 9-я линия). Пластический образ двухэтажного здания с двумя художественно оформленными фасадами дополняет закругленный угол между ними, увенчанный куполом. Фасады здания имеют четкое горизонтальное членение, парадный вход подчеркнут центральным ризалитом, завершающимся изогнутым карнизом и аттиком, оформлен дверью с овальными стеклянными вставками. Балкон, расположенный на верхнем ярусе ризалита, имеет дверной проем с полуциркульным завершением справа и слева от которого красуются причудливые маскароны.

Дома Аладжаловых и Антонова привлекают внимание своим нехарактерным для города архитектурно-художественным решением. Они спроектированы архитектором А. Х. Закиевым, ориентированным на образцы северного модерна⁶⁸⁰ (табл. 16).

⁶⁸⁰ Подробно см.: Баева О. В. Северный модерн в жилой архитектуре Нахичевани-на-Дону / О. В. Баева // Художественная культура. — 2019. — № 3. — С. 214–225; Baeva O. Northern Art Nouveau in the Residential Architecture of Nakhichevan-on-Don / O. Baeva // Proceedings of the 3rd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education

Неоклассицизм, который иногда называют «петербургским возрождением», подчеркивая тем самым его приверженность русскому классицизму «первой волны» и ориентацию на творения столичных зодчих того периода. Такое понимание неоклассицистического направления в архитектуре, и его распространение в столичных городах не осталось незамеченным в Нахичевани-на-Дону, поскольку здесь уже на протяжении значительного времени предпочитали образы петербургской архитектуры. Неоклассицизм проявлялся в скромном декоре и композиции фасадов, здания отличалась ритмичностью и сдержанностью.

Можно заключить, что общественные и жилые здания Нахичевани-на-Дону выполнены в стилистике модерна и формах эклектики, возводятся с учетом функции. На центральных улицах строятся многоэтажные доходные дома, первый этаж которых с большими окнами-витринами, отводится под торговую функцию, а верхние жилые этажи — под сдачу в наем.

Примечательно, что национально-романтические неостили почти не отразились в светской архитектуре Нахичевани. Во второй половине XIX в. такие проекты, выполненные известными архитекторами, становятся общедоступными благодаря их публикации на страницах периодической печати и издания отдельными выпусками⁶⁸¹.

6.3. Творчество нахичеванских архитекторов

Во второй половине XIX в. в Нахичевани появляется должность городского архитектора. В разные годы ее занимали А. О. Тер-Окопов, В. В. Сазонов, Н. Я. Лион, Т. С. Хивинский, Н. Н. Дурбах. Кроме того, в

(ICASSEE). October 05, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: publons.com/p/34046498/doi.org/10.2991/ICASSEE-19.2019.98.

⁶⁸¹ Например, в журнале «Зодчий» 1894 г. опубликован проект Закавказского Девичьего института для Тифлиса (арх. Р. А. Гедике): Закавказский девичий институт в Тифлисе // Зодчий. — 1894. — № 9. — Л. 2., в 1883 г. сообщалось о проектировании А. Ф. Зальцманом «первой постройки в Тифлисе в грузино-армянском стиле», в 1879 г. и в 1888 г. в том же журнале публикуются два проекта театра Тифлиса В. А. Шретера и т.д.

городе работали частные архитекторы, проекты составляли гражданские инженеры и архитекторы из других городов, в первую очередь из соседнего Ростова-на-Дону. Н. Я. Лион, после ухода с должности городского архитектора Нахичевани-на-Дону, имел свое Строительное бюро. Его отделения были в Ростове и Нахичевани. Архитектор оказывал строительные услуги жителям армянских сел⁶⁸².

Появление в городе архитекторов способствовало распространению нескольких типов архитектурно-художественного решения фасадов, которые возможно связать с творчеством того или иного архитектора.

Василий Васильевич Сазонов после окончания Строительного училища в 1873 г. со званием архитекторского помощника был распределен городским архитектором в Нахичевань-на-Дону. На этой должности он работал до 1878 г.⁶⁸³. За эти годы по его проектам в Нахичевани-на-Дону были построены церковь Сурб Карапет на кладбище⁶⁸⁴, торговые лавки на Базарной площади и несколько частных домов.

Арсена Оганесович Тер-Окопов окончил Строительное училище в 1783 г. и был назначен городским архитектором в Нахичевань-на-Дону⁶⁸⁵. О. Х. Халпахчян называет его автором проектов дома Григоряна (рис. 153–154) и Хатранова (рис. 151)⁶⁸⁶.

Дом М. В. Григоряна — в будущем известного архитектора, располагается на углу ул. Мырлычева, 22 / 20-я линия, 11. Здание это построено на высоком цоколе, украшенном имитирующей руст кладкой. Два фасада, выходящие на пересекающиеся улицы, решены практически идентично: по краям располагаются неглубокого выступа ризалиты,

⁶⁸² Дело о строительстве ограды церкви Сурб Саркис в селе Топти. 1879–1887. НАА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1527. Л. 2.

⁶⁸³ Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892. — Санкт-Петербург, 1892–1893. — С. 298–299.

⁶⁸⁴ Об архитектуре церкви будет сказано в следующем разделе.

⁶⁸⁵ Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892 г. ... с. 341.

⁶⁸⁶ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... Приложения.

увенчанные фронтонами, и по высоте основного этажа обрамленные выступающими полуколоннами на кронштейнах. На западном фасаде ризалиты прорезаны оконными проемами, а на северном — в завершающем здании ризалите располагается входной узел. Видимо позже к дому, со стороны этого входного узла, сделана пристройка, нарушившая симметрию фасадов и лишенная признаков схожего с ними художественного оформления. Полукруглый в плане угол дома завершал купол (утрачен). Прорезают плоскость стены учащенно расположенные световые оси, боковые ризалиты с полуколоннами.

Подобное архитектурное решение присуще и особняку П. Хатранова, занимающему угловое положение на пересечении ул. Советской и 5 линии. Особняк Хатранова отличается богатым декоративным убранством. Архитектор создает торжественное и нарядное здание через введение различной формы оконных проемов — прямоугольных и полуциркульных, чередование лучковых и треугольных сандриков. Фасад украшают маскароны, гирлянды, картуши и т. д. Однако доминирующие приемы в оформлении здания остаются такими же, как и в доме Григоряна: скругленный угол, увенчанный куполом, круглые полуколонны на кронштейнах, ризалиты с аттиками.

Отдельно следует сказать о постройках, выполненных по проектам **Тадеуша Севериновича Хилинского (1855–1905)**⁶⁸⁷. Большая часть его профессиональной деятельности прошла в Саратовской губернии, куда он перевелся в 1883 г. на должность младшего инженера Строительного отделения Самарского губернского правления, а затем дослужился до епархиального и губернского архитектора, директора Попечительного о тюрьмах комитета⁶⁸⁸. В 1882 г. сразу после окончания Строительного училища Главного управления путей сообщения и публичных зданий он был

⁶⁸⁷ Подробно об этом: Баева О. В. К творческой биографии архитектора Т. С. Хилинского: новые материалы // Архитектурное наследие. — 2020. — № 73. — С. 133–139.

⁶⁸⁸ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. В 2 т. — Т. II. / составил С. Н. Кондаков. — Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. — С. 363.

направлен на службу городским архитектором Нахичевани-на-Дону⁶⁸⁹, проработав здесь один год. За это весьма непродолжительное время еще молодой зодчий успел немало сделать.

Согласно источникам Т. С. Хилинским в Нахичевани было проведено переустройство деревянного моста через реку Дон, запроектированы деревянное здание летнего клуба с театром, каменный амбар для ссыпки хлеба⁶⁹⁰, восемь каменных и деревянных жилых домов и другие объекты⁶⁹¹.

Большинство жилых зданий, спроектированных архитектором для нахичеванцев, представляли собой небольшие одноэтажные каменные или деревянные на каменном цоколе дома или флигели с тремя окнами на главном фасаде и сенями — почти обязательным элементом домов Нахичевани. Их покатая кровля представляла собой самостоятельный по отношению к крыше дома элемент и, как правило, имела меньший угол наклона. Если веранда примыкала к боковому фасаду, то одна из ее сторон выходила на красную линию, что давало возможность организовать через нее вход с улицы в дом. Эти входные узлы Хилинский превращает в акцент главного фасада. Дверной проем он встраивает в ризалит неглубоко выступа, завершающийся прямоугольным аттиком. За ризалитом скрывается веранда или сени. Остальной декор домов скромный, сводится к угловым лопаткам, простым оконным наличникам и ажурной решетке аттика, а в некоторых постройках отсутствуют и эти элементы: архитектор оставляет гладкой фасадную плоскость. В фондах ГАРО обнаружены проекты на постройку деревянных на каменном фундаменте дома А. Г. Сулименко на углу 1 Федоровской улицы и 11 линии⁶⁹² (рис. 137), флигеля наследников Р. Захарова на углу 1-й Федоровской улицы и 1-й линии (рис. 138), двух

⁶⁸⁹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914... С. 363.

⁶⁹⁰ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914... С. 363–364.

⁶⁹¹ Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343. Л. 12–14.

⁶⁹² Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы... Л. 45.

деревянных флигелей фельдшера Соловьева на углу 1 Федоровской и 13 линии⁶⁹³ и др.

К подобным зданиям можно отнести и одноэтажный на высоком цоколе каменный дом К. Х. Атамановой на 14 линии, 13 (сохранился с перестройками) (рис. 140–141). Его парадный фасад декорирован тоже скромно, но сам дом отличается от описанных выше размерами и наличием шести световых проемов парадного фасада с усложненным очертанием наличников. Пять окон расположены подряд, шестое от них отделяет дверной проем, вместе с которым оно помещено в боковом ризалите. Здесь автор уделяет внимание горизонтали: поясками прорезает всю плоскость фасадной стены, захватывая и едва выступающие лопатки, вводит профилированный карниз.

Отличается от описанных выше и объемно-планировочное решение дома. Архитектор берет г-образную в плане основу и дополняет ее нужными, для решения планировочных задач, объемами. Тем самым г-образный остов плана он преобразует в прямоугольный, и выступает за границы этого прямоугольника там, где этого требовала логика организации внутреннего пространства. За прямоугольник плана частично выступает удлиненное помещение, заканчивающееся в середине бокового фасада угловым выступом. Оно имеет отдельный вход, устроенный на парадном фасаде, и сообщение с подвалом. Вход в основные помещения дома расположен рядом, тоже на парадном фасаде, и осуществляется через прихожую – квадратное в плане помещение, полностью выступающее за основной объем.

На фоне описанных построек выделяется одноэтажный угловой каменный дом на улице Софиевской (совр. ул. 1-я Майская) (рис. 139). К сожалению, в архиве сохранилась лишь часть этого проекта⁶⁹⁴, на ней отсутствует подпись архитектора. Однако проект хранится в деле 1882–1883 гг., в котором находятся другие работы Хилинского, а главное —

⁶⁹³ Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы... Л. 41.

⁶⁹⁴ Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы... Л. 35.

характерный для него творческий подчёрк, не оставляют сомнений в авторстве: узнаваемые очертания лопаток, наличников окон и формы сандриков, сложно декорированные аттики со световыми окошками (его излюбленный прием и в последующие годы. Например, дома С. П. Суховского и М. Ф. Победоносцевой в Самаре).

Дом на Софиевской выделяется среди других нахичеванских проектов Т. Хилинского прежде всего своими размерами и парадным обликом. Здание, сохранившиеся до нашего времени, отличается своим нетипичным для Нахичевани архитектурно-художественным решением. Основная масса жилых построек города представлена теми или иными вариантами нескольких типов каменных домов, отражающих периоды архитектурной истории Нахичевани. Во второй половине XIX в. дома в городе имели такие характерные элементы, как полуколонны на кронштейнах⁶⁹⁵, треугольные фронтоны, лепной декор, рустовка — здесь старались уйти от гладких простенков. Хилинский вроде тоже прорезает фасад по вертикали лопатками и пилястрами и по горизонтали тягами, но избегает при этом прямых линий: скругляет их, изгибает, вводит различные криволинейные формы. Он использует сложную пластику в оформлении стены выше оконных проемов в боковых ризалитах, которая переходит к аттикам с таким же сложным фигурным оформлением. Большинство этих выгнутых и вогнутых форм он оставляет гладкими, не заполняя их декором или рустом, и они превращаются в продолжение гладких простенков фасада, как бы вырастая из них.

В Нахичевани, как сообщает Г. В. Барановский, по проекту Т. С. Хилинского был построен летний деревянный клуб с театром⁶⁹⁶. К сожалению, этот чертеж обнаружить не удалось. Источники подтверждают, что в 1883 г. было разрешено строительство летнего помещения

⁶⁹⁵ Подробно см.: Есаулов Г.В. Архитектура Юга России: от истории к современности...

⁶⁹⁶ Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища)... С. 364.

Коммерческого клуба на южной стороне Соборной площади⁶⁹⁷. Здание не сохранилось, и мы имеем только одну фотографию, на которой парадный фасад клуба виден полностью. Она опубликована⁶⁹⁸ и датируется началом XX в. К этому времени главный фасад уже подвергся перестройке. Видимо, она была частичной и сохранились некоторые детали первоначального оформления веранды, протянувшейся вдоль главного фасада здания, и шатровые завершения углового ризалита. Представляется, что архитектор проектировал здание под влиянием идей псевдорусской деревянной архитектуры. Декоративные элементы в оформлении веранды перекликаются с резьбой из проектов и эскизов, публиковавшихся в журнале «Мотивы русской архитектуры», издаваемом в 1870-е гг.

С учетом выдвинутой гипотезы вопрос об авторстве проекта на постройку летнего помещения Коммерческого клуба значительно выходит за рамки проблемы атрибуции. Деревянное здание летнего Коммерческого клуба стало одним из редких, возможно даже единственным примером, обращения к русскому стилю. Архитектура Коммерческого клуба может свидетельствовать о таком факторе, как стилевые предпочтения городских архитекторов.

С 1889 по 1913 год эту должность занимал **Николай Никитич Дурбах**, который на протяжении всей своей профессиональной деятельности оставался приверженцем академических стилей в их эклектичной трактовке. Таким образом, атрибуция и выявление этапов перестройки здания клуба позволили бы прояснить вопросы, связанные со стилевыми предпочтениями горожан и ролью архитектора в формировании архитектурного образа города.

Законченный облик центра Нахичевани сложился благодаря деятельности городского архитектора Н. Н. Дурбаха, занимавшего этот пост

⁶⁹⁷ Дело об открытии летнего помещения Коммерческого клуба в сквере на Соборной площади. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–2.

⁶⁹⁸ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...; Есаулов Г. В, Черницына В.А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону...

с 1889 г. по 1913 г. Выходец из Нахичевани, в 1886 г. окончил Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств⁶⁹⁹. Под влиянием столичной академической архитектурной школы сложился творческий метод зодчего. Усвоивший принципы столичной эклектики Николай Никитич применял их в проектируемых для Нахичевани жилых домах, доходных домах и общественных зданиях. Его постройки тяготеют к ренессансу, барокко, классицизму, а формам последнего архитектор отдает предпочтение (табл. 15).

Из договора, который он подписал с Управой, следует, что архитектор обязан «все городские работы, как-то: постройки, отводы и обмеры земельных участков в отбитие линии улиц и вообще все чертежи и планы, порученные...городской управою... исполнять без промедления... без особого вознаграждения. Для жителей Нахичевани все проекты построек, не превышающие своей ценностью 500 руб., ...исполнять безвозмездно. С построек стоимостью более 500 руб. ... получать вознаграждение за составление проекта не более ½ % и за надзор, если того пожелает заказчик, не более 1 ½ % стоимости построек»⁷⁰⁰. Такие расценки были низкими⁷⁰¹.

За свою почти 25-летнюю деятельность в должности городского архитектора Дурбах⁷⁰² завершил формирование целостной среды города. Творческий метод архитектора, не выходящий за рамки эклектики, не разрушил однородности городской ткани и способствовал ее насыщению яркими ансамблями. Очевидно, что за продолжительные годы своей работы

⁶⁹⁹ Личное дело Нахичеванского-на-Дону городского архитектора Н. Н. Дурбаха. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 505; Дело о выпускниках Императорской Академии художеств. Ф. 789. Оп. 9. Д. 130. Л.5.

⁷⁰⁰ Личное дело Нахичеванского-на-Дону городского архитектора Н. Н. Дурбаха... Л. 3.

⁷⁰¹ Ростовский городской архитектор Якунин, например, соглашался работать в Нахичевани за вознаграждение в 2 ½ % за проект и 4% за надзор: Дело о приглашении художника архитектуры Дмитрия Лебедева для нужд города Нахичевани по технической части. ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д.187.

⁷⁰² Его профессиональная деятельность не ограничивалась рамками Нахичевани. Он проектировал здания в соседних городах. В Ростове-на-Дону совместно с архитектором А. Н. Померанцевым принимал участие в строительстве гостиницы Московская, в Таганроге по его проекту построена армянская церковь.

он спроектировал многие дома, авторство которых сегодня установить сложно из-за плохой сохранности проектной документации.

Архитектор прибегает к трехчастному или пятичастному вертикальному членению симметричных фасадов. Осевая композиция, использование профилей и тяг характерны для архитектуры классицизма. Зальная планировочная система, обычное в то время решение для домов, в которых центром являлся большой зал для приемов. Во многих своих проектах он обращался к коридорной архитектурно-планировочной схеме. Помещения располагались по одну сторону или по обе стороны.

Он является автором многих домов зажиточных нахичеванцев А. Искидарова, Е. Красильникова, Л. Попова, К. Сармакешева, дома юриста Степаносяна, жилые дома по 7-й линии (ныне под № 5 и 29) и другие.

Угловой особняк Е. Красильникова (1888–1889) на пересечении 1-й Софийской и 18-й линии является одним из примеров ранних работ Н.Н. Дурбаха. Уже здесь проявились черты, характерные для его творчества. Фасады одноэтажного богато декорированного здания эклектичны, имеют четко выраженную специфику — парадные фасады украшают элементы, характерные для классицизма и барокко. Дворовые фасады скромно оформлены наличниками, профилированным карнизом и штукатурными тягами. Цоколь рустован. Пластику здания дополняли боковые купола со шпилями. Композицию фасадов определяет визуально приподнятая центральная часть, завершающаяся аттиком. Планировка коридорная с односторонним и двухсторонним расположением помещений – излюбленный прием архитектора, к которому он обращался практически во всех своих проектах. Окна зала выходили на ул. 1-ю Софийскую, а жилые помещения – на второстепенную 18-ю линию.

Дом юриста Степаносяна (1880-е гг.), который находится по адресу ул. 1-я Майская 20, сохранился в перестроенном виде. Однако его главный фасад позволяет составить представление о раннем творчестве архитектора. Трехчастное деление подчеркнуто двумя боковыми ризалитами с

устроенными в них входными группами. Полуциркульные арки входных проемов украшены декоративным замковым камнем и обрамлены полуколоннами с коринфскими капителями и фронтонами. На центральной части главного фасада расположены три прямоугольные окна с наличниками, гармонирующими с оформлением порталов. Как и многие дома Нахичевани, здание возведено на высоком цоколе.

Фасад особняка Лусегена Попова, построенного на Екатерининской площади города (пл. К. Маркса, 8), построен на рубеже 1880–1890-х гг. Пятичастное вертикальное членение парадного фасада выполнено за счет введения двух боковых и центрального ризалитов неглубокого выступа, завершающихся аттиками. Первый этаж украшен рустом, второй этаж имеет пышный декор. Полуциркульные оконные проемы второго этажа, устроенные в крайних ризалитах, декорированы архивольтами и замковым камнем-маскароном, а также акцентированы кариатидой и атлантом. Остальные оконные проемы прямоугольной формы, на втором этаже боковые украшены сандриками, а центральные — женскими головками и маркированы композитными пилястрами и полуколоннами. Вертикальные членения фасада уравновешены подчеркнутой горизонталью — межэтажными тягами, отделяющими строго решенный фасад первого этажа от нарядно декорированного второго, венчающим здание карнизом с сухариками, фризами боковых и центрального аттиков, украшенных растительным орнаментом.

Г-образное в плане здание коридорного типа с расположением помещений по обе стороны коридора. Парадные комнаты, среди которых выделялся просторный зал для приемов, ориентированы на улицу, сюда же выходил парадный вход в здание, к которому примыкала двухмаршевая лестница. Трехмаршевая лестница располагалась в левом крыле, здесь же находился лифт. Высокий цоколь дома предназначался для сдачи в аренду, а на втором этаже находились комнаты хозяев.

Жилой дом Пивоваровой (3-я линия, 10) — одно из тех немногих произведений Дурбаха, проект которого сохранился. Он был утвержден в 1904 г. и с незначительными изменениями, внесенными при строительстве, соответствует отреставрированному в 2016 г. зданию. Одноэтажный кирпичный дом на цоколе из ракушечника — часто используемый в архитектуре Нахичевани прием — с простым классицистическим решением главного фасада. Здесь архитектор прибегает к трехчастному членению. Главный фасад оформлен архитектурными элементами из светлого камня. Это раскреповки с фронтонами и полуколоннами, сандрики, филенки, замковые камни и многопрофильный карниз, которые контрастируют с красными кирпичными стенами. Парадные помещения расположены анфиладой, вокруг них сгруппированы второстепенные комнаты. Окна спальных комнат ориентированы во двор. В интерьере сохранились лепные розетки и многопрофильные карнизы. К дому со стороны двора примыкала веранда.

Дом А. Когбетлиева замыкал перспективу Бульварной площади (пл. Толстого, 1 / ул. Комсомольская, 2). Он был построен в 1912 г.⁷⁰³. Архитектурный образ полуторазэтажного углового здания формируют зрительно схожие с особняком Гайрабетовых приемы и пышное оформление фасадов. Полуциркульные оконные проемы угловых ризалитов оформлены похожими массивными сложного профиля архивольтами с замковым камнем. Их значимость в композиции фасада подчеркивают расположенные по краям ризалитов полуколонны, увенчанные раскрепованным фронтоном.

Жилой дом на 7-й линии, 31, автором проекта которого, очевидно, является Н. Н. Дурбах, выполнен в «кирпичном стиле» и архитектурным решением своего фасада, вынесенного на красную линию, перекликается с другими работами автора. Здесь мы видим скромный декор уличного фасада с элементами классической архитектуры. Трехчастный фасад с

⁷⁰³ Волошинова Л. Ф. Бульварная площадь... С. 67.

незначительно выступающими боковыми ризалитами, в одном из которых изначально была расположена входная дверь.

По проекту Н. Н. Дурбаха построено здание мужской классической гимназии (1912) на 1-й Федоровской улице (угол ул. Мясникова, 52 / и 13-й линии). Кирпичное здание полуторазэтажное. Пятичастную вертикаль фасада формируют раскреповки, центр акцентирован небольшого выступа ризалитом с близко размещенными оконными проёмами и межоконными пилонами, которые на первом этаже акцентированы рустом. Венчает здание полукруглый аттик с балюстрадой. Нижний этаж рустован. Пластику фасада дополняют межэтажный карниз сложного профиля и филенки. Оконные проемы здания прямоугольные на первом и втором этаже, полуциркульные арочные на третьем этаже. Оконные проемы второго этажа украшают замковые камни.

Прямоугольное в плане здание гимназии, со стороны двора имеет три квадратных в плане выступа, расположенных по бокам и в центре. В них расположены классы и хозяйственные помещения, двери которых выходят в широкий коридор. Основное количество классных комнат располагается по другую сторону коридора. Ширина коридора примерно равна ширине комнат, и он является полноценным рекреационным пространством. План разработан таким образом, что помещения разделяются на блоки с учетом разного функционального назначения и возрастного состава учеников.

Одним из самых значительных дел архитектора стало проектирование ансамбля Бульварной площади. Обрамляли площадь особняки состоятельных горожан, некоторые из них проектировал сам Н. Н. Дурбах. Северная сторона площади, примыкавшая к Соборной площади, до последних десятилетий XIX в. оставалась неоформленной. В 1890-е гг. по проектам Дурбаха здесь возводятся здания учебных заведений, закрепляющие западный и восточный углы северной стороны площади, а затем между ними — здание городского театра.

Здание городских училищ (1891) на углу площадей Бульварной и Льва Толстого и Екатерининской женской гимназии (1893) на углу площадей Базарной и Екатерининской сохранились с изменениями. Фасады кирпичных учебных заведений, закрепляющие углы площади, архитектор решил схожим образом — в традициях ренессанса и классицизма. Пластику их главных фасадов формируют центральные ризалиты, завершающиеся куполами с флагштоками.

Здание городских училищ, построенное для объединенных приходских училищ им. Саака и Месропа первоначально было двухэтажным с высоким цоколем. Композиция его главного фасада — пятичастная с выделением центрального и боковых ризалитов. Центр здания подчеркнут полуциркульным арочным окном, колоннами дорического ордера, располагавшимися на уровне второго этажа, завершен фронтоном с аттиком. Боковые ризалиты акцентированы рустовкой и полуциркульными нишами с имитацией замкового камня и завершены фронтонами, аналогичными центральному. Другой фасад здания выходил на пл. Полицейскую. Его пластику определил ризалит с колоннами дорического ордера и фронтоном. Парадный фасад имел два входа. Планировочное решение здания относится к коридорному типу с двухсторонним расположением помещений.

Екатерининская женская гимназия, возведенная с противоположной (западной) стороны площади, своими объемным и пластическим решениями перекликалась со зданием училищ. Здание в кирпичном стиле также имело пятичастное деление и три ризалита с рустовкой, колонны ионического ордера, фронтоном и купол над центром здания. Входной портал был устроен в центре здания. Т-образное в плане здание коридорного типа с двухсторонним расположением учебных кабинетов. В 1910-е гг. здание было расширено по проекту Х. К. Гусикьянца. Была увеличена этажность и пристроен корпус, что изменило внешний облик здания.

В 1895 г. архитектор приступил к работе над проектом городского театра — главного акцента площади, объединившего ранее построенные

здания в ансамбль. Визуальное единство было усилено парадными лестницами с балюстрадами, расположенными между боковыми фасадами театра и учебных заведений. Они соединили все здания северной части Бульварной площади, оформив ее ансамбль. Нижние ярусы всех зданий рустованы, они имели более скромный декор, чем верхние ярусы. Главный фасад каждого здания имел пятичастное вертикальное членение. Гармонично сочетались архитектурные детали зданий. В композицию площади вовлекался и собор Григория Просветителя, располагавшийся в глубине прямоугольника центральных площадей за северными фасадами зданий Бульварной площади.

Городской театр являлся центральным зданием, эстетической и духовной доминантой площади, на которую, с одной стороны, ориентировались остальные постройки, а, с другой стороны, архитектор построил театр в уже складывавшийся ансамбль площади и умело подобрал его архитектурно-художественные формы. Строительство театра завершилось в 1899 г.

Двухэтажное здание выполнено в соответствии с существовавшими в то время тенденциями, идущими от ведущих архитекторов⁷⁰⁴. В обобщённом виде можно определить архитектуру европейского театра следующим образом: ярусный (ранговый) полукруглый в плане зрительный зал (с различными вариациями — подковообразный, овальный и т. п.), кулисная сцена-коробка, преобладание барочных интерьеров и фасады, как правило, тяготеющие к формам академических стилей. Возведение театра Фарнезе считается ключевым моментом в становлении принципов архитектуры

⁷⁰⁴ Dienes Gerhard M. Fellner & Hellmer: Die Architekten der Illusion // Theaterbau und Bühnenbild in Europa. — Graz 1999. — P. 167–169; Подробно см.: Baeva O. Architecture of Russian Provincial Theatres of the Second Half of the 19th Century in the Regional and Global Aspects // Culture Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE) on October 05, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publons.com/p/21958954/doi.org/10.2991/ICASSEE-18.2018.98>.

европейского театра Нового времени⁷⁰⁵. В последующем архитекторы шли по пути усовершенствования его внутреннего устройства — конструкции ярусов и самой формы зрительного зала, устройства сцены, продумывали вспомогательные помещения, вестибюли, лестницы и т.д. С усложнением внутренней планировки более совершенными стали и объемные решения зданий, со временем утвердился принцип проектирования изнутри – наружу и внешний объем отражал внутреннее устройство театрального здания.

Еще одной немаловажной составляющей театрального зодчества стало представление о его значительной градостроительной роли. Если первоначально театральные помещения были частью дворцовых комплексов, подстраиваясь под их ансамбли, то затем они становятся доминантам площадей, возводятся на открытых пространствах, подчиняя окружающую застройку.

Фасады двухъярусного здания городского театра Нахичевани выполнены в формах ренессанса с элементами барочной архитектуры. Здание имеет сложную конфигурацию в плане, отражающую его внутреннюю планировку. Рисунок плана главного фасада определяется несколько выступающей вперед слегка скругленной центральной частью, акцентированной в нижнем ярусе тройной аркадой входных проемов и поднятым над ней портиком с центральными колоннами, и боковыми пилонами, завершающимися коринфскими капителями. Полуколонны с теми же капителями ритмично расположены на втором ярусе главного фасада. Боковые ризалиты главного фасада придают зданию монументальность и еще больше акцентируют его центральную часть с порталом. Нижний ярус здания декорирован скромней, его украшением служит крупный прямоугольный и клинчатый руст, поддерживаемый рустованными лопатками во втором ярусе. Верхний ярус главного фасада декорирован богаче, его украшают херувимы, картуши, орнамент. Из-за ограниченности

⁷⁰⁵ Уманский Н. Г. Эволюция архитектуры театра // Проблемы архитектуры. — Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1937. — С. 73–131.

средств, выделенных на постройку театра, не удалось выполнить фигуру Аполлона, которая по задумке архитектора должна была украшать фронтон⁷⁰⁶. Полуциркульные окна нижнего и верхнего яруса украшены замковым камнем — излюбленный прием архитектора. Венчает здание шатровый купол, который, если судить по проекту, должен был сильнее возвышаться над центральной частью здания, но видимо в ходе строительных работ его высоту пришлось немного скорректировать. Архитектура остальных фасадов здания отличается от главного большей скромностью, но их оформление поддерживает целостный образ здания.

Главный фасад повторяет форму зрительного зала и окружающих его вестибюля и фойе. Большой вестибюль театра украшает мраморная лестница с балюстрадой, ведущая в фойе. Интерьеры театра украшены лепниной и гипсовыми фигурами. На стенах фойе располагались портреты великих драматургов, выполненные известным новочеркасским художником И. И. Крыловым⁷⁰⁷.

Зрительный зал имеет в плане форму перевернутого купола. Он состоит из партера, амфитеатра, и ярусов лож. По проекту зал предполагался четырёхъярусным⁷⁰⁸, но из-за недостатка средств его пришлось сделать трёхъярусным. За большой сценой-коробкой устроена аръерсцена, их окружают различные вспомогательные комнаты — гримерные, помещения для хранения декораций и т. п. Сцена имеет ширину зрительного зала. Объемно-пространственное решение театрального здания рационально, хорошо организованы перемещения зрителей, небольшой театр имеет необходимые служебные помещения и аръерсцену, чем могли похвастаться далеко не все провинциальные театры того времени.

Архитектура городского театра Нахичевани-на-Дону свидетельствует о том, что зодчий был хорошо знаком с современными ему проектами театральных зданий. Сравнительный анализ позволяют сделать вывод о том,

⁷⁰⁶ Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь... С. 99.

⁷⁰⁷ Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь... С. 99.

⁷⁰⁸ Волошинова Л.Ф. Бульварная площадь... С. 101.

что Н. Н. Дурбах в своем творчестве ориентировался на тот тип театров, который представлен творчеством австрийских архитекторов Ф. Фельнера и Г. Гельмера. конца 1870-х — начала 1890-х гг. Это ренессансно-барочный период их творчества, когда они проектировали театры для многих городов Европы.

Архитектурно-художественное решение фасадов нахичеванского театра созвучно одному из часто повторяемых венскими архитекторами приемов: устройство выступающей центральной части главного фасада и обращение к формам ренессансно-барочной архитектуры. Примерами здесь могут стать театр им. Ф. К. Шальды (Либерец, Чехия. 1881), Народный театр (Будапешт, Венгрия. 1875, не сохранился), Народный театр (Вена, Австрия. 1889) и некоторые другие. Вместе с тем внешний облик нахичеванского театра строже.

План театра Нахичевани вполне может быть сопоставлен с планами Городского театра (Сегед, Венгрия. 1883), Народного театра (Вена, Австрия. 1889), Государственного театра Висбадена (Висбаден, Германия. 1894). В этих планировках Ф. Фельнер и Г. Гельмер использовали прием повторения внутренней планировки во внешнем объеме здания.

Многие излюбленные Н. Н. Дурбахом архитектурные приемы, безусловно, отсылают нас к его студенческим годам, проведенным в Санкт-Петербурге: обращение к формам классических стилей, оформление первых этажей зданий крупными прямоугольными рустами, стремление к ансамблевости в застройке. В итоге они способствовали окончательному сложению облика Нахичевани-на-Дону, и отвечали столичным устремлениям образованных слоев города. Тонко чувствующий уникальность архитектурной среды, зодчий, следует современным ему тенденциям архитектуры.

Арутюн Христофорович Закиев — уроженец Нахичевани, в 1908 г. окончил Рижский политехнический институт. Проработав непродолжительное время в Риге, вернулся в Нахичевань, где выполнил ряд

частных заказов на проекты жилых домов и промышленных зданий⁷⁰⁹ (табл. 16).

Творческий метод архитектора формировался в Российской империи в рамках рижской архитектурной школы, где он оказался у истоков рижского модерна. Как нам удалось установить, среди архитекторов, с которыми ему приходилось работать до возвращения в Нахичевань, были М. Эйзенштейн, Р. Шмеллинг, В. Бокслаф, Э. Лаубе, А. Ванагс, К. Пекшен⁷¹⁰. Наследие самого архитектора составляют не менее интересные, чем его коллег, здания, которые сегодня включены в фонд объектов культурного наследия в трех странах: Латвии, России, Армении.

Особняк Антонова (ул. Закруткина, 22; 1905–1910 гг.) стал одним из первых проектов А. Х. Закиева на Дону. Сейчас остался только один парадный фасад здания, к которому пристроен многоквартирный жилой дом. Еще раньше был утрачен интересный акцент здания — красная с ромбовидными чешуйками крыша с гребнем⁷¹¹. Видимо она была сделана по аналогии «с драконьими крышами», популярными в архитектуре модерна Риги (и не только).

Сохранившийся фасад двухэтажного здания имеет угловые раскреповки, завершающиеся щипцами. Оконные и дверные проемы разной ширины. На втором этаже когда-то были два балкона с кованными металлическими решетками. Фасад украшают подоконные филенки и сандрики с замковым камнем. Можно сказать, что здесь мы видим своего рода новое в целом привычного строя фронтальной композиции. Непривычные для архитектуры города щипцы являются своего рода заменой куполам и фронтонам, выделявшим здания из окружающей застройки.

⁷⁰⁹ Подробно о творчестве А. Х. Закиева см.: Баева О. В, Миклюкова А. М. Творчество архитектора А. Х. Закиева // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2022. — №. 18. — С. 131–136.

⁷¹⁰ Подробно об архитекторах Риги см.: Крастиныш Я. А. Стиль модерн в архитектуре Риги. — Москва: Стройиздат, 1988.

⁷¹¹ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 99.

В планировочном решении дома приемы модерна воплощены не вполне. Первый этаж имел две квартиры, которые сдавались в наем. Второй этаж предназначался для хозяев. Здесь парадные помещения располагались анфиладой, их окна выходили на улицу. Хозяйственные помещения помещались в крыле, примыкавшим к центру дворового фасада.

Обособняк Аладжалова (угол ул. Закруткина и 15-й линии; 1910–1912 гг.) имеет угловое положение. Его углы акцентируют ризалиты, завершенные щипцами. Оштукатуренным фасадам выразительность придают скошенные оконные проемы первого этажа и декоративные вставки в виде выстроенных в ряд квадратов с синей керамической плиткой. Полукруглые в плане эркеры совмещены с балконами. В данном случае архитектор уверенно обращается к северному модерну.

На планировке влияние модерна сказалось только отчасти. Характерные для модерна центрические планировки и отказ от анфиладности и коридорной системы нашли здесь отражение лишь частично⁷¹². В здании п-образной конфигурации с несколько удлиненным одним крылом парадные комнаты располагались в центре второго этажа, к ним вела центральная лестница. Большинство комнат в доме были связаны коридором.

К основному объему здания примыкают летние помещения в виде террасы на чугунных колоннах, что соответствовало традиции устройства веранд в архитектуре города (рис. 162–164).

Планировки особняков Аладжалова и Антонова свидетельствуют о том, что за внешней новизной фасадов скрывались устоявшиеся принципы организации жилого пространства.

6.4. Церковная архитектура. Смена стилевых ориентиров

⁷¹² Иванова-Ильичева А. М., Орехов Н. В., Баева О. В. Особняки в архитектуре Ростова и Нахичевани-на-Дону 1890–1910 годов: композиционно-стилистические особенности... С. 110.

Поиски способов художественного выражения национального, захватившие представителей разных религий, в армянских поселениях Нижнего Дона нашли выражение в церковной архитектуре последних десятилетий XIX в. В отличие от прошлого периода храмовое зодчество России приобретает разнообразие. «Многообразием формально-образных решений отличаются храмы (Нижнего Дона – О.Б.) различных конфессий второй половины XIX — начала XX вв. В архитектурно-художественном решении православных церквей поэтапно сменяются официальный русско-византийский, византийский археологический вариант, псевдорусский стили. В 1910-е гг. встречаются примеры культовых построек в стилистике модерна и неорусском стиле»⁷¹³.

Первые зафиксированные свидетельства о желании донских армян строить церкви в национальном «стиле» относятся к 1860-м гг. В 1867 г. армяне села Несветай обратились в консисторию с просьбой разрешить вместо церкви Сурб Карапет, строившейся в тот момент в формах классицизма, приступить к строительству новой церкви, объяснив это тем, что начатая церковь не соответствовала облику армянских храмов⁷¹⁴. Эти первые проявления интереса к национальному «стилю» не были подкреплены значительными возможностями строительства. После 1860-х гг. большинство их в Нахичевани и селах были уже возведены из кирпича и, соответственно, задача строительства церковью перед прихожанами не стояла.

Из шести приходских церквей города, возведенных в первый период церковного строительства, перестройке или значительным ремонтным работам во второй половине XIX в. подверглись три церкви: Сурб Никохос, Сурб Георг и Сурб Амбарцум. При этом стилистические изменения были внесены только при перестройке Сурб Никохос (рис. 165). О. Х. Халпахчян писал, что этот классицистический храм значительно перестроен, купола церкви и колокольни «были заменены восьмигранными шатровыми,

⁷¹³ Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков... С. 161.

⁷¹⁴ Армянские церкви Российской империи... С. 185.

благодаря чему верх... стал похож на завершение культовых зданий Армении»⁷¹⁵.

Сегодня известны две фотографии, на которых отремонтированная церковь запечатлена в разные годы⁷¹⁶. Одна из фотографий датируется 1920-ми годами, другая — рубежом XIX–XX в. Однако эти датировки нельзя считать вполне достоверными. Сравнение этих фотографий приводит к выводу о том, что церковь подвергалась перестройке как минимум два раза. В источниках есть упоминание о ремонтах церкви в 1862 г. и в конце XIX в.⁷¹⁷. Других сведений нет.

На обеих фотографиях мы видим пирамидальные завершения церкви и колокольни, установленные на классицистические фасады с портиками. Аналогичные пилястры расположены на фасадах здания, граненом барабане и кубовидной колокольне со срезанными ребрами. Однако только на одной из этих фотографий можно видеть килевидные кокошники, расположенные над полуциркульными окнами в гранях барабана и над арочными проемами звонницы колокольни. Пристроенные к колоннам портика сени имеют подобное килевидное завершение.

Неудовлетворенность классицистическими формами храма вызвала желание придать ему современный облик, элементы которого в целом соответствовали популярному русскому стилю. Хотя килевидная арка также применялась и в армянской средневековой архитектуре⁷¹⁸, но, скорее всего, в тот период она была взята из образцовых проектов К. Тона.

На фотографии, предположительно следующей по времени, сделанной после второго ремонта конца XIX в., изображен храм, сохранивший свой классицистический фасад и пирамидальные завершения, но без килевидных элементов. Над оконными проемами барабана и арками яруса звона

⁷¹⁵ Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 86.

⁷¹⁶ Подробно см.: Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений... С. 60–70.

⁷¹⁷ Армянские церкви Российской империи... С. 45.

⁷¹⁸ Армянские церкви Российской империи... С. 70.

простенки оставлены гладкими, а южные и западные сени, которые теперь видны на фотографии, завершает треугольный щипец с двускатной кровлей.

С последней четверти XIX в. в архитектуре армянских поселений утверждается «армяно-византийский стиль». В этом стиле были построены две новые церкви — Сурб Карапет на кладбище Нахичевани-на-Дону и Аменапркич в селе Крым⁷¹⁹.

Строительство новой, седьмой церкви в Нахичевани-на-Дону не было вызвано желанием иметь еще один приход, по словам Е. Шахазиза, горожанам вполне хватало церквей, построенных ранее. Появление храма стало результатом завещания, написанного А. Аладжаловой, в котором она распорядилась построить церковь на городском кладбище.

Строительство церкви Сурб Карапет (Иоанна Предтечи) велось с 1875 по 1881 гг. (рис. 166–171). Х. А. Поркшеян называет архитектором церкви Б. Газырбекова и указывает 1867 г. как дату составления проекта⁷²⁰. Эту точку зрения разделял О. Х. Халпахчян⁷²¹. Е. Шахазиз пишет, что проект церкви выполнен городским архитектором Нахичевани В. В. Сазоновым⁷²², занимавшим эту должность с 1873 г. В фондах ГАРО сохранились документы, из которых следует, что проект составил городской архитектор Сазонов⁷²³. В «Юбилейном сборнике сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров», составленном Г.В.

⁷¹⁹ Подробно об этом см: Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений // Архитектурное наследство. — 2018. — Выпуск 69. — С. 60–70; Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчяна. — Москва: КРАСАНД, 2011. — С.165-191; Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 1(16). — С. 199–216.

⁷²⁰ Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений... С. 65.

⁷²¹ Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 78.

⁷²² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 56.

⁷²³ Дело о постройке церкви на кладбище. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 124.

Барановским⁷²⁴, указано, что В. В. Сазонов является именно автором проекта церкви на Армянском кладбище, а не архитектором которой вел надзор за строительством. Свидетельства указанных источников позволяют считать автором проекта церкви В. В. Сазонова.

Он был распределен городским архитектором Нахичевани-на-Дону сразу после окончания ИГИ, в котором, как было показано в разделе 2.4 развивалась школа армяно-византийского стиля. Архитектор был знаком с этим зодчеством в его профессиональной интерпретации того времени. Знал он источники, которые можно использовать при составлении проекта. Это были обмерные чертежи церквей Армении и Грузии, выполненные Д. И. Гриммом⁷²⁵.

Архитектура церкви описана О. Х. Халпахчяном⁷²⁶, А. Ю. Казаряном⁷²⁷. Исследователи отметили, что в основе ее композиции лежит тип средневековой армянской церковной архитектуры, представляющей собой прямоугольное в плане удлинённое по оси запад-восток здание с конусообразным «куполom, расположенным на перекрестии возвышающихся над основным объемом здания сводчатых рукавов. Было отмечено также, что формам армянской архитектуры соответствуют основные декоративные и формообразующие элементы церкви»⁷²⁸.

По мнению А. Ю. Казаряна, в архитектуре церкви соединены элементы культового зодчества разных периодов средневековья, принадлежащих не только армянской, но и грузинской традициям, что объясняется выборочным использованием при проектировании здания обмерных чертежей Д. И. Гримма, изданных в его альбоме «Памятники христианской архитектуры в

⁷²⁴ Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) ... С. 98.

⁷²⁵ Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону... С.165–191.

⁷²⁶ Халпахчян О. Х. культовые сооружения новопахичеванских армян... С. 107–121.; Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 89.

⁷²⁷ Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону... С.165-191.

⁷²⁸ Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений... С. 60–70.

Грузии и Армении»⁷²⁹. Исследователь показал, что «наряду с армянским прообразом, предположительно собором в Ани», использовался и грузинский — церковь в Самтависи⁷³⁰.

Такой образ церкви стал весьма популярным на территории России в эпоху Нового времени⁷³¹. Очевидно, первым к нему обратился еще в 1850-е гг. Г. Г. Гагарин, создавая эскизы для проекта православной церкви в г. Темир-Хан-Шура. Хотя сами его эскизы были опубликованы уже на рубеже веков, после его смерти, но поскольку он был вице-президентом Академии художеств с 1856 г., его творчество, разумеется, были известны современникам, ученикам и творческому окружению⁷³². Возможно, именно поэтому из альбома Гримма архитектор, проектировавший храм для Нахичевани, выбрал именно данный образ церкви в Самтависи.

Донские армяне еще раз воспроизвели подобное оформление фасадов церкви при строительстве храма Аменаприкч (Всеспасителя) в селе Крым (рис. 172–173). Однако при своей близости образу нахичеванской церкви и схожему с ней оформлению фасадов, в ее основе лежит иной проект.

Сегодня эта церковь, пострадавшая в годы советской власти, восстановлена. Ее колокольню и основной объем венчают пирамидальные копала. Однако нам не известно какой формы эти завершения были изначально. Церковь сохранилась в разрушенном виде, нет ее старых изображений. О. Х. Халпахчян писал, что согласно свидетельствам жителей, купола были «как в русских церквях», что, конечно, не дает понимания их первоначальной формы. Можем только предположить, что исходя из ее архитектурного решения и контекста строительства армянских храмов с последней четверти XIX в. завершения колокольни и храма должны были быть все же характерными для кавказского средневекового зодчества.

⁷²⁹ Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону... С. 179–187.

⁷³⁰ Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону... С. 179–187.

⁷³¹ См. раздел 2.3.

⁷³² См. раздел 2.3.

Церковь основана в 1895 г., вскоре после строительства к ней с запада была пристроена колокольня⁷³³.

Сама церковь крестообразная, незначительно вытянутая по оси восток-запад, с выступающими за основной объем прямоугольными сводчатыми рукавами с четырех сторон. Выступы поперечного нефа выдвинуты незначительно. Венчает храм высокий световой граненый барабан. С запада к основному объему церкви примыкает прямоугольная колокольня, завершающаяся граненым барабаном. Ее верхний и нижний ярусы соединены между собой квадратным в плане переходом, повторяющим тот объем центральной части церкви, на котором расположен барабан с куполом. Интерьер церкви членят четыре опорные столба.

Интересно архитектурно-художественное решение церкви Аменапкич. Зодчий, проектировавший церковь, был знаком с альбомами Гримма, и он в целом ориентируется на тот же образец — церковь Самтависи, что и архитектор Сазонов, проектировавший церковь Сурб Карапет. Фасады и барабаны основного объема и колокольни украшает аркатура в целом, соответствующая прототипу из Альбома Гримма. Он помещает на фасад церкви рельефной «розой», которой нет на фасаде церкви Сурб Карапет, но которая есть в обмерных чертежах фасада Самтависи Д. И. Гримма. «Она расположена по оси фасада и вписана под центральный наложенный архивольт, подобное же окно присутствует и в апсиде, но здесь его художественное оформление упрощено. На чертеже Гримма, и на продольном фасаде церкви в селе Крым, поверх архивольта проходит вереница арочек, что является свидетельством обращения архитектора к этим чертежам»⁷³⁴. Однако само решение этого продольного фасада несколько отличается от фасада церкви в Самтависи. В селе Крым центральная арка

⁷³³ Халпахчян О. Х. Культовые сооружения новонахичеванских армян... С. 107–121; Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону... С. 106–107; Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону ... 241.

⁷³⁴ Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону... С. 199–216.

значительно выше и шире, примыкающих к ней боковых, что обусловлено необходимостью вписать в нее дверной проем.

Оформление входного портала, архивольты и дверной проем с полуциркульным завершением, и расположенное над ним круглое окно сочетают в себе наряду с формами кавказских храмов элементы и приемы, характерные для эклектики и применявшиеся в русском, романском стилях. Архитектор развивает структуру фасадов прототипа в ключе стилизации и свободной интерпретации пластики и пропорций частей декора⁷³⁵. Вообще, в своем проекте зодчий смешивает разные элементы архитектуры армянских и грузинских церквей из альбома чертежей с характерными для периода эклектики приемами и деталями.

1870-е гг. можно считать тем временем, когда идеи строительства в формах кавказской архитектуры окончательно утверждаются в России. Очевидно, что аналогичные процессы для православных заказчиков ускорило издание образцовых проектов. Представители западноевропейских ветвей христианства, проживавшие в России, также получили некоторые образцы, кроме того, ориентиром для них служила европейская архитектура, в которой историзм уже прочно завоевал свои позиции. Донские армяне стали свидетелями развивавшегося внимания со стороны представителей других народов и конфессий к национальному, да и сами были захвачены этими процессами. Они наблюдали как в соседнем Ростове-на-Дону в 1854–1860 гг. по проекту архитектора Тона строился городской собор Рождества Пресвятой Богородицы, а в Таганроге в 1866 г. началось строительство «русской» церкви Архангела Михаила, и конечно не могли оставаться в стороне от этих процессов. Для строителей церквей в армянском стиле аналогом образцовых проектов стали альбомы чертежей Д. И. Гримма.

ВЫВОДЫ

⁷³⁵ Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону... С. 207.

- Вступление Донского края в период капиталистических отношений повлияло на архитектурно-градостроительный облик города. Появляются новые типы зданий: фабрики и заводы, доходные дома с торговой функцией. Строятся специальные здания для учебных заведений, больница, театр, клубы.

- В этот период сохраняются узнаваемые элементы архитектуры, получившие распространение в предыдущий период: цоколи и полуподвалы, веранды. Почти обязательным элементом планировки небольших домов остаются сени, которые часто переносятся на продольный фасад из-за распространения бокового входного узла.

- Предпочтения в жилом строительстве отдавались эклектике в формах классицизма, барокко и Ренессанса. Обращение к образам средневековой архитектуры в светских постройках единичны: деревянное здание летнего клуба и два особняка, возведенных в стилистике северного модерна.

- Облик города определяли архитекторы, многие из которых были уроженцами Нахичевани-на-Дону. Их творчество складывалось под влиянием учебных заведений, которые они заканчивали. Принципы и подходы архитектурных школ — Академии художеств, Института гражданских инженеров, Рижского политехнического института — находят воплощение в архитектуре города.

- Поиски национального «стиля» нашли воплощение в церковной архитектуре второй половины XIX в. В этом стиле построены две новые церкви Сурб Карапет на кладбище Нахичевани-на-Дону и Аменапркич в селе Крым. В ходе перестройки городской церкви Сурб Никохос были внесены стилистические изменения. Это возрождение было связано с идеями византийского «стиля», одним из основоположников которого стал Д. И. Grimm.

Глава 7. Итоги развития архитектуры армянской общины Нижнего Дона и судьба наследия

7.1. Архитектура донских армян в контексте русско-армянского культурного диалога

Трансформация ценностей любого этноса в условиях меняющегося мира – явление неизбежное. Высокая степень символичности архитектуры и «полиглотизм архитектурного контекста»⁷³⁶ порождали мощные информационные потоки в сложных социально-исторических процессах, в том числе информационный поток, исходивший от русской культуры, и ответ армянской культуры, проявившийся, в том числе, в появлении нового национального стиля, но уже в период, выходящий хронологические границы нашего исследования.

Предварить размышления о данных процессах, протекавших в общественной среде армян Нижнего Дона, необходимо некоторыми замечаниями. Во-первых, мы исходим из того, что изменение ценностных ориентиров не выходило за границы этнической картины мира армян, поскольку это привело бы к серьезной деформации национальной составляющей, чего на протяжении всего изучаемого периода не наблюдается. Во-вторых, донские армяне были вовлечены в общеевропейские процессы, в которые в изучаемый период включилась и Российская империя, ставшая для них непосредственным транслятором новых творческих установок⁷³⁷.

⁷³⁶ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении ... С. 121–128.

⁷³⁷ Baeva O. Representation of the Ethnic World View in Architecture. Evidence from Armenian Architecture of the Lower Don // Proceedings of the 2017 International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education, Moscow, November 9-11, 2017. Paris: Atlantis press, 2017 — January 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: publons.com/p/21958938/. Doi:10.2991/icassee-17.2018.94.

Новые представления должны были сложиться у крымских армян уже потому, что, проживавшие некогда разрозненно, в полиэтнических городах Крыма и объединяемые только осознанием своей этнической принадлежности и духовными лидерами, на донской земле они поселились компактно, и образовали самоуправляющееся общество. Резкая смена культурного ареала неизбежно должна была сказаться на восприятии действительности и мироощущении.

Всякое обжитое человеком место воспринимается как свое родное, защищенное и защищающее, и противопоставляется чужому, дальнему. Мы находим сведения о том, что территория, отведенная для армян на Дону, первоначально воспринималась ими как «совершенно безлюдная и пустынная»⁷³⁸. Само переселение плохо организованное обернулось лишениями и высокой смертностью. Армянский историк пишет, что со вступлением армян в пределы России «они путешествовали: под дождем, подвергались и холоду, и жестоким ветрам, вынуждены были ночевать под открытым небом... особенно плачевно было положение детей, женщин, стариков, больных и немощных... они умирают сотнями, покрывая своими убогими могильными холмами эту обширную, однообразную нудную, пыльную равнину...»⁷³⁹.

Еще продолжительное время армяне воспринимали новые земли враждебно, некоторые с семьями пытались переехать в Крым. Воспоминания о прежнем «красивом и благоустроенном месте», усугубившиеся «печальными обстоятельствами переселения» и «обманутыми надеждами»⁷⁴⁰, вылились в некую коллективную тоску. Приверженность крымскому прошлому на новой земле выразились в переносе крымских названий на донские поселения и церкви, проявлялась в стремлении сохранить этническую замкнутость, в специфике праздничной и бытовой культур.

⁷³⁸ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 47.

⁷³⁹ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 48.

⁷⁴⁰ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 47.

Появилась даже фольклорная традиция обращения к божьей коровке: «Божья коровка, покажи дорогу в Крым»⁷⁴¹.

Определение территории как "пустынной" говорит о том, что в представлении армян противопоставлялись пустое и наполненное пространство. Наполненное пространство осталось в прошлом, в «армянском доме»⁷⁴², т. е. в городах Крыма. Пустое же пространство новых мест рассматривалось ими эмоционально: одиночество, потерянности. Однако пустое пространство является необходимым условием для «разворачивания новых структур и смыслов»⁷⁴³, а его негативное восприятие обычно приводит к попытке рационализации, поиску новых оснований⁷⁴⁴. Возможно, еще и поэтому армяне столь тщательно следили за застройкой и благоустройством своего города.

Семантика трудного пути и пустынных мест означала разрыв с предшествующей традицией, выход за свои границы. Перемещение человека за пределы своей территории в традиционном обществе, к которому относились крымские армяне в период переселения, всегда связано с серьезным преодолением себя. Неоднократно переселявшиеся на новые территории армяне все же не имели «страсти к разрывам» и воспринимали их как чужую волю. Один из участников переселения на Дон записал в своем дневнике: «нас вывели обманом из наших городов, дома, имущества, сады и виноградники оставили все...»⁷⁴⁵.

Таким образом, на пространственную картину мира донских армян существенное влияние оказал уже сам фактор новой среды и "пустого места", а такие места всегда осваиваются с желанием не только воспроизвести уют прежних мест, но и создать новое, отказавшись от не устраивавших особенностей старой застройки.

⁷⁴¹ Малхасян А. Г. Страницы истории арийских, крымских и донских армян... С. 34.

⁷⁴² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 47.

⁷⁴³ Назарова М. П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен. — Волгоград: ВолгГАСУ, 2010. — С. 128.

⁷⁴⁴ Назарова М. П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен... С. 129.

⁷⁴⁵ Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 46.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на пространственную картину мира донских армян, стала меняющаяся именно в этот период среда русских городов, многие из которых перестраивались и приводились к регулярности, а в Новороссии — основывались. Время масштабных социальных экспериментов оказало влияние на представления армян о своем месте в мире и на новом месте, в новом, преимущественно русском окружении. Значительной составляющей данного фактора необходимо считать включение бывшей крымской армянской общины в армянскую общину России, доминировали в которой прежде всего дворяне Москвы и Санкт-Петербурга.

В восприятии современников Петербург становится достойным соперником лучших столиц Запада и признается красивейшим городом Европы. Неудивительно желание армян, появившееся со временем, сравнивать свой город со столицей⁷⁴⁶. Уже описанные выше обстоятельства переселения армян из Крыма на Дон приводят нас к аналогии: некоторые характеристики, даваемые Санкт-Петербургу в культурологической литературе, вполне могут быть применены и к Нахичевани-на-Дону. Наиболее выразительно и точно в интересующем нас контексте написал о бывшей столице В. Н. Топоров: «Петербург – центр зла и преступления, где страдание превысило меру и необратимо отложилось в народном сознании; Петербург — бездна, «иное» царство, смерть, но Петербург и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни...»⁷⁴⁷.

Если первое время армяне негативно относились к месту своего нового проживания, то со временем их отношение менялось. Эти территории уже не воспринимались как пустынные и необжитые земли «иного царства», а

⁷⁴⁶ Подробно см.: Баева О. В., Иванова-Ильичева А. М. Культурно-исторический контекст формирования архитектурного образа Нахичевани-на-Дону (конец XVIII – начало XX вв.) // Известия Уральского федерального университета. — Серия 2. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3(178) — С. 228–244.

⁷⁴⁷ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы... С. 4.

становились своими, местом, где возможно создать новый центр армян. Для создания нового города с новым историческим содержанием трудности переселения могли рассматриваться как необходимое условие, как отказ от прошлого для перехода в новые социально-исторические условия.

Первоначальное неприятие нового места связано и с тем, что город возник почти на пустом месте, и был лишен истории, но, как отмечал Ю. Лотман, рассуждая о Санкт-Петербурге, город без истории существовать не может: «город, созданный «вдруг», не имеющий истории и подчиненный единому плану, в принципе не реализуем»⁷⁴⁸.

Потребовалось некоторое время, чтобы Нахичевань, так же созданный «вдруг» по единому регулярному плану, смог «обрасти» семиотическими смыслами и историей. Первое время этому способствовали названия поселений и церквей, копировавшие крымские, перевезенные святыни: хачкары, мощи святых, различная церковная утварь и даже церковные двери. Все это связывало с прошлым. В то же время, практически одновременно с основанием города началось строительство собора и приходских церквей в стиле русского классицизма. Они стали формами настоящего и будущего армянской колонии.

Примечательно, что сами нахичеванцы уловили символическую схожесть своего города с Санкт-Петербургом, хотя, насколько нам известно, прямо эти параллели ими никогда не проводились. Источником такой информации становятся для нас наименования улиц, городская архитектура и художественная культура донских армян в целом, где совмещались национальные коды и апелляция к имперской столице, к русской культуре в ее европеизированном варианте. Идеальный регулярный город должен отличаться строгой выдержанностью и всякое нарушение таковых могло восприниматься как «опасное нарушение порядка»⁷⁴⁹.

⁷⁴⁸ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 36.

⁷⁴⁹ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 45.

Конечно, обращение к идее Санкт-Петербурга могло иметь место только в случае интеграции армян в русское культурное пространство. Несмотря на сохранение языкового и культурного своеобразия, они активно вливались в социокультурную среду Российской империи, что со всей отчетливостью проявляется уже к последней трети XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. современники характеризовали Нахичевань как шумный торговый восточный город. Так, Гомер де Голль в середине XIX в. отмечал: «стоит армянский белокаменный город Нахичевань, и удивленный путешественник находит для себя Восток с огромными базарами, ... со своеобразной архитектурой домов... создавалось впечатление, что мы действительно попали в один из торговых районов Константинополя»⁷⁵⁰. А. Н. Демидов в 1837 г. записал, что «многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными... товарами»⁷⁵¹. Однако во второй половине XIX в. восприятие города сторонними наблюдателями меняется. Теперь он воспринимается как тихий, ухоженный, провинциальный.

Для самих армян город имел немаловажное административное и духовно-религиозное значение. Конечно, провинциальному городу претендовать на имперскую роль не приходилось, но только в масштабах общероссийских, а вот для армян России он вполне мог стать таким центром, во всяком случае претендовать на эту роль. Напомним, согласно Указу Екатерины II армянская колония Дона управлялась своим судом и магистратом. Однако, магистрат, состоявший из полицейского, судебного и городского отделений (думы), постепенно терял свои права. Сначала армяне лишились своего особого полицейского управления, затем армянского суда и автономного управления в целом (см. главу 3). Е. Шахазиз — историк Нахичевани-на-Дону и фактически современник этих событий, записал: «... лишение привилегий, которыми с самого начала пользовались переселенцы,

⁷⁵⁰ Цит. по: Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян... С. 89.

⁷⁵¹ Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян... С. 34–35.

вообще сильно подействовало на них, и они прибегли к различным средствам, чтобы сохранить свои высочайше дарованные им права...»⁷⁵².

С потерей административной автономии Армянского округа утрачивается и его моноэтничность Нахичевани-на-Дону. В такой ситуации оказываются под угрозой не только идея города, как армянского культурного центра, но и само сохранение этнического самосознания. Армянская Апостольская церковь выступала регулятором и институтом сохранения этнической составляющей и преодоления угрозы распада общности. И здесь для нахичеванцев обстоятельства складывались удачно. Их стремление к духовному лидерству привело к тому, что в 1830 г. была создана Бессарабская и Ново-Нахичеванская епархия, в которой в 1862 г. появилось Ново-Нахичеванское викариатство, а в 1895 г. кафедра епархии была перенесена в Нахичевань, где находилась до 1917 г. Существующая сегодня в России епархия, являющаяся самым крупным образованием Армянской Апостольской церкви, носит название Ново-Нахичеванской и Российской.

Регулярные визиты влиятельных армянских церковных и светских деятелей подчеркивали значимость Нахичевани-на-Дону, превращая его в символический центр армянской диаспоры и усиливая его привлекательность среди представителей этой общности, которые рассматривали город как своеобразную армянскую столицу. Так, например, в газете «Приазовский край» помещена заметка о том, что в 1895 г. в городе продолжительное время прибывал католикос всех армян, которого посетили здесь делегации от армянских обществ разных городов и частные лица, в том числе И. Айвазовский, преподнесший в дар Эчмиадзину и Нахичевани-на-Дону свои произведения⁷⁵³.

Таким образом, мы наблюдаем разноплановые, но вовсе не противоречивые процессы, вызванные к жизни, с одной стороны, включением армян в русскую культуру, а с другой стороны, этой культурой

⁷⁵² Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы... С. 155.

⁷⁵³ 1895 год в жизни Нахичевани // Приазовский край. 1895. № 1. С. 1–2.

предопределенные. Архитектура как ее составная часть формировалась в рамках взаимодействия русской и армянской культуры.

Как отмечает Ю. М. Лотман взаимодействие культур всегда диалогично и протекает при попеременной активности передающего и принимающего. Исследователь пишет, что на первом этапе диалога «наблюдается односторонний поток текстов, которые откладываются в памяти принимающего». На этом этапе передающая информацию сторона позиционирует себя как культурный центр, а принимающим отводится положение периферии. Данная модель принимается ими «и они сами себя оценивают подобным образом (одновременно приписывая себе признаки новизны, молодости, позицию «начинающих»)»⁷⁵⁴. Изучение социально-политической истории и архитектуры армян Нижнего Дона в целом не противоречит такому пониманию диалога, развернувшегося на первоначальном этапе между ними и российском государством. Мы уже отмечали выше, что само пустынное место определяло их позицию начинающих. Здесь уместно вспомнить название, которое было дано городу самими переселенцами — Нор Нахичеван (Новый Нахичеван).

На следующем этапе диалога, — отмечает Ю. М. Лотман, — происходит овладение чужим языком и «усвоение правил порождения чужих текстов и воссоздание по этим правилам аналогичных им новых»⁷⁵⁵. Иллюстрацией чего может служить вся архитектура Нахичевани-на-Дону и сельской округи. Усвоив язык культуры России, донские армяне после отмены образцовых проектов возводили жилые и общественные здания аналогичные тем, что строились в других городах империи, ориентируясь на образцы столичной архитектуры.

«Затем наступает критический момент: чужая традиция коренным образом трансформируется на основе исконного семиотического субстрата

⁷⁵⁴ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 78.

⁷⁵⁵ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 78.

принимающего. Чужое становится своим, трансформируясь и часто коренным образом меняя свой облик»⁷⁵⁶. Именно на данном этапе донские армяне обратились к формам национальной архитектуры. По мере приближения к этому, выражаясь словами Лотмана, кульминационному моменту принимающая культура начинает утверждать свою «древность» и претендовать на центральную позицию. Возникают различные общества и организации армян, целью которых было поддержание армянской культуры и языка, активизируется борьба за сохранение этнического самосознания. В данном контексте уместно вспомнить об античной идее, утвердившейся в армянском обществе к этому времени. Древние истоки своей культуры, армяне как будто противопоставляли представлениям о России как преемнице Византии. С другой стороны, данные идеи, взаимно не противореча друг другу, позволяли увидеть некое родство двух культур, их близость и непротиворечивость, возможность сосуществовать в тесном контакте. «Передающая сторона занимает доминирующую позицию в диалоге по праву некоторого ценного культурного опыта, исторически ею накопленного или полученного в свою очередь от каких-либо других партнеров в предшествующих контактах... С точки зрения передающего, он транслирует свое богатство и принципиально не делает отличия между авторитетностью передаваемых им текстов и своим собственным авторитетом в реальных исторических, политических и житейских ситуациях»⁷⁵⁷. Интенсивное усвоение чужих текстов через определённый промежуток времени дает мощный выброс собственных в окружающее культурное пространство. И здесь диалог понимается весьма условно, т. к. данный «выброс», т. е. ответ может быть адресован уже совсем другой культуре, направлен в другое культурное поле. «Примечательно, что именно в среде нахичеванцев, а шире — российских армян, зародилось стремление к

⁷⁵⁶ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 79.

⁷⁵⁷ Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении... С. 81.

возрождению национальной специфики искусства. Представители заказчиков и мастеров из этой среды — Александр Мясникян, Александр Таманян, Мартирос Сарьян и другие — в 1920–30-х гг. заложили основы нового армянского искусства. Мастера, переехавшие в Советскую Армению, вышли на новые уровни, предав забвению методы работы искателей национальных образов в предшествующие десятилетия, и смогли создать произведения всемирного значения, то есть исключительно яркие и своевременные»⁷⁵⁸. Среди художников и архитекторов Армении этого времени было много известных выходцев из Нахичевани: Сарьян, Закиев, Григорян и др.

7.2. Судьба и перспективы сохранения архитектурного наследия донских армян

Судьба архитектурных памятников донских армян в общих чертах сопоставима с судьбами дореволюционного архитектурного наследия в России. Из построенных к концу XIX в. семи городских храмов в годы советской власти разрушены шесть. Сохранилась церковь Сурб Карапет, последняя из всех городских церквей, которой было отведено место на городском кладбище. Сегодня она является частью комплекса старого армянского кладбища, занимающего территорию нескольких кварталов на окраине бывшего города. Здесь сохранились надгробия XIX в., захоронения советского периода, в том числе, братские могилы воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Церковь св. Карапета является действующей церковью Армянской Апостольской церкви и ее здание поддерживается в удовлетворительном состоянии. Территория кладбища, находящаяся под опекой церкви, содержится в порядке, хотя, конечно, со временем разрушаются надгробные памятники и к настоящему моменту утрачены почти все склепы, развалины которых можно было наблюдать еще несколько десятилетий назад.

⁷⁵⁸ Баева О.В., Казарян А.Ю. Два периода церковного строительства...

Комплекс армянского кладбища включен в реестр ОКН регионального значения. Определены границы территории объекта.

Сохранилась церковь монастыря Сурб Хач, некогда располагавшего за городом, а сегодня находящегося в окружении высотной застройки советского и постсоветского периодов.

В начале двадцатых годов прошлого столетия началось постепенное сворачивание использования зоны монастыря в культурных целях. Все строения и церковь передаются в пользование совхоза. Были вырублены насаждения парковой зоны. В 1935 г. в результате удара молнии возник пожар, разрушивший колокольню и частично покрытие церкви. Остатки храма стали использоваться под склады. В 1945 г. было полностью разобрано здание архиерейского дома⁷⁵⁹.

В шестидесятых годах, во времена начала массового строительства Северного жилого массива, было принято решение об окончательном уничтожении развалин храма. Благодаря деятельности М. С. Сарьяна, М. В. Григоряна советской армянской общественности удалось спасти храм от сноса и добиться разрешения ее реставрировать. В 1968 г. власти приняли решение сохранить храмовый комплекс Сурб-Хач как уникальный архитектурный памятник XVIII в. и после восстановления использовать его в качестве филиала областного музея краеведения — музея русско-армянской дружбы.

В 1968–1972 гг. проведено восстановление церкви по проекту заслуженного архитектора Армянской ССР М. В. Григоряна. Выполнено усиление оболочки купола, заменены стропила и кровля первого яруса, оконные заполнения, восстановлена внутренняя и наружная отделка. Колокольню решили не восстанавливать.

Застройка Северного жилого массива частично разрушила исторический фон восприятия памятника и создала крайне неблагоприятную

⁷⁵⁹ Проект реставрации объекта б.церкви монастыря «Сурб-Хач». Т. II, кн. 1. Приложения. Ростов-на-Дону, 1988.

градостроительную ситуацию для памятника. Полностью разрушен принцип сомасштабности застройки по отношению к памятнику. Доминирующая роль церкви частично утрачена (сохраняется для прилегающей нейтральной малоэтажной застройки).

В 2007 г. церковь передана Армянской Апостольской церкви и сегодня является действующей. Территория бывшего монастырского комплекса внесена в реестр ОКН федерального значения. Объектами охраны помимо здания самой церкви являются расположенные здесь могилы, капотажная постройка, северные и южные ворота.

Церкви, построенные в селах, признаны памятниками культурного наследия регионального значения. Границы зоны охраны с выделением зоны регулирования застройки приняты для церкви Аменапркич (село Крым). Для остальных действуют границы территории. Храмы Сурб Геворк (село Султан Салы) и Сурб Карапет (село Несветай) руинированны.

Современный силуэт сельских поселений формирует малоэтажная застройка, высотными акцентами которой являются церкви и колокольни. Церковные площади в селах Большие Салы, Чалтырь, в селе Крым занимают часть квартала.

Церковь Сурб Амбарцум расположена в архитектурно-градостроительном центре села Чалтырь, формирование которого завершилось в наше время. Здесь сложилась система площадей и рекреационных зон. Напротив северного фасада храма находится парк, и храм замыкает перспективу одной из его центральных аллей.

В селе Большие Салы церковь расположена в свободной от застройки части квартала и портал ее колокольни ориентирован на перекресток улиц, одна из которых является магистральной.

Церковь Аменапркич в селе Крым находится в квартале, центральную часть которого занимает городской парк, расположенный за ее северным фасадом. С восточной стороны храма стоит здание Дворца культуры, что значительно исказило панораму при движении к храму с востока и севера.

Значение квартала с церковью в структуре поселения выявляется пересечением магистральных улиц, на одну из которых смотрит южный портал.

Таким образом храмы сел Большие Салы, Чалтырь, Крым являются доминирующим элементом современной архитектурно-пространственной среды, подчеркивают значение центральных проспектов и рекреационных зон в иерархии городской системы.

Церкви в селах Султан Салы и Несветай расположены на территории кварталов, свободных от застройки. Они находятся в руинированном состоянии, и окружающая их территория подчеркивает это.

Оба храма расположены у границ поселений с равнинным характером местности и незначительными повышениями рельефа, что определяет их высокое значение в панораме и открывающихся видах при приближении к этим селам. Они расположены так, что видны при обзоре панорамы и при подходах с дальних точек.

В середине XX в. храмы были закрыты для верующих и их здания использовались в хозяйственных целях. В годы Великой Отечественной войны и в последующие годы запустения они подверглись разрушениям: были утрачены купола, портики, частично разрушены конструктивные элементы некоторых храмов. На рубеже XX–XXI вв. церкви Сурб Аствацацин в селе Большие Салы, Сурб Амбарцум в селе Чалтырь и Аменапркич в селе Крым были реставрированы и сегодня являются действующими храмами Армянской Апостольской церкви.

В ходе реставрации историческая достоверность церквей Сурб Аствацацин в селе Большие Салы, Сурб Амбарцум в селе Чалтырь была установлена благодаря как сохранности самих зданий, так и имевшимся историческим фотографиям. При реставрации Аменапркич в селе Крым было принято решение о строительстве пирамидальных куполов церкви и колокольни, хотя их первоначальный облик неизвестен.

В ходе реставрационных работ были допущены искажения исторического облика зданий, в том числе произведена частичная замена исторических оконных блоков и дверных полотен. Действующие церкви находятся сегодня в удовлетворительном состоянии, обнаруженные в ходе визуального осмотра повреждения слоя штукатурки и побелки могут быть устранены в ходе ремонтных работ.

Две руинированные церкви — Сурб Карапет в селе Несветай и Сурб Геворк в селе Султан-Салы разрушения храмы получили в годы Великой Отечественной войны. Фундаменты зданий предположительно ленточные, выложены из блоков ракушечника на известково-песчаном растворе. Стены зданий выложены из красного полнотелого керамического кирпича на сложном известково-песчаном растворе.

Стены церкви Сурб Карапет имеют сквозные пробоины, и частичные разрушения кирпичной кладки как внешней, так и внутренней, многочисленные сколы кирпичей и выветривание швов. Полностью разрушен верхний ярус колокольни и частичные разрушения имеет барабан церкви. Купола и кровля утрачены, портики южного и северного, оконные и дверные блоки утрачены. Решетки входных и оконных проемов частично сохранены. Декоративное убранство основного объема церкви и колокольни выполнено из кирпича и ракушечника. Имеются значительные утраты элементов декора и карнизов.

Южная стена и крыша трапезной храма Сурб Геворк отсутствуют, частично разрушена западная стена четверика церкви. Утрачены кровля, купол, оконные и дверные блоки храма. Зафиксированы многочисленные разрушения кирпичной кладки внутренних и внешних стен, карнизов, частичная утрата фрагментов декора.

Таким образом без соответствующих работ по реставрации или консервации зданий их утрата неизбежна.

Таким образом, культовые доминанты Нахичевани-на-Дону были утрачены в годы советской власти, а сельские храмы сохранились. Иную

ситуацию можно наблюдать в сфере сохранности дореволюционного историко-архитектурного городского и сельского ландшафта в целом. К настоящему моменту сельские поселения, хоть и сохранили прежнюю планировочную структуру, но историческая жилая застройка практически полностью утрачена, а с ней и индивидуальные черты архитектурно-пространственной среды. Основная масса домов — это возведенные во второй половине XX — начале XIX в. кирпичные типовые или построенные по индивидуальным проектам. Историческая сельская застройка может считаться утраченной.

В Нахичевани среда дореволюционного города, хоть и лишенная своих культовых доминант, до недавнего времени сохранялась. Значимые объекты и рядовая застройка, планировочная структура и композиционная ось города, ландшафтно-рекреационные зоны и площади формировали взаимосвязанные пространства города, в том виде как они сложились к рубежу XIX–XX в.

Присоединенный к соседнему Ростову-на-Дону в 1928 г. Нахичевань стал его окраинным районом, который еще долгое время сохранял свой провинциальный уклад, а одно-двухэтажные в массе своей добротные кирпичные дома, возведенные до революции, вполне удовлетворяли потребности жителей.

Однако стремительное развитие современного Ростова-на-Дону привело к тому, что б. Нахичевань оказался сегодня одним из престижных районов города. Точечная застройка высотными зданиями и жилыми комплексами, внедряемыми в ткань исторического города, грозит совершенной утратой его уникальной историко-культурной среды. Современная застройка со всех сторон окружает площадь Свободы, ансамбль которой в общем-то сохранен, но доминанты и перспективы совершенно изменены. В последнее десятилетие происходят необратимые изменения. Уничтожается не только рядовая застройка, формирующая городскую ткань, разрушаются и значимые памятники истории и архитектуры: ремесленное

училище Р. Г. Патканяна, практически разрушен дом архитектора Григоряна и ряд других зданий.

Сегодня еще сохраняются отдельные значительные ее компоненты, но безвозвратно и стремительно нарушается их связь друг с другом и с внешней средой, утрачиваются принципы ее структуры.

В настоящее время на территории Ростовской области 72 памятника архитектуры, связанных с дореволюционной застройкой армянских поселений, внесены в перечень ОКН и 17 памятников значатся выявленными объектами. Мемориальный комплекс «Сурб Хач» и Здание Нахичеванского городского театра являются ОКН федерального значения, остальные — регионального. Зоны охраны установлены только для нескольких объектов, для остальных утверждены границы территории ОКН и действует защитная зона.

ВЫВОДЫ

- Российская империя стала для армян, оказавшихся на ее территориях, транслятором новых ценностей. Изменилась пространственная организация их поселений, формы культовых и жилых построек. Сначала неизбежно под давлением административных методов, со временем все более естественными ориентирами становятся столичный быт и мода. Такое усвоение текстов другой культуры оказалось весьма плодотворным, подготовило мощный всплеск армянского искусства, мастера которого создали новое национальное искусство и архитектуру в XX в.

- К настоящему моменту из всех городских церквей сохранилась одна — Сурб Карапет на кладбище и церковь монастыря Сурб Хач. Обе являются объектами культурного наследия и располагаются в черте современного Ростова-на-Дону. Обе находятся в удовлетворительном состоянии.

Сельские церкви середины — второй половины XIX в. сохранились и признаны ОКН. Три из них являются действующими, а в селах Султан-Салы и Несветай руинированы, находятся под угрозой уничтожения.

- Сельские жилые постройки XIX в. за редким исключением не сохранились. Городская застройка XIX в. до недавнего времени имела достаточно хорошую сохранность, хоть и утратила свои культовые доминанты. В последние десятилетия эта среда стремительно уничтожается. Массовое строительство жилищных комплексов и единичных высотных домов нарушает планировочную и объемную композицию не только кварталов и целых районов, но и центральных площадей.

- Для сохранения исторической среды бывшего г. Нахичевань-на-Дону требуется разработка и утверждение объединенной охранной зоны исторической части.

Заключение

В диссертации исследована архитектура Нахичевани-на-Дону и окрестных сел Чалтырь, Султан-Салы, Большие Салы, Несветай, Крым, которые были основаны в 1779 г. армянами, переселенными с территории Крымского полуострова. **Итогом** изучения архитектуры армянских поселений Нижнего Дона в контексте истории русского зодчества, прежде всего, ключевых событий переселенческой политики и архитектуры новых городов на юге империи, а также с раскрытием основ традиционной архитектуры армян в Средние века и начале Нового времени стали следующие **выводы**.

Армяне сохраняли свою национальную идентичность, практически никогда не растворяясь в среде других народов. Это позволяет говорить о хорошо налаженных механизмах самосохранения, когда принимались только те ценности, что не несут угрозы распада. Цементирующими факторами этнического самосознания армян можно считать их консолидацию вокруг церковных институтов, заменяющих или срацивающихся со светским управлением.

Анализ традиций армян в анийский и крымский периоды их истории показал, что на протяжении веков сохранялись основы традиционной архитектуры. В эти периоды наблюдаются схожие принципы: при сохранении основополагающих форм допускаются некоторые новые черты, восходящие к античному наследию или перенимаемые у соседних народов. Это определяло стилевое разнообразие и сохранение преемственности форм на протяжении веков. тличий.

Проведенный анализ градостроительной ситуации в Крыму показал, что объединяющими признаками для поселений с разным этническим составом было отсутствие регулярной застройки. Кварталы неправильной геометрической формы и узкие кривые улицы определяли облик застроенной территории. В большинстве городских поселений жилая ячейка, как правило, являлась труднодоступной, имела один вход, дорога к которому пролегла

через узкий проход. В сельских поселениях дома ставились в центре усадьбы или дворового участка, их ориентировали в сторону улицы глухой стеной.

Выявленные в ходе исследования типы жилища, получившие преимущественное распространение на полуострове, имели незначительные этнические различия, проявлявшиеся, как правило, на уровне планировочных решений, определявшихся религиозными нормами. Традиции этих жилищ представляли различные наслоения, пришедшие из культур народов, проживавших на этих территориях в разные исторические периоды. Дома дополнялись галереей типа айван или открытыми сенями. Со временем они преобразуются в закрытые сени или остекленную веранду, зачастую уже отдельно пристраиваемую к фасаду, и перекрываются более низкой наклонной крышей.

К XVIII в. городские поселения полуострова приобретают облик весьма схожий с городами Османской империи. Исламская специфика проявлялась в облике, социальной организации и структуре города. Высокая плотность застройки и стремление к увеличению площади проявлялись в устройстве выступающего второго этажа, с опорой его свисающей части на кронштейны или колонны.

Анализ культовых построек армян Крыма показал, что распространение получили несколько типов церквей, в основе которых лежали традиции, привезенные мастерами из Армении. Вместе с тем можно наблюдать и эволюцию отдельных архитектурных форм в связи с конструктивными и стилистическими заимствованиями из западноевропейской архитектуры, с одной стороны, и мусульманской — золотоордынской и позже раннеосманской, с другой. Это обогащало строительный опыт и способствовало выработке крымской традиции.

Показано, что переселенческой политике, активно проводившейся в период правления Екатерины II, власть уделяла значительное внимание. Были разработаны схемы создания взаимосвязанных регулярных поселений колонистов. Показано, что уже в 1760-е гг. был получен опыт и выработаны

правила комплексного планирования колоний. При заселении составлялись схемы расположения поселений округа колонистов — самостоятельной единицы, состоявшей из административного центра и окрестных сел, для которых сразу составлялись планы и разрабатывались образцовые проекты домов и зданий. Их строительство велось за счет казны. Основание, планировка поселений и их застройка в Нахичеванском округе проводились по аналогии с этими уже отработанными схемами.

С начала XIX в. в поселениях иноверцев и инославных пытались внедрить образцовые проекты, которые составлялись для всей страны. В крупных городах создавались специальные учреждения (экспедиции или строительные комитеты), ведущие наблюдение за строительством. Поэтому там, в отличие от сельской местности, жилища имели незначительные отличия по национальному признаку. Неоднократные попытки наладить строительство по образцовым проектам в сельских поселениях особого успеха не имели. Сохранялась местная специфика жилищ переселенцев, обуславливавшаяся климатом, наличием строительных материалов и бытовым укладом населения.

Регулированию подвергается и внешний облик культовых построек, «без надлежащего рассмотрения планов и фасадов» которых строительство запрещалось. В храмовом зодчестве, изучаемого периода, четко выделяются два периода. Первый характеризуется преобладанием классицистических форм. В некоторых регионах можно было видеть церкви с чертами барокко и даже некоторыми элементами готики, не нарушавшими, однако, общих тенденций данного этапа.

Второй этап ознаменовался поиском национальных форм архитектуры, что соответствовало общеевропейским тенденциям. Уже с 1830-х гг. церкви инославных и иноверцев строятся в национальных «стилях». Вместе с тем отмечена и задержка классицизма в провинциальном зодчестве.

Процесс возрождения армянского национального «стиля» на территории Российской империи развивался в рамках этих тенденций.

Исследование показало, что здесь можно наблюдать те же методы и подходы, которые использовались при разработке других национальных «стилей», но прежде всего он развивался в рамках византийских поисков русской архитектуры. Особенностью «армянского стиля» стало то, что он развивался в рамках византийского направления русской архитектуры, в котором современники предлагали выделять две ветви зодчества «греко-византийское» и «армяно-византийское».

На первом этапе развития «армянского стиля» (1850-е — 1860-е гг.) центром изучения армянской и грузинской архитектуры и внедрения этих форм в практику стиля стала Императорская Академия художеств, где развивались идеи, заложенные русско-византийским стилем К. А. Тона. На втором этапе (1870-е — начало XX в.), который также стал этапам распространения армянского стиля на территории Российской империи, заметную роль начинает играть Институт гражданских инженеров. Выпускники Института в процессе обучения получали знания и навыки проектирования церквей в этих формах. Здесь сложилась школа русской архитектуры, частью которой стала работа над новым образом армянского храма, воплощавшимся в стилях эклектики и наметились тенденции модерна.

Изучение армянского и грузинского средневекового зодчества оказало влияние на русское храмостроительство. Проявлялось это как в конструктивных решениях, заимствованных из армянской архитектуры, так и в использовании форм кавказских храмов при строительстве православных церквей.

Проведенное исследование и изложенные выше его результаты позволили изучить архитектуру армян Нижнего Дона с применением синхронного и диахронного сравнительного анализа.

Показано, что переселенным в 1779 г. из Крыма армянам были выделены фактически пустующие территории рядом с крепостью св. Дмитрия Ростовского, на которых был основан Армянский округ с

административным центром Нахичеваном и его окрестными селами, что полностью соответствует схеме переселения, выработанной в России ранее.

Права и льготы, дарованные армянам Екатериной II и постепенное их урезание, сближавшее армян в правах с другими подданными, укладываются в схему социально-политической истории колоний переселенцев в Российской империи.

Анализ социально-экономического развития Армянского округа показал высокую степень интеграции нахичеванцев в экономику страны, однако им не удалось включиться в ускоряющиеся промышленное развитие края, что привело к постепенной утрате городом лидирующего экономического положения.

Культурное своеобразие горожан особенно заметно в первой половине XIX в. Со временем армяне все больше усваивают русскую культуру. В условиях тесных контактов с населением Российской империи городские армяне быстро перешли на армяно-русское двуязычье, в быту и обрядах горожан произошли существенные изменения. К концу XIX в. отмечается приток неармянского населения в город, что приводит к размыванию его моноэтничности.

Сельские жители представляли наиболее консервативную часть донской колонии, медленно интегрировавшуюся в российское культурное пространство. Долгое время они не знали русского языка, и их взаимодействие с внешним миром осуществлялось через жителей Нахичевани. Национальный состав сел оставался практически неизменным на протяжении всего изучаемого периода. Разница между городской и сельской культурой проявлялась все отчетливее, сформировались группы «почвы» и «цивилизации».

Изучение системы поселений армянской колонии Нижнего Дона показало, что они создавались согласно правилам, сложившимся в 1760-е гг. в ходе основания колоний Поволжья и Новороссийского края. Для города и сел сразу были созданы планы. Населенные пункты связывались между

собой и с другими поселениями сетью дорог. Изначально создаваемая здесь архитектурно-градостроительная среда в корне отличалась от крымских поселений, выходцами из которых были переселяемые армяне.

Первый известный нам план Нахичевани датируется 1781 г. Он положил начало истории регулярного города с пересекающимися под прямым углом улицами и большой площадью в центре. Такие простые «шахматные» планы создавали в тот период для небольших городов и административных центров колониальных округов, сравнительный анализ градостроительного развития этих городов свидетельствует, что подобно Нахичевани-на-Дону, большие центральные площади многих из них в последующем делились на несколько площадей с определенной функцией.

Изучение истории генерального планирования Нахичевани-на-Дону в контексте российской градостроительной практики Нового времени приводит к заключению о том, что вероятными разработчиками проекта могли быть губернские землемеры.

Планы Нахичевани-на-Дону, выявленные в ходе исследования и изученные в хронологической последовательности, позволили составить представление о развитии города, поквартальной застройке. В диссертации выявлены особенности планировочной структуры Нахичевани-на-Дону и показано, что они объясняются расположением города у крепости и рельефом местности.

Местоположение приходских церквей было обозначено уже на первом плане Нахичевани-на-Дону и скорректировано планом 1811 г., они размещались в разных частях города, формируя его приходские районы.

Во второй половине XIX в. в Нахичевани появляются парки, скверы и бульвары, которые украшали памятники, фонтан, что соответствует общероссийским тенденциям развития провинциальных городов.

Анализ пространственной организации монастырского комплекса Сурб Хач, складывавшегося на протяжении XIX в., привел к выводу о его устройстве по аналогии с одноименным крымским монастырем. Так на раннем этапе

истории архитектуры донских армян в условиях господства классицизма проявилось осознанное сохранение традиций.

Армянские села застраивались по планам, разбивались на относительно прямоугольные кварталы. Культовые площади предусмотрены не были. Постепенно дома стали выносить на красную линию или строить с небольшим отступом от нее, устраивая перед домом цветники. Очевидно, в этом проявилось влияние городской архитектуры.

Предложена периодизация истории церковного строительства в Нахичеванском (Армянском) округе: 1) в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. строятся церкви в стиле классицизм; 2) в середине XIX в. — на архитектуру храмов оказала влияние эклектика, но преобладали формы классицизма и русско-византийского «стиля». На этом этапе церкви проектируются с ориентацией на образцовые чертежи 1824 и 1838 г.; 3) последняя четверть XIX в. — начало XX в. возрождение национального «стиля» армян в рамках эклектики.

Изучение архитектуры городских церквей, построенных в конце XIX — первые десятилетия XIX в., позволило установить некоторые объединяющие их черты, прежде всего, свидетельствующие о том, что проектировались они в духе зрелого классицизма. Их отличает строгий декор, двурядное расположение оконных проемов на фасадах. Показано, что ранний этап церковной архитектуры Нахичевани был представлен широкой типологией крестовокупольных храмов (утрачены). Особенностью и отличительной чертой этих храмов были вставленные в стены хачкары, что свидетельствует о стремлении сохранить традиции средневекового зодчества.

Большинство сельских церквей, известных нам сегодня, построены в 1860-е гг. Показано, что они относятся ко второму периоду строительства храмов в Армянском округе. Вскрыты объединяющие их черты, свидетельствующие о влиянии на их архитектуру эклектики и образцовых

проектов. При этом здесь заметно и влияние архитектуры городских церквей первого этапа.

Церкви Сурб Карапет в селе Несветай, Амбарцум в селе Чалтырь и Аствацацин в селе Большие Салы построены в классицистических формах с чертами эклектики. Своим архитектурно-художественным решением эти церкви схожи, имеют они и общие черты с церковью монастыря Сурб Хач, существенно перестроенной в 1860-е гг. Их архитектура приводит к выводу об использовании образцовых проектов 1824 г. и 1838 г.

Каменная церковь Сурб Геворк в селе Султан-Салы значительно отличается своим внешним обликом от остальных сельских храмов. Она построена в русско-византийском «стиле». На основе выявленных источников изучена история проектирования и строительства храма, определены образцовые чертежи К. Тона, положенные в основу его архитектуры.

Обозначена определяющая роль образцовых проектов в архитектуре жилых и общественных зданий Нахичевани-на-Дону первой половины и середины XIX в. Анализ жилых построек выявил отличительные особенности, свидетельствующие о сохранении традиционных элементов жилища. Прежде всего, это широкая веранда или сени, устраивавшиеся вдоль дворового фасада. Со временем такие веранды стали преобразовываться в остекленную веранду или заложеное кирпичом дополнительное помещение. Позже веранды или сени стали пристраивать к боковому фасаду дома.

Выявлены типы фасадов, получивших наибольшее распространение в городской застройке первой половины и середины XIX в. Особенно востребованным оказался фасад с прямоугольным оконным проемом, завершенным глухим люнетом.

Сельское жилище донских армян сохраняло традиции крымского строительства более длительное время, чем городское. Автором обозначены типы сельского жилища и раскрыта их эволюция, свидетельствующая о

привнесении элементов городской архитектуры и заимствованиях из вне — из строительной культуры соседних народов или поздних переселенцев. Выявлены особенности сельского жилища — наличие дополнительного вытянутого вдоль бокового фасада прямоугольной пристройки с плоской или пологой крышей. В интерьере обязательным элементом была деревянная перегородка между комнатами, которая поднималась и площадь помещения увеличивалась. Отапливались дома печью, которую донские армяне называют пур. Такого типа печи были распространены в Крыму и отличались от традиционной армянской печи, называемой тонир. В данном случае мы видим устойчивую крымскую традицию.

Устойчивость классицистических форм в храмовом зодчестве и преобладание нескольких типов фасадов жилых домов позволили предполагать, что средневековый творческий метод, отталкивающийся от чтимого образца, в общине нахичеванцев по-прежнему господствовал.

Изучение архитектуры Нахичеванского (Армянского) округа второй половины XIX — начала XX в. привело к выводу, что ее динамика определялась уровнем развития капитализма в регионе и потребностями гражданского общества. Рассмотрены новые типы общественных, производственных и жилых построек с совмещенными функциями, наличие которых обуславливалось новыми явлениями в социальной и экономической сферах.

Стилистически гражданская архитектура Нахичевани-на-Дону соответствовала тенденциям русской архитектуры. Показана смена стилевых ориентиров от эклектики к модерну.

Показана решающая роль в выборе стилевых направлений заказчиков, для которых по-прежнему значимость представлял образец. Свидетельством тому являются элементы и формы, устойчиво повторяющиеся в разновременных постройках. В архитектуре города выделяется несколько типов фасадов, схожих композиционно-художественным решением. Появление в Нахичевани-на-Дону городского и частных архитекторов

существенно ситуацию не изменили. Отчасти потому, что многие из них не задерживались долго в городе, а на протяжении нескольких десятилетий должность городского архитектора занимал Н. Н. Дурбах, который сам являлся приверженцем ренессансных и классицистических форм.

Отличие заключается в отказе нахичеванцев от использования форм средневековой архитектуры. Здесь утвердилась эклектика с элементами ренессансной, барочной и классицистической архитектуры. Мотивы средневековой архитектуры присутствуют в особняках Антонова и Аладжалова, решенных в стиле северного модерна (арх. А. Х. Закиев). Постройки в формах кавказского или восточного «стилей» отсутствовали в светской архитектуре Нахичевани. На это обстоятельство необходимо обратить внимание и в связи с тем, что во второй половине XIX в. такие проекты, выполненные известными архитекторами для кавказского региона, становятся общеизвестными благодаря их публикации.

Обратная ситуация наблюдается в церковной архитектуре донских армян. В последние десятилетия XIX в. в формах «армянского стиля» были построены две новые церкви — Сурб Карапет на кладбище Нахичевани-на-Дону и Аменапркич в селе Крым, и в ходе перестройки городской церкви Сурб Никохос были внесены соответствующие стилистические изменения.

Традиция национального «стиля», закладывавшаяся в поселениях донских армян, развивалась в русле исследований и поисков мастеров русской архитектуры. Одной из первых на территории европейской России в армянском стиле была построена нахичеванская церковь Сурб Карапет. Архитектура церквей Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону и Аменапркич в селе Крым является свидетельством обращения архитекторов к альбому чертежей армянских и грузинских церквей, выполненных Д. И. Гриммом. Таким образом это издание выполняло роль в чем-то аналогичную образцовым проектам, которых для армянских церквей создано не было.

Несмотря на сохранение языкового и культурного своеобразия, донские армяне активно включались в социокультурную среду Российской

империи, что со всей отчетливостью проявляется уже во второй половине XIX в. Примечательно, что именно в среде нахичеванцев, а шире — российских армян, зародилось стремление к возрождению национальной специфики искусства. Диалог с русской культурой Нового времени, с нашей точки зрения, стал продуктивным для диаспоры. Его итогом можно считать, что именно в России армянская церковная архитектура делает первые шаги, свидетельствующие о направленности на поиски нового национального стиля.

Рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы

Тема может быть расширена в сторону изучения особенностей архитектуры и градостроительства поселений колонистов различных национальностей и вероисповеданий, основывавшихся в Российской империи в Новое время, рассмотрения данной проблематики в контексте российской архитектурно-градостроительной практики, самоидентификации и интеграции народов Российской империи, характеристик среды и взаимосвязи этих поселений на пространстве страны.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать углубленное изучение армянских храмов, строившихся в Новое время в разных регионах Российской империи, выявление аналогов их архитектуры и письменных источников, которые могли бы раскрыть настроения и пожелания заказчиков этих храмов.

Стремительная утрата исторической среды и ее архитектурно-художественного своеобразия ставит вопрос о необходимости включения исторической территории города Нахичевань-на-Дону в перечень исторических поселений. Требуется разработка проекта объединенной зоны охраны объектов культурного наследия с утверждением требований к градостроительным регламентам. Кроме того, необходимо обратить внимание на необходимость проведения реставрационных работ, в том числе по восстановлению руинированных храмов в селах Несветай и Султан-Салы.

Список сокращений

- ААЦ — Армянская Апостольская церковь
- ГАРО — Государственный архив Ростовской области
- ДГПБ — Донская государственная публичная библиотека
- ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
- НАА — Национальный архив Армении
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
- РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА — Российский государственный исторический архив

Список литературы

Законодательные акты

1. Книга чертежей и рисунков (планы городов). ПСЗРИ Собр. 1. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — 416 с.
2. Манифест от 22 июля 1763 «О дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — С. 313–316.
3. О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов по каждой губернии особо. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — № 11.883.
4. О управлении духовных дел Христиан Армяно-Грегорианского исповедания. СЗРИ т. 11. Ч. 1. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857. — С. 278–288.
5. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVIII. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — Ст. 18033.
6. Указ от 14 ноября 1779 г. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — Ст. 14.942.
7. Устав о колониях иностранцев в империи. СЗРИ. Т. XII. Часть II. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1857. — 591 с.
8. Устав строительный. — С.-Петербург, 1881. — 428 с.
9. Чертежи и рисунки. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. (1844). Часть 2. — СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. — 678 с.
10. Перечень выявленных объектов культурного наследия г. Ростова-на-Дону (памятников истории, архитектуры, монументального искусства) [по состоянию на 12 июля 2018 г.] // Официальный портал Правительства РО. Режим доступа: <http://www.donland.ru/?pageid=78772>
11. Приказ Департамента культурного наследия Правительства Москвы «Об утверждении охранного обязательства собственника или иного законного

владельца объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Армянского кладбища, начало XIX в., арх. А.Г. Григорьев, расположенного по адресу; г. Москва, ул. Сергея Макеева, д. 10., стр.1 [по состоянию на 10.10.2020 г.] // Официальный портал Правительства Москвы.

Архивные и неопубликованные материалы

Государственный архив Ростовской области

12. Дело о прошении лиц о разрешении на строительные и ремонтные работы. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343.
13. Дело о наименовании улиц г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10.
14. Дело о постройке церкви на кладбище. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 124.
15. Дело о приглашении художника архитектуры Дмитрия Лебедева для нужд города Нахичевани по технической части. ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д.187.
16. Дело о рассмотрении вопроса о сооружении в Нахичевани православной часовни Александра Невского. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 493.
17. Дело о сквере Коммерческого клуба. ГАРО. Ф. 91. Д. 12.
18. Дело о сооружении в г. Нахичевани здания Мариинской городской больницы в связи со спасением царской семьи во время железнодорожной катастрофы. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д. 492.
19. Дело о сооружении в г. Нахичевани Николаевского фонтана в честь войскового наказного атамана князя Н. И. Святополка-Мирского. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 552.
20. Дело о сооружении и открытии памятника Екатерине II и Александровской колонны в честь Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491.
21. Дело об аренде дома Попова. ГАРО. Ф.91. Оп.1. Д. 156.
22. Дело об Ольгинском начальном женском училище. ГАРО. Ф-91. Оп. 1. Д. 751.
23. Дело об открытии летнего помещения Коммерческого клуба в сквере на Соборной площади. ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 336.

24. Дело об устройстве в г. Нахичевани городского сада в честь 25-летия царствования Александра II. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 245.
25. Дело об устройстве сквера на площади у 1-й Федоровской улицы между 11 и 13 линиями г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 616.
26. Дело об учреждении в Нахичевани-на-Дону Садового комитета. ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 401.
27. Дело по вопросам улучшения мостовых и портовых сооружений в г. Нахичевани. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 416.
28. Доклад Городской Управы от 1 сентября 1894 г. ГАРО. Ф-91. Оп.1. Д. 721.
29. Личное дело Нахичеванского-на-Дону городского архитектора Н. Н. Дурбаха. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 505.
30. Отчет Нахичеванской городской управы за 1884 г. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 362.
31. Постановление относительно хранения планов и дозволений на производство построек или перестроек на месте производства самих работ. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д.791.
32. Проект на постройку завода. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 363.
33. Дело об утверждении купеческому 3-й гильдии сыну Никите Тарасовичу Муратханову плана постройки двухэтажного дома во 2-й части Нахичевани в 12 квартале под № 131 (с приложением плана постройки). 1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д.211.
34. Дело об утверждении купцу Церону Шматову плана постройки лавки во 2-й части г. Нахичевани в 13 квартале под № 135 (с приложением плана постройки). 1851–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 219.
35. Дело об утверждении мещанину Ованесу Маслову плана постройки дома во 2-й части г. Нахичевани в 48 квартале (с приложением плана постройки). 1853–1854 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 254.
36. Дело о разрешении неженскому греку Михаилу Захаровичу Караспасову строительства двухэтажного кирпичного дома на принадлежащем ему месте

- в Петровской части Таганрога в 6 квартале под № 79 (с приложением плана постройки). 1850–1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 173.
37. Дело о выдаче государственному крестьянину Калужской губернии Афанасию Андреевичу Белову билета на право постройки на принадлежащем ему месте в Петровской части Таганрога в 12 квартале под № 103 кирпичного двухэтажного дома и флигеля (с приложением планов). 1850–1852 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 191.
38. Дело об утверждении купцу 3-й гильдии Михайло Мануиловичу Трапезонцову плана постройки дома в 1-й части г. Нахичевани в 68 квартале под № 10 (с приложением плана постройки). 1851–1852 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 214.
39. Дело об утверждении купцу Тимофею Григорьевичу Асмаеву плана постройки полутораэтажного дома в 1-й части г. Нахичевани в 27 квартале под № 137 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 235.
40. Дело об утверждении Мариупольскому коллежскому секретарю Николаю Никифоровичу Аленичу плана постройки дома во 2-й части г. Мариуполя в 53 квартале под № 17 (с приложением плана постройки). 1857 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 331.
41. Копия ведомости о числе деревянных и каменных построек в г. Таганроге, Нахичевани н/Д и Мариуполе, разрешенных к постройке Таганрогским строительным комитетом в 1858 г., отосланной в Департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1859 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 338.
42. Дело о разрешении Кириллу Семеновичу Терзиеву плана постройки двухэтажного дома в 1-й части г. Мариуполя в 10 квартале под № 3 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 239.
43. Дело об утверждении купцу Федору Салтыкову плана постройки дома во 2-й половине Нахичевани во 2-м квартале под № 3. 1850–1851 г. ГАРО. Ф. 851. Оп.1. Д. 189.

44. Дело об утверждении мещанину Матвею Шагинову плана постройки дома и флигеля во 2-й части г. Нахичевани в 58 квартале под № 20 и мещанину Акиму Черакчиеву (Черанчиеву) плана постройки дома и флигеля во 2-й части г. Нахичевани в 14 квартале под № 177 (с приложением плана постройки). 1851 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 218.
45. Дело о разрешении мещанину Ивану Константиновичу Прандикосу плана постройки и амбара в 36 квартале г. Мариуполя под № 7 (с приложением плана постройки). 1854 г. ГАРО. Ф. 581. Оп.1. Д. 285.
46. Дело об утверждении иностранным гостям, купцам 1-й гильдии Луке и Стефану Мембели планов построек домов и амбаров в 1-й части г. Нахичевани в 7 квартале под № 7 и в 36 квартале под № 15 и 16 (с приложением плана постройки). 1853–1854 г. ГАРО. Ф.581.Оп.1. Д. 255.
47. Дело о разрешении мещанину Константину Павловичу Гладченко строительства каменного дома и деревянного флигеля на принадлежащем ему месте в Александровской части Таганрога в 26 квартале под № 306 (с приложением плана постройки). 1852–1853 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 223.
48. Дело о рассмотрении прошения жены коллежского асессора Марии Михайловны Казначеевой о разрешении ей застройки "пустопорожного места" в г. Мариуполе в 36 квартале под № 12 (с приложением плана постройки). 1850 г. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 192.
49. Планы, фасады и разрезы на построение кирпичного дома и флигеля мариупольским 3-й гильдии купеческим сыном Федором Камри на принадлежащем ему месте ... города Мариуполя. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 238.
50. Дело о разрешении нахичеванскому 3-й гильдии купцом Даниилу Очаковскому на построение кирпичного дома и флигелей на принадлежащем ему месте города Нахичевана. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 188.

Российский государственный архив Военно-Морского флота

51. План г. Нахичевани 1890 г. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп.25. Д. 237.

52. План г. Нахичевани. Прожектирован 1811. РГАВМФ. Ф. 3Л. Оп.25. Д. 237.
53. План дома нахичеванского армянина С. Г. Попова. РГАВМФ. Ф. 3л. Оп. 25. Д. 238.

Российский государственный военно-исторический архив

54. План городов Ростова и Нахичевани на Дону. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1763.
55. План крепости св. Дмитрия Ростовского с показанием прибавления г. Нахичевани и пр. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22214.
56. План Нахичевани. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22215.
57. План уездного города Ростова и заштатного города Нахичевана 1856 г. РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1764.
58. Планы городов Российской империи, собранные по Высочайшему повелению в 1798 г. РГВИА Ф. 846. Оп. 1. Д. 21528. Ч. 5.
59. Планы уездам, городам и крепостям Екатеринославской губернии. РГВИА Ф. 846. Оп. 1. Д. 21549.

Российский государственный исторический архив

60. В каком расстоянии строение строить в погорелых и вновь строящихся селах и деревнях. РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1119.
61. Дача села Чалтырь с селениями Крым, Султан-Сала, Большие Салы и Несветай. РГИА. Ф. 380. Оп. 7. Д. 336.
62. Дело о выпускниках Императорской Академии художеств. Ф. 789. Оп. 9. Д. 130.
63. Дело о доставлении смет по постройке церквей для болгарских и греческих колоний. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 226.
64. Дело о замощении набережной в Нахичевани. РГИА. Ф. 95. Оп.11. Д.1483.
65. Дело о землях Нахичевани. РГИА. Ф. 1287. Оп.29. Д. 532.
66. Дело о Комитете для усовершенствования шелководства и овчарных заводов. РГИА. Ф. 1374.Оп.2. Д.1606.

67. Дело о плане г. Нахичевани области Войска Донского. РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 927.
68. Дело о постройке армянской церкви в городе Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.1636.
69. Дело о постройке богоугодного заведения в гор. Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.1316.
70. Дело о постройке жилищ для переселившихся в Новороссийскую губернию крестьян. РГИА. Ф. 1374. Оп.1. Д.103.
71. Дело о постройке и починке армяно-григорианских церквей. 1911 г. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 360.
72. Дело о постройке церкви в Нахичевани. РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д.34801.
73. Дело о разрешении постройки армянских церквей в разных городах и селах России. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 235.
74. Дело о разрешении постройки в Нахичевани каменной церкви Успения божьей матери на месте ветхой церкви того же названия. РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д. 2004.
75. Дело о расширении церкви Успения Пресвятой Богородицы и о постройке при ней колокольни в Нахичевани Екатеринославской губернии. РГИА. Ф.218. Оп. 4. Д. 2630.
76. Дело об отводе разных чинам и жителям пустопорожных мест для построения домов по плану. РГИА. Ф. 243. Оп.1. Д. 515.
77. Дело об устройстве головной набережной в г. Нахичевани. РГИА. Ф. 95. Оп.11. Д.1482.
78. Дело об утверждении нового плана Нахичевани.1913 г. РГИА. Ф.1293. Оп.145. Д.6.
79. Об устройстве в г. Нахичевани пристани и Набережной по берегам р. Дона. РГИА. Ф. 1287. Оп. 29. Д. 532.
80. Об учреждении Нахичеванско-Бессарабской армяно-григорианской духовной семинарии в Нахичевани-на-Дону Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 27.

81. План крепости св. Дмитрия Ростовского и упраздненных крепостей близ нее. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543.
82. План Нахичевани-на-Дону. РГИА. Ф.1293. Оп.166 Область Войска Донского. Д. 22.
83. Планы Екатеринославской губернии. РГИА. Ф.1293.Оп.168 Область Войска Донского Д. 42.
84. Проект постройки церкви в Нахичевани-на-Дону Екатеринославской губернии. РГИА. Ф. 1293. Оп. 165. Д. 55.
85. Рапорт и доклад чиновника особых поручений А. В. Петрова о результатах командировки в места, населенные армянами для изучения бытовых особенностей армян григорианской церкви и состояния армянской церковных школ. 1909 г. РГИА. Ф.821. Оп. 150. Д. 281.
86. Планы городов. РГИА. 1293. Оп. 166 Екатеринославская губ. Д. 22.
87. Карта губернии и планы городов: Екатеринослава, Бахмута, Павлограда, Ростова, Новомосковска, Славяносербска, Александровска и Верхнеднепровска. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166 Екатеринославская губ. Д. 1.
88. Планы г. Екатеринослава и его частей с обозначением и описанием кварталов, мест, зданий. 1834–1837. РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 1111.
89. Планы городов. РГИА. Ф.846. Оп.16. Д. 21550.

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева

90. Фотография. Жилой дом. Нахичевань. ГНИМА. ОФ 5064/15
91. Фотография. Нахичевань. Собор. ГНИМА. ОФ 5064/16
92. Фотография. Нахичевань. Собор. ГНИМА. ОФ 5064/17

Центральный государственный архив Москвы

93. Крестовоздвиженская армянская апостольская церковь. Москва. ЦГАМ. Ф. 54 Оп. 156 Д. 190 Л. 5.

Национальный архив Армении

94. Дело о ремонте церкви в Армянском селении Малые Салы. НАА. Ф. 54. Оп.1. Д. 1650
95. Дело о строительстве ограды церкви Сурб Саркис в селе Топти. 1879–1887. НАА. Ф. 54. Оп.1 Д. 1527.
96. Дело о строительстве металлических оград церкви Сурб Григор Лусаворич. НАА. Ф. 54. Оп.1. Д. 1437.
97. Дело о раздаче домов жителям Нахичевана и сел. НАА. Ф. 139. Оп.1. Д. 1476.
98. Дело об утверждении проекта на постройку новой каменной церкви во имя св. Сергия и Параскевы в с. Крым. НАА. Ф. 139. Оп.1. Д. 451

Институт истории материальной культуры РАН

99. Общий вид армянского монастыря Сурб Хач. Крым. ИИМК РАН. Фотография. 1886 г.

Рукописи

100. История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна. 4 с. Историко-этнографический музей Мясниковского района.
101. Марр Н. Я. Дневник. ИИМК РАН.
102. Проект реставрации объекта б. церкви монастыря «Сурб-Хач». Том II, кн. 1. Приложения. Справка. Ростов-на-Дону, 1988.
103. Хурдарян А. Х. Крестьянское подворье с. Чалтырь XVIII–XIX вв. 1990. 21 с. Историко-этнографический музей Мясниковского района, КП 247.

Литература и опубликованные источники

104. 1895 год в жизни Нахичевани // Приазовский край. — 1895.— № 1. — С. 1–2.
105. Абрамян А. П. Проблемы сохранения национальной идентичности армян Степного Предкавказья в конце XVIII — первой половине XIX вв. / А. П.

- Абрамян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции 30 мая – 2 июня 2012 г. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. — С. 110–114.
106. Аваков П. А. Призвание Александра Ригельмана / П. А. Аваков // Донской временник. — 2008. — Вып. 17. — С. 55–60.
107. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. / Е. А. Айбабина. — Симферополь: Сонат, 2001. — 280 с.
108. Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян / Г. Айвазовский // ЗОО. — 1867 — VI. — С. 552.
109. Айрапетян В. П. Из истории поселений армян на Северном Кавказе и их торгово-промышленная деятельность / В. П. Айрапетян // Вестник архивов Армении. — 1976. — № 1 (32). — С. 167–176.
110. Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь. — Ростов-на-Дону, 2011. — 315 с.
111. Армянские церкви Российской империи (1717–1917). — Ереван: Тигран Мец, 2009. — 410 с.
112. Армянский музей Москвы и культуры наций. URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/10/30/-4edessia>.
113. Архипенко Н.А. Универсальное и оригинальное в погребально-поминальной обрядности донских армян: к постановке проблемы / Н. А. Архипенко // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее». — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. — С. 129–134.
114. Архитектура Мариуполя. Определения основных архитектурных элементов, фрагменты истории архитектуры и градостроительства: справочный бюллетень / сост. Е. В. Дейниченко. — Мариуполь: МГУ, 2013. — 29 с.
115. Багаева Е. Николай Никитич Дурбах — городской архитектор Нахичевани-на-Дону / Е. Багаева // Донской временник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.donvrem.dspl.ru> (дата обращения: 22.08.2020).

116. Баева О. Ани: градостроительная идея Нового города и ее преемственность / О. В. Баева // Проект Байкал. — 2023. — № 20(76). — С. 184–189.
117. Баева О. В, Миклюкова А. М. Творчество архитектора А. Х. Закиева / О. В. Баева, А. М. Миклюкова // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2022. — №. 18. — С. 131–136.
118. Баева О. В. Генеральный план Нахичевани-на-Дону и русская градостроительная практика последней четверти XVIII века / О. В. Баева // Манускрипт. — 2018. — № 8. — С. 93–97.
119. Баева О. В. Жилища Крыма в эпохи Средневековья и Нового времени. К проблеме традиций и культурных влияний / О. В. Баева // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2019. — № 12. — С. 161–180.
120. Баева О. В. К творческой биографии архитектора Т. С. Хилинского: новые материалы / О. В. Баева // Архитектурное наследство. — 2020. — № 73. — С. 133–139.
121. Баева О. В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: специальность 07.00.02 / Ольга Владимировна Баева. — Ростов-на-Дону, 2007. — 210 с.
122. Баева О. В. Нахичеван и Мариуполь — «образцовые» города Российской империи О. В. Баева // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2023. — № 20. — С. 127–138.
123. Баева О. В. Образцовые проекты в храмовом зодчестве донских армян (середина XIX в.) / О. В. Баева // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2023. — № 20. — С. 139–153.
124. Баева О. В. Памятники российским императорам в Нахичевани-на-Дону в контексте монументальной пластики второй половины XIX века / О. В. Баева // Художественная культура. — 2020. — № 4 (35). — С. 286–302.
125. Баева О. В. Планировка Нахичевани-на-Дону: идеи регулярного градостроительства последней четверти XVIII в. / О. В. Баева // Исторические, философские, политические и юридические науки,

- культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10, Ч. 1. С. 21–24.
126. Баева О. В. Северный модерн в жилой архитектуре Нахичевани-на-Дону / О. В. Баева // Художественная культура. — 2019. — № 3. — С. 214–225.
127. Баева О. В. Этапы формирования ландшафтно-рекреационной среды г. Нахичевани-на-Дону (конец XVIII в. – начало XX в.) / О. В. Баева // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал. — 2014. — № 4. — С. 74–80.
128. Баева О. В., Иванова-Ильичева А. М. Культурно-исторический контекст формирования архитектурного образа Нахичевани-на-Дону (конец XVIII – начало XX вв.) / О. В. Баева, А. М. Иванова-Ильичева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3(178) — С. 228–244.
129. Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений / О. В. Баева, А. Ю. Казарян // Архитектурное наследие. — 2018. — Выпуск 69. — С. 60–70.
130. Баева О. В., Казарян А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований / О. В. Баева, А. Ю. Казарян // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2022. — Т. 12. — С. 123–134.
131. Баева О. В., Хаишбашян Г. С. Архитектурно-пространственная организация поселений и жилых построек армян Нижнего Дона / О. В. Баева, Г. С. Хаишбашян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 2. Ч. 2. — С. 32–34.
132. Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 / Г. В. Барановский. — Санкт-Петербург, 1892–1893. — 690 с.

133. Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века: В 7 т. Т. 1. / Г. В. Барановский. — Санкт-Петербург: Издание редакции журнала «Строитель», 1902. — 500 с.
134. Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. / Е. Белецкая, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубова, И. Эрн. — Москва: Госстройиздат, 1960. — 208 с.
135. Берташ А. В. Стилистические особенности храмостроительства в 1830–1870-е годы в России: столица и национальные окраины / А. В. Берташ // Вестник СПбГУ. Сер. 15. — 2013. — Вып. 1. — С. 178–198.
136. Благовещенский Н. А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т. 1: Крестьянское хозяйство / Н. А. Благовещенский. — Москва: Типолитография Высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. — 267 с.
137. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского / В. Богачев. — Новочеркасск: издание Отдела Народного Просвещения ВВД, 1919. — 348 с.
138. Богданян А. М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма на Дон. Краткий исторический очерк / А.М. Богданян. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1989. — 55 с.
139. Бондаренко И. А. Архитектурное единство городской среды: созвучия и диссонансы / И. А. Бондаренко // АСADEMIA. Архитектура и строительство. — 2014. — № 3. — С. 23–37.
140. Бондаренко И. А. О реабилитации историко-культурных ценностей на территориях новостроек / И. А. Бондаренко // Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред., сост. И. А. Бондаренко. — Санкт-Петербург: Коло, 2019. — С. 33–45.
141. Бондаренко И. А. Древнерусское градостроительство: Традиции и идеалы / И. А. Бондаренко. — Москва: URSS, 2017. — 192 с.

142. Бондаренко И. А. Охрана архитектурно-археологического наследия и перспективы развития мегаполисов / И. А. Бондаренко // *Academia. Архитектура и строительство*. — 2011. — № 1. — С. 10–11.
143. Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX — начала XX вв. / Е. А. Борисова, Т. П. Каждан. — Москва: Наука, 1971. — 231 с.
144. Броневский М. Описание Крыма / М. Броневский // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Том VI. — Одесса, 1867. — С. 46–59.
145. Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства / А. В. Бунин, Т. Ф. Саваренская Т.1. — Москва: Стройиздат, 1979. — 495 с.
146. Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства / А. В. Бунин, Т. Ф. Саваренская. Т.2. — Москва: Стройиздат, 1979. — 411 с.
147. Вайтенс А. Г., Штиглиц М.С. Промышленное наследие Санкт-Петербурга XIX — начала XX веков как объекты архитектурного туризма / А. Г. Вайтенс, М. С. Штиглиц // *Градостроительство и архитектура*. — 2022. — Т. 12, № 1(46). — С. 154–162.
148. Вартамян В. Г. Армяно-григорианская церковь в конфессиональной политике России. Последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.: дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Вячеслав Грантович Вартамян. — Ростов-на-Дону, 1999. — 205 с.
149. Вартамян В.Г., Казаров С. С. Армянская Апостольская Церковь на Дону / В. Г. Вартамян, С. С. Казаров. — Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008. — 238 с.
150. Византийское искусство // *Зодчий*. — 1883. — № 5. — с. 39–41.
151. Виоле-ле-Дюк Э. Э. Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / Э. Э. Виолле-ле-Дюк / пер. с фр. Н. Султанов. — Москва: Худож.-пром. музей, 1879. — 319 с.
152. Волошинова Л. Ф. Первый архитектор Нахичевани / Л. Ф. Волошинова // *Донской временник*. — 2004. — Вып. 13. — С. 28–30.
153. Волошинова Л. Ф. Бульварная площадь / Л. Ф. Волошинова. — Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2001. — 168 с.

154. Воронина В. Л. Жилище народов Средней Азии и климат / В. Л. Воронина // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Е. Е. Неразик, А. Н. Жилина. — Москва: «Наука», 1983. — С. 121–134.
155. Воронов В. Иван Старов — главный архитектор эпохи Екатерины Великой / В. Воронов. — Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2008. — 345 с.
156. Гаврилов А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: сущность, принципы, эволюция: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02 / Алексей Федорович Гаврилов. — Москва, 2010. — 45 с.
157. Гагарин Г. Г. Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. в 3-х сериях / Г. Г. Гагарин. — Санкт-Петербург, 1897–1903. — 80 с.
158. Гаспарян М. А. Архитектура жилых домов Еревана XIX — начала XX вв.: дис ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Мариетта Арташесовна Гаспарян. — Москва, 1983. — 224 с.
159. Геворкян Г. А. История экономического и социокультурного становления армянской диаспоры Донской области и степного Предкавказья: Последняя четверть XVIII в. — 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гаяне Аршалуйсовна Геворкян. — Армавир, 2000. — 26 с.
160. Гесте Вильям // Энциклопедия Царского Села. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/geste-viljam-1763-v-1753-1832.html> (дата обращения: 23.04.2020).
161. Городские поселения в Российской империи. Т.2. — Санкт-Петербург: Типография Товарищества «Общественная польза», 1861. — 197 с.
162. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы / под ред. Е.И. Кириченко и др. — Москва: Прогресс-Традиция, 2001–2010. — 448 с.

163. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Кн. 3: Столицы и провинция / под ред. Е. И. Кириченко и др. — Москва: Прогресс-Традиция, 2010. — 612 с.
164. Градостроительство России середины XIX — начала XX века: Кн. 2: Города и новые типы поселений/ под ред. Е. И. Кириченко. — Москва: Прогресс-Традиция, 2003. — 557 с.
165. Греков А. М. Среди Донских обывателей / А. М. Греков. — Ростов-на-Дону, 1894. — 136 с.
166. Григорян М. Е. Архитектура Таганрога XIX — начала XX вв.: этапы стилевой эволюции и специфические особенности жилой застройки города: дис. ... канд. искусствовед.: 17.00.04 / Марианна Евгеньевна Григорян. — Санкт-Петербург, 2009. — 465 с.
167. Grimm Д. И. Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении / Д. И. Гримм. — Санкт-Петербург, 1859. — 20 с.
168. Гуляницкий Н.Ф. Петербург и другие новые российские города XVIII первой половины XIX в. / Н. Ф. Гуляницкий. — Москва: Стройиздат, 1995. — 404 с.
169. Даглдиян А. Грамматика новонахичеванского (крымского) диалекта армянского языка в сравнении с восточно-армянскими и западноармянскими языками / А. Даглдиян. Б.г. URL:
http://chaltlib.ru/pdf/knigi/grammatika_novonakhichevanskogo_dialekta.pdf
170. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов / Я. Е. Дитц. — Москва: Готика, 2000. — 496 с.
171. Домбровский Ф. Историко-статистический очерк Багчесерайя / Ф. Домбровский // Новороссийский календарь на 1849 год. — Одесса, 1848. — С. 380–397.
172. Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения / Н. Дубровин. — Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1885–1889. Т. 2.
173. Евсина Н.А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII начала XIX века / Н. А. Евсина. — Москва: Наука, 1985. — 256 с.

174. Евсина Н.А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II. Барокко. Классицизм. Неоготика / Н. А. Евсина. — Москва: Наука, 1994. — 221 с.
175. Есаулов Г. В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал: дис. ... докт.archit.: 18.00.01 / Георгий Васильевич Есаулов. — Москва, 2004. — 649.
176. Есаулов Г.В. Архитектура Юга России: от истории к современности / Г. В. Есаулов – Москва: Архитектура-С, 2016. — 568 с.
177. Есаулов Г.В., Черницына В.А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону / Г.В. Есаулов, В. А. Черницына. — Ростов-на-Дону, 2002. — 249 с.
178. Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII — начале XX в.: исламское богослужение и мечети: автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02 / Ильдус Котдусович Загидуллин. — Казань, 2006. — 71 с.
179. Закавказский девичий институт в Тифлисе // Зодчий. — 1894. — № 9. — Л. 2.
180. Зиливинская Э. Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой орды по данным археологии: дис. ... доктора ист.наук: 07.00.06 / Эмма Давидовна Зиливинская. — Москва, 2012. — 678 с.
181. Зодчий. — 1876.— № 11. Приложения. Л. 2–4.
182. Зодчий. — 1877. — № 6. — Приложения. Л. 18.
183. Зодчий. — 1881. — № 1, № 4. — Приложения. Л. 6.
184. Зодчий. —1882. — № 4. — Приложения. Л. 9.
185. Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2017. — № 2(9). — С. 159–192.
186. Иванова-Ильичева А. М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX — начала XX веков: на примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркасска: диссер. ... канд.archit: 18.00.01 / Анна Михайловна Иванова-Ильичева. — Москва, 2000. — 265 с.

187. Иванова-Ильичева А. М., Орехов Н. В., Баева О. В. Особняки в архитектуре Ростова и Нахичевани-на-Дону 1890–1910 годов: композиционно-стилистические особенности / А. М. Иванова-Ильичева, Н. В. Орехов, О. В. Баева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 2. — С. 109–111.
188. Иконников А. В. Историзм в архитектуре / А. В. Иконников. — Москва: Стройиздат, 1997. — 557 с.
189. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве / А. В. Иконников. — Москва: КомКнига, 2006. — 352 с.
190. История градостроительного искусства: рабовладельческий и феодальный периоды / под ред. Т. Ф. Саваренской. — Москва: Стройиздат, 1984. — 376 с.
191. Казаров С. С. Проблема сохранения культурно-исторического наследия крымских армян на рубеже XIX–XX веков / С. С. Казаров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2019. — Т. 46, № 1. — С. 75–79.
192. Казаров С. С. Нахичеванское купечество (конец XVIII — начало XX века) / С. С. Казаров. — Ростов-на-Дону, «Аркол», б.г. — 144 с.
193. Казаров С. С. Общественное самоуправление Нахичевани-на-Дону в конце XIX — нач. XX веков / С. С. Казаров // Местное самоуправление на Юге России и республиках Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 65–67.
194. Казаров С. С. Проблемы формирования интеллигенции Нахичевани-на-Дону / С.С. Казаров // Проблемы высшей школы и гуманизации образования. Сб. научных трудов. Вып. 16. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 66–70.
195. Казарова Н. А. Нахичеванский театр и Городская дума накануне первой мировой войны: к постановке вопроса / Н. А. Казарова // Культурная жизнь Юга России. — 2018. — № 1(68). — С. 45–49.
196. Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону / А. Ю. Казарян //

- Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчьяна. — Москва: КРАСАНД, 2011. — С.165-191.
197. Казарян А.Ю. Столичная школа армянской архитектуры эпохи Багратидов. Новый обзор развития // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 8. — 2017. — С. 87–116.
198. Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции, в 4-х томах / А. Ю. Казарян. — Москва: Локус Станди, 2012–2013. — Т. 1–4.
199. Казарян А. Ю. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания / А. Ю. Казарян. — Москва: ЛЕНАНД, 2012. — 48 с.
200. Казарян А. Ю. Армянская архитектура Крыма в XIII–XV веках. К вопросу о границах между национальными/конфессиональными традициями на полуострове / А. Ю. Казарян // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — МГУ имени М. В. Ломоносова / Санкт-Петербург: НП-Принт, 2019. С. 326–338.
201. Казарян А. Ю. Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма / А. Ю. Казарян // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Международная научная конференция. Минск, 9–11 октября 2012 / сост., отв. ред. И. Н. Скворцова. — Минск: «Арт Дизайн», 2013. — с. 116–126.
202. Казарян А. Ю., Лошкарёва Е. А. Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи ее нового архитектурно-археологического исследования / А. Ю. Казарян, Е. А. Лошкарёва // Археология средневекового храма. Международная конференция, посвященная 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича, 25–29 сентября 2017. — Севастополь: Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2017. — С. 31–34.

203. Казарян А. Ю. Особенности и генезис архитектуры армянской церкви села Крым на Дону / А. Ю. Казарян // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 1(16). — С. 199–216.
204. Казарян А. Русские путешественники об архитектурном наследии Ани / А. Казарян // Проект Байкал. — 2023. — Т. 20, № 75. — С. 153–160.
205. Казарян А. Ю. Хачкары в храмах донских армян: наследие крымской традиции / А. Ю. Казарян // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 2(17). — С. 209–232.
206. Казарян А. Ю. Перспективы изучения архитектуры храмов донских армян / А. Ю. Казарян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы IV Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 года. — Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. — С. 152–158.
207. Казарян А. Ю. Ретроспектива как творческий метод зодчих Армянского царства Багратидов / А. Ю. Казарян // Academia. Архитектура и строительство. — 2022. — № 4. — С. 22–30.
208. Казарян А. Ю. Цитирование античности. Порталы эллинистического типа в армянской архитектуре XI века / А. Ю. Казарян // Даниловские чтения. Античность — Средневековье — Ренессанс: Сборник статей и материалов. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 151–169.
209. Казарян А. Ю. Стилистическое развитие армянской архитектуры в Крыму на примере порталов XIII–XV веков / А. Ю. Казарян // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2018. — Вып. 11. — 2018. С. 125–139.
210. Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора / Н. Калинин, А. Кадиевич, М. Земляниченко. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. — 232 с.
211. Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. / И. Келле-Шагинов. — Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. — 320 с.
212. Киба М.П. Архитектурно-художественные характеристики римско-католических храмов Южной и Восточной Украины: конец XVIII — начало

- XX столетия: автореф. ... дисс. канд. архитектуры: 18.00.01 / Михаил Павлович Киба. — Харьков, 2004. — 26 с.
213. Кириков Б. М. «Русский стиль» в архитектуре XIX в. / Б. М. Кириков // История и культура славянских стран / под ред. В. В. Мавродина. Ленинград, 1972. — С. 73–84.
214. Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. — СПб.: Коло, 2008. — 576 с.
215. Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков / Е. И. Кириченко. Москва: БуксМАрт, 2016. — 351 с.
216. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х 1910-х годов / Е. И. Кириченко. — Москва: Искусство, 1982. — 399 с.
217. Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России / Е. И. Кириченко. — Москва: Искусство, 1986. — 344 с.
218. Кириченко Е. И. Градостроительное развитие юга России в середине XIX — начале XX вв. / Е. И. Кириченко. // Архитектура России: Региональное своеобразие. Доклады и выступления на V Всероссийской научно-практической конференции в г. Ростове-на-Дону, 3-7 октября 1994 г. — Москва: ГП ЦПП, 1995. — с. 13–16.
219. Кишкинова Е. М. «Византийское возрождение» в архитектуре России. Середина XIX — начало XX века. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2006. — 254 с.
220. Кишкинова Е. М., Саакян А. А. Стилиевые особенности жилой застройки периода модерна в Нахичевани-на-Дону / Е. М. Кишкинова, А. А. Саакян // Научный альманах. — 2018. — № 4–2 (42). — С. 261–264.
221. Клименко Ю. Г. Архитектурное наследие первого проектного генплана Москвы 1775 года / Ю. Г. Клименко // Градостроительство. — 2022. — № 1–2 (77–78). — С. 75–78.
222. Клименко Ю. Г. Образ регулярной площади в архитектуре московского классицизма: между проектом и реальностью / Ю. Г. Клименко //

- Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2020. – № 10. – С. 293–305.
223. Клименко Ю. Г. Французский классицизм в творчестве М. Ф. Казакова. Реконструкция этапов проектирования здания Московского университета / Ю. Г. Клименко // Архитектурное наследство. – 2016. – № 65. – С. 149–163.
224. Клюкина А. В. Зодчий Родион Казаков (1754–1803): новые сведения о жизни и постройках / А.В. Клюкина // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства — 2014. — Вып. 1(13). — С. 92–103.
225. Козлов С. С. К истории церквей и кладбищ города Нахичевани-на-Дону / С. С. Козлов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2018. — № 2. — с. 60–69.
226. Калоев С. А. Документы по истории греков Приазовья. Т. 1. От Крыма до Мариупольского греческого округа (1652–1783) / С. А. Калоев. — Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд.», 2008. — 250 с.
227. Кононенко Е. И. Архитектура “большой османской мечети”: истоки, формирование, эволюция. Дис... доктора искусствоведения: 17.00.04 / Евгений Иванович Кононенко. — Москва, 2020. — 471 с.
228. Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.) / Э. М. Корхмазян. — Ереван: Ан Арм. ССР, 1978. — 132 с.
229. Краснянский М. Б. Заметки академика Палласа 1793 года о Ростове-на-Дону и его окрестностях / М. Б. Краснянский // Записки общества истории древностей. Т. 2 — Ростов-на-Дону, 1912. — с. 193–209.
230. Краснянский М.Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам / М. Б. Краснянский // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. 1. — Ростов-на-Дону, 1912. С. 29–56.
231. Крастиньш Я. А. Стиль модерн в архитектуре Риги / Я. А. Крастиньш. — Москва: Стройиздат, 1988.— 271 с.
232. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. — 319 с.

233. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы / Б. А. Куфтин. — Москва, 1925. — 59 с.
234. Левченко В. С. Страницы донской истории / В. С. Левченко. — Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1974. — 184 с.
235. Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII — начала XX века. Поиски национального стиля. — Москва: Белый город, 2009. — 576 с.
236. Лисовский В. Г. Стиль модерн в архитектуре / В. Г. Лисовский. — Москва: Белый город, 2016. — 480 с.
237. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом: XVIII — начало XX вв.: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.02 / Ольга Андреевна Лиценбергер. — Саратов, 2005. — 488 с.
238. Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллин: «Александра», 1992. — С. 121–128.
239. Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. — Москва: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. — 624 с.
240. Мазаев Г. В, Мазаев А. Г. Историческое градостроительное наследие «идеальных» городов России // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. — 2014. — № 1. — С. 16–19.
241. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века / А. В. Макидонов. — Запорожье: Просвіта, 2011. — 336 с.
242. Малхасян А. История сел донских армян / А. Малхасян // Нахичевань-на-Дону. — 2009. — № 3 (138), февраль. — С. 8–10.
243. Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян / А. Г. Малхасян. — Ростов-на-Дону, 2010. — 156 с.
244. Манучарян Ш. Г. Возникновение армянских поселений на полуострове / Ш. Г. Манучарян // Сквозь века: народы Крыма. — Вып.1/ под ред. Н.

- Николаенко. — Симферополь: Академия гуманитарных наук, 1995. — С. 128–141.
245. Марр Н. Я. Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища / Н. Я. Марр. — Ленинград–Москва, 1934. — 278 с.
246. Мартиросян А. Оганес Каджазунни — архитектор армянской церкви в Баку // ЖАМ. 28.05.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zham.ru/categories/heritage/1535-oganes-kadzhasnuni-arhitektor-armyanskoj-cerkvi-v-baku.html>
247. Матевосян К. А. Центр письменности города Ани (конец X — начало XV в). Автореферат дис... канд.ист.наук: 07.00.02. / К. А. Матевосян. — Ереван, 1989. — 26 с.
248. Мельчакова Ю. С. Испанская национальная картина мира: взаимодействие искусства и религии: автореф. дис. ... канд. культуролог.: 24.00.01 / Юлия Сергеевна Мельчакова. — Екатеринбург, 2007. — 24 с.
249. Минасян А. А. Развитие армянской культуры в России в XIX столетии: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Арсен Аркадьевич Миносян. — Тольятти, 2016. — 234 с.
250. Михайлова М. Б. Государственная власть и архитектурно-градостроительное творчество на юге России периода классицизма / М. Б. Михайлова // Архитектура в истории русской культуры. Власть и творчество. — Вып. № 4. / под ред. И. А. Бондаренко. — М.: Эра, 1999. — С. 107–112.
251. Михайлова М. Б. Особенности градостроительного развития юга России (конец XVIII первая половина XIX в.) / М. Б. Михайлова // Архитектурное наследие. — 1979. — № 27. — С. 49–57.
252. Мониц Г. И., Моница Т. Н. Архитектура мечетей Томской губернии конца XIX — начала XX вв. / Г. И. Мониц, Т. Н. Манонина // Вестник ТГАСУ. — 2015. — № 4. — С. 49–55.
253. Москва и сложившиеся русские города XVIII — первой половины XIX веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. — Москва: Стройиздат, 1998. — 438 с.

254. Надырова Х. Г. Градостроительная культура Волго-Камья X — середины XVI вв.: концепция формирования и исторического развития: дис ... доктора архитект.: 05.23.20 / Ханифа Габидулловна Надырова. — Нижний Новгород, 2014. — 572 с.
255. Назарова М. П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен / М. П. Назарова. — Волгоград: ВолгГАСУ, 2010. — 133 с.
256. Нащокина М. В. Античное наследие в русской архитектуре николаевского времени / М. В. Нащокина. — Прогресс-Традиция, 2011. — 776 с.
257. Нащокина М. В. Архитектурное многостилье в русской архитектуре конца XIX - начала XX века как национальный феномен / М. В. Нащокина // Хан-Магомедовские чтения: Фундаментальные проблемы теории и истории архитектуры, Москва, 29–30 января 2014 года / сост. и отв. ред. И. А. Бондаренко; НИИТИАГ. — Москва: Коло, 2017. — С. 150–154.
258. Нащокина М. В. Влияние местных культур и строительных традиций на архитектуру крымских усадеб конца XVIII — начала XX века / М. В. Нащокина // Художественная культура. – 2020. – № 1(32). – С. 143–158.
259. Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. — Москва: Улей, 2007. 231 с.
260. Немцы в истории России: документы высших органов власти и военного командования, 1652–1917 / ред. совет В. В. Ауман и др.; сост.: В. Ф. Дизельдорф. — Москва: Междунар. фонд "Демократия": Материк, 2006. — 780 с.
261. Нигохосов М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на юге России (конец XVIII – начало XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Михаил Геннадьевич Нигохосов. — Ростов-на-Дону, 2007. — 28 с.
262. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках / С. С. Ожегов. — Москва: Стройиздат, 1984. — 168 с.
263. Орбели И. Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки / И. Орбели. — Санкт-Петербург, 1911. — 55 С.

264. Орельская О. В. Мотивы русского и неорусского стилей в архитектуре Нижнего Новгорода XIX–XXI веков / О.В. Орельская // Academia. Архитектура и строительство. – 2023. – № 2. – С. 55–65.
265. Орельская О. В. Архитектура театральных зданий в Нижнем Новгороде / О.В. Орельская // Вестник Приволжского территориального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук: Сборник научных трудов / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Вып. 23. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2020. – С. 86–97.
266. Орлов С. С. Заимствование ценностей в культуре черкесогаев / С. С. Орлов // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы Всероссийской научной конференции, 30 мая-2июня 2012. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — С. 259–262.
267. Отзыв комиссии судей по конкурсу Армянской церкви в Баку // Зодчий 1907. — № 31. — С.330–331.
268. Павлович В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния / В. Павлович. — Санкт-Петербург: Типография департамента Генерального штаба, 1862. — 389 с.
269. Пантюхов В. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе / В. Пантюхов. — Тифлис, 1896. — 127 с.
270. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. Область войска Донского — Санкт-Петербург: Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. Дел, 1897–1905. — 340 с.
271. Петухова Н. Я. Арутюн Христофорович Закиев — архитектор Нахичевани / Н.Я. Петухова // Нахичевань.ru. Информационно-аналитический портал о жизни донских армян. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nahichevan.ru>. (дата обращения: 23. 09. 2020).

272. Печенкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма / И. Е. Печенкин // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — № 16. — С. 231–343.
273. Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. архит : 18.00.01 / Ирина Витальевна Поцешковская. — Москва, 2005. — 340 с.
274. Проект архитектора А. Ф. Зельцмана // Зодчий. — 1883. — С.10.
275. Проект лютеранской церкви для армян // Зодчий. — 1877. — № 4.
276. Прохоров Д. А. Историко-архитектурные объекты и особенности застройки городов Крымского полуострова в контексте истории караимов / Д. А. Прохоров // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. — Вып. 7. — Севастополь–Тюмень–Нижневартовск, 2015. — С. 237–279.
277. Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юр. наук: 12.00.01 / Любава Ростиславовна Романовская. — Нижний Новгород, 2006. — 27 С.
278. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. с рукописи, вступ. статья и прим. К. И. Раткевич. — Ленинград: Ленингр. гос. ун-т, 1941. — 80 с.
279. Роот Е. В. Немецкие колонии области войска Донского: последняя треть XIX в. — 1914 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Евгения Валентиновна Роот. — Ростов-на-Дону, 2003. — 28 с.
280. Ростов-Нахичевань-на-Дону. Справочная книга. — Ростов-на-Дону, 1911. — с. 136.
281. Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. / Т. Ф. Саваренская, Д. О. Швидковский, Ф. А. Петров. — Москва: Архитектура-С, 2004. — 312 с.

282. Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ: вторая половина XIX — начало XX века / Ю. Р. Савельев. — Москва: Совпадение, 2008. — 321 с.
283. Савельев Ю. Р. "Византийский стиль" в архитектуре России (вторая половина XIX — начало XX века): альбом / Ю. Р. Савельев. — Санкт-петербург: Лики России - Проект-2003, 2005. — 271 с.
284. Саргсян Т. Из истории Армянской церкви в Крыму: по памятным записям XIV–XV вв. / Т. Саргсян // Историческое наследие Крыма. — 2007. — № 18 (1). — С. 15–32.
285. Саргсян Т. Село Тополевка в Крыму и его армянские памятники [Электронный ресурс] / Т. Саргсян. Режим доступа: <http://armstudies.asj-oa.am/86/1/84.pdf>. (дата обращения: 20. 05. 2020).
286. Саргсян Т. Э. Армянское архитектурное наследие в Крыму и проблемы его сохранения / Т. Э. Саргсян // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Материалы II международной научной конференции, 26–28 мая 2015. — Ростов-на-Дону, 2015. — С. 210–214.
287. Сарьян М. С. Из моей жизни / М. С. Сарьян. — Москва: Изобразит. искусство, 1990. — 301 с.
288. Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму: дис. ... доктора архит.: 18.00.02 / Анатолий Алексеевич Сафонов. — Симферополь, 1999. — 355 с.
289. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. I. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство / сост. Статистическим отделением Екатеринославской губернской земской управы. — Екатеринослав: Печатано в губернской типографии, 1884. — 319 с.
290. Сватиков С. Г. Ростов-на-Дону и приазовский край в описаниях путешественников XVIII и первой половины XIX в. / С. Г. Сватиков // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. — Т. 1. — Ростов-на-Дону, 1912. — С. 82–95.

291. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. — Т. II: Бахчисарайский район. / под ред. Р. С. Хакимова. Симферополь, 2016. — 415 с.
292. Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина / А. Ю. Сергеев // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — №3. — С. 231–239.
293. Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII в. в провинциальных городах России: дис. ... канд. искусствовед: 18.00.01 / Георгий Константинович Смирнов. — Москва, 2003. — 392 с.
294. Смирнов И. Н. Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Иван Николаевич Смирнов. — Ростов н/д, 2007. — 34 с.
295. Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением. — Санкт-Петербург: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. — 104 с.
296. Списки населенных мест Российской империи. — Т.13: Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. — Санкт-Петербург: б.и., 1863. — 154 с.
297. Стеклова И. А. Архитектура Санкт-Петербурга в художественной картине мира (по произведениям А. С. Пушкина): специальность 17.00.09 «Теория и история искусства». Дис... доктора искусствоведения / Стеклова Ирина Алексеевна. — Саратов, 2016. — 345 с.
298. Стеклова И. А. Вертикали и горизонталы в картинах мира / И. А. Стеклова // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2015. — № 6(101). — С. 417–422.
299. Субботин О. С. Архитектурно-градостроительное наследие армянских зданий гг. Екатеринодара и Армавира XIX–XX вв. / О. С. Субботин // Жилищное строительство. — 2014. — №12. — С. 26–32.

300. Султанов Н. В. Русские шатровые церкви и их соотношение к грузинско-армянским пирамидальным покрытиям / Н. В. Султанов // Зодчий. — 1887. — № 9,10. — С. 66–71.
301. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. Сумароков. — Москва: В Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1800. — 238 с.
302. Терехин С. О. Государственное регулирование развития поселений российских немцев / С. О. Терехин // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4: Власть и творчество / отв. Ред. И. А. Бондаренко. — Москва: НИИТИАГ, 1999. — с. 117–128.
303. Терехин С. О. Поселения российских немцев: Архитектурная традиция и ее развитие: дис. ... доктора архитект.: 18.00.01 / Сергей Олегович Терёхин. — Москва, 2000. — 232 с.
304. Терехин С. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен / С. Терехин. Саратов: «Кадр», 1999. — 216 с.
305. Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российской государства (XVIII — начало XX вв.) / Е. А. Терюкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2010. — № 4. — С. 123–129.
306. Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века / В. И. Тимофеев. — Киев: Наукова думка, 1984. — 219 с.
307. Токарев А. Г. Преемственность в архитектуре и градостроительстве Ростова-на-Дону 1920-х – 1930-х годов: дис. ... канд. архитект.: 18.00.01 / Артур Георгиевич Токарев. — Ростов-на-Дону, 2000. — 348 с.
308. Тон К. А. Церкви, сочиненные архитектором его императорского величества, профессором архитектуры Императорской Академии художеств и членом разных иностранных академий Константином Тоном / К. А. Тон. Санкт-Петербург: б.и., 1838. — 18 с.

309. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды / В.Н. Топоров. — Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. — 616 с.
310. Уманский Н. Г. Эволюция архитектуры театра / Н. Г. Уманский // Проблемы архитектуры. — Москва: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1937. — С. 73–131.
311. Филевский П. П. Нахичевань и Нахичеванцы: из воспоминаний о детстве. Быт, обычаи, традиции донских армян — 1860-е годы / П. П. Филевский. Москва, 2020.
312. Фират Я. Типология бахчисарайських осель та кварталів (1650–1675 рр.) / Я. Фират // Україна в Центрально-Східній Європі. — Вып. 18. / под ред. В. Смоля. — Киев, 2018. — С. 183–200.
313. Фурман Н. В. Градостроительные аспекты развития немецких поселений в Саратовском Поволжье в XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. архитект.: 18.00.01 / Нина Викторовна Фурман. — Саратов, 2001. — 251 с.
314. Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян / О. Х. Халпахчян / научн. ред. Т. Саргсян. — Симферополь, 2019. — 379 с.
315. Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону / О. Х. Халпахчян. — Ереван: Айастан, 1988. — 168 с.
316. Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. — Москва: Издательство литературы по строительству, 1971. — 248 с.
317. Халпахчян О. Х. Жилые дома армян на Дону / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1985. — № 33. — С. 122–139.
318. Халпахчян О. Х. Культовые сооружения новонахичеванских армян / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1985. — № 33. — С. 107–121.
319. Халпахчян О. Х. Общественные сооружения новонахичеванских армян / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1988. — № 35. — С. 121–135.
320. Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1996. — № 41 — С. 60–75.
321. Халпахчян О. Х. Планировка и благоустройство Нахичевани-на-Дону / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1985. — № 34. — С. 122–139.

322. Халпахчян О.Х. Конструкция и форма в армянской архитектуре IV–XIV вв. / О. Х. Халпахчян // Архитектурное творчество и строительная техника. Москва: Гос. изд. по строительству, архит. и строит. материалам, 1960. — С. 187–222.
323. Халпахчян О. Х. Культовые постройки крымских армян / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1992. — № 39. — С. 32–45.
324. Халпахчян О. Х. Организация строительного дела в средневековой Армении / О. Х. Халпахчян // Историко-филологический журнал. — 1967. — № 2–3. — С. 205–220.
325. Халпахчян О. Х. Строительные традиции народных мастеров Армении / О. Х. Халпахчян // Архитектурное наследство. — 1953. — № 3. — С. 36–78.
326. Хроника // Приазовский край. — № 122 (9 мая). — 1908. — С. 1–2.
327. Худин А. А. Эклектика в архитектуре Нижнего Новгорода XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. архитект.: 05.23.20 / Алексей Александрович Худин. — Нижний Новгород, 2010. — 192 с.
328. Челеби Э. Книга путешествий [Электронный ресурс] / Э. Челеби // Режим доступа: <http://crimeantatars.com/>. (дата обращения: 23.08.2020).
329. Чернозубова Л. Е. Образцовые проекты планировки жилых кварталов и площадей начала XIX в. / Л. Е. Чернозубова // Архитектурное наследство. — 1963. — № 15. С. 189–197.
330. Шапиро Г. Е. Архитектура синагог Области Войска Донского и Кавказского края второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. архит.: 05.23.20 / Григорий Ефимович Шапиро. — Ростов-на-Дону, 2019. — 345 с.
331. Шапиро Г. Е. Методика архитектурной классификации синагог Области войска Донского и Кавказского края периода второй половины XIX – начала XX в. / Г. Е. Шапиро // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. — Т.3. — с. 48–53.
332. Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач нового Нахичевана / Е. Шахазиз / пер. с арм. Ш. М. Шагинян. — Тифлис, 1901. — 32 с.

333. Шахазиз Е. Новый Нахичевань и Новонахичеванцы / Е. Шахазиз / пер. Ш. М. Шагинян. — Ростов-на-Дону, 1999. — 249 с.
334. Швидковский Д. О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой / Д. О. Швидковский. — Москва: Архитектура-С, 2016. — 256 с.
335. Швидковский Д. О. Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций России в эпоху Просвещения / Д. О. Швидковский. — Москва: Улей, 2008. — 320 с.
336. Швидковский Д. О. Чарлз Камерон при дворе Екатерины II / Д. О. Швидковский. — Москва: Улей, 2010. — 487 с.
337. Швидковский Д. О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством / Д. О. Швидковский. Москва: Архитектура-С, 2016.
338. Шишкина Д. Ю. Природопользование донских армян (Конец XVIII – начало XX вв. / Д. Ю. Шишкина // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. — С. 305–309.
339. Штейн С. Системный подход в искусствоведении / С. Штейн // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». — 2018. — №2 (12). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-iskusstvovedenii> (дата обращения: 07.08.2022).
340. Штиглиц М. С. Историко-культурный аспект рефункционализации промышленных территорий Санкт-Петербурга / М.С. Штиглиц // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2017 году: Сборник научных трудов Российской академии архитектуры и строительных наук. Том 1. — Москва: Издательство АСВ, 2018. — С. 264–273.
341. Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань / А. Н. Штылько. — Саратов: Паровая скоропечатная Губернского правления, 1896. — 237 с.
342. Шумилкин А. С. Эволюция архитектурно-планировочной структуры Нижнего Новгорода конца XVIII - начала XX веков: дис. ... канд. архитек.:

- 05.23.20 / Александр Сергеевич Шумилкин. — Нижний Новгород, 2010. — 176 с.
343. Щенков А.С. Структура русских исторических городов и система градостроительных ориентиров.: автореф. дис. ... канд. архитект.: 18.00.01 / Алексей Серафимович Щенков. — Москва, 1980. — 17 с.
344. Щенков А., Антонова Н. Архитектурное наследие и идентичность русских городов / А. Щенков, Н. Антонова // Проект Байкал. — 2020. — Т. 17, № 65. — С. 27–31.
345. Щенков А. С. Малый русский город. Типология застройки / А. С. Щенков // Архитектура и современные информационные технологии. — 2017. — № 1(38). — С. 281–290.
346. Щенков А. С. Архитектура храмов 1830-1910-х годов / А. С. Щенков // Архитектура русского православного храма. — Москва: Издательство "Памятники исторической мысли", 2013. — С. 271–326.
347. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. В 2-х т. Т. II. / составил С. Н. Кондаков. — Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1915. — 567 с.
348. Юзбашян К. Н. Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. / К. Н. Юзбашян // Византийский Временник. — 1979. — Т. 40 (65). — С. 89–99.
349. Юрий Матвеевич Фельтен (1730–1801) / гл. ред. А. Барагамян. — Москва: Комсомольская правда Директ Медиа, 2016. — 72 с.
350. Ющук Л. А. Архитектура зданий римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей в Сибири и на Дальнем востоке (1792–1917): дис. ... канд. архитект.: 18.00.01 / Лариса Анатольевна Ющук. — Новосибирск, 2001. — 274 с.
351. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры / А. Л. Якобсон. — Москва–Ленинград: Наука, 1964. — 232 с.
352. Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму / А. Л. Якобсон // Византийский временник. — 1956. — № 8. — С. 165–178.

353. Яковлев А. Н. Церковь Св. Варвары на Варварке. Типология и иконография / А. Н. Яковлев // Архитектурное наследство. — 2014.— Вып. 60. — С. 186–203.
354. Baeva O. Architecture of Russian Provincial Theatres of the Second Half of the 19th Century in the Regional and Global Aspects / O. Baeva // Culture Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE) on October 05, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publons.com/p/21958954/doi.org/10.2991/ICASSEE-18.2018.98>. (дата обращения: 20.09.2020).
355. Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival / O. Baeva, A. Kazaryan // RIHA Journal 0218, 20 July 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riha-journal.org/articles/2019/0218-baeva-and-kazaryan>. (дата обращения: 23.09.2020).
356. Baeva O. Characteristics of Nakhichevan-on-Don Residential Architecture of the Second Half of the 19th Century / O. Baeva // Proceedings of the International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (АНТИ). February 26, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <publons.com/p/23442814/doi.org/10.2991/АНТИ-19.2019.7>. (дата обращения: 23.09.2020).
357. Baeva O. Northern Art Nouveau in the Residential Architecture of Nakhichevan-on-Don / O. Baeva // Proceedings of the 3rd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE). October 05, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <publons.com/p/34046498/doi.org/10.2991/ICASSEE-19.2019.98>. (дата обращения: 23.09.2020).
358. Baeva O. Representation of the Ethnic World View in Architecture. Evidence from Armenian Architecture of the Lower Don / O. Baeva // Proceedings of the 2017 International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education, Moscow, November 9-11, 2017. Paris: Atlantis press, 2017 — January 2018.

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: publons.com/p/21958938/.
Doi:10.2991/icassee-17.2018.94. (дата обращения: 12. 12. 2020).
359. *Chronicon Aegidii li Muisis, abbatis Sancti Martini Tornacensis*, ed. par Jacobus Goethalis Vercruyse. — Courtrai: Blanchet, 1824. — 132 p.
360. Chrzęszczewski J. *Kościoły Ormian Polskich. Katalog zabytków ormiańskich*. Т. I. / Jacek Chrzęszczewski. — Warszawa, 2001. — 278 p.
361. Dienes Gerhard M. *Fellner & Hellmer: Die Architekten der Illusion / Gerhard M. Dienes*. // *Theaterbau und Bühnenbild in Europa*. — Graz 1999. — P. 167–169.
362. *Geschichte der Wolgadeutschen* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wolgadeutsche.net/history/tab1_mutterkolonien.htm. (дата обращения: 23.09.2021).
363. Kazaryan A.Y. The type of domed hall in the architecture of Ani and the surrounding area, X-XI centuries. On the problems of the development of medieval architecture / A.Y. Kazaryan // *Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. — Paris: Atlantis Press, 2018. — P. 363 – 366.
364. Kazaryan A. The City of Ani Constructing a Medieval Capital in the Christian Orient / A. Kazaryan // *Architecture and Visual Culture in the Late Antique and Medieval Mediterranean. Studies in Honor of Robert G. Ousterhout. Architectura Medii Aevi*. — 2020. — Vol. 14. — P. 241–252.
365. Kazaryan A. The Theme of a Domed Rotunda in Ani School of Armenian Architecture during the Bagratids' Era: Interpretation of the Classical Image/ A. Kazaryan // *DISEGNARECON*. — 2020 — Vol 13, No 25: “Traveling from the Orient to the West and return. Cities, Architecture and Restoration. Writings in memory of Paolo Cuneo,” Editors Simonetta Ciranna and Paolo Girardelli. URL: <http://disegnarecon.univaq.it>. (дата обращения: 23. 09. 2021).
366. *Le Caucase pittoresque dessiné d'après nature par le prince Grégoire Gagarine avec une introduction et un texte explicatif par le comte Ernest Stackelberg*. — Paris: Plon, 1847. — 138 p.

367. Levin V. The ST. Petersburg Jewish Community and the Capital of the Russian Empire / V. Levin // Jewish Architecture in Europe. — Petersburg: Michael Imhof Verlag, 2010. — P. 197 – 217.
368. Neufeld von Dr. K. Aus der geschichte der russlanddeutschen Museum für russlanddeutsche Kulturgeschichte [Электронный ресурс] / Neufeld von Dr. Katharina. Режим доступа:
<https://www.russlanddeutsche.de/de/russlanddeutsche/geschichte/aus-der-geschichte-der-russlanddeutschen.html>. (дата обращения: 23.09.2020).
369. Հարարթեան, Մ. Հայաստանում ուղ միջնադարում շինարարական գործի կազմակերպումը (Асратян М. Организация строительного дела в Армении позднего средневековья) // Հայկազեան հայագիտական հանդես (Айказеан арменоведческий журнал). — Бейрут, 1997. — 234–245 с.
370. Դոլուխանյան Լ. Ծարտարապետ Հովհաննես Քաջազունի (Долуханян Л. Архитектор Ованнес Каджазунни). Ереван: Аревик-рекорд, 1997. — 120 с.
371. Էդմոնդ Տրջրանցան. Փարրիել Տեի–Միքելցան (Тигранян Э. А. Габриэль Тер-Микелян). Ереван: Советакан грех, 1981. — 90 с.

ФИЛИАЛ ФГБУ «ЦНИИП МИНСТРОЯ РОССИИ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

На правах рукописи



Баева Ольга Владимировна

**НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ И СЕЛА ДОНСКИХ АРМЯН В КОНТЕКСТЕ
РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Специальность 2.1.11 – Теория и история архитектуры, реставрация и
реконструкция историко-архитектурного наследия (искусствоведение)

Диссертация на соискание ученой степени доктора
искусствоведения

Том 2

Научный консультант
доктор искусствоведения,
академик РААСН
Казарян Армен Юрьевич

Москва – 2023

Оглавление

Приложение А. Предыстория армян Нижнего Дона и традиция их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени.....	3
Приложение Б. Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты.....	10
Приложение В. Планировочная структура и особенности градостроительного развития Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона	17
Приложение Г. Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII – середина XIX в. Взаимодействие образцовых проектов и традиций.....	32
Приложение Д. Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.....	51

Приложение А.

Предыстория армян Нижнего Дона и традиция их архитектуры в эпоху Средневековья и в начале Нового времени



Рисунок 1. План городища Ани (Марр Н.Я. Ани...)



Рисунок 2. Ани. Фотография 2022 г.



Рисунок 3. Крепостные стены Ани. Главные ворота. Фотография 2022 г.



Рисунок 4. Ани. Собор. Фотография 2022



Рисунок 5. Ани. Хачкар в стене храма. Фотография 2022 г.

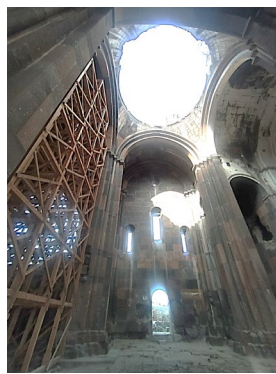


Рисунок 6. Интерьер собора. Фотография 2022 г.

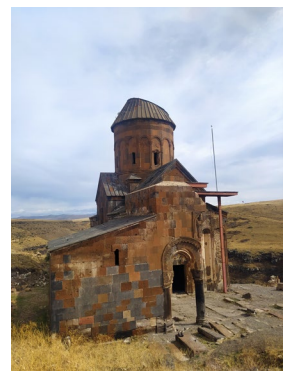


Рисунок 7. Ани. Церковь Тигран Онец. Фотография 2022 г.

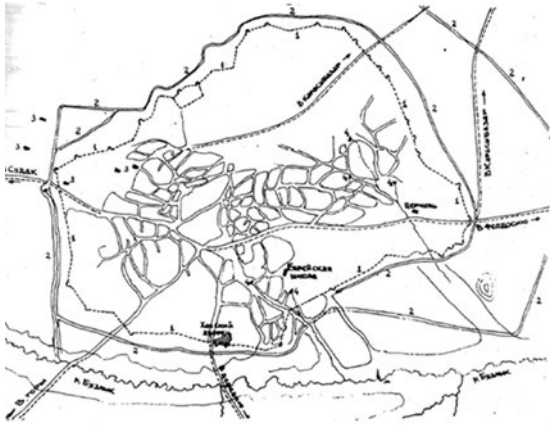


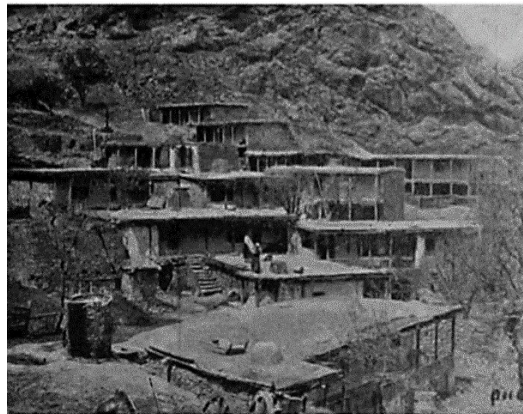
Рисунок 12. План г. Старый Крым. Чертеж Ивана Лютова. Конец XVIII в. (Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян... С. 63)



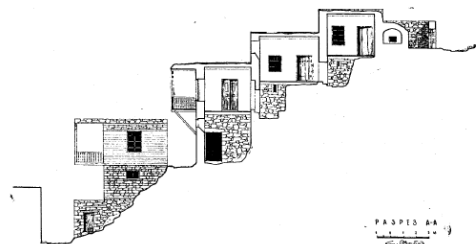
Рисунок 13. План Феодосии. 1783. (Халпахчян О. Х. Особенности планировки крымских поселений армян... С. 65)

Таблица 1. Типы жилищ средневекового Крыма

Дома с «плоской крышей». Деревня Шелень. Фотография Б. А. Куфтина, 1920-е гг. (Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... Приложения)



Дома с «плоской крышей» на территории Армении. Разрез террасно расположенного компактного жилищного комплекса, построенного в 1887–1950 гг. (пос. Мегри) 299. (Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования... Приложения)

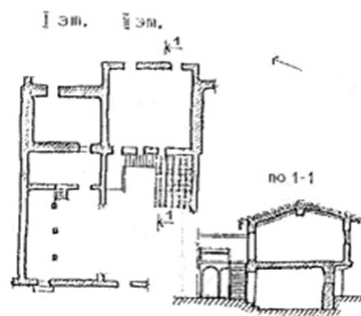


Продолжение таблицы 1.

Херсон. Дом в III квартале северо-восточной части города (XII – XIII вв.). Рис. А. А. Шалькевича (Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и материальной культуры... С. 85)



План и разрез усадебного дома по А. А. Сафонову (Сафонов А. А. Эволюция архитектуры усадебного дома в Крыму... С. 138)



Дома с «нависающими балконами». Бахчисарай. Фотография конца XIX в. (pastvu.com)



Дом с «нависающим балконом». Деревня Б. Узенбаш. Дом Рамазана Ахметова. Фотография Б. А. Куфтина, 1920-е гг. (Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы... Приложения)



Общий вид армянского монастыря Сурб Хач с прилегающими постройками. 1886 г. (Институт истории материальной культуры РАН)



Дом с «нависающим балконом». Дом в с. Плотинное. Фотография 2019 г.

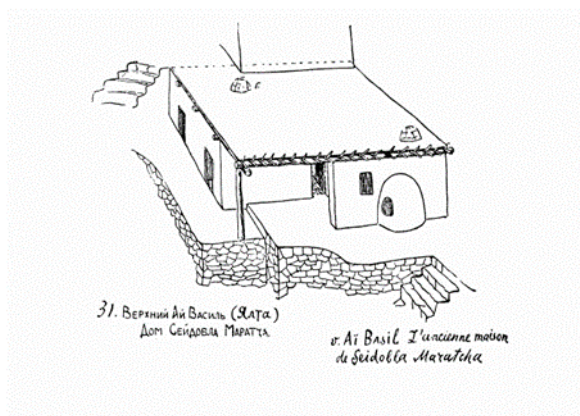


Плаховый дом с пристройкой в с. Плотинное. Фотография 2019 г.



Плаховый дом с боковой плетневой стеной в с. Плотинное. Фотография 2019 г.





Дер. Бахчи-Эли. Татарский дом с хлебной печью снаружи,
Village Bakchi-Eli. Maison de tatars avec un fourneau en dehors.

Рисунок 14. А, Б. Печь пур. (Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы..., приложения)

Таблица 2. Примеры армянских средневековых церквей на территории Крыма

<p>Феодосия. Церковь Архангелов Гавриила и Михаила. Фотография автора. 2019. План-схема (М. В. Петросян) (Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян... С. 242)</p>		
<p>Феодосия. Церковь Сурб Саргис (Сергия). Фотография автора. 2019 г. План И. П. Шмольсон (Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян... С. 234)</p>		
<p>Церковь монастыря Сурб Хач. Фасад, план (Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян...)</p>		

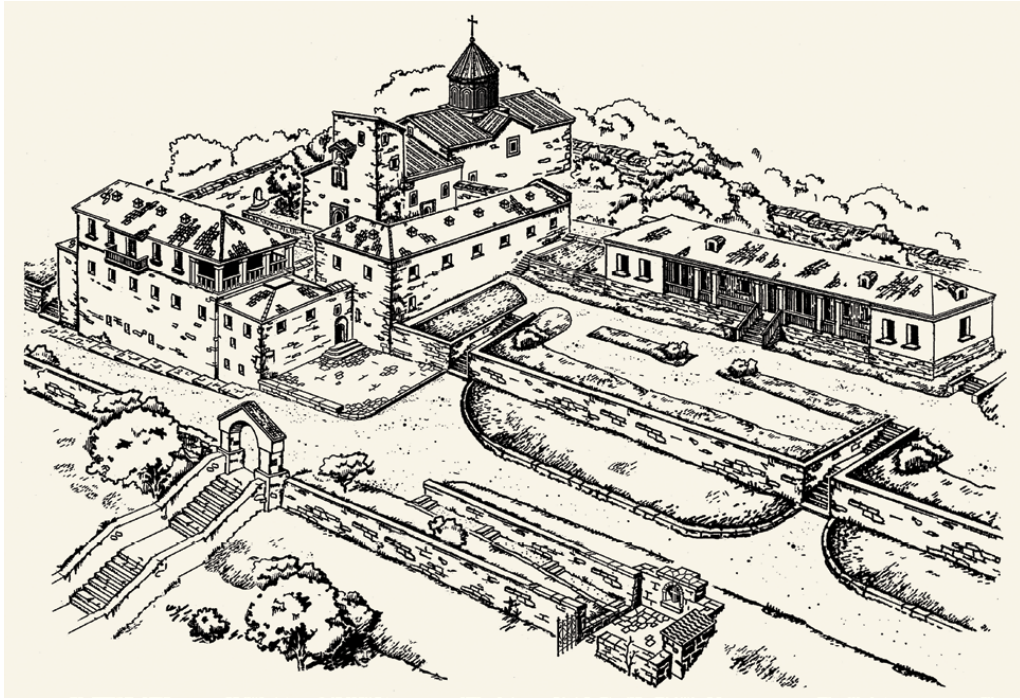


Рисунок 15. Монастырь Сурб Хач (реконструкция М. В. Петросян и Ю. С. Воронин) (Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян...С. 123)

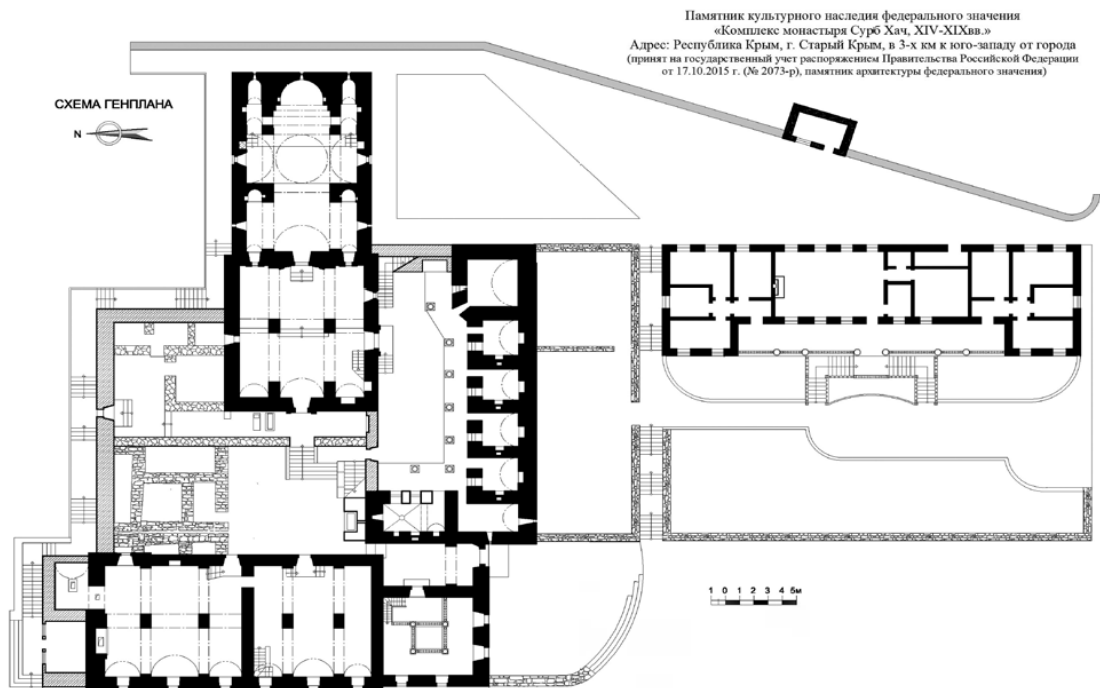



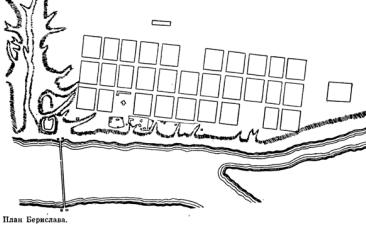




Рисунок 16. Общий план монастыря Сурб Хач (автор М. В. Петросян) (Халпахчян О. Х. Архитектура крымских армян... С. 124)

Приложение Б.

Российская политика в отношении переселяемых в империю народов иноверческих, инославных и православного исповеданий: архитектурно-градостроительные аспекты

Таблица 3. Примеры планов городов и сельских поселений на территории юга и юга-востока Российской империи		
		
<p>План г. Бахмут (Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 109)</p>	<p>План Мариуполя 1784 (Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 27)</p>	<p>План Григориополя 1792 (Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 160)</p>
		
<p>План г. Берислав (Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 103)</p>	<p>План г. Новомиргород (Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века... С. 134)</p>	<p>План г. Славяносербск (РГИА. 1293. Оп. 166 Екатеринославская губ. Д. 22. Л. 8)</p>

Примеры проектов жилых домов в Таганроге, составленных по образцовым чертежам

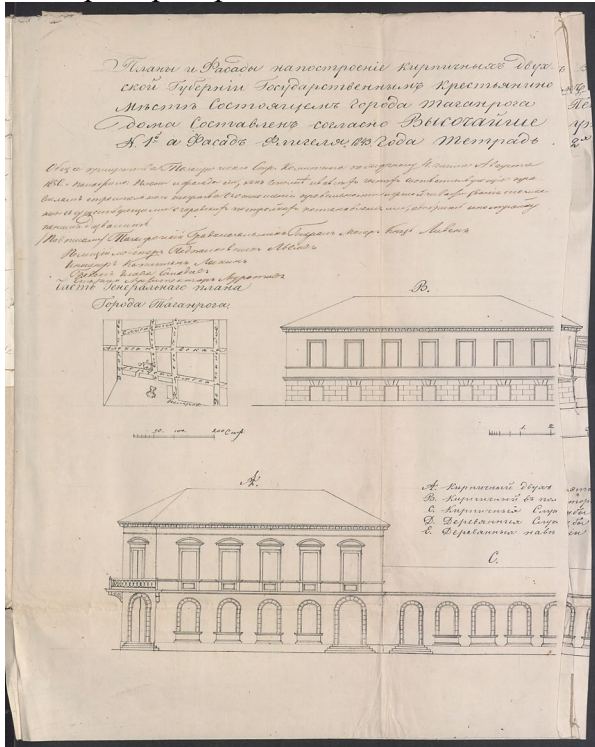


Рисунок 17. Планы и фасады на постройку кирпичного дома в г. Таганрог (ГАРО. Ф. 581. Оп.1 Д. 191. Л. 4)

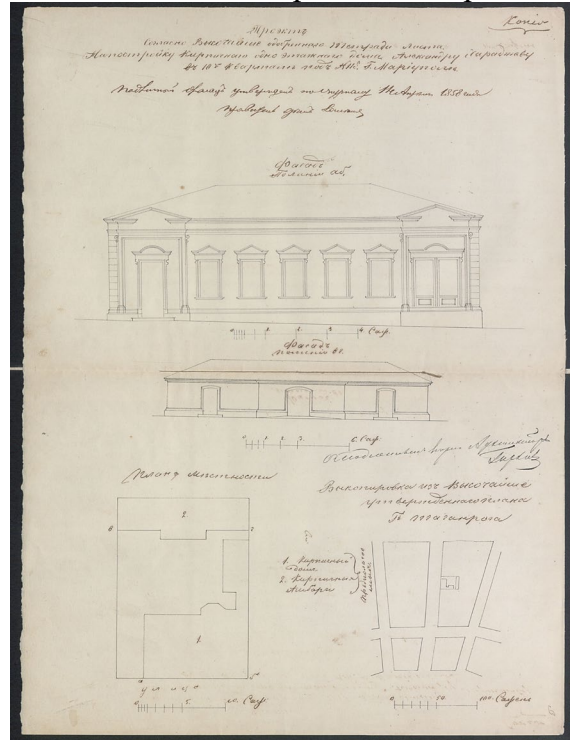


Рисунок 18. Планы и фасады на постройку кирпичного дома в г. Таганрог (ГАРО. Ф. 581. Д. 394. Л. 5)

Примеры проектов жилых домов в Мариуполе, составленных по образцовым чертежам

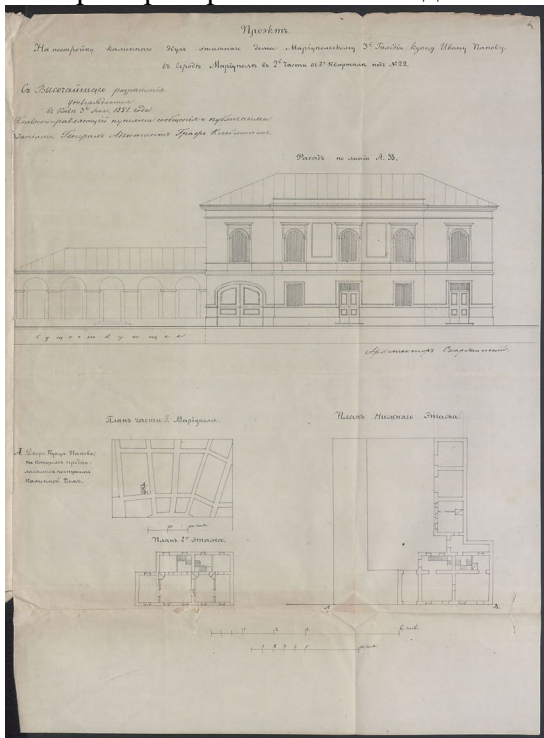


Рисунок 19. Планы и фасады на постройку кирпичного дома в г. Мариуполь (ГАРО. Ф. 581. Оп.1 Д. 213. Л. 3)

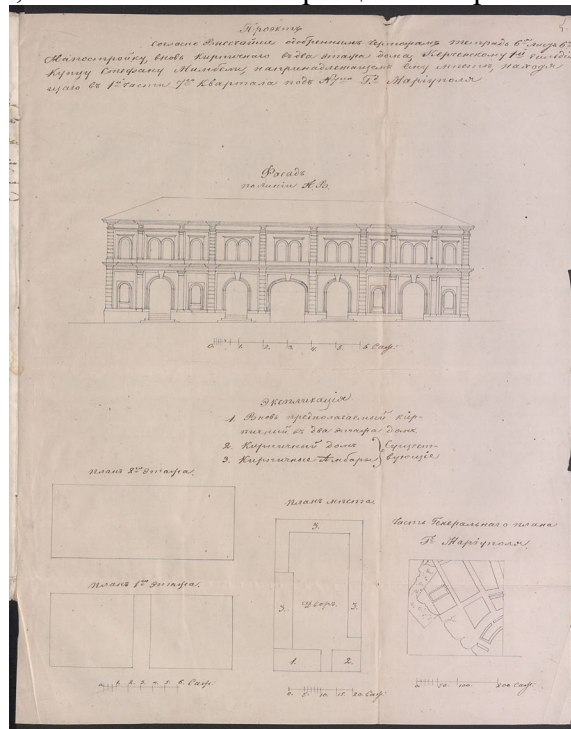


Рисунок 20. Планы и фасады на постройку кирпичного дома в г. Мариуполь (ГАРО. Ф. 581. Оп.1 Д. 255. Л. 5)



Рисунок 21. Фрагмент карты «План города Саратова с заселенными при оном в Саратовском и Золотовском округах колониями» 1768 г. (Geschichte der Wolgadeutschen...)



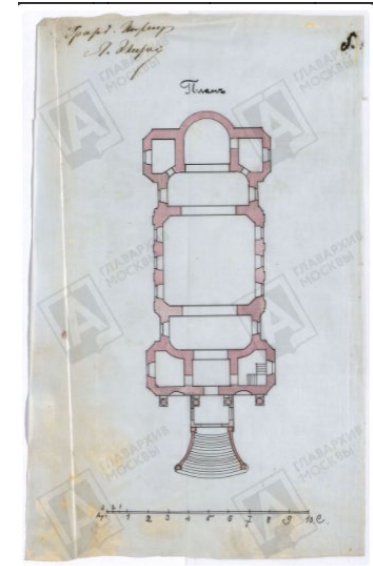
Рисунок 22. Фрагмент карты «План города Саратова с заселенными при оном в Саратовском и Золотовском округах колониями» 1768 г. (Geschichte der Wolgadeutschen...)



Рисунок 23. Фрагмент карты «План города Саратова с заселенными при оном в Саратовском и Золотовском округах колониями» 1768 г. (Geschichte der Wolgadeutschen...)

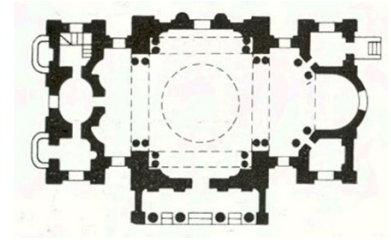
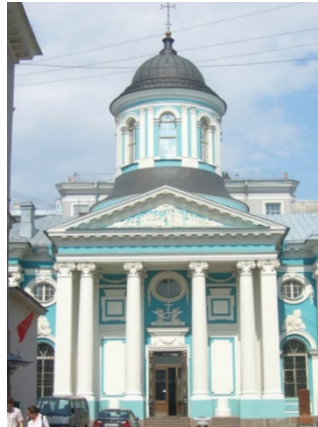
Таблица 4. Армянские церкви на территории Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Крестовоздвиженская армянская апостольская церковь. Москва. Архитектор Ю. Фельтен. 1781 – 1782. Фотография начала XX в. План 1902 г. (ЦГАМ. Ф. 54 Оп. 156 Д. 190 Л. 5)



Продолжение таблицы 4.

Армянская апостольская церковь св. Екатерины. Санкт-Петербург. Архитектор Ю. Фельтен. 1771–1776. Фотография автора, 2016. План (Юрий Матвеевич Фельтен (1730-1801)...)



Армянский собор. Астрахань. Фотография конца XIX в. (Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань...)



Армянская церковь св. ап. Петра и Павла. Астрахань. Фотография начала XX в. (Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань...)

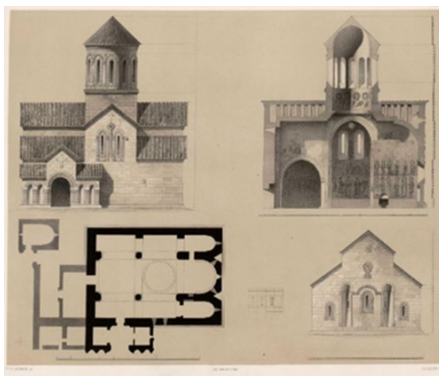


Рисунок 24. Чертеж Г. Г. Гагарина. 1847



Рисунок 25. Зарисовки Г. Г. Гагарина. 1847



Рисунок 26. Чертеж Г. Г. Гагарина. Издан в 1897–1903

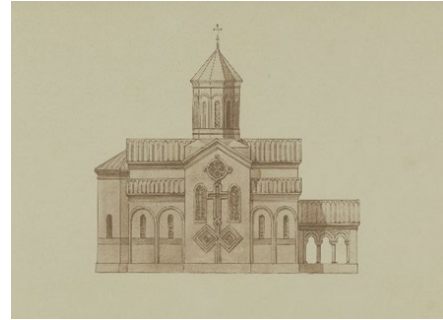


Рисунок 27. Чертеж Г. Г. Гагарина. Издан в 1897–1903

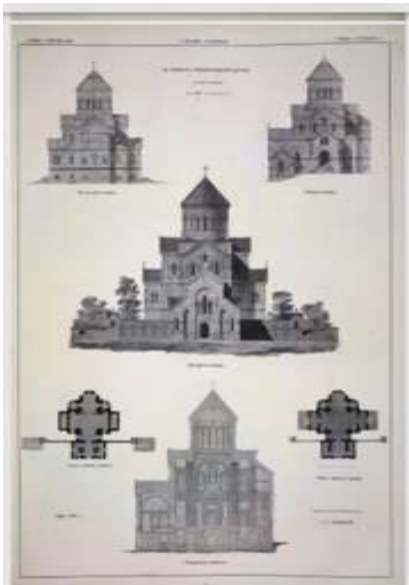
Таблица 5. Православные церкви в «армянском стиле»



Православная церковь. Темир-Хан-Шура. Фотография конца XIX в. (Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина...)



Православная церковь. Темир-Хан-Шура. Фотография начала XX в. (Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина...)

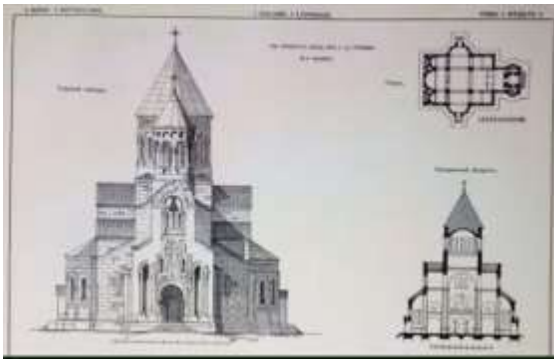


Проект православной церкви на 400 человек. Гражданский инженер Ф.И. Завадский (Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века... Т. 1. С. 59)

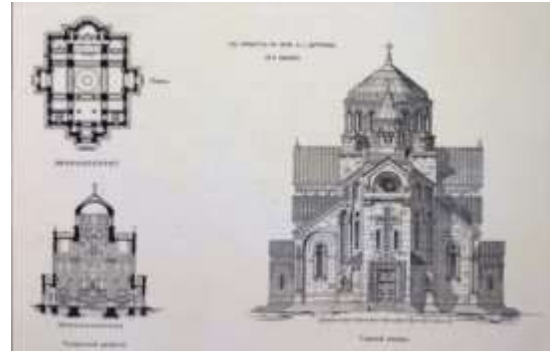


Церковь Святой Нины в имении «Харакс». Мисхор. Архит. Н. П. Краснов. Фотография Н. П. Краснова, нач. XX (Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора...)

Таблица 6. Конкурсные проекты армянских церквей



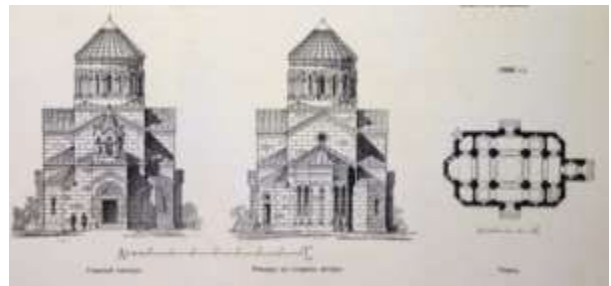
Конкурсный проект армянской церкви в Баку. Архитектор Гримм I-я премия (Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX ... Т. 1. С. 199)



Конкурсный проект армянской церкви в Баку. Гр. инженер Дитрих II-я премия (Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX ... Т. 1. С. 199)



Конкурсный проект армянской церкви в Баку. Гр. инж. А.Г. Ротинов и Г. Тер-Микелов. Западный фасад (Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX ... Т. 1. С. 200)



Арм.ц. в г. Батум. 1890 г. Арх. Р. Мальфельд (Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX ... Т. 1. С. 123)

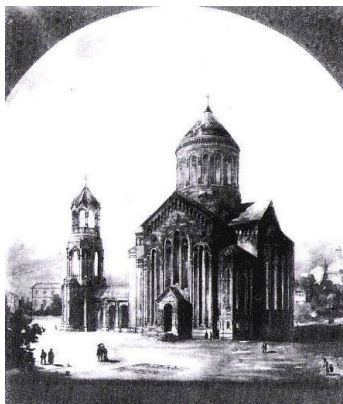


Рисунок 28. Фасад церкви св. апостолов Фадея и Варфоломея в г. Баку. Арх. О. Каджазуни

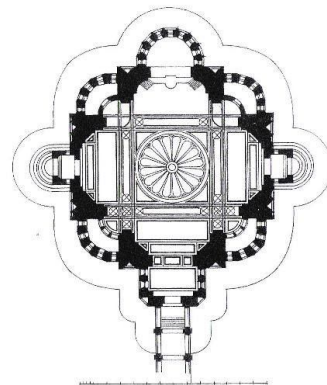
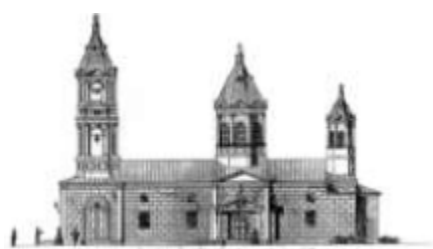


Рисунок 29. План церкви св. апостолов Фадея и Варфоломея в г. Баку. Арх. О. Каджазуни

Таблица 7. Армянские церкви в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.



Екатеринодар. Армянская церковь Сурб Аствацацин (1860-е гг.)



Церковь Сурб Аствацацин в г. Симферополь. 1864. (Халпахчян О.Х. Архитектура крымских армян...)



Церковь Сурб Григор Лусаворич (1860-е гг.). Баку. Архитектор К. Г. Гипшиус



Церковь Сурб Аменапркич (1858—1872). Гюмри. Архитектор Т. Андикян



Церковь Сурб Аствацацин (1846—1861). Армавир. Архитектор А. Фарафонтъев



Церковь Сурб Аменапркич (1870-е гг.). Дербент. Автор проекта Г. М. Сундукян



Церковь св. Рипсима (нач. XX в.). Ялта. Архитектор Г. М. Тер-Микелов



Проект армяно-григорианской церкви в селе Самсонов Самаркандской области. 1917 г. Фасад. План (РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 360.Л.15)

Приложение В.

Планировочная структура и особенности градостроительного развития
Нахичевани-на-Дону и армянских сел Нижнего Дона

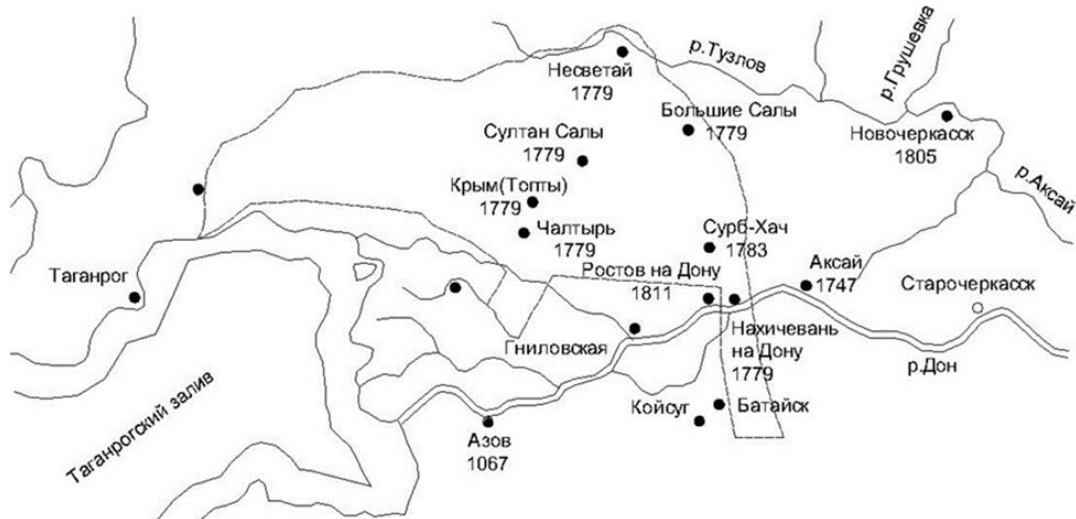


Рисунок 30. Схема расселения армян на Дону (по О. Х. Халпахчяну)

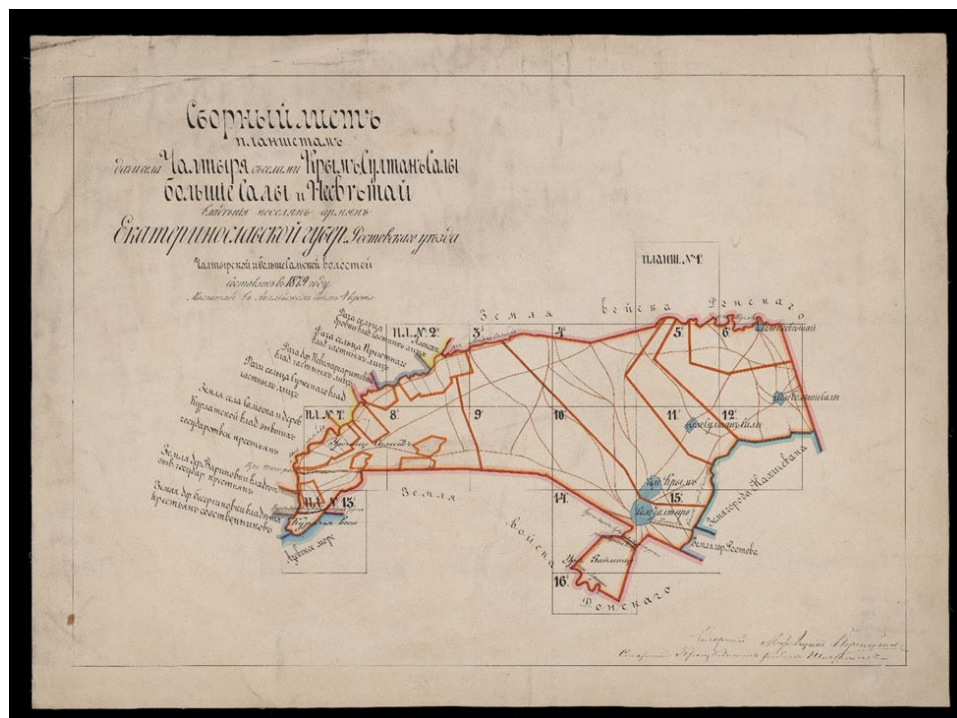


Рисунок 31. Земли армянских сел в 1879 г. (РГИА. Ф. 380. Оп. 7. Д. 336. Л. 60)

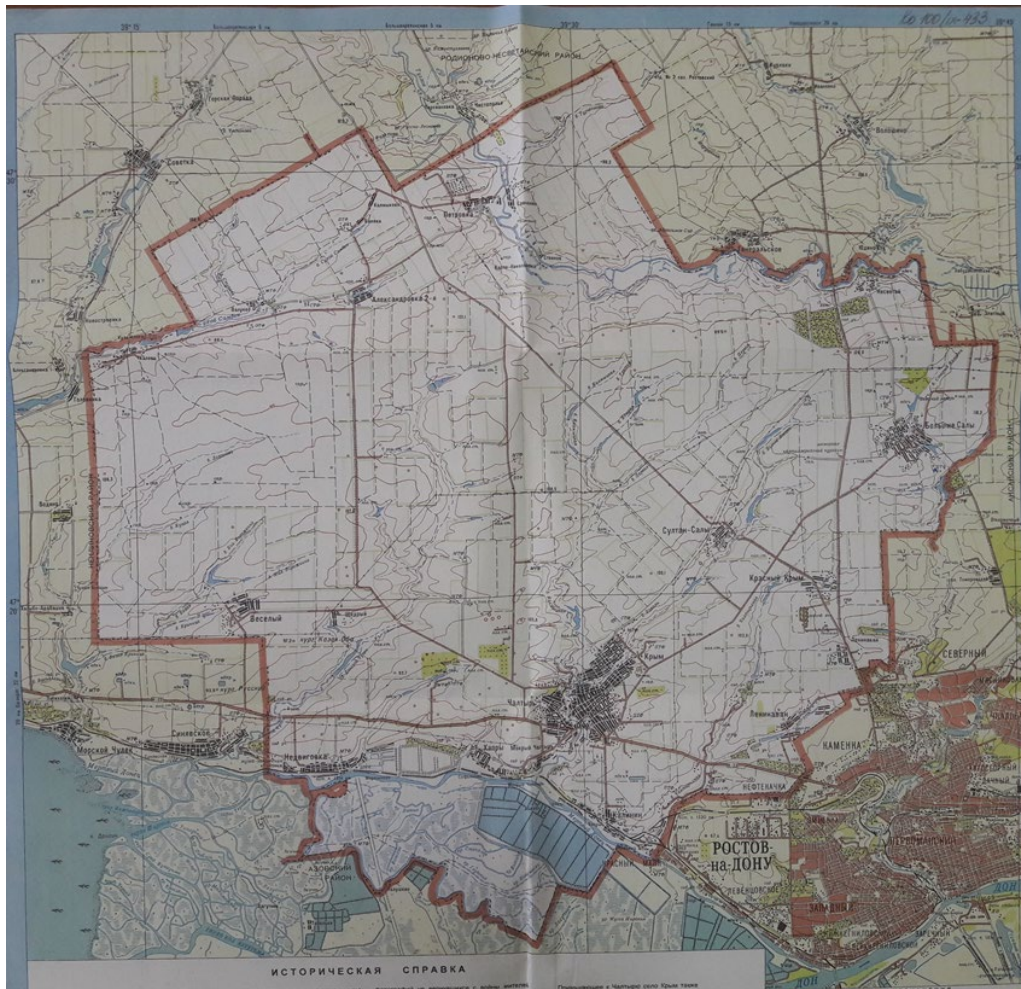


Рисунок 32. План Мясниковского района Ростовской области. Конец XX в.

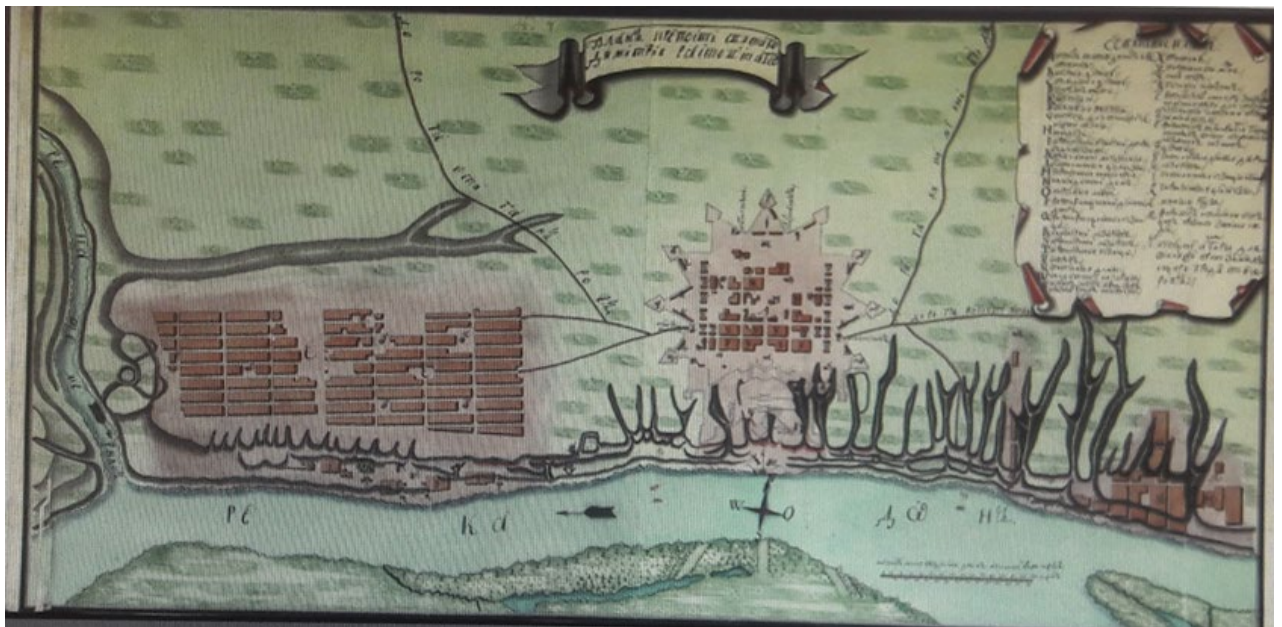


Рисунок 33. План крепости св. Дмитрия Ростовского. 1760-е гг. (РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 77)

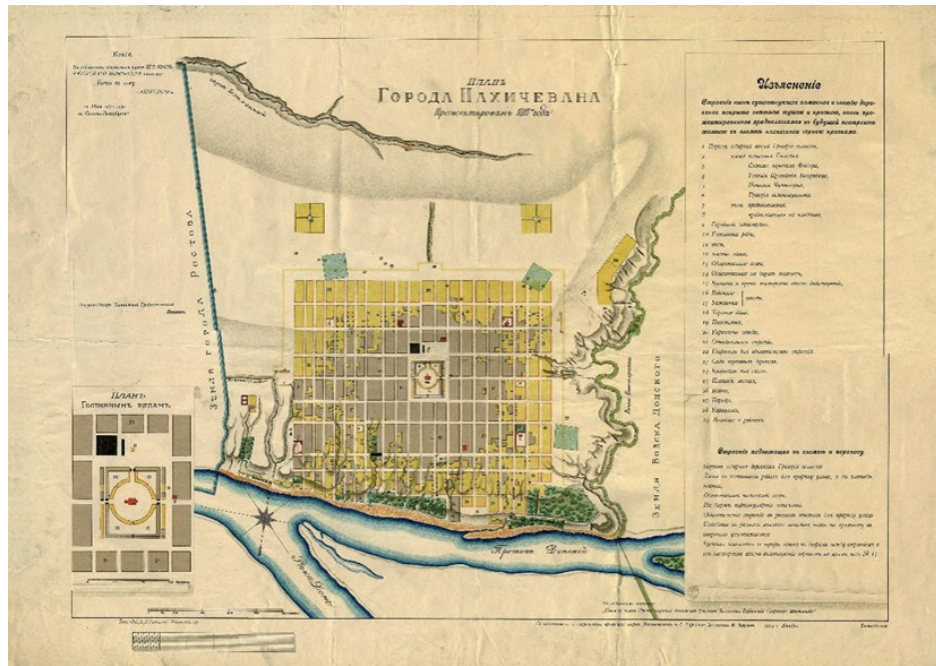


Рисунок 38. План города Нахичевань-на-Дону 1811 г. (Копия РГБ)



Рисунок 39. План Нахичевани-на-Дону 1893 г. (РГИА. Ф.1293.Оп.168 Область Войска Донского Д. 42. Л. 1)

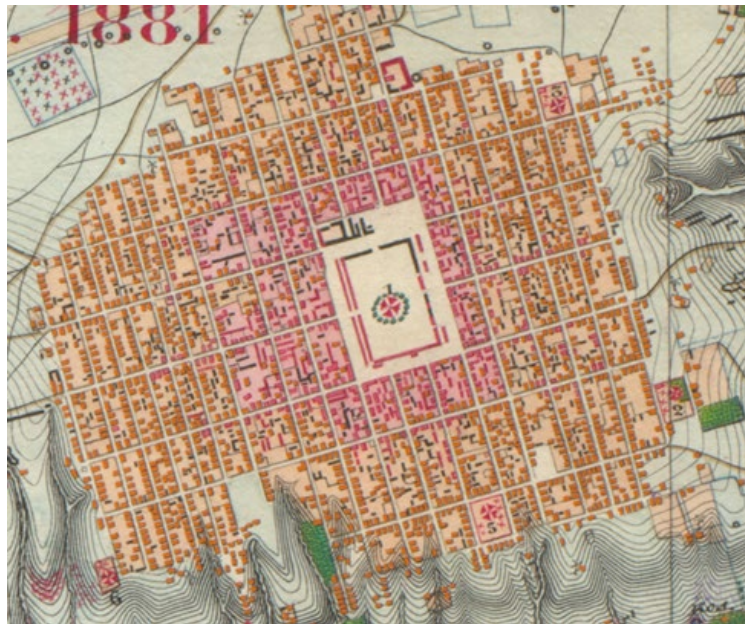
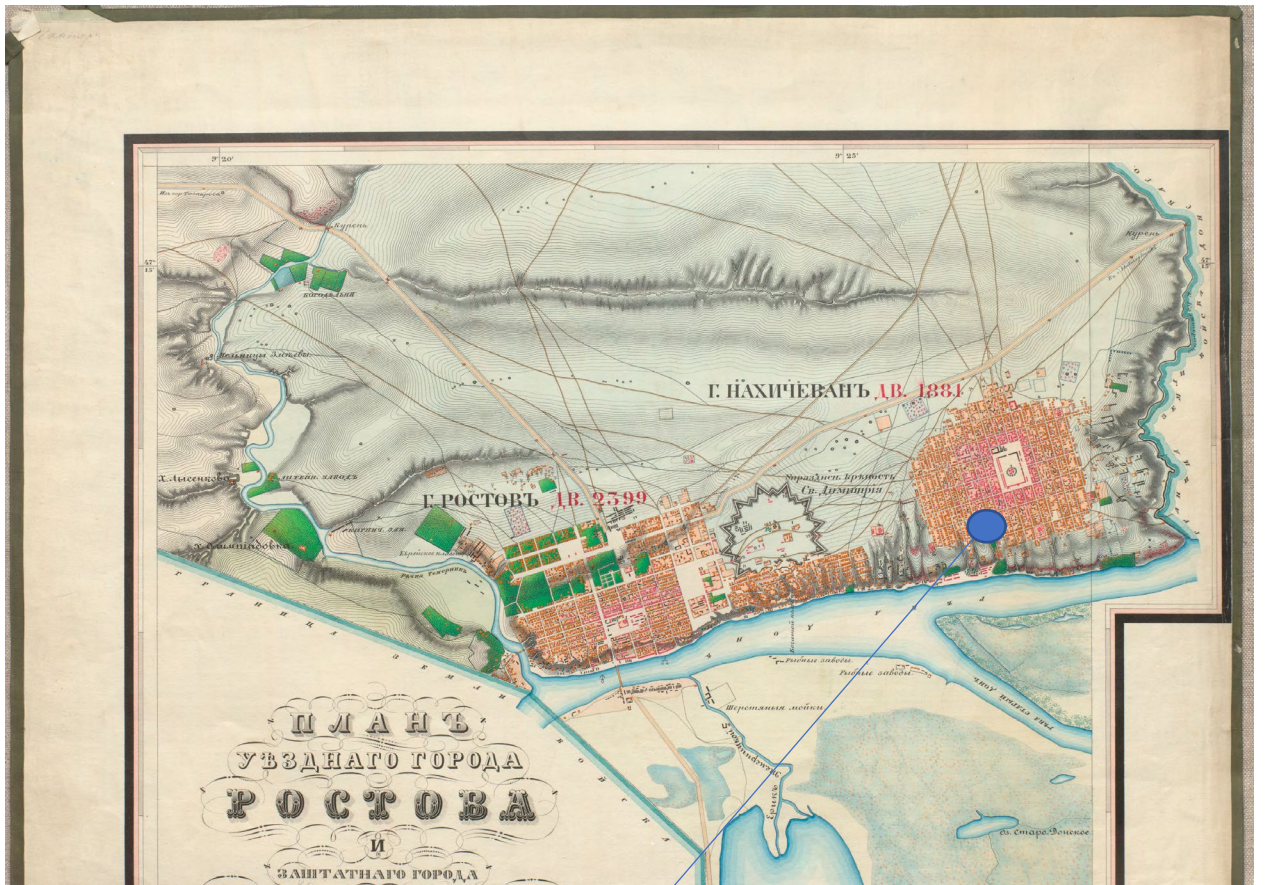


Рисунок 40. План уездного города Ростова и заштатного города Нахичевана. 1856 г. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1764. 1)

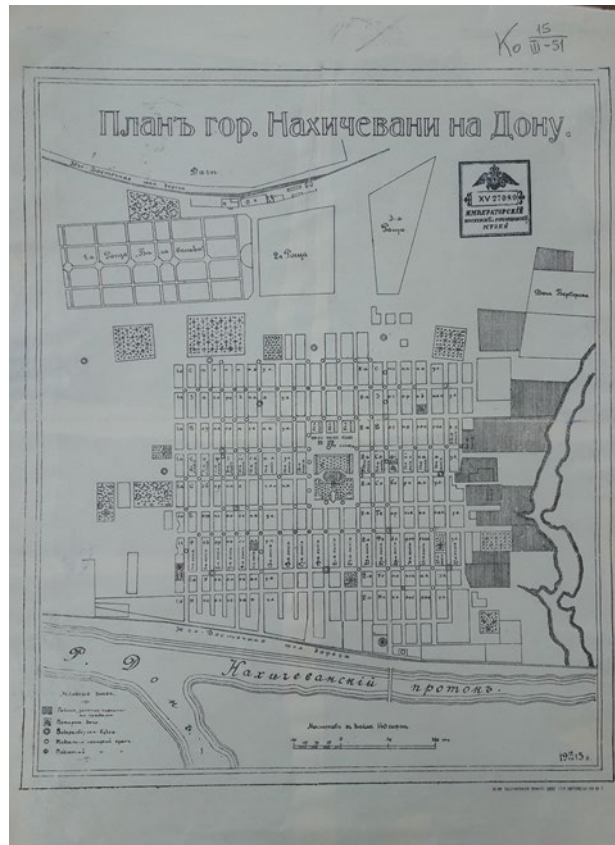


Рисунок 41. План города Нахичевань-на-Дону 1913 г. (Копия РГБ)



Рисунок 42. План городов Ростова и Нахичевани-на-Дону 1921 г. с рекогносцировкой 1924 г. (Копия РГБ)



Рисунок 43. План городов Ростова и Нахичевани-на-Дону. 1924. (Копия РГБ)

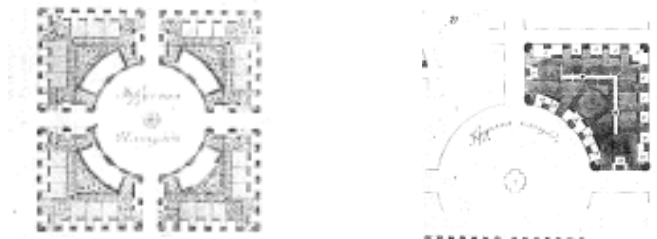
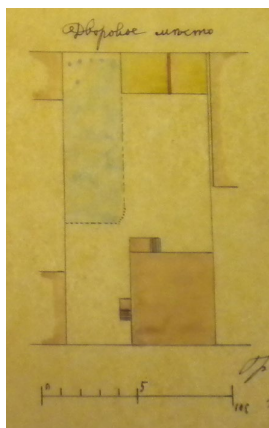


Рисунок 44. Образцовая площадь В. И. Гесте (Чернозубова Л. Е. Образцовые проекты планировки жилых кварталов и площадей начала XIX в... С. 192)

Таблица 8. Застройка дворовых участков Нахичевани-на-Дону в XIX в.	
<p>Середина XIX в. Проект на постройку нового дома. Архитекторский помощник Петров. А – кирпичный амбар В – существующий деревянный дом С – вновь предполагаемый деревянный дом. (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 216. Л. 3)</p>	

Продолжение таблицы 8.

Дворовое место
нахичеванского мещанина
по ул. 13 линия. 1880-е гг.
(ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343.
Л. 14)



Дворовое место фельдшера
Соловьева на углу ул. 1-й
Федоровской и 13 линии.
1880-е гг. Чертеж автора
(ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 343.
Л. 16)

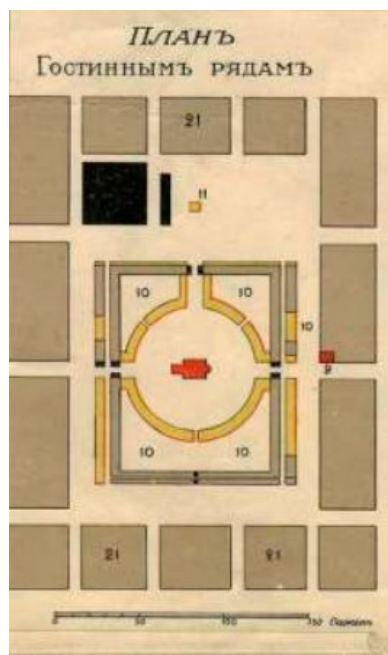
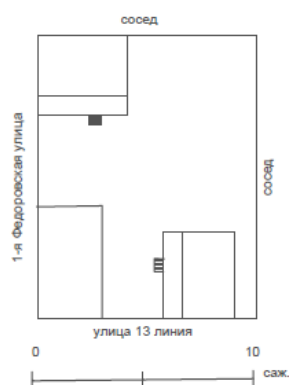
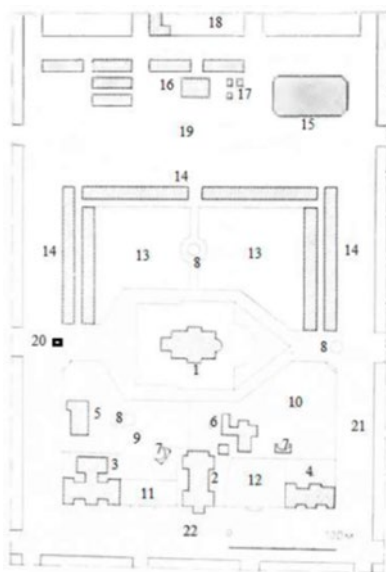


Рисунок 45. План центральной площади,
1811 г.



Рисунок 46. План центральной части
города, 1893 г. (ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491.
Л. 26а.)



1 – собор; 2- городской театр; 3 – Екатерининская женская гимназия; 4 – городское училище; 5 – летний Коммерческий клуб; 6 – летний клуб приказчиков; 7 – эстрадараковина; 8 – фонтан; 9 – сад Коммерческого клуба; 10 – сад; 11 – сад директрисы женской гимназии; 12 – детская площадка; 13 – сад; 14 – торговые ряды; 15 – рынок; 16 – торговые навесы; 17 – городские весы; 18 – гостиница; 19 – Базарная площадь; 20 – Екатерининская площадь; 21 – площадь Л. Толстого; 22 – Бульварная площадь.

Рисунок 47. План центра Нахичевани-на-Дону в 1917 г., составленный И.С. Чардаровым (по О.Х. Халпахчяну)



Рисунок 48. Южная часть Полицейской площади. Подписана городским архитектором Н.Н. Дурбахом. 1890 г. (ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 25).



Рисунок 49. Проект памятника Екатерине II. (ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 100)



Рисунок 50. Проект решетки для памятника Екатерине II (ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 491. Л. 121)



Рисунок 51. Памятник Екатерине II в Нахичевани-на-Дону. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 52. Памятник Екатерине II в Нахичевани-на-Дону. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 53. Вид на Екатерининскую площадь. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 54. Сад Коммерческого клуба. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 55. Нахичевань-на-Дону. Фонтан в городском саду. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 56. Въезд в город Нахичевань-на-Дону. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 57. Бульварная площадь. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 58. План городского кладбища. Нахичевань-на-Дону



Рисунок 59. Городское кладбище. Центральная аллея. Фотография автора. 2019 г.



А- церковь; Б – архиерейский дом; В – лестница; Г – железобетонный мост; Д – родник; Е – приток р. Темерник; Ж – хозяйственный двор; З – площадка для колесного транспорта; И – ротонда; К – монастырский парк; Л – пашни; И – огороды.

Рисунок 60. Генеральный план монастыря Сурб Хач. (Халпахчян О.Х. Планировка Нахичевани-на-Дону... С. 92)



Рисунок 61. Фотография монастыря Сурб Хач. Ростов-на-Дону. Конец XIX в.



Рисунок 62. Фотография монастыря Сурб Хач. Ростов-на-Дону. Конец XX в.



Рисунок 63. Фотография монастыря Сурб Хач. Ростов-на-Дону. Конец XX в.



Рисунок 64. Ворота монастыря Сурб Хач. Ростов-на-Дону. Фотография 2018 г.

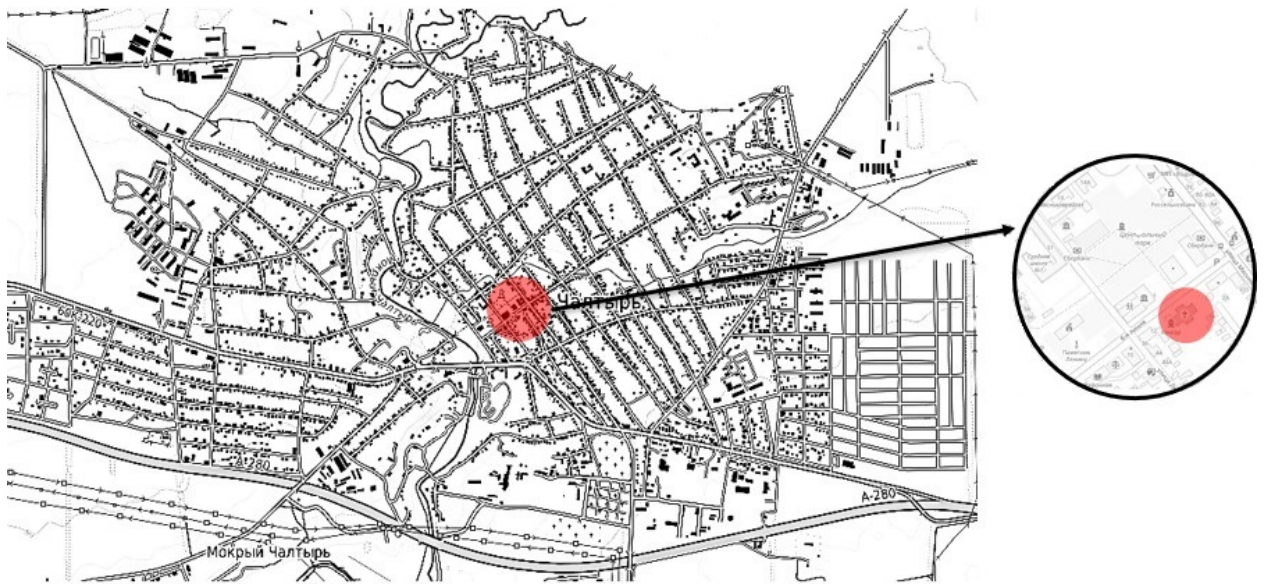


Рисунок 65. Схема планировки села Чалтырь. Современное состояние



Рисунок 66. Схема планировка село Большие Салы. Современное состояние

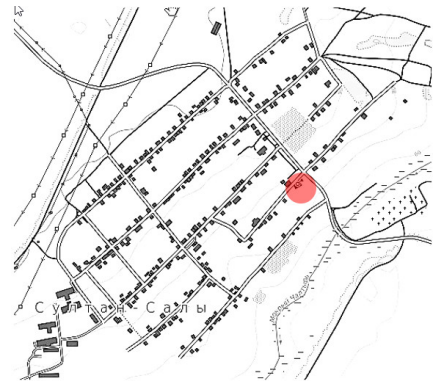


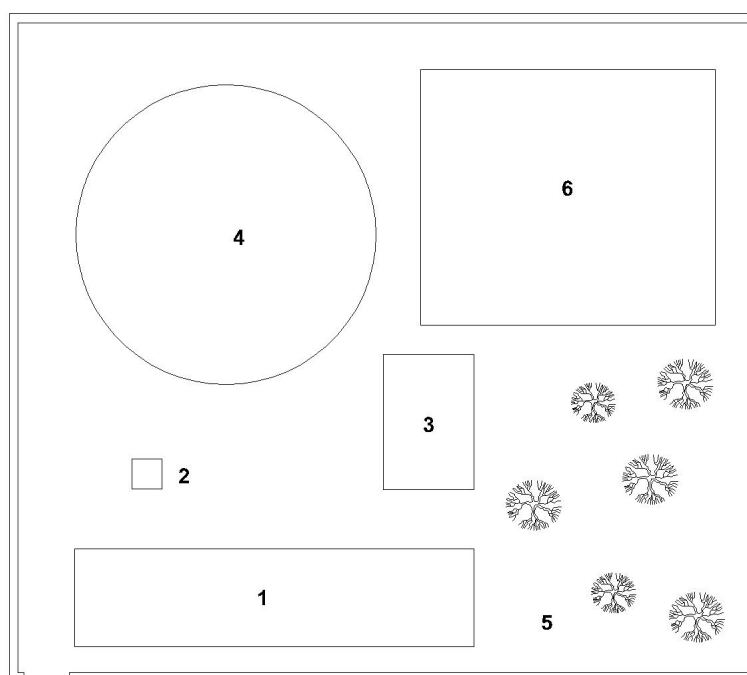
Рисунок 67. Схема планировки села Султан-Салы. Современное состояние



Рисунок 68. Схема планировки села Крым. Современное состояние

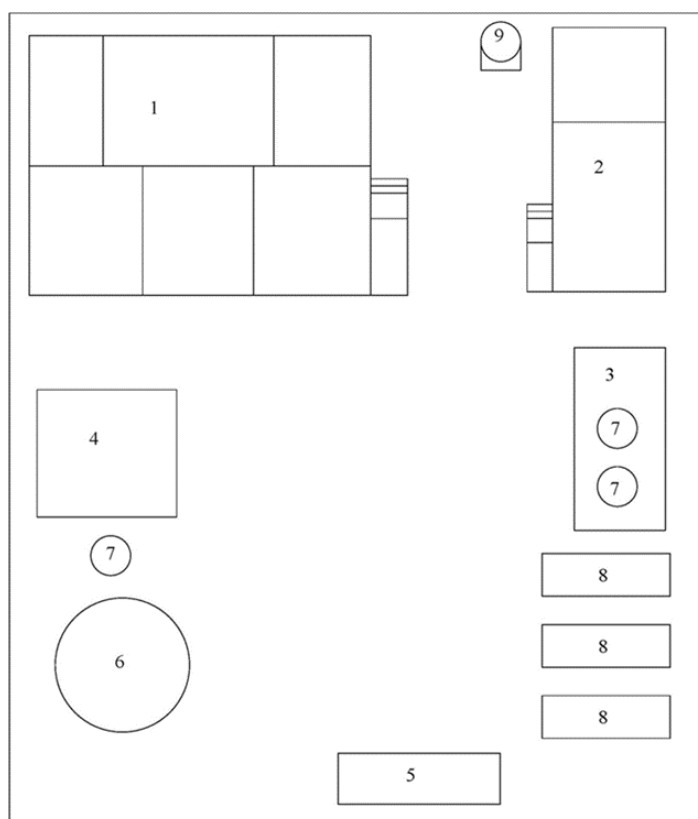


Рисунок 69. Схема планировки села Несветай. Современное состояние



1 – дом 2 - пур 3 - хозяйственное строение (сарай) 4 - харман (утоптаный участок земли, используемый для обработки зерен, 5 - сад (фруктовый) 6 – огород

Рисунок 70. Схема планировки сельской усадьбы



1-дом 2-кухня 3-сарай 4-харха (навес для инвентаря) 5-овчарня 6-гал (гумно) 7-уру (яма для хранения зерна) 8-стога сена, соломы 9-пур

Рисунок 71. Схема планировки сельской усадьбы

Приложение Г.

Особенности архитектуры донских армян в эпохи классицизма и эклектики, конец XVIII – середина XIX в. Взаимодействие образцовых проектов и традиций



Рисунок 72. Собор Григория Просветителя. Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 73. Интерьер собора. Фотография хранится в Музее архитектуры им. Щусева



Рисунок 74–76. Собор Григория Просветителя. Фотографии разных лет

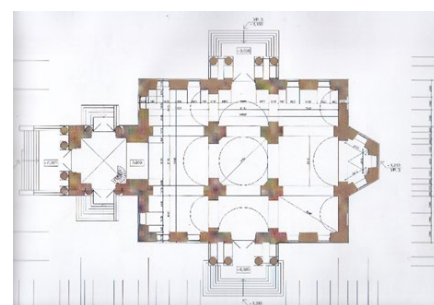
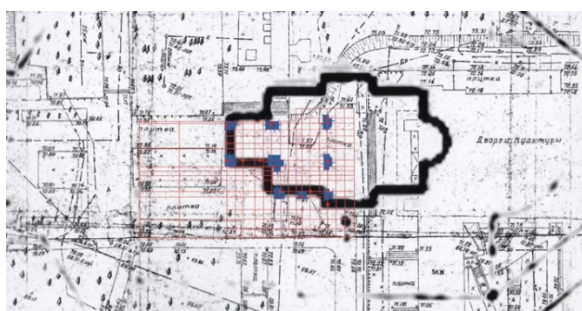


Рисунок 77-78. Воссозданный план собора Григория Просветителя. Чертежи ст. гр. РР-61 А. Р. Ерицян. Научный руководитель М.А. Честнов



Рисунок 79. Церковь монастыря Сурб Хач.
Фотография середины XX в. с сайта pastvu.com



Рисунок 80. Церковь монастыря Сурб Хач.
Фотография начала XX в. с сайта pastvu.com



Рисунок 81. Церковь монастыря Сурб Хач.
Фотография начала XX в. с сайта pastvu.com

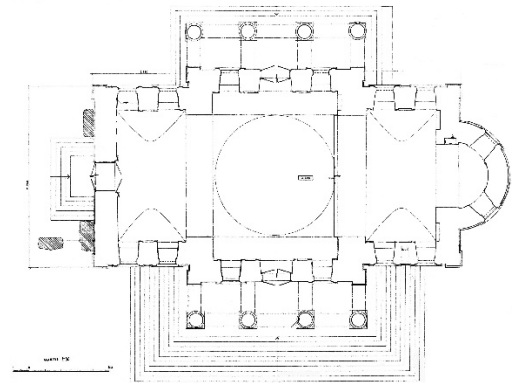


Рисунок 82. Церковь монастыря Сурб Хач. План.

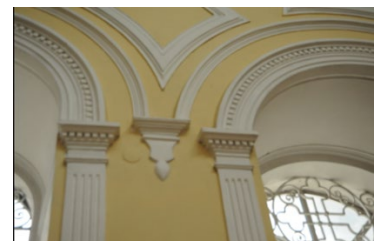
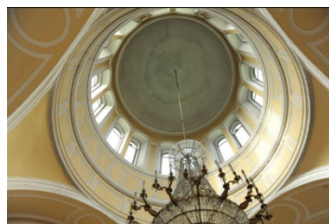
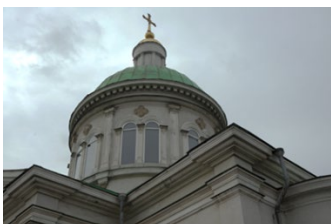
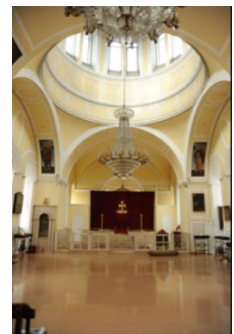
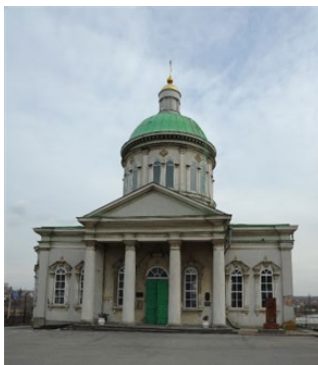


Рисунок 83–88. Церковь монастыря Сурб Хач. Фотографии автора. 2018 г.

Приходские церкви Нахичевани-на-Дону

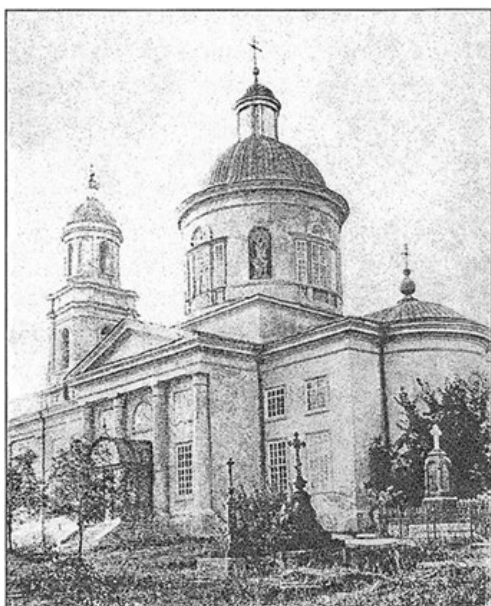


Рисунок 89. Церковь Сурб Аствацацин (Успения Божьей Матери). Фотография с сайта с сайта pastvu.com



Рисунок 90. Церковь Сурб Теодорос (Феодоровская). Фотография с сайта pastvu.com



Рисунок 91. Церковь св. Николая (Сурб Никогос). Фотография с сайта с сайта pastvu.com

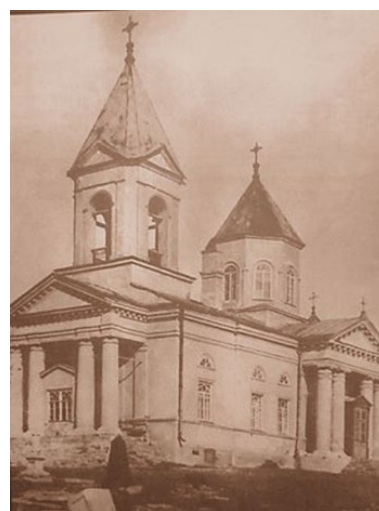


Рисунок 92. Церковь св. Николая (Сурб Никогос). Фотография с сайта с сайта pastvu.com

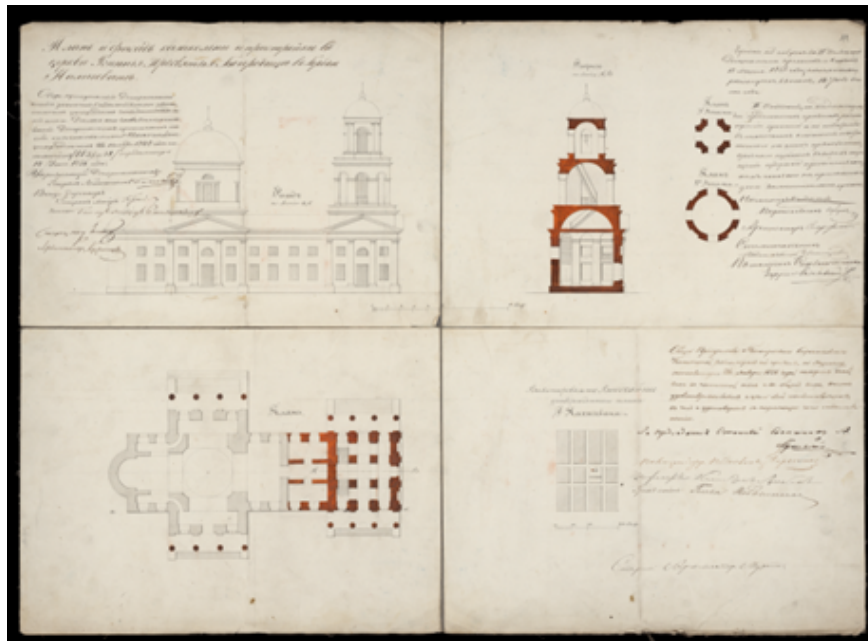


Рисунок 93. Проект пристройки к церкви Аствацацин (Успения Божьей Матери) в Нахичевани-на-Дону. 1856 г., архит. Муратов (РГИА. Ф.218. Оп. 4. Д. 2630. Л. 11)

Таблица 9. Сельские церкви донских армян		
Церковь Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи) в селе Несветай		
Фотография 2018 г.	Фотография середины XX в. с сайта pastvu.com	План церкви по О.Х. Халпахчьяну. Чертеж автора
Церковь Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы) в селе Большие Салы		
Фотография 2018 г.	Фотография начала XX в. с сайта https://ru.wikipedia.org	Рисунок 130. План церкви по О.Х. Халпахчьяну. Чертеж автора

Продолжение таблицы 9.

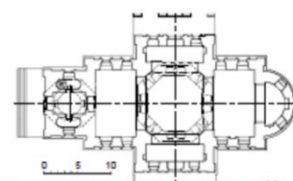
Церковь Сурб Амбарцум (Вознесения Господня) в селе Чалтырь



Фотография 2018 г.



Фотография середины XX в. с сайта pastvu.com



План церкви по О.Х. Халпахчьяну. Чертеж автора

Церковь Сурб Геворк (Георгия Победоносца) в селе Султан-Салы



Фотография 2018 г.



Фотография начала XX в. с сайта pastvu.com

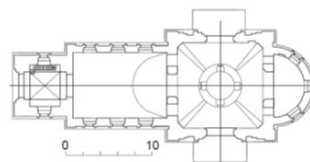


Рисунок 135. План церкви по О.Х. Халпахчьяну. Чертеж автора



Рисунок 94. Фрагмент фасада церкви Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы) в с. Большие Салы. Фотография 2018 г.



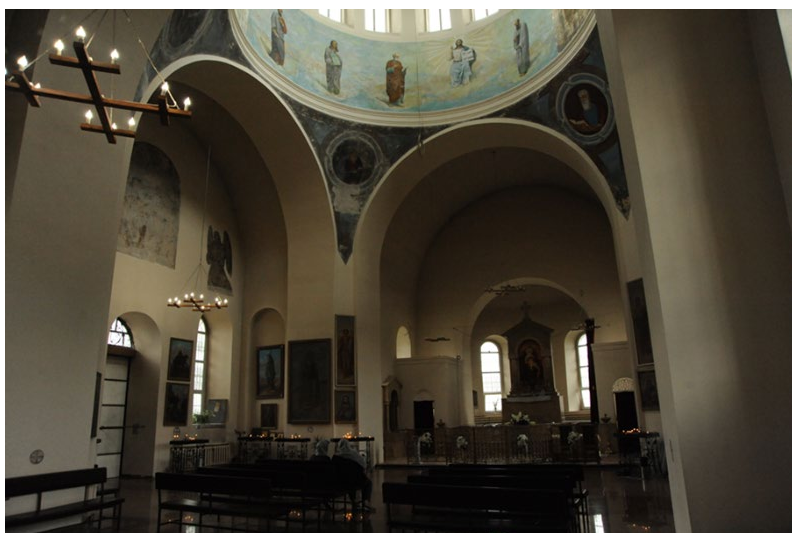
Рисунок 95. Фрагмент фасада церкви Сурб Амбарцум (Вознесения Господня) в с. Чалтырь. Фотография 2018 г.



Рисунок 96. Фрагмент фасада церкви Сурб Геворк (Георгия Победоносца) в с. Султан-Салы. Фотография автора. 2018 г..



Рисунок 97. Фрагмент фасада церкви Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи) в с. Несветай. Фотография автора. 2018 г.



98. Интерьер церкви Сурб Амбарцум (Вознесения) в с. Чалтырь. Фотография автора 2018 г.



99. Интерьер церкви Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи) в с. Несветай. Фотография автора. 2018 г.



Рисунок 100. Проект армянской церкви для г. Нахичевани-на-Дону и армянских сел. Архит. М. Муратов (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 1636. Л. 1)

Жилые здания Нахичевани-на-Дону в конце XVIII – первой половине XIX в.

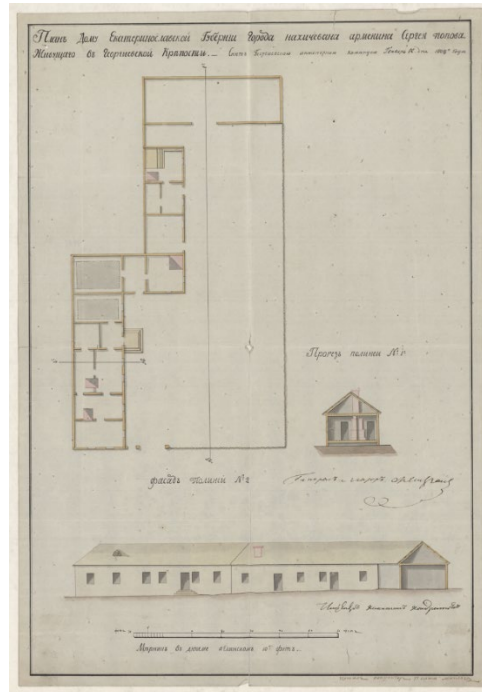


Рисунок 101. План дома армянина Сергея Попова (РГАВМФ. Ф. 3л. Оп. 25. Д. 238. Л. 5)

Примеры проектов жилых домов, составленных по образцовым чертежам

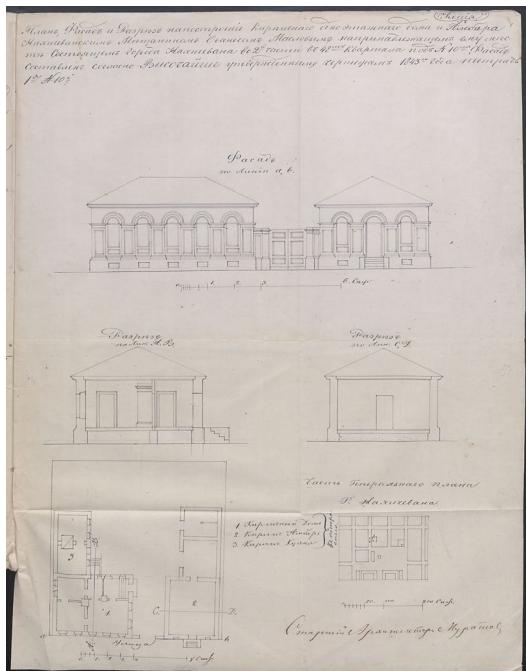


Рисунок 102. «План, фасад и разрез на постройку кирпичного одноэтажного дома и амбара нахичеванским мещанином О. Масловым на принадлежащем ему месте города Нахичевана ...» (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 254. Л. 2)

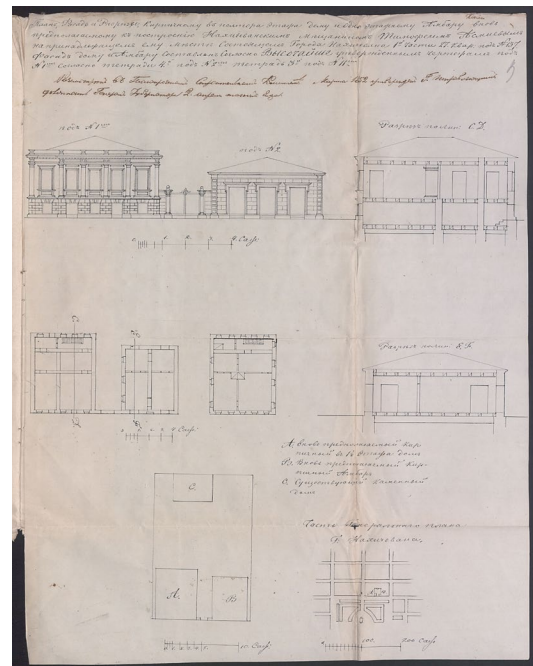


Рисунок 103. «План, фасад и разрез кирпичному в полтора этажа дому и одноэтажному амбару нахичеванским мещанином Т. Асмиевым на принадлежащем ему месте города Нахичевана ...» (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 235. Л. 3)

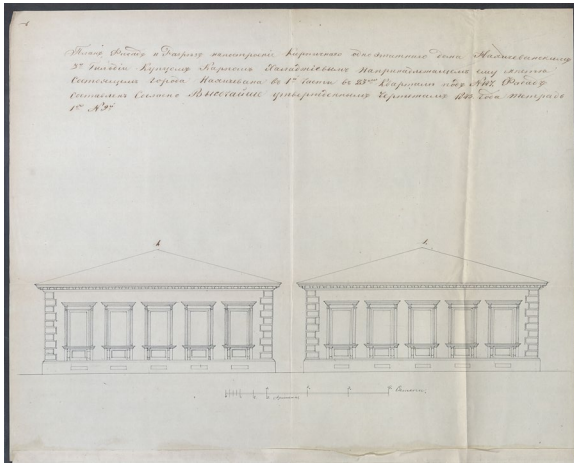


Рисунок 104. «План, фасад и разрез на построение кирпичного одноэтажного дома и амбара нахичеванским 3-й гильдии купцом на принадлежащем ему месте города Нахичевана ...» (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 259. Л. 2)

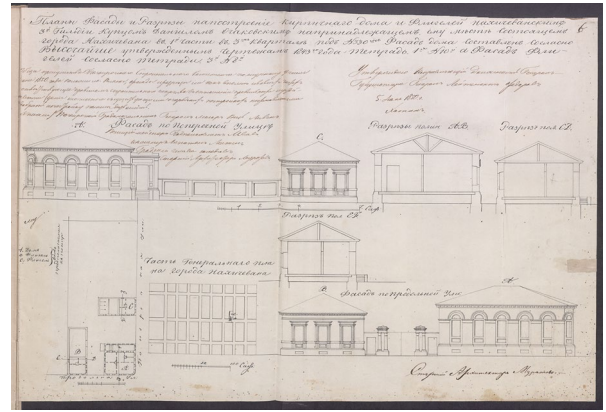


Рисунок 105. «Планы, фасады и разрезы на построение кирпичного дома и флигелей нахичеванским 3-й гильдии купцом Даниилом Очаковским на принадлежащем ему месте города Нахичевана ...» (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 188. Л. 6)

Таблица 10. Примеры образцовых проектов в архитектуре Нахичевани-на-Дону.
Фотографии 2017–2019 гг.


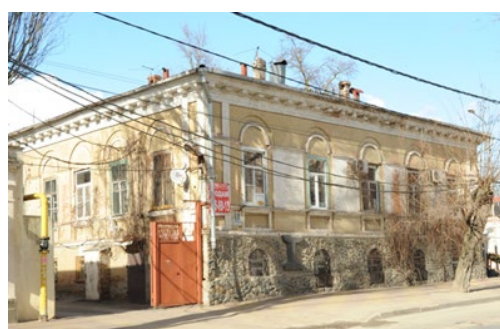


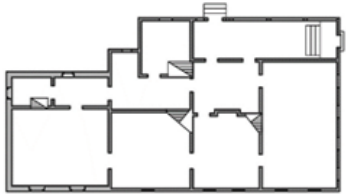

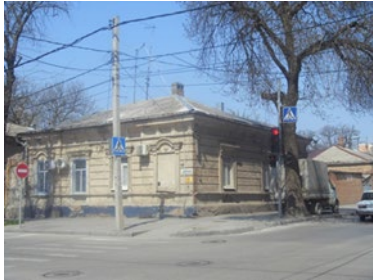
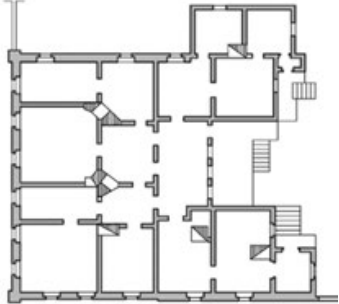


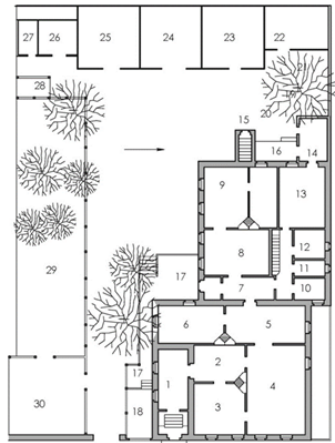
 <p>Ростов-на-Дону, Свободы, 16/16-я линия, 1</p>	 <p>Ростов-на-Дону, 23-я линия, 8</p>	 <p>Ростов-на-Дону, 23-я линия, 10</p>
 <p>Ростов-на-Дону, Закруткина, 10</p>	 <p>Ростов-на-Дону, Ереванская, 15</p>	 <p>Дом Золотаревых. Ростов- на-Дону, ул. 1-я Майская, 14 / 16-я линия, 14</p>
 <p>Обособляк О. А. Бабукова Ростов-на-Дону, ул. Черевичкина, 27/ 32-я линия, 19</p>	 <p>Ростов-на-Дону, ул. 1-я Майская, 9</p>	 <p>Ростов-на-Дону, 1-я Майская 23/9 14 линия</p>

Таблица 11. Примеры образцовых фасадов с глухими люнетами.
Фотографии 2017–2023 гг.



<p>Таблица 12. Примеры домов Нахичевани-на-Дону нач. — сер. XIX в. Дом Г.П. Серебрякова на углу 29-й линии и 2-й Соборной улицы, 11/2 (ул. Ереванская), конец XVIII — начало XIX в</p>		
 <p>Фотография второй половины XX в. (Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...)</p>	 <p>Фотография 2014 г.</p>	 <p>0 5м</p> <p>Схема плана по О. Х. Халпахчяну</p>
<p>Деревянный дом Трапезонцевых на углу 22-й линии и 1-й Вознесенской улицы, 17/14(ул.Мурлычева), конец XVIII — начало XIX в.</p>		
 <p>Фотография второй половины XX в. (Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...)</p>	 <p>Фотография 2014 г.</p>	 <p>0 5м</p> <p>Схема плана по О. Х. Халпахчяну</p>
<p>Дом Халпахчиева Ованеса на 22-й линии, 16 (совр. № 20), середина XIX в.</p>		
 <p>Фотография второй половины XX в. (Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...)</p>	 <p>Фотография 2014 г.</p>	 <p>0 10м</p> <p>Схема плана по О. Х. Халпахчяну</p>

Продолжение таблицы 12.

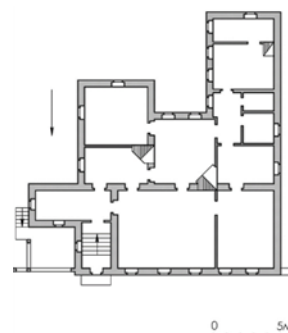
Дом Балабановых на 2-й Соборной улице, 9 (совр. ул. Ереванская), 1854 г.



Фотография второй половины XX в. (Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону...)



Фотография 2014 г.



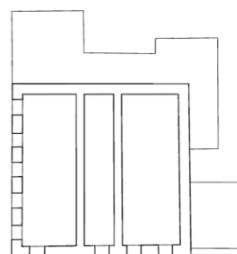
План дома по О. Х. Халпахчяну

Таблица 13. Жилые дома Нахичевани-на-Дону середины XIX в.

Дом на ул. Черевичкина, 22, 1854 г.



Фотография 2018 г.



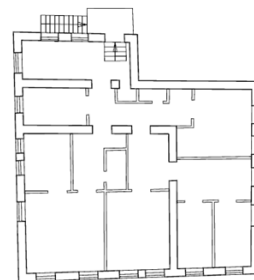
0 5

Схема плана

Дом на ул. Мурлычева, 19.



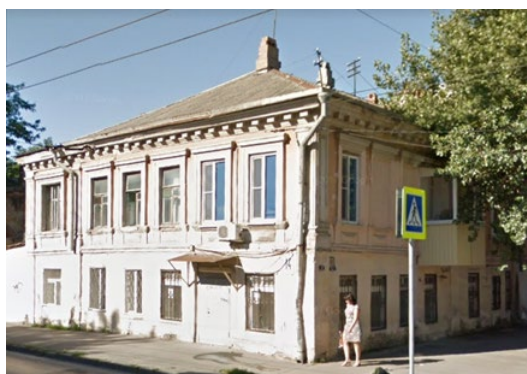
Фотография 2018 г.



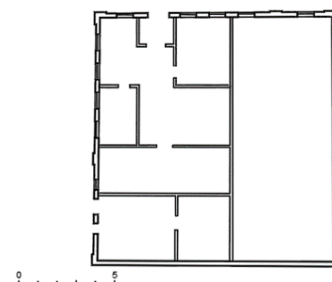
0 5

Схема плана

Дом на ул. Мурлычева, 24.



Фотография 2018 г.

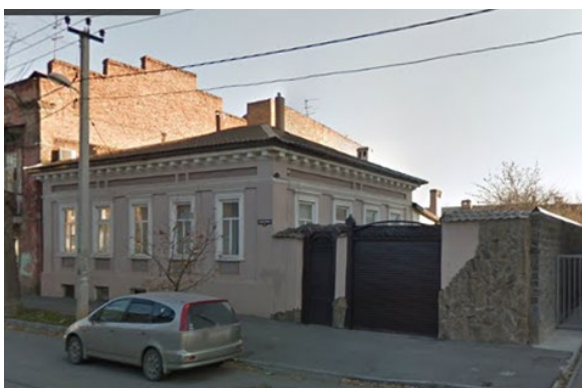


0 5

Схема плана

Продолжение таблицы 13.

Дом на ул. Закруткина, 16.



Фотография 2018 г.

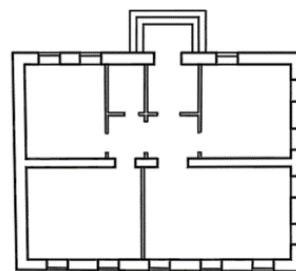
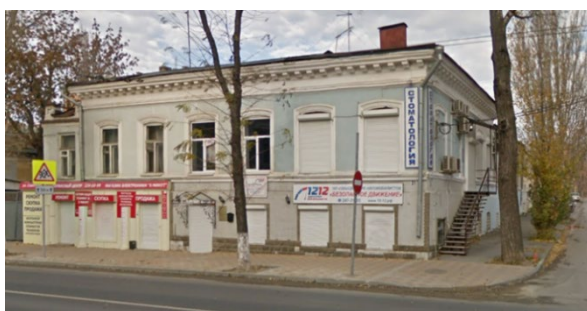


Схема плана

Угловой дом на ул. Советской, 31 и 12-й линии, 2



Фотография 2016 г.

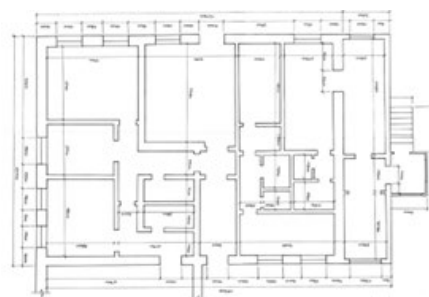


Схема плана

Примеры жилых домов на центральной улице 1-й Соборной (ул. Советская)



Рисунок 106. Угол ул. Советской, 29/12 линии, 1. Фотография 2016 г.



Рисунок 107. Угол ул. Советской/11 линии. Фотография 2016 г.

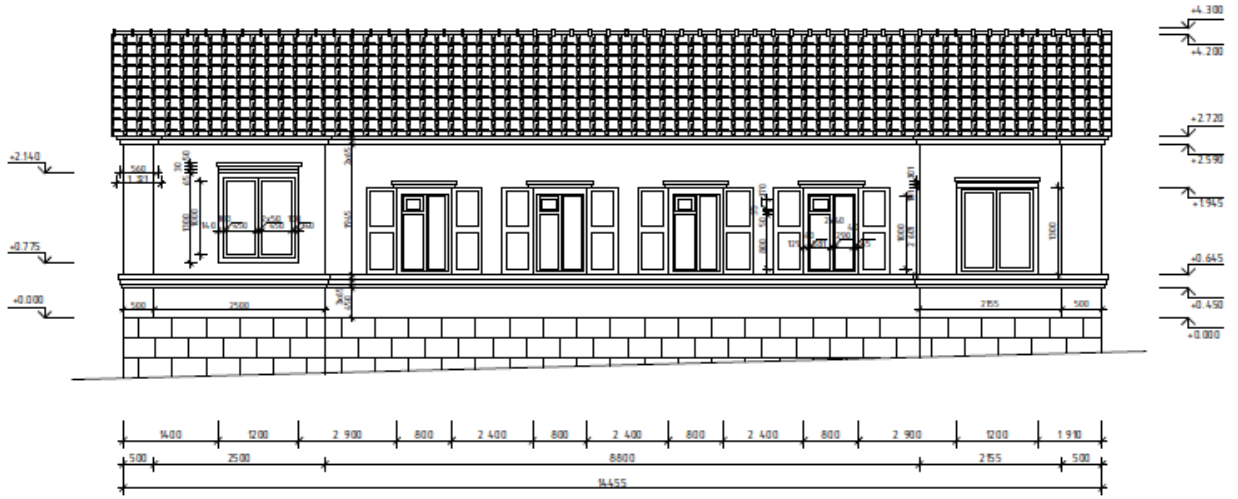


Рисунок 108. Дом на 33 линии, 10. Продольный фасад

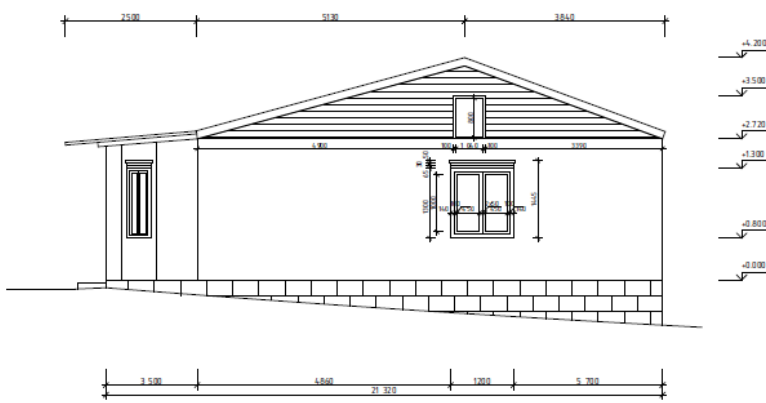


Рисунок 109. Боковой фасад
план

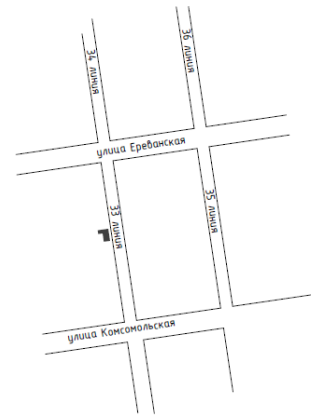


Рисунок 110. Ситуационный план

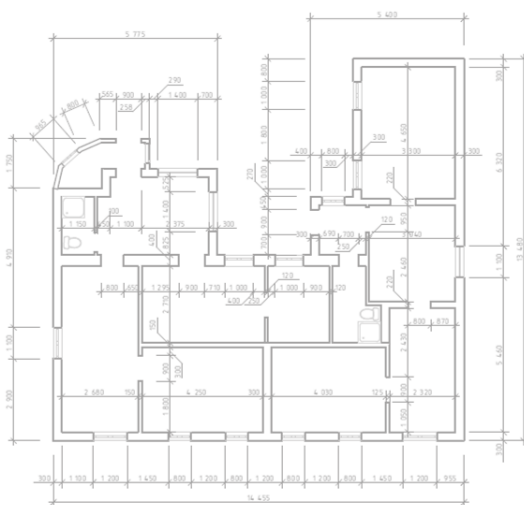


Рисунок 111. Схема плана



Примеры общественных зданий первой половины — середины XIX в.



Рисунок 112. Здание Армянского магистрата, пл. Свободы, 12. Фотография с сайта pastvu.com.



Рисунок 113. Здание Армянского магистрата, пл. Свободы, 12. Фотография 2017 г.



Рисунок 114. Здание Армянского магистрата, пл. Свободы, 12. Фотографии автора. 2018 г.

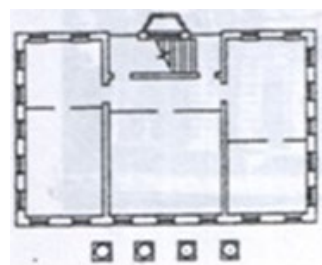


Рисунок 115. Здание Армянского магистрата, пл. Свободы, 12. Схема плана Л. Волошиновой

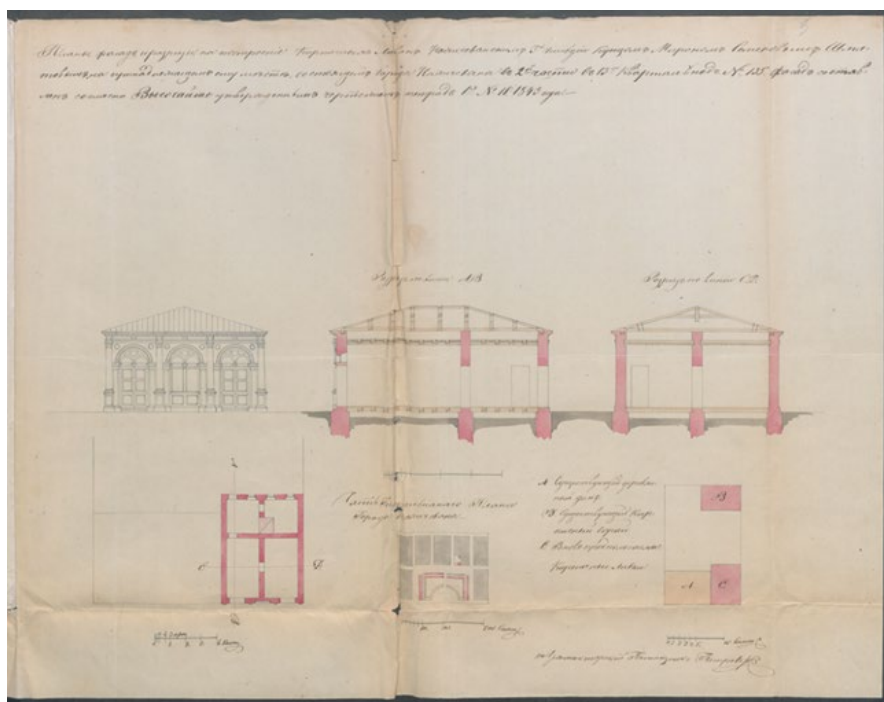
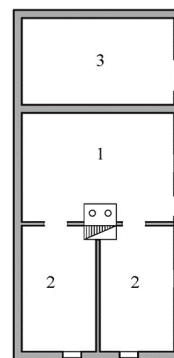
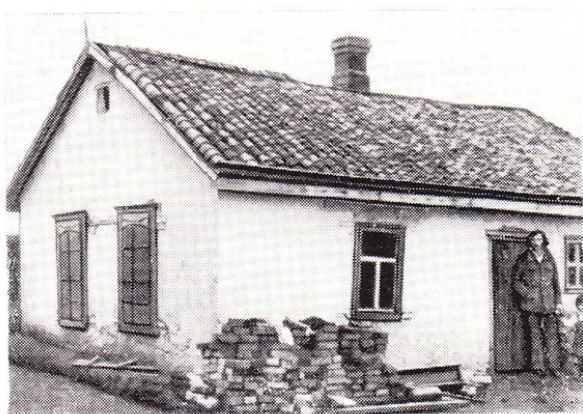


Рисунок 116. «План, фасад и разрез на построение кирпичных лавок нахичеванским 3-й гильдии купцом М. Шматовым ...» (ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 219. Л. 3)

Жилые и общественные постройки в армянских селах Нижнего Дона



Рисунок 117–118. Дом А. Танкаяна с Чалтырь, ул. К. Маркса. 1780-е гг. Фотографии 2015, 2018 г.



1-общая комната; 2 –спальня; 3-хлев

Рисунок 119. Жилой дом А. М. Кечеджиян в с. Чалтырь. А. Фотография. Б. схема плана по О.Х. Халпахчяну

1 - покрдун (маленькая комната);
2-мецдун (большая комната); 3-ашхана (кухня); 4- хаят (прихожая); 5-площадка; 6-коридор; 7-хамере (сундук с плоской крышкой); 8-дзалки долаб (комод); 9-гамделаб (посудный шкаф); 10-пур (печь)

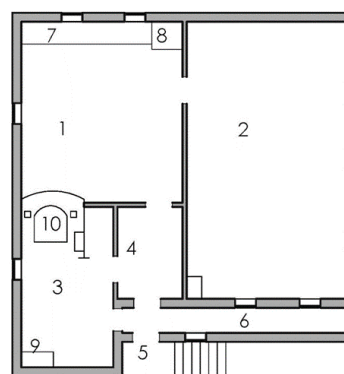


Рисунок 120. Планировка дома (Дом О.К. Гирагосяна в с.Крым) (126. История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна...)

1-мещдун (гостиная); 2-калматка; 3-ашхана (кухня); 4-хаят (прихожая); 5-хлев для коров; 6- курятник; 7-хлев для лошадей; 8- уру - земляное зернохранилище; 9-сарай; 10-пада суфа (деревянная веранда); 11-поднимаемая деревянная стена



Рисунок 121. Каменный дом Е.В. Хейгетяна в с. Чалтырь (История переселения армян с Крыма на Дон. История жилья. Рассказ Г. Р. Люледжияна...)



Рисунок 122–123. Макет усадьбы. Историко-этнографический музей с. Чалтырь



Рисунок 124–125. Макеты усадьбы. Историко-этнографический музей с. Чалтырь



Рисунок 126. Печь пур.



Рисунок 127. Современная печь пур. Фотография 2018 г.



Рисунок 128. Печь пур. Историко-этнографический музей с. Чалтырь. Фотография 2017 г.

Примеры застройки сел донских армян



Рисунок 129. Село Большие Салы, улица Ленина, 15, конец XIX – начало XX в. Фотография 2019 г.



Рисунок 130. Село Чалтырь. Фотография 2018 г.



Рисунок 131. Село Чалтырь. Фотография 2018 г.



Рисунок 132–133. Село Чалтырь. Фотографии 2018 г.



Рисунок 134–135. Село Султан Салы. Приходская школа. Фотография 2018 г.

Новации в стилистике архитектуры поселений донских армян во второй половине XIX — начале XX в.

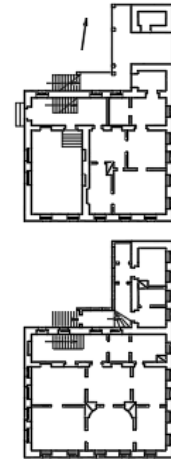


Рисунок 136. Дом Морозовых на углу ул. 28-я линия, 2 и ул. 2-я Соборная (ул. Ереванская), 6. А. Фотография 2018 г. Б. Планы по О. Х. Халпахчяну

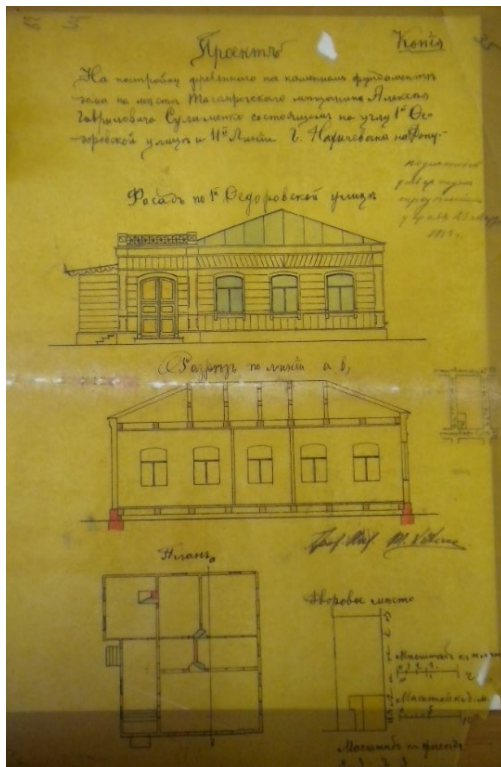


Рисунок 137. Проект на постройку деревянного на каменном фундаменте дома А. Г. Сулименко. 1883 (ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 343. Л. 35)

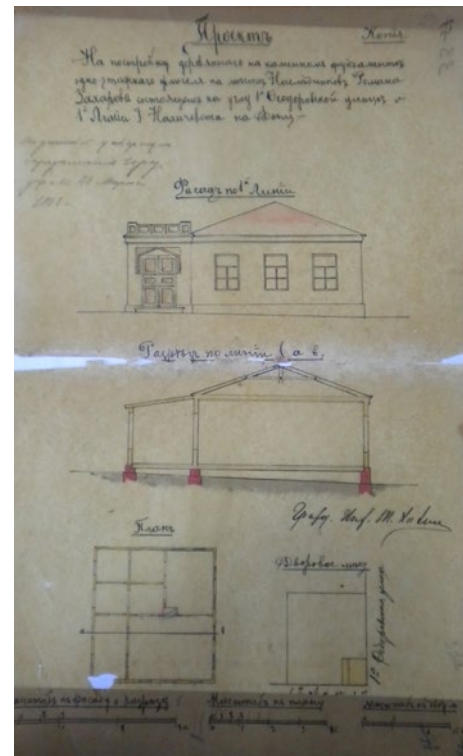


Рисунок 138. Проект на постройку деревянного на каменном фундаменте флигеля на месте наследников Р. Захарова на углу ул.1-й Федоровской и ул. 1 линии. 1882 г. (ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 343. Л. 33)

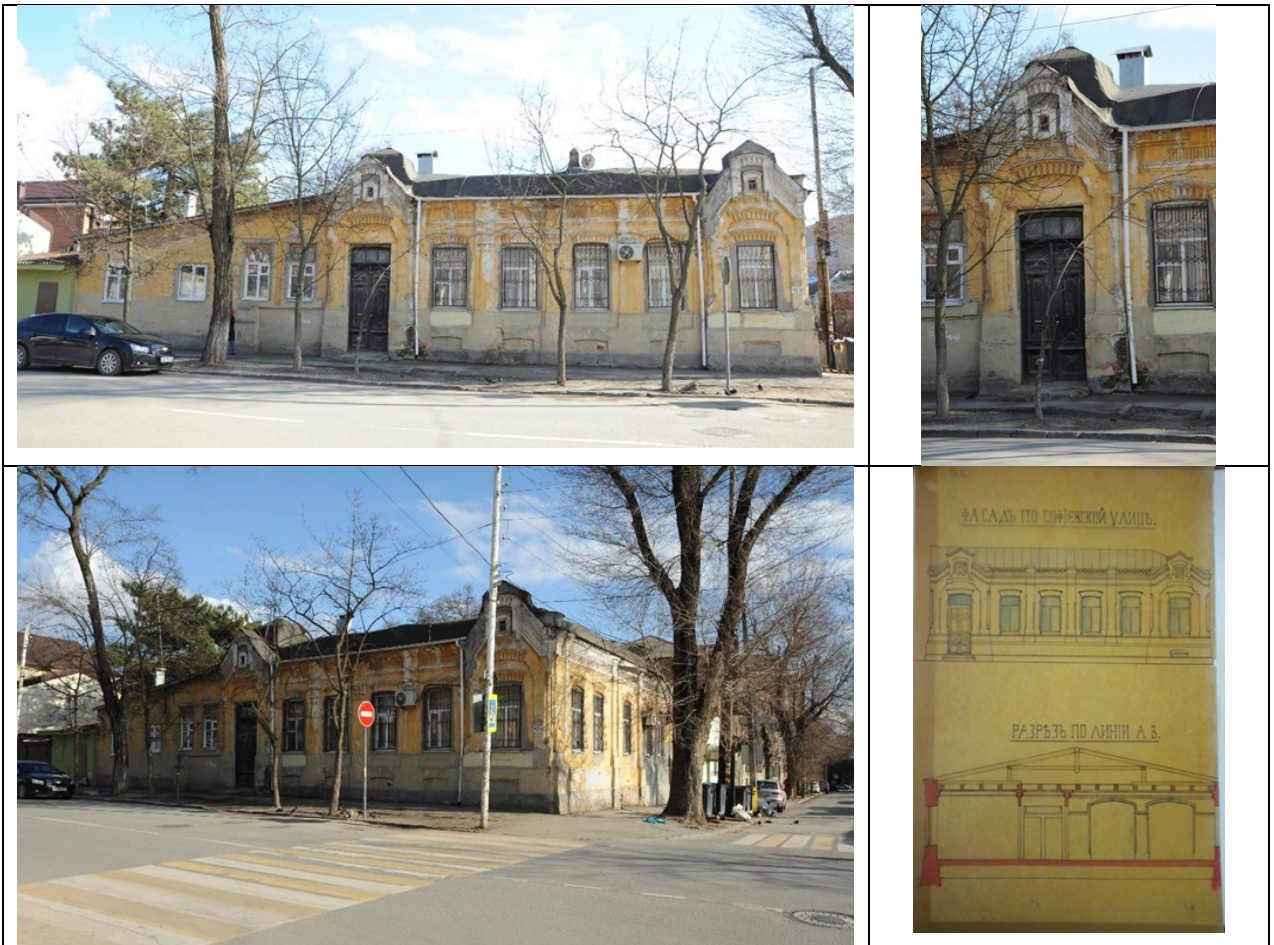


Рисунок 139. Ул. Майская, 42/ ул. 6 линия, 11. А–В. Фотографии 2018 г. Г. Проект на постройку дома (ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 345. Л. 1)



Рисунок 140. Одноэтажный дом К. Х. Атамановой ул. 14-я линия, 11. Фотография 2017 г.

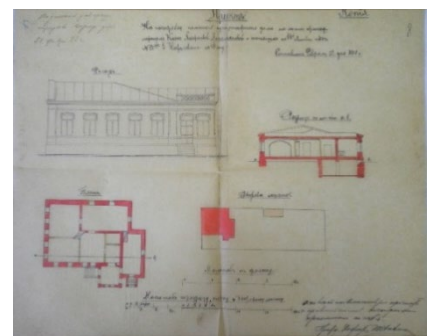
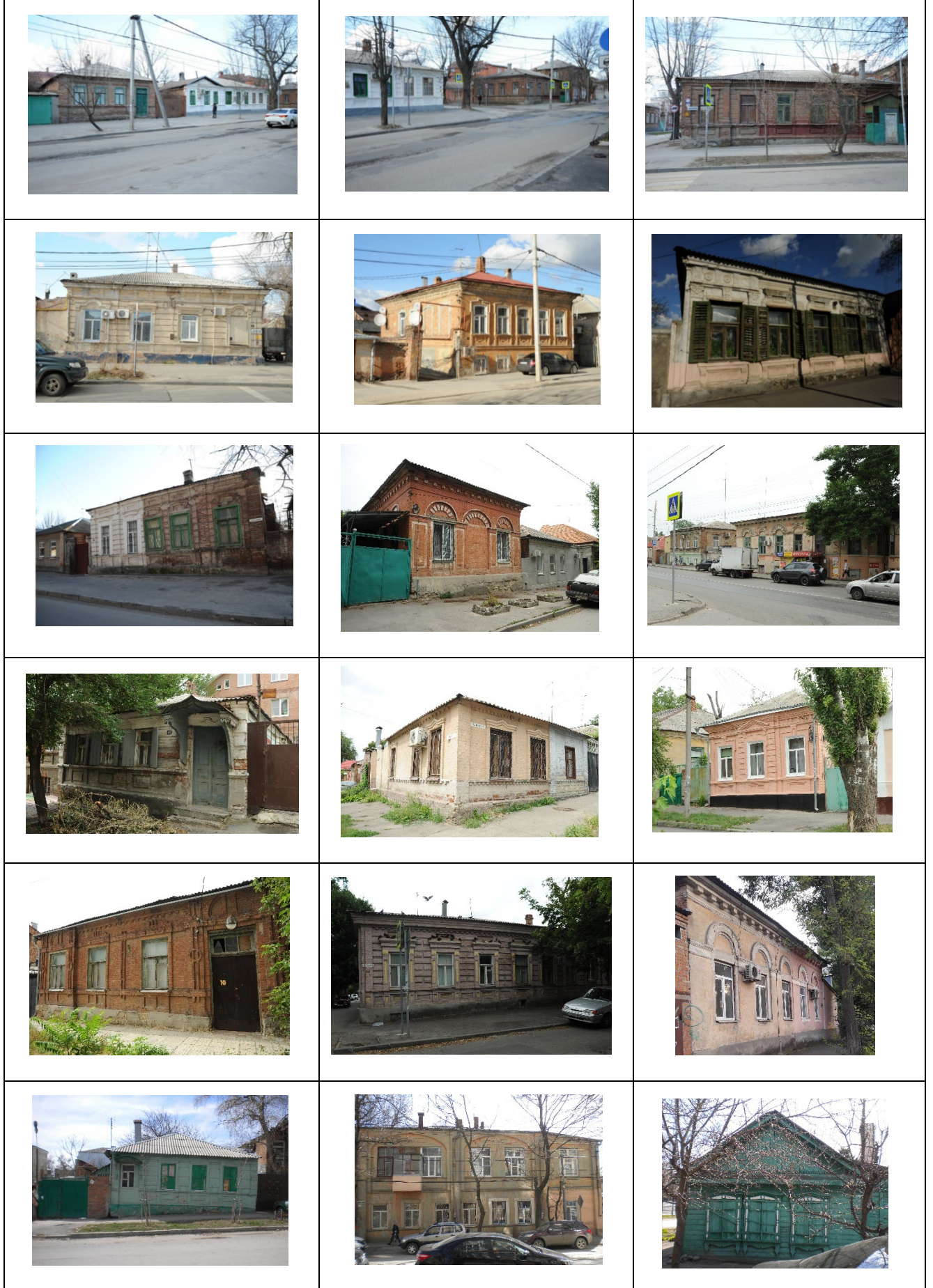


Рисунок 141. Проект на постройку каменного одноэтажного дома К. Х. Атамановой. 1883 г. (ул. 14 линия, 13) (ГАРО. Ф. 91. Оп.1. Д. 343. Л. 8.)

Таблица 14. Застройка Нахичевани-на-Дону. Фотографии 2017–2019 гг.



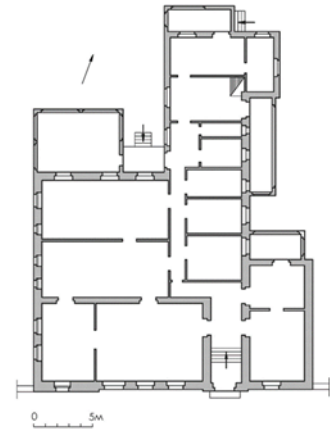


Рисунок 142. Дом Г. Чепрастова (ул. Мурлычева, 13). А. Фотография 2018 г. Б. План по О. Х. Халпахчьяну

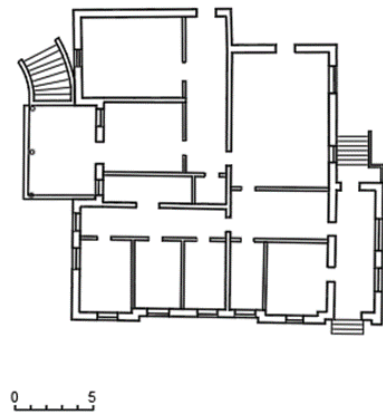


Рисунок 143. Особняк Чубарова на 21-й линии, 8, 1910–1911 гг. А. Фотография 2017 г. Б. Схема плана

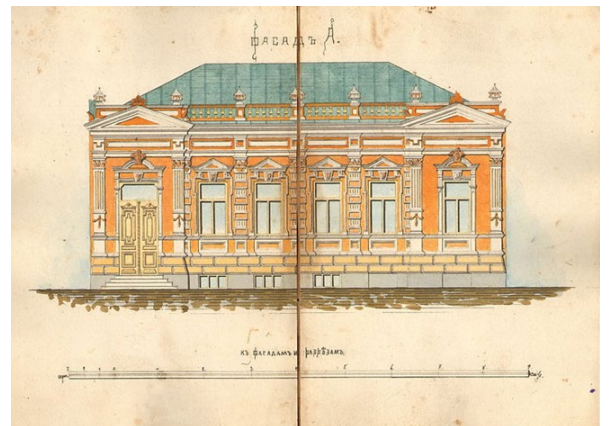
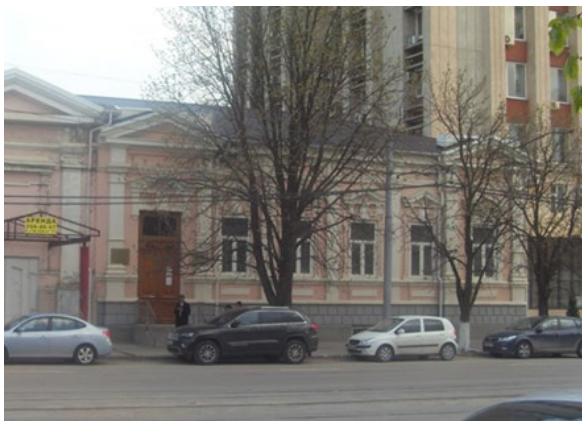


Рисунок 144. Дом Ф. С. Кечекьяна. Площадь Свободы, 4. Фотография 2017 г.

Рисунок 145. Фасад дома Ф. С. Кечекьяна. Площадь Свободы, 4. С сайта pastvu.com



Рисунок 146. А. Фасад дома Ф. С. Кечекяна. Б. План дома Ф. С. Кечекяна.

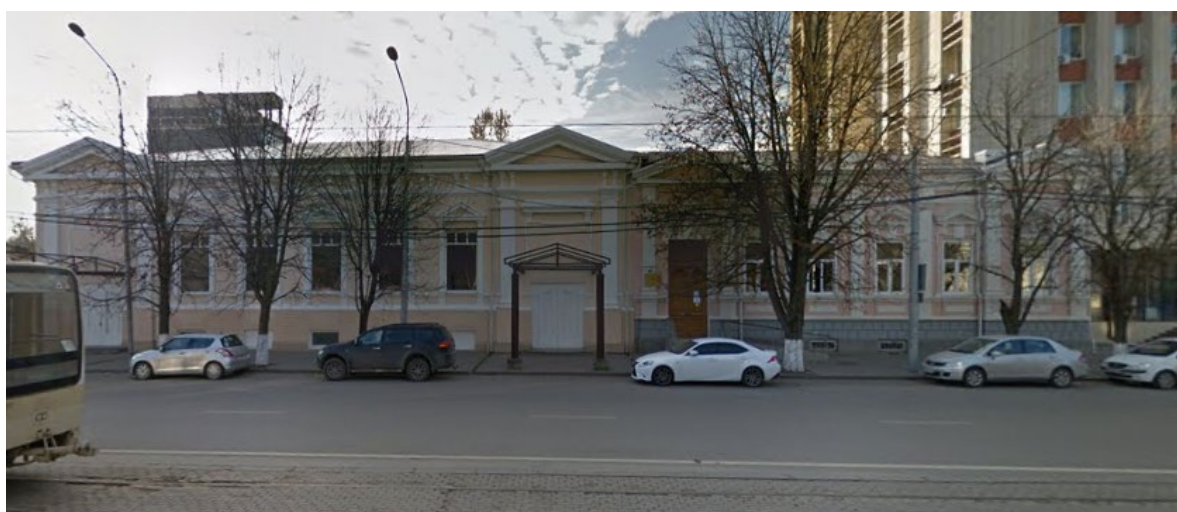


Рисунок 147. Дома А. Сагирова и Ф. Кечекяна на площади Свободы. Фотография 2017 г.



Рисунок 148. А. Жилой дом К.Е. Острянина. 4-я четв. XIX в. ул. Закруткина, 17. Фотография 2017 г. Б. Фрагмент фасада жилого дома К.Е. Острянина. Фотография 2017 г.

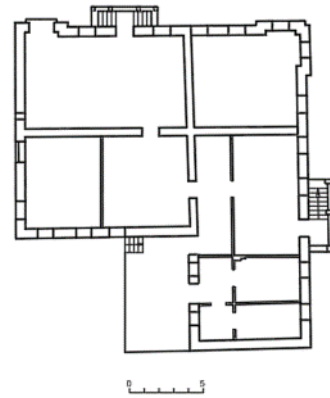


Рисунок 149. Дом на ул. Советской, 37/1. А. Фотография 2018 г. Б. Схема плана дома на ул. Советской, 37/1



Рисунок 150. Ул. Мурлычева, 43. Фотография 2018 г.



Рисунок 151. Особняк П. Хатранова. ул. Советская, 42/ 5 линия. Фотографии 2019 г.



Рисунок 152. А. Дом Р. Патканяна, ул. 17 линия, 3. Фотография 2017 г. (утрачен). Б. Фрагмент фасада дома Р. Патканяна





Рисунок 153. Дом архит. Григоряна, ул. Мырлычева, 22/20 линия, 11. Фотография 2017 г.



Рисунок 154. Дом архит. Григоряна. Дворовой фасад. Фотография 2019 г.



Рисунок 155. А, Б. Дом А. Когбетлиевой, нач. XX в. Закруткина 14/ 15 линия. Фотографии 2015, 2017 г.

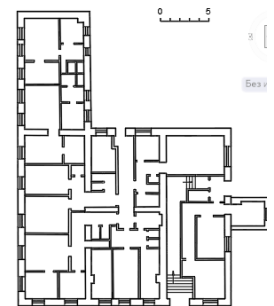
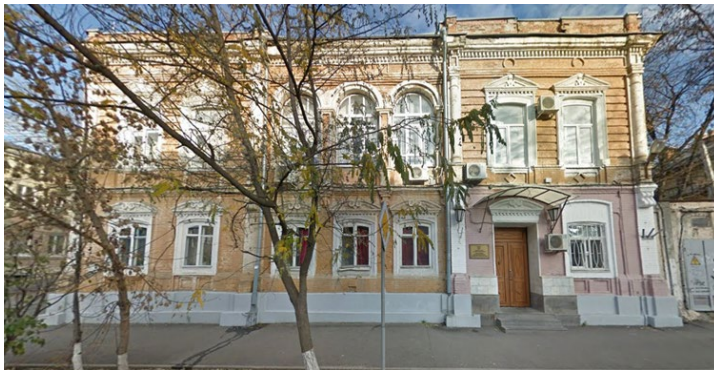
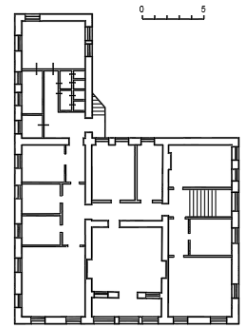
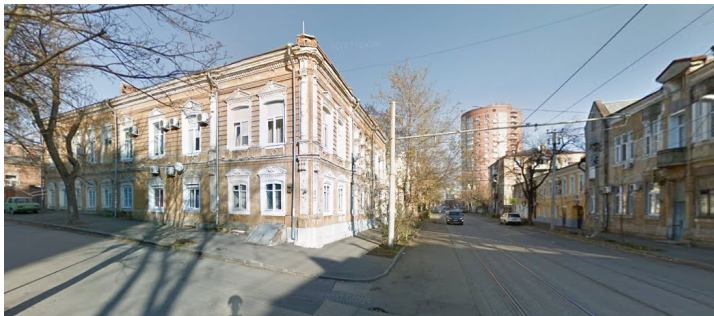


Рисунок 156. Дом, в котором жил архитектор А. Х. Закиев, последняя четв. XIX в. ул. Закруткина, 11 /15 линия, 11. А, Б. Фотографии 2018 г. В. Схема плана 1 и 2 этажей

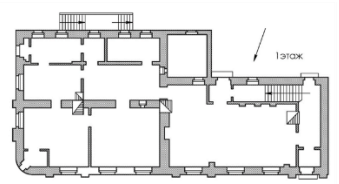
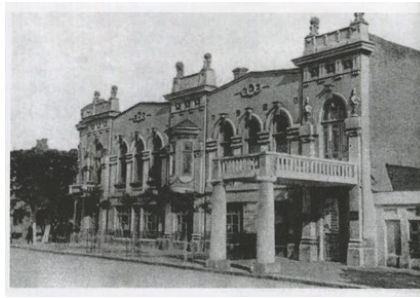


Рисунок 157. Особняк Гайрабетова, пл.Свободы, 14/2. А. Фотография 2019 г. Б. Фотография начала XX в. В. План первого этажа по О.Х. Халпахчяну

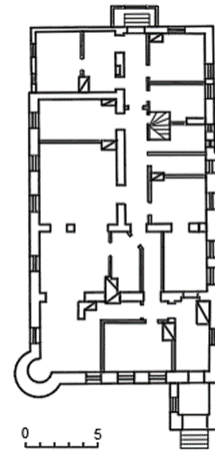


Рисунок 158. Дом М. Солопова, нач. XX в. ул. Мясникова, 25. А. Фотография 2018 г. Б. Схема плана

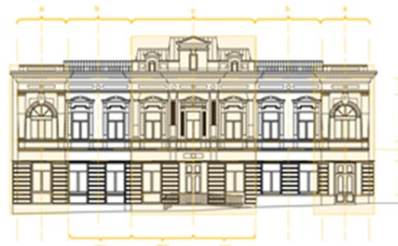
Таблица 15. Здания, построенные по проектам архитектора Н.Н. Дурбаха

Дом А. Когбетлиева

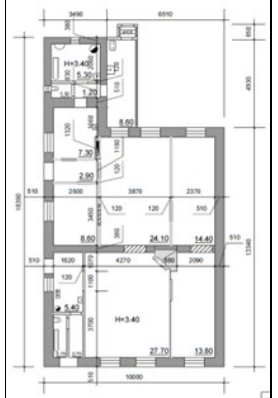
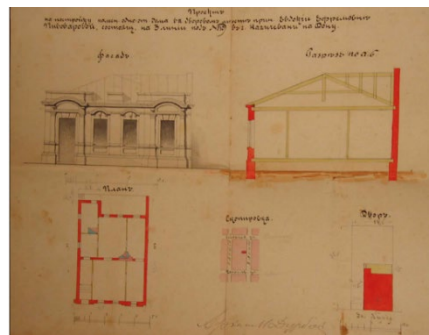


Продолжение таблицы 15.

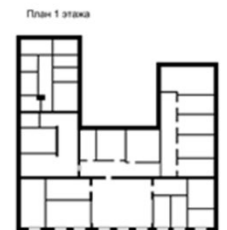
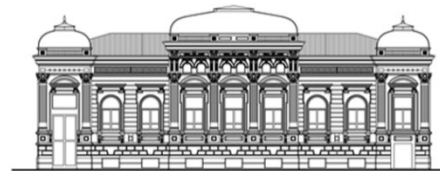
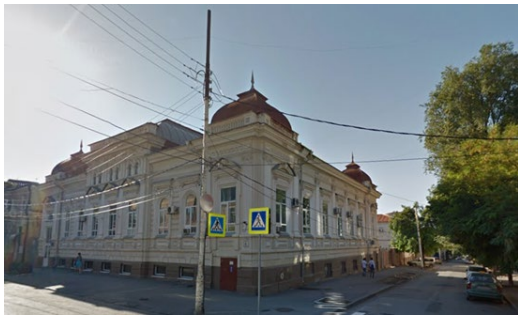
Дом Л. Попова



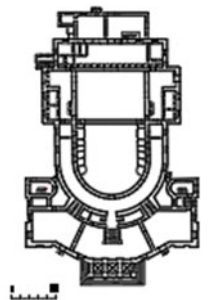
Дом Пивоваровой



Особняк Е. Красильникова



Здание Городского театра



Продолжение таблицы 15.

Фасады северной стороны Бульварной площади: Екатерининская гимназия; Городской театр; Здание городских училищ

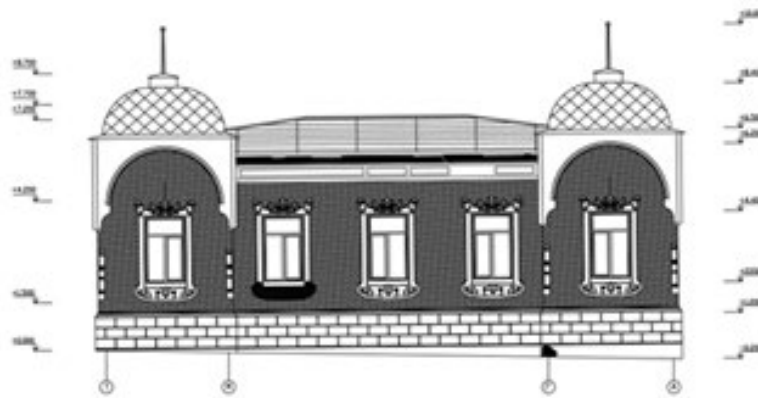
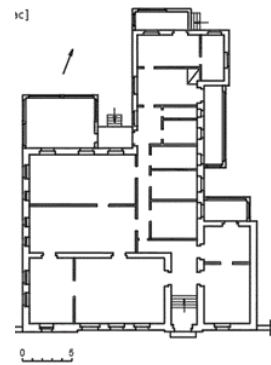
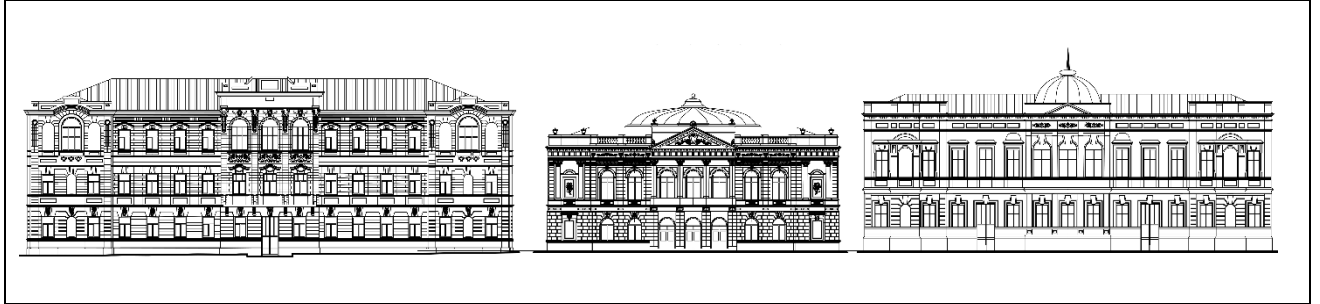


Рисунок 159. Дом Н. Ф. Чепрастова, ул. Майская, 32. А. Фотография 2017 г. Б. План В. Фасад.

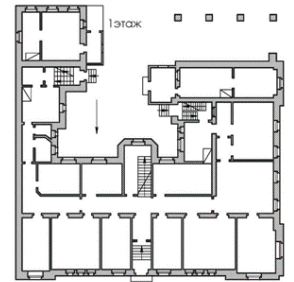


Рисунок 160. Дом М.С. Дабаховой, Советская, 17. Фотография 2018 г.

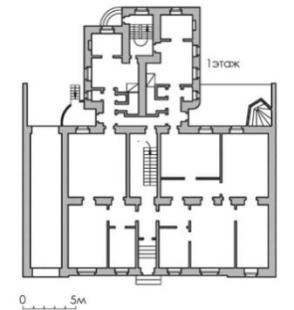
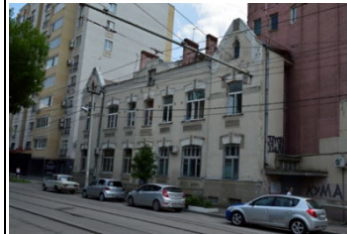
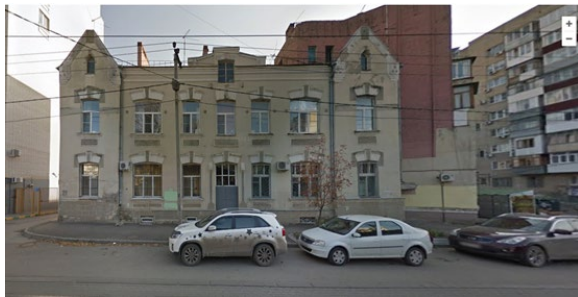


Рисунок 161. Дом К.К. Диланчянца (Доходный дом Туманова), ул. Советская, 32/ ул. 9-я линия, 1. Фотография 2019

Таблица 16. Творчество гражданского инженера А. Х. Закиева
 Особняк Аладжалова, ул. Закруткина, 12 / 15 линия, 13.



Фасад особняка Антонова, ул. Закруткина, 22.



Галереи, веранды, балконы в архитектуре Нахичевани-на-Дону



Рисунок 162. Дома, ул. Закруткина
 56/ 3 линия, 15. Фотография 2015 г.



Рисунок 163. ул. Рыбышева.
 Фотография 2018 г.



Рисунок 164.
 Фотография Источник
 ГБУКРО «Ростовский
 областной музей
 краеведения»



Рисунок 165. А, Б. Церковь Сурб Никогос (св. Николая (Никольская)). Нахичевань-на-Дону. Фотографии с сайта pastvu.com

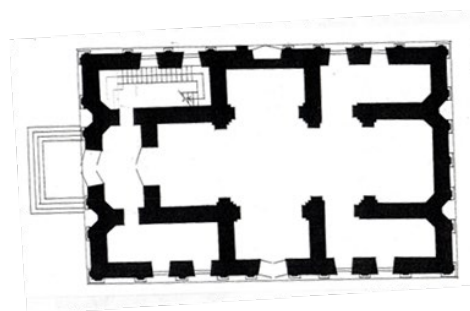


Рисунок 166. Церковь Сурб Карапет (Иоанна Предтечи). Фотография 2017 гг.

Рисунок 167. Схема плана церкви Сурб Карапет (Иоанна Предтечи)

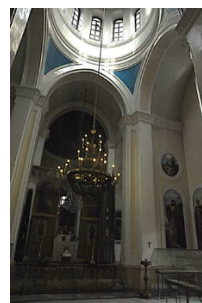
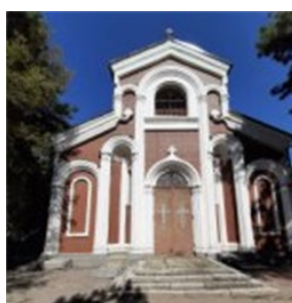
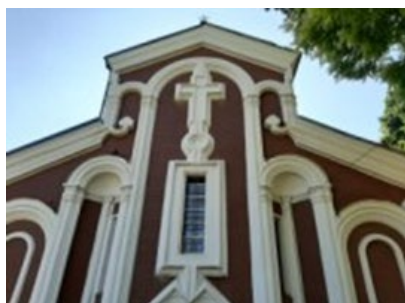


Рисунок 168–171. Церковь Сурб Карапет (Иоанна Предтечи). Фотографии 2017–2019 гг.



Рисунок 172. А, Б. Церковь Аменапркич (Всеспасителя) в с. Крым. Фотография 2018 г.

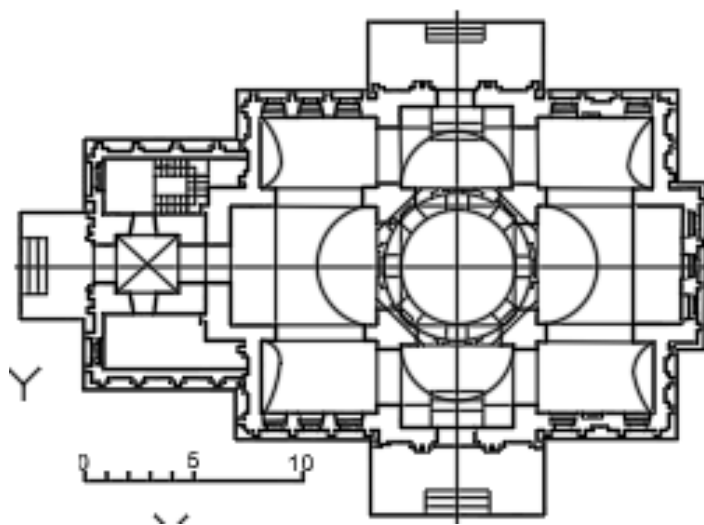


Рисунок 173. Схема плана церкви Аменапркич в с. Крым по О.Х. Халпахчяну. Чертеж автора